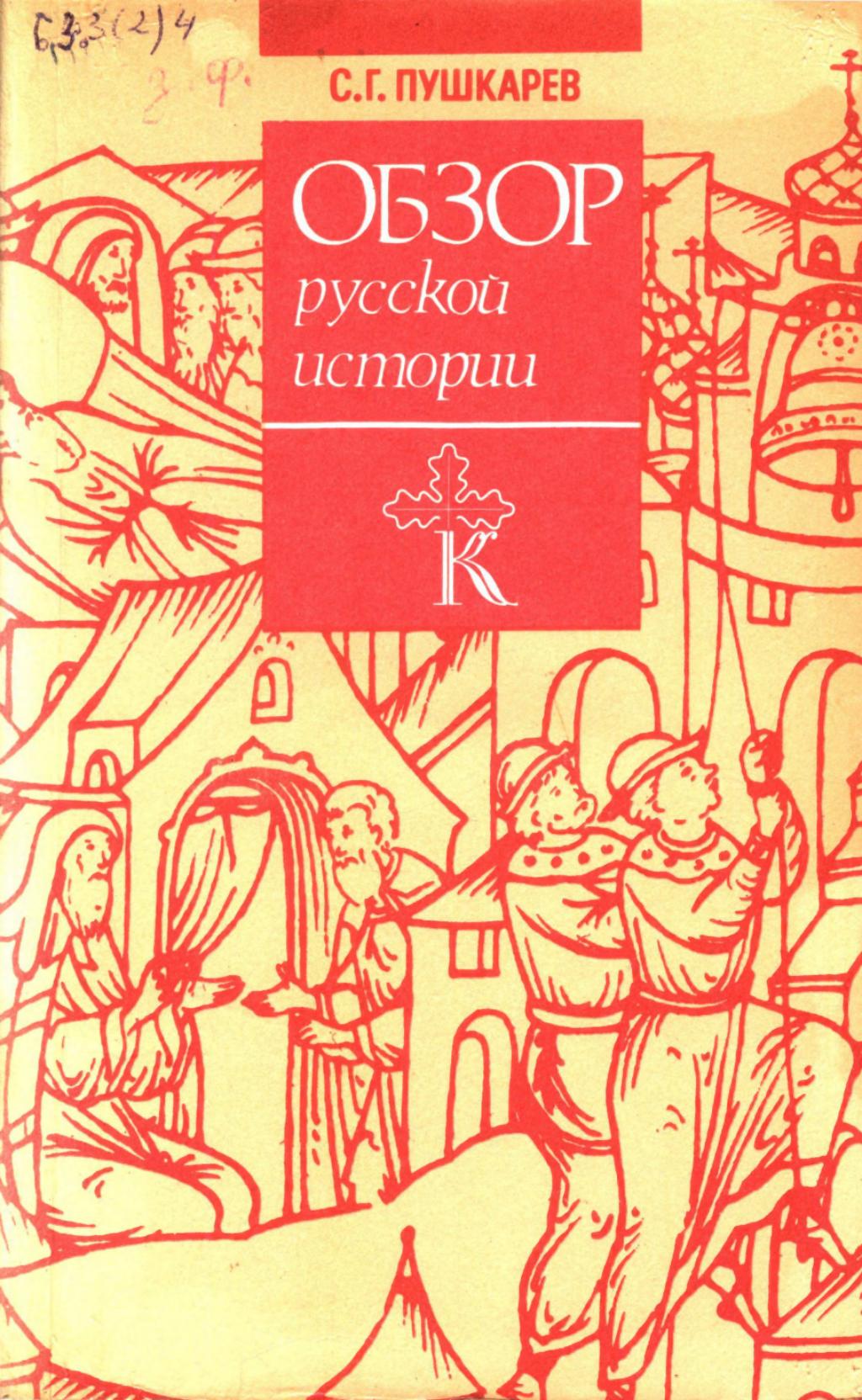

6.3.3(2)4
2. ф.
С.Г. ПУШКАРЕВ

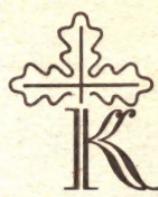
ОБЗОР русской истории

26. 1986
1986
Y. B. KHAN
1986

закраштой фонд

КАВКАЗСКИЙ
КРАЙ

A SURVEY OF RUSSIAN HISTORY

by

Sergei G. Pushkarev

Первое издание — 1953 г.

Второе издание — 1987 г.

в год преддверия великого
и славного торжества

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

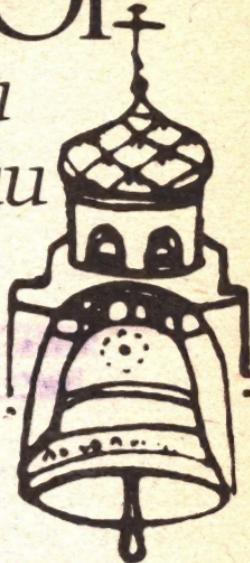
988—1988

ZARIA PUBLISHING
73 Biscay Road
London, Ontario, CANADA
N6H 3K8

С.Г. ПУШКАРЕВ

ОБЗОР

русской
истории

СТАВРОПОЛЬ
«КАВКАЗСКИЙ КРАЙ»
1993

ББК 63.3(2) *4* > 25
П 91

Художник С. Е. Майоров

Пушкарев С. Г.
П 91   Обзор русской истории.— Ставрополь: Кавказский
край, 1993.— 416 с.
ISBN 5-86722-187-3

Основываясь на исторических источниках и используя труды известных историков В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, С. М. Соловьева и др., автор книги представляет хронологический обзор периода от образования Киевской Руси до падения монархии в феврале 1917 г.

Беспристрастность повествования дает иной взгляд на ряд исторических событий, известных нам ранее.

Книга Пушкарева С. Г. побуждает к более глубокому изучению истории государства Российского.

-463257

П 0503020000
Ю 91 (03) – 93   Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-86722-187-3

Издательская лицензия л 060043

© Оформление. Издательство
«Кавказский край», 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга заключает в себе обзор политической и социальной истории русского народа. Истории русской духовной культуры и просвещения я касаюсь лишь вкратце. Истории русской церкви я касаюсь постольку, поскольку церковь в допетровской Руси была тесно связана со всей общественной и государственной жизнью русского народа. Более подробно, чем это принято в учебниках и общих обзорах, я излагаю историю русского крестьянства. При изложении событий внешней истории я ограничиваюсь только упоминанием главнейших сражений каждой войны, но не даю подробного описания военных действий; более подробно я излагаю условия мирных договоров, ибо в общем ходе истории результаты каждой войны более важны, чем ход военных операций. В моем обзоре не оказалось места для биографий крупных исторических деятелей, за исключением Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины II, биографии которых слишком тесно и неразрывно связаны с жизнью всего государства.

В своем изложении я принимаю во внимание труды наиболее авторитетных и заслуженных русских историков, как С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, М. М. Богословский, М. А. Дьяконов, М. В. Довнар-Запольский, А. А. Корнилов, А. Е. Пресняков, Г. В. Вернадский и др., — и нередко привожу цитаты из их трудов (особенно часто приходится цитировать яркие и выразительные суждения и оценки В. О. Ключевского). Однако в большей мере, чем это обычно имеет место в учебниках и общих обзорах, мое изложение основано непосредственно на свидетельствах исторических источников — летописей, договоров, законов, сочинений современников и т. д. Я хочу, чтобы читатель моей книги воочию видел нашу

древность и сам слышал ее голос; свидетельства наших исторических источников часто бывают так красочны, так выразительны, что читателю, я думаю, лучше читать их в подлиннике, чем в моем пересказе. Там, где летописные цитаты довольно обширны, я «перевожу» их на современный русский язык, краткие же цитаты я привожу в языке подлинника. Я прошу читателя принять во внимание, что эта книга написана не для *развлечения*, а для *поучения*, и я уверен, что если он мужественно преодолеет первые 10 страниц 1-й главы, он уже больше не будет бояться летописных цитат.

В своем изложении я стремлюсь быть совершенно объективным «докладчиком», но не прокурором и не адвокатом нашего историческою прошлого; я не окрашиваю его ни в черный, ни в нежно-розовый цвет! Я не стараюсь втиснуть факты нашей истории в рамки какой-либо исторической или социологической схемы,— я даю лишь фактическое изложение исторических событий и описание политического и социального строя в каждом периоде.

В заключение считаю своим долгом принести мою искреннюю благодарность Издательству имени А. П. Чехова за предоставленную мне возможность выпуска в счет настоящего труда, и моему сыну Борису, оказавшему мне весьма существенную помощь при подготовке к печати этой книги. Не могу не помянуть добрым словом прекрасную библиотеку Yale'ского университета, сокровищами которой я пользовался для моей работы.

Я посвящаю эту книгу русскому юношеству и моим бывшим слушателям в беженском лагере Пюртен (Бавария).

C. Пушкарев

New Haven. Conn. 1953

ВВЕДЕНИЕ

1. *Природа страны и ее влияние на ход русской истории.* Великая Русская, или Восточно-Европейская равнина занимает огромное пространство от р. Вислы и Балтийского моря до Уральских гор и от берегов Северного Ледовитого океана до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей. Характерными свойствами этой равнины является ее континентальный характер, сравнительная краткость береговой линии и отсутствие внутренних естественных границ в виде гор и горных хребтов. Далее, весьма важной особенностью Русской равнины является густая сеть многоводных, медленно текущих и извилистых рек, со множеством притоков и с взаимной близостью речных бассейнов.

В отношении почвы и растительности Русская равнина разделяется на несколько полос или зон. На Крайнем Севере по побережью Ледовитого океана тянется, расширяясь по направлению с запада на восток, полоса тундры, огромное пространство, покрытое болотами, мхами, мелким кустарником или карликовыми деревьями, находящееся большую часть года подо льдом и снегом и совершенно непригодное для земледелия. Далее к югу, приблизительно до линии Киев — Орел — Казань идет лесная зона, покрытая в древности «дремучими», «непроходимыми» лесами, хвойными и лиственными; почву этой полосы обра-зуют преимущественно суглинок и супесок. — Далее к югу следует переходная полоса лесостепи, причем пространство между 54-м и 51-м градусом северной широты приблизительно совпадает с полосой наиболее глубокого и наиболее мощного чернозема. — Далее к югу идет степная полоса, плодородная и удобная для земледелия, но безлесная. — Наконец, в юго-восточном углу Русской равнины, на северном побережье Каспийского моря, находится

область пустыни, бесплодные солончаки и песчаники, совершенно непригодные для обработки.

Континентальный климат средних областей России характеризуется жарким, но сравнительно коротким летом, с непродолжительным растительным периодом, и долгой, холодной и суровой зимой с глубоким снежным покровом и снежными метелями. Благодаря этому обитатель этих областей — крестьянин-великоросс «приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил и привыкал работать скоро, лихорадочно и споро» (Ключевский), но потом в течение долгого осеннего и зимнего времени темп его работы становился значительно ослабленным и замедленным...

Три основные стихии русской природы — лес, река и степь — играли важную роль в жизни народа и оказывали разностороннее влияние на ход русской жизни.

Лес был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII века «жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины» (Ключевский). Лес оказывал русскому человеку множество хозяйственных услуг. Он снабжал его строительным материалом и топливом, а также материалом для хозяйственного обзаведения, для домашней обстановки и для посуды; лес давал русскому мужику липовую кору для изготовления его традиционной обуви — лыковых лаптей; жители лесных областей «курили» смолу, «гнали» деготь и занимались множеством разного рода кустарных промыслов. Но особенно важную роль в хозяйстве жителей лесных областей играли два промысла: охота, или звероловство, и лесное пчеловодство. Крупные звери и животные давали охотникам и их семьям мясо и теплую одежду, а ценные шкурки мелких пушных зверей служили для них источником дохода, своего рода «валютой», исполняющей роль орудия обмена (слово «куны» до XIII—XIV вв. употреблялось в значении: деньги). Лесное пчеловодство, или «бортничество»¹, также было весьма важным промыслом в Древней Руси; когда не было известно производство сахара, мед употреблялся для изготовления сладких кушаний и любимого напитка. Воск требовался в огромном количестве для изготовления церковных свечей. В общем ходе русской истории лес сослужил русскому человеку и великой политической службе: «Лес служил самым на-

¹ «Бортью» называлось дупло большого дерева, в котором жили лесные пчелы.

дежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Само государство, первый опыт которого на границе со степью не удался по вине этого соседства, могло укрепиться только на далеком от Киева севере под прикрытием лесов со стороны степи» (Ключевский).

Наконец, лес оказывал русским людям услуги религиозно-нравственного характера: в тяжелые времена татарского ига, в эпоху политического гнета извне и морального упадка внутри общества благочестивые люди, стремившиеся уйти от мирских соблазнов, суеты и грехов, уходили в лесную «пустыню», строили себе там кельи и скиты и жили долгие годы в уединении и безмолвии; впоследствии к ним присоединялись другие ревнители «пустынножительства» и устраивали обители, которые потом становились центрами и опорными пунктами русской колонизации первобытных лесных пространств.

Однако не легка и не безопасна была жизнь русского человека в этом море лесов. От него требовалась тяжелая и напряженная работа для расчистки леса под пашню, а оставленное без обработки пространство быстро снова покрывалось лесною порослью. Лес грозил русскому крестьянину нападением диких зверей на него или на его скотину; непонятные лесные звуки пугали его воображение, принимались за крики и стоны «лешего»; потеря лесной тропинки грозила опасностью безнадежно заблудиться («в темном лесу»), и все это приучало его «смотреть в оба», быть внимательным, осторожным и — недоверчивым.

Велико и благотворно было историческое значение русских рек. Они не только кормили русского человека своими обильными рыбными запасами, но они предоставляли в его распоряжение густую и удобную сеть летних и зимних путей сообщения. Летом реки были покрыты множеством речных судов, начиная от маленьких рыбачьих лодок и кончая большими военными и торговыми кораблями, с несколькими десятками воинов или с тяжелым купеческим грузом. А зимой по прочной и гладкой ледяной дороге глубоко замерзающих русских рек тянулись санные обозы со всевозможными грузами. По рекам шла русская колонизация, по берегам рек строились города, села, маленькие деревушки, рыбачьи и охотничьи хижины. Взаимная близость речных бассейнов способствовала общению и сближению населения различных областей. Русский человек искони любил свою реку, «жил с нею душа в душу» (Ключевский) и в песнях своих воспевал свои реки.

Речные пути в Древней Руси имели не только местное, но и крупное международное значение. Наиболее важным из этих путей был знаменитый великий водный путь «из варяг в греки», как его называет наша летопись, т. е. путь из Скандинавии в Византию; он шел из Финского залива по р. Неве в Ладожское озеро, далее по р. Волхову в озеро Ильмень, далее по р. Ловати, потом мелкими речками и «волоком» он шел к верховьям Днепра и по Днепру — в Черное море. Линия Днепра — Волхова и послужила тем стержнем, политическим, экономическим и культурным, тою осью, вокруг которой образовалась «земля Русская». Другой важный путь шел на юго-восток по Волге в землю волжских болгар и в Хозарское царство, а далее — в Каспийское море.

Третья стихия русской природы — степь, широкая, раздольная и безбрежная — в течение долгих веков была для русского народа вечной угрозой и постоянным источником опасностей, нашествий и разорения. Через так называемые «ворота народов» — открытое пространство между Уральскими горами и Каспийским морем — почти непрерывным потоком вливались в южнорусские степи волны кочевых азиатских народов: гунны (IV—V вв), далее авары, «угры» (венгры), болгары, хозары, потом (с X в.) печенеги, торки, половцы и, наконец, татары. Все эти азиатские орды подвергали русские земли опустошительным нашествиям и вынуждали русский народ истощать свои силы в непрерывной тяжелой борьбе. Эта «борьба со степным кочевником... длившаяся с VIII почти до конца XVII в., — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа... это такое обстоятельство, которое может покрыть не один европейский недосчет в русской исторической жизни» (Ключевский).

2. Исторические судьбы Русской равнины до образования русского государства. Уже в VII—VI вв. до Р.Х. энергичные и предприимчивые греки основали множество своих колоний по берегам Средиземного, Черного и Азовского морей. Важнейшими греческими колониями на северном побережье Черного моря и в Приазовье были: Ольвия (при устье Буга); в Крыму — Херсонес (Корсунь русской летописи, близ нынешнего Севастополя), Феодосия (Кафа), Пантикопея на Керченском проливе, который у греков носил название Боспора Киммерийского; на Таманском полуострове Финагория (Таматарха, позднее русское Тымуторокань); Танаис — при устье Дона. Панти-

капея сделалась важным политическим центром; в течение нескольких столетий она была столицей так называемого Боспорского царства, которое занимало довольно значительную территорию по обеим сторонам Керченского пролива и простипалось до предгорий Кавказа. Боспор, Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и вели крупную торговлю с другими странами, в частности, они снабжали Аттику зерном и сырыми продуктами, которые они скупали в огромном количестве у соседних скифов-земледельцев.

Знаменитый греческий историк Геродот (в V в. до Р. Х.) посетил Ольвию и оставил нам в своей Истории описание страны и населения южной полосы Русской равнины. Страна эта была в то время занята народом, который греки называли *скифами*; Геродот различает скифов-земледельцев (в среднем и южном Поднепровье) и кочевников (далее к востоку). Этнический характер скифов не ясен; можно полагать, что названием «скифов» греческие писатели обозначали вообще население южно-русских степей, состоявшее из разных этнических элементов.

Во втором столетии до Р. Х. новые племена, иранского происхождения, являются в южнорусские степи и занимают здесь господствующее положение: это были *сарматы*, затем аланы и роксаланы. Во II—III вв. до Р. Х. в южнорусские степи явились с южного побережья Балтийского моря германские племена *готов*. В IV в. их вождь Германарих образовал большое царство от Дуная до Дона и Кубани, подчинив готской власти обитавшие здесь разноплеменное население.

Готское царство скоро было разрушено вторжением из Азии сильной и многочисленной монгольской орды *гуннов*, которые появились в южнорусских степях около 375 г., оттеснили готов на запад и заняли своими кочевьями пространство между Волгой и Дунаем. В середине V в. гунны, под предводительством своего знаменитого вождя Атиллы, подвергли опустошительному нашествию многие европейские страны и дошли до пределов нынешней Франции, но после поражения на Каталаунских полях (451 г.) и смерти Атиллы (453) гуннское царство быстро распалось.

На смену гуннам в VI в. явилось в южнорусские степи новое монгольское племя *аваров* («обры» по русской летописи), но его господство здесь было непрочно и непродолжительно.

Им на смену в VII—VIII вв. явились новые азиатские орды — угрев (венгров), болгар и хозар. Угры, недолго задержавшись в южнорусских степях, прошли в долину Дуная, где и основали свое национальное государство.

Многочисленная орда *болгар* разделилась: часть из них двинулась на юго-запад, на Балканский полуостров, и заняла область к югу от Дуная, где смешалась с жившим здесь славянским населением и образовала Балканское болгарское царство; другая часть двинулась на северо-восток и заняла область средней Волги и Камы, где образовала свое государство, просуществовавшее до завоевания, его татарами (1236 г.) Столицей этого царства волжских болгар был город Булгар (или Болгары), сделавшийся важным торговым центром в международной торговле с Востоком. Потомками волжских болгар являются нынешние *чуваши*.

Хозары (хозары) образовали в XIII—IX вв. обширное государство («каганат»); его границею на юго-востоке были Кавказские горы, а на западе оно простипалось до области нижнего и среднего Поднепровья; одно время славянские племена полян, северян, родимичей и вятичей подчинялись хозарам и платили им дань. Под властью хозарского кагана соединялись люди разных племен и религий. Высшее сословие хозарского царства, во главе с каганом, в IX в. приняло иудейскую веру; остальная часть населения исповедовала частью ислам, частью христианство или продолжала держаться язычества. Столицей хозарского царства в эпоху его расцвета был город Итиль (на Волге). Хозарское царство вело обширную международную торговлю, служа посредником в торговых сношениях между Западом и Востоком. Итиль и Саркел (на Дону) «были громадными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане» (Платонов). Под прикрытием и под покровительством хозарской власти и русские славяне вели оживленную торговлю с Арабским Востоком: следами этой торговли служит множество находимых в русских кладах арабских монет (дирхемов), относящихся главным образом к VIII—X вв. В X. в. начинается ослабление хозарского царства вследствие внутренних неурядиц и тяжелой борьбы с новыми азиатскими пришельцами — печенегами. В 60-х годах X в. великий князь Киевский Святослав подверг хозарское царство военному разгрому, после которого оно уже не оп-

равилось и в XI в. прекратило свое политическое существование.

В то время как южная часть Великой Русской равнины была полна жизни, движения и постоянных этнических и политических перемен, ее северные и центральные области, покрытые дремучими лесами и редко населенные финскими племенами, долгое время пребывали в «сумерках истории».

3. *Колонизация славянами Восточно-Европейской равнины.* «Переселения, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты. Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны» (Ключевский). В самом деле, тысячелетняя история России представляет собой последовательное движение русско-славянского племени из юго-западного угла Великой Русской равнины по направлению на север и восток, движение, то прерываемое враждебными обстоятельствами, то снова возобновлявшееся и продолжавшееся до тех пор, пока поток русской колонизации не достиг на севере берегов Ледовитого океана и на востоке берегов Тихого океана. С конца XVIII в., в результате военных успехов в борьбе с турками и татарами становится возможным и южное направление русской колонизации, ведущее к заселению Причерноморья и Приазовья.

Современные ученые полагают, что историческими и этническими предшественниками русских славян были упоминаемые древними писателями племена *антов*, жившие в Приазовье, Причерноморье и Поднепровье в первые века до Р. Х. Другие названия антов — асы и рухс-асы («светлые асы») сближаются с названием роксаланов и с племенным названием «русь» или «рос»² (Вернадский). Во всяком случае, это название было известно на юге раньше

² Ученые «норманнской школы», в согласии с показанием автора начальной русской летописи, считают, что «русью» первоначально называлось одно из скандинавских племен, к которому принадлежал князь Рюрик со своею дружиною, и сопоставляют слово «русь» со словом «круотси», которым финны называли норманнов-мореплавателей. В общем вопрос о происхождении названия «Русь» не получил до сих пор ясного и бесспорного решения. Бессспорно только то, что в X—XI вв. Русской землей называлось преимущественно среднее Поднепровье, земля киевских полян, и отсюда это название в течение XII—XIII вв. распространялось на другие области, занятые различными племенами восточных славян.

прихода Рюрика с его варягами в Новгородскую область (середина IX в.). Уже в VIII в. норманны («варяги» в русской летописи) проникли на Азовское побережье: в VIII—IX в. здесь образовалось славянско-варяжское княжество, или «русский каганат» (Вернадский). Город Тьмуторокань стал важным политическим и торговым центром этого государства. В начале и в середине IX в. эта Приазовская Русь совершила набеги на византийские владения. По свидетельству константинопольского патриарха Фотия (867 г.), Русь в это время обратилась в христианство и приняла греческого епископа. В конце IX в. Приазовская Русь должна была подчиниться власти хазарского хана. В XI в. Тьмуторокань является столицей особого русского княжества, но в конце этого столетия она падает под ударами новых азиатских пришельцев — половцев.

Исходным пунктом славянской колонизации Великой Русской равнины явился ее юго-западный угол, именно Прикарпатский край. Здесь в VI в. мы встречаем большой военный союз славян под предводительством князя дуле-бов, но это политическое объединение не было долговечным; в конце VI в. авары победили и «примучиша» дуле-бов. В течение VII и VIII вв. славянское население «растекается» постепенно по необъятной Русской равнине и прежде всего занимает обширную область, расположенную по линии Днепра — Волхова. В IX—X вв. мы находим к западу и к востоку от этой линии следующие славянские племена: юго-западную часть Восточно-Европейской равнины занимали уличи и тиверцы, «сидевшие» по р. Днестру до Черного моря; «белые» хорваты расположились в предгорьях Карпат; дуле-бы, волыньяне, бужане (эти три племени летописец считает за одно) — в восточной Галиции, на Волыни и по Западному Бугу; по западному берегу среднего Днепра расположились поляне; к северу от них по реке Припяти (в Полесье) — древляне; еще дальше к северу — между Припятью и Березиной — дреговичи; на восточном берегу среднего Днепра, по Десне с ее притоками — северяне; по р. Сожи — радимичи; по р. Оке — вятичи, самое восточное из славянских племен; северо-западную часть русско-славянской территории занимало многочисленное племя кривичей, сидевшее в Верховьях Волги, Днепра и Зап. Двины, и разделявшееся на ветви кривичей полоцких, смоленских и псковских; наконец, северную русскую группу составляли славяне ильменские (или новгородские), занимавшие территорию вокруг оз. Ильменя и по обоим берегам р. Волхова.

Таким образом, к IX—X вв. восточнославянские племена заняли западную часть Великой Русской равнины, от Черноморского побережья на юге до Финского залива и Ладожского озера (оз. «Нево») на севере. Проходящий с севера на юг по этой территории великий водный путь «из варяг в греки» (т. е. по линии Волхова — Днепра) на несколько веков сделался главным стержнем экономической, политической, а потом и культурной жизни восточного славянства. «Днепр был главной хозяйственной артерией, столбовой дорогой для западной полосы равнины... Притоки Днепра, издалека идущие справа и слева, как подъездные пути магистральной дороги, приближают Поднепровье, с одной стороны, к карпатским бассейнам Днестра и Вислы, с другой — к бассейнам Волги и Дона, т. е. к морям Каспийскому и Азовскому... Благодаря этому по Днепру с незапамятных времен шло оживленное торговое движение, толчок которому был дан греками». Занявшие Поднепровье восточнославянские племена оказались втянутыми в это движение, которое «вызывало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны... С тех пор меха, мед и воск стали главными статьями русского вывоза» (Ключевский).

Следствием оживленного торгового движения было возникновение древнейших торговых городов на Руси (которое мы можем отнести к VIII веку, т. е. ко времени до прихода варяжских князей). Эти города были Киев, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород Великий, Псков, Полоцк, Витебск, Ростов. Большинство этих городов вытянулось длинной цепью или прямо по главному водному пути, по линии Днепра — Волхова, или по сторонам этого пути, недалеко от него; только Ростов (в области верхней Волги) выдвинулся далеко к востоку.

Города эти служили для окрестных округов торговыми центрами, а затем сделались и опорными пунктами. Бу碌чи должным образом укреплены и создав в своей среде военную организацию для защиты от внешних опасностей, города эти подчинили себе окрестные области и таким образом создали первую политическую форму на Руси — городовые области, или «волости». Это городовое деление не имело племенного происхождения и не совпадало с ним. Там, где в пределах территории одного племени возникали два больших города, оно разрывалось на две области; там, где данное племя не принимало активного участия в торговом движении и где не было ни одного большого города, там не образовывалось особой области

и данное племя входило в состав области чужоплеменного города. Так, область Киевская, или Полянская, уже в IX в. включала в себя всех древлян; область Чернигово-Северская включала в себя части северян, родимичей и вятичей; Новгородская область составилась из славян ильменских и части кривичей; Полоцкая — из западной части кривичей и северной части дреговичей; Смоленская — из восточной части кривичей со смежной частью радимичей. Таким образом, в начале русской истории племенное деление не играло существенной роли и скоро отступило на второй план в ходе политического и хозяйственного развития страны.

4. Быт, нравы и верования русских славян до образования Киевского государства и до принятия христианства. До расселения славянских племен по Русской равнине они, по-видимому, жили еще в формах так называемого патриархального или родового быта. Родовые старейшины имели большую власть каждый в своем роде: они разбирали и решали споры и столкновения между членами рода; если же кому-либо из родичей была нанесена обида от чужеродцев, то родичи должны были отомстить обидчику (за убийство родичи мстили убийством, так называемая «кровная месть»). Если возникали вопросы, касающиеся всего племени, особенно в случаях внешней опасности, родовые старейшины собирались на совет и иногда выбирали общих предводителей, власть которых прекращалась после того, как опасность миновала.

Однако этот примитивный патриархально-родовой быт начал быстро разлагаться по мере того, как славяне расселялись в Поднепровье и далее — на север и восток.

«В этом пустынном лесистом kraю пришельцы занялись ловлей пушных зверей, лесным пчеловодством и хлебопашеством. Пространства, удобные для этих промыслов, не шли обширными сплошными полосами... Такие места являлись удаленными один от другого островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы и ставили свои одинокие дворы, окапывали их и расчищали в окрестностях поля для пашни, приспособляя в лесу борти и ловища» (Ключевский). Границы владений каждого двора определялись впоследствии стереотипным выражением: «куда топор и коса и соха ходили»... Однако трудные условия жизни и хозяйства — необходимость расчищать пашни из-под леса («поднимать новину»), охота на хищных зверей и т. д. — не допускали чрезмерного дробления

сил. Типичной формой славянских поселений становятся небольшие деревни — в один, два, три двора, а основной ячейкой общественной организации становятся сложные семьи во главе с домохозяином (типа югославянской «задруги»), включающие нескольких родственников, а нередко и посторонних лиц, принятых в хозяйство. Несколько таких поселков или задруг-дворищ объединились в союзы («верви» «Русской Правды»), но это были уже союзы не кровные, а территориальные, соседские, связанные экономическими интересами, а также интересами взаимной защиты.

О нравах и обычаях древних славянских племен киевский летописец (монах) отказывается весьма сурово. Он сообщает, что они «живяху в лесе, якоже всякий зверь», «живущие скотски: убиваху друг друга, ядоху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху (похищали) у воды девиц». Летописец-христианин осуждает обычай кровной мести (или самосуда), употребление в пищу «зверины» и беспорядочность брачной жизни: многоженство и «умыкание» невест; впрочем, он говорит, что обычно похищали невест «с нею же кто совещаше», т. е. по обоюдному согласию. Впоследствии вместо похищения (или после похищения) жених уплачивал выкуп родным невесты.

Религиозные верования древних славян представляли собою, с одной стороны поклонение явлениям природы, с другой — кульп предков. Впрочем, языческая мифология славян не представляется достаточно ясной и разработанной, и их представления о богах были, по-видимому, довольно смутными. У них не было ни храмов, ни особого сословия жрецов, хотя были отдельные волхвы, кудесники, которые почитались служителями богов и толкователями их воли.

Главные боги славянского Олимпа были следующие: Даждь-бог (у других племен Хорс) был богом солнца; Перун — богом грома и молнии; Стрибог был богом ветра; Волос, или Велес, был покровителем скотоводства; небо иногда называлось Сварогом (и потому Даждь-бог был «Сварожичем», т. е. сыном неба); мать Земля-сырая тоже почиталась как некое божество. Вообще вся природа представлялась одушевленной или населенной множеством мелких духов, которые, впрочем, еще не приняли осознательного антропоморфического («человекообразного») характера. В лесах жили лешие, в реках водяные; души умерших представлялись в виде опасных для неосторожного человека русалок.

Другой круг верований относился к почитанию умерших предков — рода (или щура) и рожаниц, которые признавались покровителями рода. С ослаблением родовых связей и обособлением отдельных больших семей место рода занял семейный предок — дедушка домовой, покровитель своего двора, могущий помогать или, наоборот, вредить хозяйственному благосостоянию семьи, смотря по тому, как она будет к нему относиться.

5. *Соседи восточных славян. Варяги на Руси.* Непосредственными и ближайшими соседями восточных славян в занятых ими областях оказались многочисленные, но слабые и разбросанные по необъятным лесным просторам *финские племена*. На западе это были эсты («чудь в русской летописи»), воль, ижора, лопари, емь или ямь (карел) и собственно финны; на севере — югра, остыяки, вогулы; в районе Бело-озера — весь; в окско-волжском районе — мещера, мурома, меря, черемисы, мордва; в пермском краю — вотяки, зыряне и пермяки (коми). Разрозненные слабые и миролюбивые финские племена не оказывали активного сопротивления славянским пришельцам; они или отодвигали свои легкие и примитивные селения дальше на север и восток, или жили вперемежку с пришельцами, сохраняя свой язык и этнический характер (как черемисы, вотяки, мордва, зыряне), или растворялись в славянском море и совершенно ассимилировались, «обрусили» (как меря, весь, мещера, мурома).

На юго-восточном побережье Балтийского моря и по течению рек Немана и Западной Двины жили *литовские племена*: собственно литва и родственные литовцам латыши, далее жмудь, пруссы, ятвяги, корсь и др. Племена эти были примитивными в культурном смысле и разрозненными в смысле политическом, но воинственными и предприимчивыми; нередко они производили набеги на соседние русские земли. Поселения литовских племен первоначально простирались далеко на юг и восток — до р. Припяти и до истоков Днепра и Волги, однако под напором русских славян они были значительно отодвинуты по направлению к Балтийскому побережью.

Западными соседями русских славян были поляки (или ляхи), занимавшие территорию по берегам р. Вислы.

Весьма важную роль в начальной русской истории играли отношения с двумя странами, которые не соприкасались непосредственно с территорией, занятой русскими славянами, но оказали существенное влияние: одна —

на политический строй, другая — на всю культуру Древней Руси. Это были *Скандинавия* на севере и *Византия* на юге. VII—X века были временем энергичной и бурной экспансии скандинавских народов — норманнов, или «варягов».

Энергично предпринимая бесчисленные морские экспедиции, норманские викинги подвергали опустошительным нападениям прибрежные европейские страны, а часто захватывали прибрежные области или острова в свое постоянное владение. Не ограничиваясь военными набегами и грабежами, предприимчивые норманы не отказывались и от торговых операций, там, где они представлялись более выгодными, чем операции военные. Война, пиратство и торговля были для них тремя постоянными занятиями, которые весьма тесно переплетались между собою.

Как выдающийся торговый центр привлекал норманнов Царьград (Константинополь), славная, богатая и многолюдная столица Византийской империи. И они шли туда по великому водному пути «из варяг в греки», т. е. по линии Волхов — Днепр. На этом пути находился ряд русских торговых городов, из которых главными были Киев на юге и Новгород на севере. Русские торговые города нуждались в вооруженной охране торговых путей, которым постоянно угрожали нападения хищных степных кочевников; они сами организовали военные отряды для охраны своих торговых караванов, шедших по Днепру на юг, но их собственные силы были недостаточны для успешной борьбы со степняками, и потому они прибегали к помощи скандинавов, нанимая варяжские дружины для военной охраны. Однако энергичные и предприимчивые варяжские вожди не всегда довольствовались ролью наемных охранителей русских городов и русской торговли. Там, где они чувствовали себя достаточно сильными, они захватывали власть над местным населением, и таким образом «наемные охранители превратились во властителей» (Ключевский). Так в IX в. в некоторых областях Руси образовалась вторая политическая форма — варяжские княжества: Рюрика в Новгороде, Аскольда и Дира в Киеве, Рогволода в Полоцке, Труа в Турове³.

Известен рассказ начальной русской летописи о призвании новгородцами варяжских князей: в 862 г. новго-

³ Некоторые историки сомневаются в варяжском (скандинавском) происхождении первых русских князей, но их сомнения едва ли могут быть признаны обоснованными.

родцы, незадолго перед тем выгнавшие от себя варягов, которым они раньше платили дань, «почаша сами в себе володети»; но результатом этого были жестокие усобицы и беспорядки; чтобы положить им конец и вдоворить в стране порядок и правосудие, новгородцы послали «за море» послов к варягам с мотивированным приглашением: «земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет; да поидите княжити и володети нами». В ответ на это князь Рюрик с двумя братьями и сильной дружиной явился на Русь и стал государем в Новгородской земле. Ключевский справедливо называет это предание о начале Русского государства (записанное летописцем в XI в.) «схематической притчей о происхождении государства», тогда как «факт состоял из двух моментов, из наемного договора с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами» (Ключевский).

В эпоху раннего средневековья *Византийская империя*, наследница и преемница греческой культуры и государственно-правовой организации Римской империи, была наиболее культурным, наиболее сильным⁴ и наиболее экономически развитым европейским государством. Ее столица — Константинополь, который славянские народы справедливо называли *Царьградом*, была многолюдным, богатым, цветущим городом с высокоразвитым ремесленным и художественным производством. Его дворцы и храмы поражали посетителей своей красотой и величием. Грандиозный и великолепный кафедральный храм в честь св. Софии, Премудрости Божией, законченный постройкой при Юстиниане Великом в 538 г., стоит вот уже четырнадцать столетий и поныне производит на душу посетителя неизгладимое впечатление. Сложная и развитая промышленность Константинополя производила множество предметов не только для местного потребления, но и для заграничного вывоза: золотые и серебряные украшения и разные металлические изделия, шелковые ткани, замечательную керамику. Кроме того, Византия производила и вывозила вина и фрукты. Понятно, что купцы со всего тогдашнего мира, в том числе купцы русские и варяжские, стремились в Византию, чтобы завязать с нею оживленные торговые связи. Понятно и то, какое глубокое впечатление должна была она производить на пришельцев из примитивных обществ.

⁴ Империя Карла Великого, как известно, распалась очень скоро после смерти своего творца.

Наиболее тягостными, беспокойными и опасными соседями русских славян были их соседи с юго-востока, эти орды кочевых азиатских народов, которые почти непрерывным потоком вливались в южнорусские степи через урало-каспийские «ворота народов». Начиная с аваров, которые «примучили» славян-дулебов, эти азиатские пришельцы в течение долгих веков не давали покоя славянскому населению Русской равнины. Власть хазар, покоривших славянские племена полян, северян, радимичей и вятичей, не была слишком тяжелой; хазары ограничивались сбором умеренной дани с подчиненных народов; зато под их покровительством русские славяне могли производить оживленную торговлю с Востоком. Но после ослабления и затем падения хазарского царства новые азиатские пришельцы — *печенеги*, торки и затем особенно *половцы* подвергали русские земли частым и опустошительным нападениям, которые, начиная со второй половины XII в., принудили часть русского населения среднего Поднепровья покидать свои насиженные места и уходить на северо-восток, в страны с менее плодородной почвой и более суровым климатом, но зато более удаленные от опасных степей и защищенные лесами. Впрочем, и в новозанятом краю, в области Окско-Волжского междуречья, русское население не нашло себе покоя и безопасности. В 30-х гг. XIII века страшное нашествие монголо-татарских полчищ залило своим опустошительным потоком все русские области, кроме далекого новгородского севера.

Немцы в Прибалтике. В самом конце киевского периода на северо-западных границах русского мира явился новый сосед, предприимчивый, воинственный и агрессивный, с которым западным окраинам русской земли пришлось вести упорную борьбу в течение трех столетий. Это были ливонские немцы. Немцы явились в Прибалтике во второй половине XII века, когда немецкие купцы основали в области нижнего течения Западной Двины свои фактории для торговли с ливами, а также начали строить укрепления для защиты от возможных нападений туземцев. XII и XIII века были веками немецкого «Drang nach Osten», и скоро немецкое население в Прибалтике стало пополняться пришлыми колонистами из Германии. В конце XII в. здесь является уже первый немецкий епископ (Мейнгард), который начал дело распространения христианства среди туземцев, но встретил активное сопротивление со стороны ливов. Третий епископ ливонский, Альберт, прибыл в 1200 году в Ливонию со значительной военной силой и

основал при устье Западной Двины город Ригу. Через два года папа Иннокентий III основал в Ливонии орден рыцарей-меченосцев для покорения Ливонии и обращения ее в католическую веру. Рижский «князь-епископ» и магистр Ливонского ордена разделяли власть в Прибалтике. Они основали ряд городов, призывая в них колонистов из Германии, и построили в стране множество рыцарских замков, опинаясь на которые они могли держать в подчинении туземное население (ливов и эстов); население это, после того как сопротивление его было подавлено вооруженными силами пришельцев, было обращено в крепостных своих новых господ и оставалось затем в этом состоянии в течение многих веков. Соседние с Ливонией князья полоцкие оказались не в силах вытеснить немцев из Ливонии, а в 1224 г. немцы взяли древний русский опорный пункт в Прибалтике г. Юрьев (Дерпт). Скоро после этого князь Конрад Мазовецкий пригласил на южные берега Балтийского моря для борьбы с литовским племенем пруссов другой немецкий рыцарский орден — Тевтонский, который к 1230 г. утвердился в Пруссии и начал ее систематическое покорение и германизацию, а в 1237 г. заключил тесный союз (унию) с Ливонским орденом.

Часть I ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Глава I

КИЕВСКАЯ РУСЬ

1. *Образование Киевского государства и деятельность первых киевских князей — Олег, Игорь, Ольга, Святослав.* Согласно летописному сказанию, по смерти Рюрика (879 г.) в Новгороде стал княжить его родственник Олег, опекун малолетнего Рюрикова сына Игоря. Однако он не остался в Новгороде, а вместе с Игорем двинулся с сильной дружиной по великому водному пути «из варяг в греки». Он взял города Смоленск и Любеч на Днепре и подошел к Киеву. В Киеве в это время власть принадлежала двум вождям варяжской дружины — Аскольду и Дири (которые в 60-х годах IX века предприняли поход на Царьград). Олег хитростью захватил Аскольда и Дира, приказал их убить и сел «княжа в Киеве» (882 г.). По рассказу летописи (конечно, легендарному), он предсказал Киеву великое будущее, сказавши: «Се буде мати градом Русским». Утвердившись в Киеве, Олег начал покорять славянские и финские племена: после подчинения кривичей и полян он подчинил своей власти древлян, северян, радимичей, освободив восточнославянские племена от хазарской зависимости; он подчинил себе также финские племена — чудь, весь, мерю, мурому. Подчинив своей власти обширные пространства, расположенные по обе стороны великого водного пути, Олег произвел объединение новгородского севера и киевского юга под одной властью и явился таким образом основателем великого княжества Киевского — первой формы общерусского государства. Некоторые племена и города сохранили своих местных князьков, но все они были теперь «под рукой» великого князя киевского.

Утвердив свою власть в Поднепровье, Олег в 907 г. собрал огромное разноплеменное войско из славян и финнов и предпринял свой знаменитый поход на Царьград.

По рассказу летописи, Олег дошел со своим войском до стен Константинополя «и повоева около города», т. е. опустошил его окрестности. Греки должны были просить мира и обязались заплатить Олегу огромную «дань», т. е. откуп или контрибуцию. В этому походу Олега относится знаменитая легенда о том, что Олег приказал прибить свой щит на вратах царьградских, «показуяще победу». Война закончилась заключением мирного договора, главной целью которого было урегулирование торговых отношений между Русью и Византией¹.

В 912 году Олег умер. Его преемником стал Игорь. Это был князь менее храбрый и талантливый, более корыстолюбивый. При нем начали свои нападения на Русскую землю новые пришельцы из Азии — печенеги, кочевавшие в южнорусских степях. Игорь предпринял два похода на Византию. В 941 г. его войско погромило и пограбило берега Малой Азии, но потом русская флотилия потерпела жестокое поражение от греков, которые применением так называемого «греческого огня» («пущати начаша трубами огнь на лоды руссия») сожгли и потопили множество русских лодок. В 944 г. был восстановлен мир с греками, а в 945 г. обе стороны заключили мирный договор «на все лета, дондеже (пока) сияеть солнце и весь мир стоить». Договор этот, в общем, повторяет постановления договоров Олега, но не предоставляет русским купцам права беспошлинной торговли и обязывает великого князя киевского оказывать греческому правительству военную помощь, когда оно «начнет хотети» этой помощи.

Под 946 годом начальная русская летопись содержит рассказ о трагической гибели Игоря в земле древлян. Вот этот рассказ, ярко характеризующий отношения, существовавшие в языческую эпоху между киевским князем и

¹ Княжеские купцы и русские «гости» («гостями» назывались в древности купцы, ведущие заграничную торговлю), приезжающие в Константинополь по торговым делам, должны были получать от греческого правительства продовольствие и могли пользоваться банией «елико хотят». Русский князь, со своей стороны, обязался запретить своим людям «да не творят пакости» в стране Греческой. Приходящие в Царьград русские послы и купцы должны были проживать в константинопольском предместье; в самый город они должны были ходить по группам, не более 50 человек одновременно, без оружия, в сопровождении византийского чиновника; договор предоставлял русским купцам весьма весьма важное право беспошлинной торговли. В 911 г. русскими послами в Константинополе был заключен новый договор, который подтверждал, в общем, постановления договора 907 г. и содержал несколько дополнительных постановлений, регулировавших отношения между греками и русскими во время пребывания последних в Греции.

подчиненными ему племенами. Дружина стала говорить Игорю: «Дружинники Свенельда богаты оружием и платьем, а мы наги; пойди, князь, с нами в дань (т. е. для сбора дани), и ты добудешь, и мы». Послушался их Игорь и пошел за данью к древлянам, начал брать у них больше прежнего, и дружины его также. Собравши дань, Игорь пошел в свой город, но на дороге, подумав, сказал дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь, похожу еще» (sic). Отпустив большую часть дружины домой, Игорь с небольшим числом дружинников возвратился, «желая больша имения». Древляне, услыхав, что Игорь опять идет, подумали с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, перетаскает все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». Решивши так, они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять? Ведь ты взял всю дань?». Но Игорь не послушался их; тогда древляне, выйдя из своего города Искорostenя, убили Игоря и его дружинников, ибо их было мало.— Все действующие лица этой исторической драмы весьма интересны: дружинники, которые приглашают князя идти за данью, точно на охоту; князь, который покушается собрать (или содрать) со своих подданных столько дани, сколько возможно, вне всяких норм и правил, и наконец «граждане», которые усматривают в лице своего «законного государя» хищного волка, который повадился в овечье стадо, и в убийстве его видят единственное средство избавиться от его «правительственной деятельности».

Вдова Игоря, великая княгиня Ольга, которую киевское предание считало «мудрейши всех человек», прежде всего хитро и жестоко отомстила древлянам за убийство ее мужа. Ввиду малолетства своего сына Святослава Ольга долго (более 10 лет) самостоятельно управляла государством. Можно думать, что, наученная горьким опытом, она стремилась урегулировать сбор княжеских доходов. По крайней мере, летопись сообщает нам, что путешествуя по северным краям своей обширной державы, Ольга «устави оброки и дань», а также уставили «погосты (по-видимому, постоянные места стоянки князей и их «мужей» по время объезда подвластных им земель).

Но главной исторической заслугой Ольги было принятие ею христианства; в 955 (или в 957) г. она посетила Царьград и крестилась там в православную веру. Возвратившись домой, она уговаривала своего сына Святослава креститься, но суровый воин отказался, мотивируя свой отказ тем, что «дружины сему смеятыся начнуть». Все же

христианство постепенно распространялось в Киеве, а Ольга стала, по словам летописца, «как бы зарей перед восходом солнца».

Святослав Игоревич, когда он вырос и возмужал, оказался храбрым и суровым воином и талантливым, неутомимым полководцем. Летопись так описывает его характер и образ действий: начал он собирать воинов многих и храбрых, ходя легко, как барс; много воевал. Идя в поход, возов с собой не возил, ни котлов, потому что мяса не варил, но, изрезав тонкими ломтиками конину, или зверину, или говядину, пек на угольях; шатра у него не было, а спал он на конском потнике, положивши седло под голову; таковы были и все его воины. Решив начать войну, он посыпал в разные страны, к разным народам с объявлением: «хочу на вас идти»...

Сначала Святослав предпринял ряд удачных походов на восток. Он подчинил своей власти самое восточное славянское племя — вятичей, которые до тех пор платили дань хозарам. Около 965 г. он нанес ряд тяжелых поражений хозарам, взял и погромил их главные города — Итиль, Белую Вежу и Семендер. Он победил северокавказские племена ясов и касогов и подчинил себе приазовскую область с г. Тымуторокань; победил он также волжских болгар, причем взял и разграбил их столицу Булгар. Разгромив всех восточных неприятелей и соседей Руси, Святослав обратился на запад. Византийское правительство просило его помочи в борьбе с дунайскими болгарами, и Святослав, собрав большую рать, в 967 г. двинулся на Дунай, победил болгар, завоевав Болгию и — к великому неудовольствию византийского правительства — решил остаться там навсегда и сделать г. Переяславец на Дунае своею столицею.

Во время отсутствия Святослава новые враги с юго-востока — печенеги — вторглись в русские пределы и угрожали самому Киеву. По рассказу летописи, киевляне послали к Святославу послов с гневными упреками: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блудишь ее, от своей же отрекся, — чуть-чуть нас не взяли печенеги, вместе с твою матерью и твоими детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей своих?» Услышав это, Святослав поспешил к Киеву и прогнал печенегов в степи. Однако скоро он заявил своей матери и боярам: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае: там середина земли моей, туда со всех сторон свозят все доброе:

от греков золото, ткани, вина, фрукты разные, от чехов и венгров серебро и коней, из Руси — меха, мед, воск и рабов».

По смерти Ольги Святослав «посадил» своего старшего сына Ярополка на свое место в Киеве, Олега в земле древлянской, несовершеннолетнего Владимира с дядей его Добрынею отпустил в Новгород, по просьбе новгородских послов, а сам снова отправился на Балканы (970 г.). Однако византийский император Иоанн Цимисхий решил изгнать беспокойного и нежелательного соседа и выступил против него с огромным войском. По рассказу начальной летописи, русские воины испугались, увидя перед собой огромное множество неприятельского войска, далеко превосходившего их числом. Тогда Святослав произнес свое знаменитое обращение к дружине: «Уже нам некуда деться, волею или неволею приходится стать против неприятеля; так не посрамим земли Русской, но ляжем костьюми здесь; «мертвые бо срама не имуть»; если же побежим, то некуда будет убежать от стыда: станем же крепко, я пойду впереди вас, а если голова моя ляжет, тогда прощайте о себе». Дружина отвечала князю: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим». Последовало ожесточенное сражение («бысть сеча велика»), в котором, по русской летописи, Святослав одержал полную победу. Однако в действительности его армия чрезвычайно уменьшилась от непрерывных битв, и, видя невозможность победы над многочисленными войсками византийского императора, Святослав вынужден был заключить с ним мир, обязавшись очистить Болгию: Главные русские силы отступили с Балкан сухим путем, Святослав же с малой дружиной отправился домой по морю и по Днепру; в Днепровских порогах печенеги напали на Святослава и убили его (972 г.).

В характере и деятельности Святослава, этого наиболее блестящего и знаменитого витязя Древней Руси, мы все еще видим в большой мере черты бродячего норманнского викинга, чем национального государя Русской земли.

2. *Общий обзор деятельности первых киевских князей.* Главным содержанием деятельности первых киевских князей, главным предметом их забот и усилий были; 1) объединение всех восточнославянских (и части финских) племен под властью великого князя киевского; 2) приобретение заморских рынков для русской торговли

и охрана торговых путей, которые вели к этим рынкам; 3) защита границ русской земли от нападений степных кочевников.

Соединив под своей властью огромную территорию, населенную славянскими и финскими племенами, великие князья киевские удерживали их в своем подчинении военною силою, подавляя попытки сопротивления подданных, и старались организовать управление покоренными землями. С этой целью князья посыпали по областям своих наместников («посадников»), обыкновенно старших «мужей» своей дружины; в некоторых местах они оставляли местных князей «под рукою» своею. Главной целью и главной задачей княжеской администрации был сбор дани с подвластного населения. Способами собирания дани были «полюдье» и «повоз». «Полюдьем» назывался объезд области князем или его представителем (обыкновенно по зимнему пути); дань собиралась или деньгами или — чаще — натурою, особенно мехами; огромное количество собранных за зиму мехов служило потом главной статьей княжеской торговли на заграничных рынках. Во время «полюдья» князь или его наместник чинил суд и расправу, если жители обращались к его суду (обыкновенно в это время население решало свои споры и столкновения на местах согласно нормам и традициям обычного права). В тех областях, в которые не мог или не хотел ехать князь, население должно было везти «повоз», т. е. доставлять дань в Киев.

Весною в Киеве скоплялись в руках князя, его дружины, а также русских и варяжских купцов («гостей») огромное количество товаров; это были главным образом традиционные русские товары — меха, мед и воск, четвертым главным предметом вывоза был живой товар — рабы обоего пола (купленные для перепродажи или захваченные в плен при военных экспедициях против соседних народов); товары грузились на большие ладьи, и затем огромный торговый караван двигался вниз по Днепру под сильной военной охраной, состоявшей из княжеской дружины и вооруженных купеческих отрядов. Охрана эта была необходима для защиты каравана от нападений степных кочевников; особенно опасным местом на днепровском пути были знаменитые днепровские пороги (каменные гряды, пересекавшие течение реки вблизи нынешнего г. Екатеринослава (Днепропетровска); здесь необходимо было разгружать ладьи и перетаскивать грузы «волоком» в обход порогов. Кроме военной охраны, киевские князья

должны были заботиться и о дипломатической охране русской торговли; с этой целью они заключили с византийским правительством торговые договоры, которые должны были обеспечить правильный и беспрепятственный ход русской торговли, а также интересы и права русских купцов.

Постоянной заботой киевских князей была оборона русских пределов от нападений степных кочевников. Сам столичный город Киев лежал почти на границе степной полосы и неоднократно подвергался нападениям. Киевские князья должны были укреплять не только свою столицу, но и создавать целую систему пограничных укреплений. Особенно энергичную и успешную деятельность в этом направлении развили первые князья христианской эпохи — Владимир Святой и Ярослав Мудрый, но уже первые князья-язычники организовали значительные вооруженные силы как для наступательных операций, так и для отражения неприятельских нападений. Ядром войска и его самой крепкой частью были княжеские дружины, составленные из профессиональных воинов и находившиеся всегда при князе и в его распоряжении. Первоначально значительная часть княжеских дружин состояла из скандинавцев-пришельцев — варягов, но уже во втором и в третьем поколениях как сами князья, так и их дружины ославянились и обрусили².

Окидывая общим взглядом дохристианский период русской истории, мы видим, что «своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев» (Ключевский). Однако и власть их держалась только на острие их меча. На примере Игоря и Святослава мы видим, что первые киевские князья чувствовали себя больше завоевателями, чем государями русских земель, которые были объединены лишь механически, лишь внешней (войной) силой. Мы можем сказать, что первые киевские князья создали лишь тело Русского государства, но только Владимир Святой принятием христианства вдохнул душу в это тело. Поэтому Владимир был не только духовным отцом русского народа, но и настоящим основателем Русского государства.

² Хотя еще в XI в. русские князья продолжали призывать на свою службу варяжских дружиинников, но часть из них потом уходила в другие страны, а кто оставался, быстро обрусл. Потому справедливо мнение тех историков, которые отрицают за норманнским элементом существенное влияние на общественный строй и быт Древней Руси.

3. Принятие христианства и его последствия.
Влияние христианства на русских славян началось задолго до эпохи Владимира Святого. Есть известие, что Приазовская Русь частично обратилась к христианству уже в 60-х гг. IX века и что первая русская епархия была установлена патриархом константинопольским Фотием в 867 г. в Тымуторокани (Вернадский, Kievan Russia, 60).

В Киевскую Русь христианство проникло уже в первой половине X века. Из договора Игоря с греками (945 г.) мы узнаем, что в это время среди киевских варягов было много христиан, и что о Киеве была христианская церковь св. Ильи. После смерти Игоря его вдова и правительница государства великая княгиня Ольга сама приняла христианство (ок. 955 г.), и некоторые члены княжеской дружины последовали ее примеру.

Внук Ольги Владимир Святославич, занявший киевский престол в 980 г. после своего старшего брата Ярополка, погибшего в междуусобной войне, первоначально был ревностным язычником. Он поставил в Киеве близ княжеского двора кумиры языческих богов, которым киевляне приносили жертвы, иногда даже человеческие. Начальная летопись рассказывает, что в 983 г. в Киеве разъяренная толпа язычников убила одного варяга-христианина и его юного сына, которого он отказался отдать в жертву ложным, языческим богам; это событие произвело большое впечатление на князя и на киевское население, и вопрос о перемене религии явно стал на очередь. По рассказу летописи, многие религиозные посольства посещали двор киевского князя и предлагали ему принять их веру: «немцы» (католики) от папы, болгары (мусульмане), хозарские евреи, наконец греческий «философ» проповедь которого произвела на Владимира особенно сильное впечатление. Вскоре после этого Владимир, по совету своей дружины, послал своих послов для испытания вер в различных странах. По возвращении послов Владимир снова собрал бояр и «старцев» и предложил послам рассказать о том, что они видели в разных странах; послы с особым восторгом рассказывали о виденном ими православном богослужении в константинопольском кафедральном храме св. Софии — «не свемы (не знаем), на небе ли есмы были, или на земли: несть бо на земли такого вида, ни красоты такој»... Владимир, по совету бояр, решил принять греческое христианство и вскоре крестился сам и крестил киевлян. Подробности этого великого события не вполне

ясны, и мы не можем здесь касаться связанных с ним спорных вопросов. Бесспорны главные факты: поход Владимира на греческий город Корсунь (Херсонес) в Крыму; крещение его (в 988 или 989 году) и женитьба его на греческой царевне Анне. Возвратившись в Киев с греческим и южнославянским (болгарским) духовенством, Владимир крестил киевлян на берегах Днепра и его притока Почайны и сделал христианство господствующей религией своего государства. Кумиры старых богов были ниспровергнуты и затем сожжены или брошены в реку. На их местах были построены христианские церкви. Затем Владимир «инача ставити по градам церкви и попы и люди на крещение приводити по всем градом и селом». Первоначально христианство распространялось преимущественно по линии Днепра — Волхова; есть известие, что в Новгороде новая вера встретила сопротивление язычества, которое было подавлено силою. К востоку от великого водного пути, в области Оки и верхней Волги, христианство распространялось медленно, и в Ростовской земле проповедники новой веры долго встречали ожесточенное сопротивление язычников. Конечно, и по принятии христианства старые языческие верования не сразу были забыты народом, — их воспоминания и пережитки сохранились в народе в течение долгих веков и, соединяясь и переплетаясь с новыми верованиями, образовали пеструю смесь так называемого «двоеверия» — предмет постоянных обличий православного духовенства.

Проникая постепенно в душу и в быт русского общества, христианство, с его учением о любви и милосердии, производило глубокую нравственную перемену. Перемена эта прежде всего сказалась в самом княжеском роде, точнее в лучших его представителях. Сам Владимир, бывший в молодости развратным и жестоким, совершенно переродился после крещения. По рассказу летописи, он не только любил и угощал дружину свою (устраивая для нее свои знаменитые пиры), но глубоко проникся идеей христианской помощи ближним и благотворительности в отношении всех нуждающихся в помощи; он раздавал бедным обильную милостыню из княжеской казны. Князь жил, по рассказу летописца, «в страхе Божии» и до того проникся чувством гуманности, что не решался даже казнить разбойников, и на вопрос епископов, почему он не казнит их, ответил: «Боюся греха». Можно, конечно, думать, что летописец идеализирует образ Просветителя Руси, однако должно принять

во внимание, что и в памяти народной Владимир остался щедрым и ласковым князем, тем Владимиром Красное Солнышко, которого воспевают и прославляют многочисленные русские былины.

С особой силой и яркостью проявился новый дух христианской любви и смирения в поведении любимого сына Владимира — Бориса: смерть отца застала его во главе войска, возвращавшегося из похода против печенегов; он имел полную возможность вооруженной рукой захватить киевский трон, и дружина советовала ему это сделать, но он ответил, что не может «поднять руку» на своего старшего брата Святополка. Но хищному и жесткому Святополку христианское учение осталось чуждым, и он приказал убить своих братьев. Князь-мученики Борис и Глеб стали первыми канонизированными святыми национальной русской церкви и остались в памяти князей и народа примером и символом христианского смирения и братолюбия.

Занявший киевский престол после победы над Святополком Ярослав Мудрый был ревностным строителем церквей и насадителем христианского просвещения. «И бе Ярослав любя церковные уставы, и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и во дни; и собра писцы многи, и прекладаша (переводили) от грек на словенское письмо, и списаша книги многи»³.

Внук Ярослава Мудрого, знаменитый Владимир Мономах (занимавший) киевский велиkokняжеский престол в 1113—1125 г.) является воплощением идеала христианского князя киевской эпохи⁴. Его усилия были постоянно направлены к тому, чтобы защитить землю Русскую от нападений внешних врагов (половцев), установить мир и согласие между князьями и, защитить слабых от притеснения их сильными. Он оставил для своих детей свое знаменитое «Поучение», сохраненное нашей летописью. Кроме общих предписаний христианского благочестия — страх Божий, молитва, покаяние, — мы находим в Поучении Владимира Мономаха живое изображение идеального русского князя — не сурового, гордого властелина,

³ Восхваляя Ярослава за его книголюбие, летописец продолжает: «Велика бо бывает польза от ученья книжного, мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных; се бо суть реки, напаяющи вселенную, се суть исходища (т. е. источники) мудрости; книгам бо есть неисчисленная глубина, сими бо в печали утешаемы есмы, си суть узда воздержания».

⁴ Летописец называет его «братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю».

но доброго, скромного, неутомимого труженика, защитника и покровителя слабых и «обидимых»⁵.

* * *

Принятие Русью христианства из Византии широко открыло двери влиянию византийской культуры, византийских идей и учреждений. Это влияние сказалось существенным образом в области политической. «Вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка» (Ключевский). Князь, по учению духовенства, есть «Божий слуга». Он должен был заботится о правосудии — «защищать обидимых, судить суд праведен и нелицемерен, унимать люди своя от лихого обычая». Греческие епископы говорили Владимиру: Ты поставлен еси не от Бога на казнь злым, а добрым на милование», — и князь советовался с ними не только о церковных, но и мирских делах. Тесный союз светской и церковной власти сделался традицией русской истории⁶.

⁵ Князь должен «милостыню творить неоскудно, то бо есть начаток всякою добру». «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуче по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицу оправдите сами, а не давайте сильным погубити человека». О себе Владимир говорит: «и худаго смерда, и убогие вдовицы не дал есм сильным обидети»... «Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме... Старыя чти яко отца, а молодые яко братью», — «и человека не минете не привечавще, добро ему дадите». В своем поучении Мономах решительно высказывается против смертной казни: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убить его; аще (и) будет повинен смерти, а душа не погубляйте никакоже хрестьяны». Мономах учит детей любить и почитать духовенство («епископы, и попы, и игумены») и «думать с дружиною»; но при этом князь не должен полагаться на своих слуг, а должен лично неутомимо исполнять свои обязанности — военачальника, судьи и администратора и быть особенно бдительным во время военных походов.

⁶ В католической церкви в средние века власть верховного первосвященника — папы Римского — ставилась выше светской власти в делах не только церковных, но и мирских, и папа считал себя вправе низлагать государей, не подчиняющихся его власти; в протестантских странах, наоборот, духовенство превращалось в служащих государства, назначаемых и увольняемых главою светской власти. В православном мире, и в России до эпохи Петра Великого, нормальным порядком отношений между духовной и светской властью считался союз и сотрудничество («симфония») этих двух властей, при сохранении каждой из них самостоятельности в своей особой области.

Когда Русская земля разделилась на несколько отдельных княжеств и началась бесконечная полоса междоусобных княжеских войн, на долю высшего духовенства выпала роль посредников и примирителей между князьями. В 1195 г. митрополит Никифор говорил киевскому князю Рюрику, склоняя его к миру со Всеволодом Суздальским: «Княже! мы есмы приставлены в Русской земле от Бога востягивати (удерживать) вас от кровопролития». — И действительно, в летописях мы находим ряд известий о вмешательстве высших представителей духовенства в княжеские междоусобия с целью примирения враждующих сторон. Вмешиваясь в государственно-политические дела в случаях чрезвычайных — обыкновенно по просьбе князей или населения, — русская церковная иерархия «в делах политических весьма умеренно пользовалась своим влиянием, употребляя его преимущественно для поддержания мира; ... владыка стоял выше узких, местных интересов» (Довнар-Запольский).

Организация русской церкви возглавлялась митрополитом Киевским, который был и митрополитом «всех Руси». Русская митрополия не была автокефальной, но зависела от патриарха константинопольского, который считал своим правом поставлять русского митрополита и обыкновенно поставлял в Киев кого-нибудь из греческих епископов. Из числа около 20 митрополитов домонгольского периода было только двое русских, поставленных великим князем киевским с собором русских епископов⁷. В нескольких наиболее важных русских городах были поставлены епископы; епископы поставлялись митрополитом, обыкновенно с согласия местных князей. При Владимире Св. на Руси было учреждено 8 епархий, ко времени татарского нашествия число их возросло до 15. Первые епископы были греки (и частью болгары), но впоследствии большинство их было из русских; своего рода школой или «рассадником» русских епископов стал знаменитый Киево-Печерский монастырь, из которого вышло много выдающихся архиепископов русской церкви. При епископах состоял целый штат чиновников для суда и управления. Для руководства церковных судей и администраторов служил сборник церковных законов, так называемая «Кормчая книга»; это был перевод с греческого «Номоканона» с добавлениями, извлеченными из законодательных

⁷ Это были: митр. Иларион, поставленный при Ярославе в 1051 г., и Климент (Клим Смолятич), поставленный в 1147 г.; константинопольский патриарх не признавал их законными русскими митрополитами.

сборников византийских императоров. Кроне того, русские князья (начиная с Владимира Св. и Ярослава Мудрого) давали церкви «уставы», в которых определялись ее права, привилегии, доходы и юрисдикции. Прежде всего церковному управлению и юрисдикции было подчинено — по всем делам — общество так называемых «церковных людей», которое в Древней Руси было весьма обширно; это были: монашество; «белое» духовенство со своими семьями и их родственниками, в том числе вдовы-попады и взрослые «поповичи»; церковнослужители с семьями, просвирни, «странники»; лица, находящиеся в церковных благотворительных учреждениях, в больницах и «странноприимницах», и лица, обслуживающие их, в том числе лекари; лица, находящиеся под особым покровительством церкви: так называемые «задушные люди»⁸, «изгои»⁹ и все люди бедные, бесприютные, нищие и убогие, призреваемые церковью; несвободное и полусвободное население, жившее на церковных землях.

Помимо общества церковных людей, церковная власть имела в своей юрисдикции суд над всеми христианами по делам о преступлениях против религии и нравственности и по всем делам, касающимся семейных отношений. К первой категории относились дела о святотатстве, об оскорблении религиозной святыни, о ерсех, колдовстве (чародействе), идолослужении и т. д.¹⁰ Ко второй — вопросы о законности или расторжении браков, споры и столкновения между членами семьи и т. д.

Церковь вносила в древнерусское общество совершенное новое понятие семьи — как пожизненного союза мужа

⁸ «Задушными людьми» назывались бывшие рабы, отпущеные на волю по духовным завещаниям или завещанные церкви «на помин души».

⁹ «Изгои» — «это бедные люди, лишившиеся обыкновенных в их положении способов существования, а потому и нуждающиеся в особом покровительстве, которое дает церковь» (Сергеевич); изгоями, в частности, призывались: холоп, выкупившийся из неволи; обанкротившийся купец; попович, который не выучился грамоте и, следовательно, не может служить в церкви.

¹⁰ «Надо, однако, заметить, что древнерусская церковь, обладая столь важными правами для борьбы с ерсехами и остатками языческих обрядов, пользовалась своими правами весьма умеренно, снисходя к той трудности, с которой малокультурный народ мог воспринять догмы христианства» (Довнар-Запольский). Следует отметить и подчеркнуть, что в Западной Европе в средние века велись бесконечные процессы по делам о ерсехах и колдовстве и в результате происходили бесчисленные казни «еретиков» и «колдунов» (особенно «ведьм»), тогда как в Древней Руси случаи казни еретиков были совершенно исключительными, единичными фактами.

и жены, освященного и скрепленного церковным венчанием и, как правило, нерасторжимого, и восставала против прежних обычаев — многоженства и беспорядочных брачных отношений. Восставала церковь и против других пережитков языческого быта, в частности, против кровной мести, которую надлежало заменить княжеским судом и которая в XI в., действительно, была отменена законодательным постановлением сыновей Ярослава.

Церковь восставала, далее, против грубых и жестоких форм рабства. В своих поучениях и проповедях духовенство убеждало господ помнить, что рабы — такие же люди, как и они сами; а рабы-христиане суть наши братья во Христе. Церковные поучения запрещали господам убивать или истязать рабов, морить их голодом или непосильной работой; такого рода действия не были *преступлением* перед законом светским, который признавал раба как вещь, полною собственностью своего господина, но теперь они сделались *грехом* перед законом церковным и подлежали церковному наказанию (епитимии). Среди тех рабовладельцев, которые проникались церковным учением, возникал благочестивый обычай — перед смертью, по духовным совещаниям, отпускать своих рабов на волю или завещать их церкви «по душе»; рабы, подаренные церкви, уже не рассматривались как вещи или как предмет торгового оборота, но превращались обыкновенно в полу-свободных земледельцев; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви.

Таким образом, церковь «глубоко проникала в юридический и нравственный склад общества» (Ключевский). «Церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства, в котором могли найти себе защиту все неимущие и беззащитные. Влияние церкви охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи» (Платонов).

4. *Христианское просвещение на Руси.* Исключительно важным и плодотворным было культурное влияние церкви на Руси. Церковь явилась на Русь «в славянском облачении», со славянским богослужебным языком, близким и понятным всему народу. Она принесла на Русь письменность, основанную на славянском (церковнославянском) алфавите, составленном святыми братьями —

просветителями славян — Кириллом и Мефодием во второй половине IX века¹¹. Поэтому византийское христианство могло на Руси очень скоро укорениться и «обrусеть», срастись с душой русского народа; сделаться его *национальной* религией. Принесенная из Византии и Болгарии церковнославянская (или древнеболгарская) письменность послужила основой для развития русской письменности и для выработки древнерусского литературного языка, и таким образом церковь заложила основы национальной русской культуры¹².

Есть известия, что первые христианские князья, Владимир Святой и Ярослав Мудрый, основали школы в Киеве и Новгороде для «учения книжного». Но, конечно, светское образование в тогдашних условиях не могло получить широкого развития. Настоящими центрами, носителями и рассадниками древнерусского просвещения становятся монастыри, и особенно знаменитый Киево-Печерский монастырь, основанный св. Антонием и приведенный св. Феодосием в состояние стройной внешней организации и высокого духовного совершенства (во второй половине XI в.). Благочестивые иноки-книголюбы собирали, переписывали и переводили (с греческого) книги самого разнообразного содержания: книги Священного Писания и богослужебные книги, разного рода сборники, поучения, сказания, жития святых (которые сделались любимым чтением грамотного древнерусского человека). В Печерском монастыре возникло и русское летописание: первым летописцем, по преданию, был преподобный Нестор (живший во 2-й

¹¹ Есть известия, что русские славяне в конце языческого периода пользовались какими-то письменными знаками (может быть, греческими буквами), но этот нам неизвестный, весьма слабый зародыш письменности, очевидно, не играл сколько-нибудь существенной роли и не оставил по себе осознательных следов.

¹² Конечно, и католическая церковь в средние века является ведущей культурной силой западной и средней Европы, но ее отношение к национальным культурам европейских народов в корне отличалось от отношения между православной церковью и русской национальной культурой. Католицизм создавал или пытался создать универсальную, одинаковую для всех наций культуру на основе одного общего языка; латинский язык был для всех католических стран языком богослужебным, а также языком науки и просвещения. Национально-культурные движения в западных странах развивались не в союзе с католической церковью, но в оппозиции к ней, и первым шагом этих движений было требование введения национального языка в богослужение и перевод Библии на язык данной нации (Джон Виклиф в Англии, Ян Гус в Чехии, Мартин Лютер в Германии). Эти национально-оппозиционные движения окончились в эпоху Реформации разрывом многих европейских стран с католической церковью.

половине XI в.), а составителем первого летописного свода был игумен одного киевского монастыря Сильвестр (нач. XII в.). Их преемники продолжали в течение многих веков дело записи достопамятных событий, совершившихся из года в год (отсюда название — «летописи»), и, сохранив для нас исторические события далекого прошлого, оказали этим огромную услугу русской исторической науке и развитию русского национального самосознания¹³.

В монастырях и при епископских кафедрах собирались большие библиотеки рукописных книг. Огромное большинство этих книг погибло впоследствии в результате междоусобных войн и вражеских нашествий (особенно во время страшного татарского погрома), а также в результате частых пожаров и небрежного хранения, но сохранившиеся малые остатки книжных богатств и краткие заметки летописей дают возможность составить приблизительное понятие о том громадном количестве рукописных книг, которое было создано и которое читалось древнерусскими «книголюбами».

Киевская эпоха выдвинула ряд замечательных духовных писателей, ораторов и проповедников, из которых наиболее выдающимися были митрополит Иларион и Кирилл Туровский. Интересное описание своего паломничества (рождения) во Святую Землю оставил игумен Даниил (нач. XII в.), который «поставил свое кадило на гробе святом от всея Русьская земли»¹⁴.

Наконец, надлежит упомянуть, что церковь положила начало русскому искусству, — храмовая архитектура и храмовая живопись были его первыми созданиями, в ко-

¹³ «Монахи имели возможность знать современные события во всей их подробности и приобретать от верных людей сведения о событиях отдаленных. В монастырь приходил князь прежде всего сообщить о замышляемом предприятии, испросить благословения на него; в монастырь прежде всего являлся с вестью об окончании предприятия» (Соловьев). Не только князья, но и бояре, и воеводы, и простые воины приходили в монастыри помолиться перед началом похода и поблагодарить Бога, если поход был успешным, и таким образом любознательный инок-летописец узнавал о происходивших событиях от их непосредственных участников и очевидцев. Кроме того, духовные лица иногда были секретарями или послами князей, а высшее духовенство — епископы и игумены — было их обычными советниками и нередко доверенными лицами.

¹⁴ Из сохранившихся произведений светской литературы этого периода наиболее замечательны «Поучение» Владимира Мономаха и знаменитое «Слово о полку Игореве» (неизвестного автора) — поэма, описывающая неудачный поход на половцев князя Новгород-Северского Игоря Святославича.

торых, под руководством византийских мастеров, начало развиваться национальное художественное творчество.

5. Обзор событий от конца X в. до первых десятилетий XIII в. а) Владимир Святой и Ярослав Мудрый. Владимир вступил на киевский престол в 980 году, и в первые годы своего княжения он предпринял ряд успешных военных походов на запад и на восток. В 981 г. он отнял у поляков восточную Галицию и подчинил ее своей власти. Затем он совершил два похода на вятичей и «победи вятичей и возложи на не дань от плуга, яко же и отец его имаше». Очевидно, вятичи пытались использовать междоусобия, возникшие в киевском княжеском доме после смерти Святослава и освободиться от власти киевского князя. В следующие годы Владимир совершил ряд успешных походов на радимичей, на литовское племя ятвягов и на волжских болгар.

После принятия христианства главные усилия Владимира были направлены на то, чтобы защитить и обезопасить русские земли от нападений степных кочевников-печенегов, с которыми он должен был вести непрерывную борьбу («бе бо рать велика безпрестани с печенегами»). До конца X в. Киев лежал почти на самой степной границе, и печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути (30—40 км) от него. Для укрепления южных и юго-восточных границ Киевского княжества Владимир строил укрепленные городки по рекам Десне, Трубежу, Суле и Стугне¹⁵ и помещал в них, в качестве гарнизонов, население, призванное или переведенное им из северных областей. Кроме укрепленных городов, киевское правительство строило на степных границах, особенно в области реки Сулы, земляные укрепления из длинных извилистых валов, тянувшихся на десятки верст, с довольно широкими и глубокими рвами. На Реке Трубеже возник один из важнейших центров Киевской Руси — г. Переяславль, который сделался главным городом Переяславской земли (простиравшейся на юг до р. Ворсклы) и передовым укреплением на южных границах русской земли, принимавшим на себя и отражавшим бесконечные нападения степных кочевников.

По смерти Владимира Святого (1015 г.) начались междоусобия его сыновей. Старший сын его Святополк (прозванный за свои преступления Окаянным) убил своих

¹⁵ Десна, Трубеж и Сула впадают в Днепр с левой стороны, Стугна — с правой.

братьев Бориса, Глеба и Святослава и «нача княжити в Киеве». Однако его брат Ярослав, бывший в Новгороде наместником великого князя Киевского, собрал большое войско из новгородцев и призванных ими на помощь варягов, победил Святополка (которому помогали поляки) и занял киевский великорусский престол в 1019 г.

Ярослав предпринимал ряд военных экспедиций против соседних земель и народов. В 1030 г. он совершил успешный поход в землю прибалтийской «чуди» и построил к западу от Чудского озера город Юрьев¹⁶. Совершал он также походы в землю литовскую и в землю мазовецкую. В 1043 г. имел место последний русский поход в Византию: Ярослав послал «на Греки» своего сына Владимира с большим войском, но поход окончился полной неудачей.

Зато полным успехом закончилась борьба Ярослава с печенегами, которым он нанес решительное поражение в битве под Киевом в 1036 г. Пораженные русскими, тесненные, с другой стороны, новыми азиатскими пришельцами — торками, печенеги двинулись на юго-запад, где частью расселились в степях, а частью перешли Дунай и поселились на Балканском полуострове в качестве подданных византийского императора.

Не довольствуясь военным успехом в борьбе с кочевниками и продолжая дело своего отца, Ярослав стремился создать прочную защиту Руси против степных кочевников путем постройки укреплений и колонизации степных окраин. Особенное внимание он обратил на правый берег Днепра, где он продвинул русские границы до реки Рось, устроив здесь ряд укрепленных городов и земляных укреплений в степи. С конца XI века русские князья заселяют Поросье преимущественно замиренными мелкими племенами тюркских кочевников; это были главным образом торки (в Поросье возник город Торческ), а также берендеи, остатки печенегов и др.; все эти племена, получившие общее название «черных клобуков» (каракалпаки), вели полукочевой образ жизни, пользовались самоуправлением и посыпали на помощь киевским князьям по их требованию свои конные отряды.

В своей внутренней деятельности Ярослав был неутомимым строителем Руси и создателем новой христианской

¹⁶ Русские князья киевской эпохи имели по два имени: одно — христианское, данное им при крещении, другое — княжеское. Христианское имя Владимира Св. было Василий; христианское имя Ярослава Мудрого — Юрий (или Георгий).

культуры. При нем, как говорит летописец, «вера христианская нача плодитися и расширятися». Вызывая мастеров из Византии, он строил храмы (из которых наиболее знаменитым был кафедральный собор Св. Софии в Киеве), основывал монастыри, продолжал организацию церковного управления и способствовал распространению и упрочению христианства в обширных пределах своего государства. Он укрепил и украсил столичный город Киев, построив Золотые ворота и каменные стены вокруг города. Киев стал при нем одним из самых богатых и красивых городов Европы, «соперником Константинополя», по выражению одного из западных посетителей. Киев в это время находился в оживленных торговых и дипломатических сношениях не только с Византией, но и с иными европейскими странами, а члены русского княжеского дома вступали в родственные связи с представителями многих королевских домов Европы. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Инигерде (Ирине); три его дочери вышли замуж за королей французского¹⁷, венгерского и норвежского; его внучка Евпраксия Всеволодовна (Адельгейда) вышла замуж за императора германского Генриха IV. Иностранные короли и принцы в XI—XII вв. женились на русских княжнах, русские князья женились на византийских, скандинавских, венгерских и польских принцессах, а иногда на дочерях половецких ханов.

Должно упомянуть еще, что при Ярославе Мудром началась, а при его сыновьях продолжилась запись норм обычного русского права (с добавлением позднейших княжеских законодательных постановлений), которая образовала впоследствии юридический сборник, известный под именем «Русской Правды».

б) *Время от смерти Ярослава Мудрого (1054) до татарского нашествия.* Однако эпоха процветания Киевской Руси и ее политического могущества была непролongительна; ее политическое единство окончилось со смертью Ярослава.

Желая избежать борьбы за власть между братьями, Ярослав перед смертью разделил свои обширные владения между своими пятью сыновьями. Киев и Киевскую область он завещал своему старшему сыну Изяславу, Черниговскую область — второму сыну, Святославу, Переяслав-

¹⁷ Анна — Агнесса — жена короля Генриха I и мать короля Филиппа.

скую — третьему, Всеволоду; Игорю дал область Владимира-Волынского, а Вячеславу — Смоленск. Разделив земли, он заповедал детям «не преступати предела братня, ни сгонити» и завещал детям жить в любви между собою, почитать и слушаться старшего брата, «в отца место», а старшему брату приказал помогать тому из младших, кого другие захотели бы обидеть.

Несколько лет по смерти отца старшие Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод — жили в согласии между собою и образовали нечто вроде правительственного «триумвирата». Они совместно вели борьбу с внешними неприятелями Руси и иногда совместно предпринимали шаги по устройству внутреннего порядка в стране. Так, вскоре после смерти отца они собрались (вместе со своими главными «мужами» — советниками) и издали важное законодательное постановление об отмене кровной мести за убийство и о замене ее денежным штрафом в пользу князя («вира») и вознаграждением родственников убитого («головничество»).

Опасность со стороны степных кочевников, временно устраниенная победой Ярослава над печенегами, снова наступила на русскую землю при Ярославичах. В середине XI в. в южнорусские степи явились торки и начали беспокоить русские границы, но в 1060 г. Ярославичи нанесли торкам жестокое поражение и обезопасили страну от их угрозы. Но немедленно вслед за торками явился новый степной враг Руси — более многочисленный, сильный и опасный — это были половцы (народ тюркского племени), с которым затем Руси пришлось в продолжение более 150 лет вести неустанную, тяжелую, изнурительную борьбу. В 1068 г. выступившие против половцев Ярославичи были наголову разбиты на реке Альте и бежали в Киев. Тогда киевляне созвали вече и послали своих представителей к Изяславу с требованием спешно организовать новое войско и выступить против неприятеля: «Вот половцы рассыпались по земле; давай, князь, оружие и коней, будем еще биться с ними». «Изяслав же сего не послуша». Возмущенная слабостью своего князя толпа киевлян явилась на княжеский двор и вступила в пререкания с князем. Другая толпа двинулась к тюрьме, в которой был заключен пленный полоцкий князь Всеслав, и освободила его из заточения. Испуганный князь Изяслав бежал из города, а возбужденная толпа «разграбила двор княж» и провозгласила Всеслава киевским князем (сентябрь 1068 г.).

Однако скоро наступила «контрреволюция». Всеслав удержался в Киеве всего 7 месяцев, и когда Изяслав в следующем году двинулся против Киева с войсками Болеслава польского, Всеслав бежал из Киева, а киевляне опять должны были признать Изяслава своим князем.

Вскоре, однако, «воздвиже дьявол котору (раздор) в братии сей Ярославичах»: в 1073 г. Святослав (в союзе со Всеволодом) прогнал старшего брата и захватил велико-княжеский киевский престол. Изяслав отправился на запад и обращался за помощью к владыкам западного мира — к германскому императору Генриху IV, а потом к папе Григорию VII. В 1076 г. Святослав умер, и Изяслав, снова с помощью поляков, возвратился в Киев. В 1077 г. он помирился со Всеволодом, но в следующем году «погиб в междоусобной битве с князьями-племянниками, и на киевский престол вступил третий Ярославич — Всеволод. Его довольно продолжительное княжение (он умер в 1093 г.) было беспокойным и несчастливым. Следующее поколение князей — внуков Ярослава — продолжало свои «которы» (споры из-за владений) и междоусобия; порядок и правосудие внутри страны в последние годы правления больного и одряхлевшего Всеволода пришли в упадок, а между тем страшный внешний враг — половцы — непрерывными нашествиями опустошал южные области русской земли.

Летописец яркими красками описывает запустение пограничных областей и страдания населения в конце XI века: «...города все опустеши, села опустеши; прейдем поля, идже пасома беша стада конь, овцы и волове, все тоще (пусто) ныне видим, нивы поросше (заросли) зверям жилища быша». Мрачными красками рисует летописец положение русских пленников — мужчин, женщин и детей, — которых «поганые и безбожные» враги гнали в свои кочевья: «печальные, измученные, почерневшие от пыли, с лицами, побледневшими от голода, жажды и разных невзгод, шли они по незнакомым местам босые и едва прикрыты лохмотьями, причем ноги их были исколоты терновником. Со слезами говорили они друг другу: я из такого-то города, а другие — я из такого-то села. Так они со слезами расспрашивали один другого, вздыхали, и возводили очи на небо...» Большая часть русских пленников продавалась затем в рабство в разные страны, наполняя невольничьи рынки Южной Европы, Передней Азии и Северной Африки.

Историки насчитали, по летописи, с 1061 г. до нач. XIII в. 46 половецких вторжений, из которых наибольшее число приходится на княжества Переяславское и Киевское (конечно, летопись отмечала не все, а только наиболее крупные нападения). Княжество Переяславское «сжимается» под ударами половцев, ибо южная часть его (Посулье) пустеет и снова превращается в дикую степь. Успехи половцев в значительной степени объясняются обилием княжеских усобиц на Руси; мало того, что этими внутренними раздорами ослаблялась общая сила Русской земли, но во время усобиц одна из враждовавших сторон нередко приглашала на помощь половцев и в союзе с ними опустошала владения противной стороны.

Политическое распадение Киевской Руси в XI—XII вв. повело к образованию нескольких — около десяти — отдельных земель или княжеств, это были княжества Киевское, Турово-Пинское, Полоцкое, Волынское и Галицкое к западу от Днепра; княжества Переяславское, Чернигово-Северское, Смоленское, Ростовско-Суздальское и Муромо-Рязанское к востоку от Днепра и земля Новгородская на севере. Окраинные земли скоро выделились в особые наследственные владения («отчины») отдельных ветвей княжеского рода, центральная же группа земель (Киевская, Волынская, Смоленская, Черниговская и Переяславская) составляли как бы общее владение всего княжеского рода, причем старший в роду князь должен был занимать старший стол — киевский, остальные же должны были размещаться по старшинству в городах более или менее значительных и богатых. В случае смерти великого князя киевского старший из оставшихся князей должен был занимать киевский престол, что должно было сопровождаться соответственным перемещением остальных князей из одной волости в другую, соответственно степени их старшинства. Однако этот так называемый очередной порядок княжеского владения представлял собою больше теоретическую схему, чем политический факт, ибо с каждым новым поколением Ярославичей родовые отношения становились все более сложными и запутанными, родственные чувства между различными ветвями княжеского рода исчезали, некоторые крупные области разделялись на несколько более мелких княжеств, и потому споры и столкновения между князьями и, наконец, открытая вооруженная борьба за волости стали хроническою болезнью Киевской Руси.

Мы видели, что борьба за киевский престол началась уже в первом поколении Ярославичей. В XII в. борьба эта продолжалась с возрастающим ожесточением, главным образом между двумя княжескими линиями: киевскими и переяславскими Мономаховичами — потомками Владимира Всеволодовича Мономаха — и черниговскими Ольговичами — потомками Олега Святославича.

По смерти Всеволода Ярославича киевский престол занял сын старшего Ярославича — Святополк Изяславич. Это был князь, лишенный талантов полководца и правителя и человек весьма невысокого нравственного уровня, не гнушавшийся обогащаться продажей соли населению по ростовщическим ценам. При нем продолжаются нападения половцев и междуусобия князей-родственников, доходивших до такой жестокости, что один из князей обманом захватил и затем ослепил другого.

В 1097 г. князья русские съехались в г. Любече (на Днепре) «на устроение мира»; они горько упрекали себя за то, что своими междуусобиями они губят Русскую землю и делают ее легкой добычей половцев, и, чтобы примирить взаимные территориальные притязания, они приняли за правило: «каждо да держит отчину свою», т. е. каждая из линий княжеского рода должна была в основном владеть тою областью, которая досталась ее отцу по Ярославову разделу. Но постановление Любечского съезда не устранило и не предотвратило междуусобной борьбы князей, которая снова вспыхнула вскоре после съезда. В 1100 г. понадобился новый съезд князей, в Витичеве, для ликвидации вновь возникших конфликтов; на этом съезде «братья сотвориша мир межи собою» и произвели частичное перераспределение волостей, но существенного улучшения общего положения не принес и этот съезд. В 1103 г. на съезде в Долобске князья, по предложению Владимира Мономаха, согласились предпринять против половцев совместный поход, который окончился блестящей победой.

После смерти нелюбимого Святополка Изяславича в Киеве вспыхнули народные волнения; толпа разграбила двор «тысяцкого» и еврейский квартал и угрожала погромом домам боярским и даже монастырям. Киевляне настойчиво звали к себе на княжение Владимира Мономаха (из Переяславля), хотя он был потомком младшей линии Ярославичей (его отец, Всеволод, был третьим сыном Ярослава); после некоторого колебания Владимир согласился и вступил в Киев; «киянне» встретили его «с честью великою», и «мятеж улегся».

Владимир ознаменовал свое княжение некоторыми мерами в области социального законодательства, именно законом был установлен максимальный процент по займам, а также было запрещено обращение в полное рабство полузависимых людей, отрабатывающих свой долг у заемодавца. В общей политике Владимир стремился к образованию союза князей под главенством великого князя киевского для совместной защиты Русской земли от внешних врагов. При этом сильном и популярном князе затихли как народные волнения, так и междуусобия князей. После его смерти (1125 г.) Владимиру наследовал на киевском престоле его старший сын Мстислав, сильный и способный князь (1125—1132), а после него на престол вступил, по приглашению киевлян, его брат Ярополк. При нем с новой силой вспыхнула старая вражда и разгорелась борьба между киевскими Мономаховичами и черниговскими Ольговичами.

По смерти Ярополка (1139 г.) энергичный черниговский князь Всеволод Ольгович захватил Киев и владел им до своей смерти (1146 г.). Перед смертью он передал киевский престол брату своему Игорю, с которым киевляне «утвердились» сначала обюдным крестоцелованием (присягой), но скоро пригласили в Киев внука Мономаха, Изяслава Мстиславича. Игорь был свергнут с престола и посажен в заключение; потом он постригся в монахи, но в следующем году, во время войны Изяслава с черниговскими князьями, возбужденная толпа киевлян растерзала несчастного Игоря, крича, что «не кончати добром с тем племенем»...

Вскоре междуусобная война вспыхнула среди самих Мономаховичей, когда младший сын Мономаха, суздальский князь Юрий Долгорукий, предъявил притязания на киевский престол, основываясь на праве старшинства, и начал упорную борьбу с племянником. Борьба шла несколько лет, и то один, то другой из соперников занимали Киев. Смуты продолжались и после смерти обоих соперников и закончились тем, что в 1169 г. сильный князь Ростовско-Суздальской области Андрей Юрьевич Боголюбский послал против киевского князя Мстислава Изяславича большое войско, к которому присоединились 11 других князей, в том числе несколько князей южнорусских. Киев был взят союзниками и разграблен, но князь Андрей не пошел в Киев, а послал туда своего младшего брата; и потом Андрей и преемник его Всеволод Суздальский не раз распоряжались киевским престолом. В 1203 г. Киев

потерпел новый разгром, после взятия города коалицией смоленского князя Рюрика Ростиславича, черниговских князей Ольговичей и союзных с ними половцев. После этого «мать городов русских», славный стольный Киев-град все более и более терял свое политическое значение; еще раньше начался упадок его богатства и торгового значения. В 1235 г. Киев был еще раз взят и разграблен черниговцами в союзе с половцами. Взятие и разгром города татарами в 1240 г. были для древнего Киева последним ударом... Проезжавший в 1246 г. через Киевскую землю на восток миссионер и путешественник Плано Карпини нашел Киев маленьким городком, в котором было около 200 домов...

6. *Упадок Киевской Руси и его причины.* Вторая половина XII и начало XIII в. является уже временем упадка, обеднения и запустения Киевской Руси. Древнерусское княжество Тьмутороканское падает под ударами половцев, и таким образом Приазовская Русь прекращает свое политическое существование. Южная половина княжества Переяславского пустеет так же, как южные окраины земли Киевской, а частью и Чернигово-Северской. Внешняя торговля со странами южными и восточными падает и постепенно сходит на нет. Население начинает уходить из Киевской и соседних земель, двигаясь в двух противоположных направлениях: на юго-запад, в Галицию, и на северо-восток, в землю Ростовско-Сузdalскую. Киев теряет свое прежнее значение.

Два ряда причин, внутренних и внешних, вызвали упадок Киевской Руси. Прежде всего Киевской Руси не удалось создать единого государства, ни централизованного, ни федеративного. Элементами объединения служили единство веры (и церковной организации), единство языка, обычая, единство княжеского рода и зарождающееся общеноциональное сознание, или «общеземское чувство» (по выражению Ключевского), которое нашло столь яркое выражение в «Слове о полку Игореве». Но в политическом отношении Киевская Русь была разделена на несколько княжеств, фактически независимых одно от другого. В то же время князья их всё еще чувствовали себя единым родом и заявляли: «мы не угры, не ляхи, но единого деда внуки» и предъявляли притязания или на Киев, или на другую какую-либо область, занимаемую кем-либо из «братьев». Отсюда постоянные «крамолы» и «которы», постоянные споры и междуусобия, в которых, по выражению певца «Слова о полку Игореве», «веки

человеческие сократилися» и «погибала жизнь Даждьбогова внука»... Во время междуусобных княжеских войн нередко князья призывали к себе на помощь «поганых» половцев и в союзе с ними грабили и опустошали область противника, захватывали и уводили «в полон» население.

Как одну из внутренних причин упадка Киевской Руси Ключевский отмечает «приниженное юридическое и экономическое положение рабочих классов», в частности, значительное развитие рабства. Дворы и села князей были полны «челядью», т. е. несвободным населением. Классы полусвободных — «закупы» и «наймиты» тоже находились на границе рабского состояния и во всяком случае были далеки от гражданского, а тем более политического полноправия. Крестьяне — «смерды» — разорялись половецкими нападениями и княжескими усобицами, и часть из них готова была променять свои плодородные земли на менее плодородные, но более спокойные и безопасные места в Окско-Волжском междуречье.

Экономическое благосостояние городского населения Киевской Руси держалось в значительной степени на успехах внешней торговли, но в XII в. эта торговля приходит в упадок по двум причинам: первое — «засорение» торговых путей кочевниками, и второе — перемещение мировых торговых путей.

Постоянные нападения степных кочевников не только причиняли огромный вред сельскому населению южных пограничных областей Киевской Руси, но, занимая южно-русские степи, половцы препятствовали торговым сношениям Руси с восточными странами и с Византией, и этим подрывали благосостояние тех классов населения, которые были связаны с внешней торговлей. Другой причиной падения русской внешней торговли XII—XIII вв. были мировые события, повлекшие перемещение мировой торговли и образование новых центров мирового торгового движения. В древности Русь была посредницей в торговых сношениях между азиатским, греческим и европейским мирами; но крестовые походы создали новый, более прямой путь сообщения Западной Европы с Азией, мимо Киева, через восточное побережье Средиземного моря. Главную роль в торговле между Европой и Азией начинают играть итальянские торговые города, особенно Венеция и Генуя, которые уреждают на Востоке свои фактории и овладевают средиземноморскими торговыми путями. С другой стороны, Византийская империя постепенно склоняется к своему упадку, а взятие крестоносцами Константинополя

и основание на месте греческой Византии Латинской империи (1204 г.) прервало все торговые и культурные связи Киева с Константинополем.

7. Политическое устройство русских земель в XI—XII вв. Киевская Русь XI—XII вв. не была, как мы видели, единым государством, не была она и политической федерацией, ибо княжеские съезды были явлением сравнительно редким, собирались лишь в исключительных случаях, и постановления их не имели юридически обязательного характера. Все члены Рюрикова рода считали себя прирожденными владетельными князьями и «братьями» между собой; старшего в роду, великого князя киевского они называют обычно своим «отцом», но это не более как почетное назначение без всякого реального содержания, тем более что киевский князь отнюдь не всегда был действительно старшим в роду. В действительности каждый князь и внутри своей «волости» и в между княжеских отношениях держал себя как независимый государь и его отношения к другим князьям определялись «либо ратью, либо миром», т. е. все спорные вопросы, решались или силою оружия, или соглашениями, договорами с другими князьями. Это договорное начало в между княжеских отношениях проходит через всю древнерусскую историю и прекращается только в Московском государстве.

Киевская Русь не выработала никакого определенного порядка в распределении волостей между князьями, ибо тот очередной порядок княжеского владения, основанный на принципе родового старшинства, о котором мы говорили выше, в действительности не вошел в политическую жизнь Киевской Руси. Идея преимущественного права старшего князя перед младшими родственниками, несомненно, существовала, но на практике отношения старшинства начали осложняться и путаться уже во втором и в третьем поколениях Ярославичей; в частности, возник неразрешимый вопрос: кто имеет преимущество старшинства: младший по возрасту дядя или старший по годам племянник, сын старшего брата?

Ряд других принципов и факторов, не зависевших от старшинства, играл роль при распределении княжеских столов. Одним из них был принцип «отчины», или наследственного владения. Князья часто претендуют на ту именно область, которой владел их отец и где они родились и выросли. Уже Любечский съезд князей в 1097 г., чтобы выйти из затруднений, порожденных спорами о волостях,

принял постановление: «каждо да держит отчину свою». Интересный в этом отношении факт находим в летописи под 1139 г. Киевский князь Всеволод Ольгович вызвал своего брата Святослава из Курска и хотел его посадить на княжение в Переяславле, где княжил Андрей, сын Владимира Мономаха,— «а Андрееви рече: «иди Курску». И Андрей тако рече, сдумав с дружною своею: «леплее (лучше) ми того смерть на своей отчине и дедине, нежели Курское княжение; отец мой (в) Курске не сидел, но в Переяславли, и хочу на своей отчине смерть прияти; аже (если) брате, хочешь сее волости, а убив мене, тебе то волость, а жив не иду из своеи волости»...

Весьма часто «столы» распределялись по соглашениям и по договорам между князьями — князья «рядилися с братьем о волостях». Иногда распоряжение или завещание достаточно сильного и авторитетного владетельного князя передавало престол его сыну или брату, как, например, Владимир Мономах «посадил Мстислава сына своего по себе в Киеве».

Весьма часто население старших волостных городов на вече решало вопрос о приглашении на княжение какого-нибудь популярного князя или об изгнании князя, нелюбимого народом, не обращая, конечно, никакого внимания на родовые счеты князей. Вече посыпало своих послов к избранному кандидату на престол с приглашением: «поиди, княже, хочем тебе», а к нелюбимому князю обращались с кратко мотивированным требованием: «поеди, княже, прочь, не хочем тебе»...

Наконец, весьма часто более сильные, смелые, предпримчивые и беззастенчивые князья занимали столы просто силою оружия, одержав победу над князем-соперником,— и потом говорили, что они «добыли» этот стол «головою своею», т. е. своим умом и умением. Эта практика «добывания» столов проходит непрерывно через всю нашу древнюю историю.

а) *Князь и княжеское управление.* Князь, как мы сказали, в отношении других владетельных князей-«братьев» был независимым государем и улаживал свои дела с ним «либо ратью, либо миром». Внутри своей волости князь был главой администрации, высшим военачальником и судьей. Княжеская власть была необходимым элементом в составе государственной власти всех русских земель. Однако государственный строй древнерусских земель-княжений нельзя назвать монархическим. Государ-

ственный строй древнерусских княжеств XI—XII вв. представляет собой род «неустойчивого равновесия» между двумя элементами государственной власти: монархическим, в лице князя, и демократическим, в лице народного собрания или *веча* старших волостных городов. Власть князя не была абсолютной, она везде была ограничена, потенциально или фактически, властью *веча*. Но власть *веча* (везде, кроме Новгорода и Пскова) и вмешательство его в дела проявлялись только в случаях чрезвычайных, тогда как власть княжеская была постоянно и повседневно действующим органом управления.

На обязанности князя прежде всего лежало поддержание внешней безопасности и защита земли от нападений внешнего врага. Князь вел внешнюю политику, ведал сношениями с другими князьями и государствами, заключал союзы и договоры, объявлял войну и заключал мир (впрочем, в тех случаях, когда война требовала созыва народного ополчения, князь должен был заручиться согласием *веча*). Князь был военным организатором и вождем; он собирал и формировал дружины, которая находилась в личной службе у него; он назначал начальника народного ополчения («тысяцкого») и во время военных действий командовал как своею дружиною, так и народным ополчением.

Князь был также судьей, законодателем и администратором. В сборнике древних русских законов XI—XII вв., называемом «Русская Правда», мы находим ясные следы законодательной деятельности князей. Так, сыновья Ярослава Изяслав, Святослав и Всеволод «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а иное все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Т. е. отменив кровную месть и заменив ее денежным штрафом, Ярославичи подтвердили прочие юридические нормы и постановления «Русской Правды». Владимир Мономах издал закон об ограничении «резов», т. е. процентов на занятый капитал. Законы или уставы древнерусских князей, данные церкви, устанавливали юридическое положение церковных учреждений.

Князь был высшим судьею в своем княжестве. Он должен был «правду деяти на сем свете», «в правду суд судити», «судити суд истинен и нелицемерен», «избавлять обидимого от руки обидящего» и т. д. Князь часто поручал суд своим заместителям, «посадникам» и «тиунам», но это вело к многочисленным злоупотреблениям и обидам населения, и потому народ всегда предпочитал личный суд

князя. Нередко бывали случаи, когда после смерти князя, не заботившегося о правосудии, население толпой нападало на неправедных и корыстолюбивых тиунов, грабило их дворы, а иногда избивало их самих с их судебными слугами.

Князь был главой правительства и назначал всех чиновников. Областные управители, назначаемые князем, носили название «посадников». В руках посадников, как и в руках князя, находилась власть административная и судебная, ибо древность не знала разделения этих функций. При князе и при посадниках были мелкие чиновники, частью из свободных, частью из их рабов, для всякого рода судебных и полицейских исполнительных действий, это были «вирники», «метальники», «детские», «отроки». Местное свободное население, городское и сельское, составляло свои общини, или миры, имело своих выборных представителей, старост и «добрых людей», которые защищали его интересы перед княжеской администрацией; оно обсуждало и решало местные дела на своих сходках. При княжеском дворе состояло управление обширным княжеским хозяйством — «тиуны дворные» (впоследствии назывались дворскими или дворецкими), «конюшие», «ловчие» (заведовали охотой) и т. д.

Доходы княжеские состояли из дани с населения, штрафов за преступления, взимаемых в пользу князя, торговых пошлин и доходов с княжеских имений, которые обрабатывались преимущественно трудом княжеской «челяди» (рабов).

В своей правительственной деятельности князя обычно пользовались помощью и советом своих старших дружиныхников, «княжих мужей»; с ними князь советовалась или «думали» о всяком важном деле (они и назывались иногда «думцами» князя). В важных случаях, особенно перед началом военных экспедиций, князь собирали на совет и всю дружину. Дружиныники были лично свободны и связаны с князем только узами личного договора, обюдного доверия и уважения, поэтому князь должен был жить в дружбе и согласии со своею дружиною. Но дума с боярами и дружиныниками была лишь делом практической необходимости, обычая и удобства, она отнюдь не была обязательной для князя, равно как и не налагала на него никаких формальных обязательств. Точно так же не существовало обязательного состава княжеского совета и какой-либо формальной его компетенции. Иногда князь советовался со всею дружиною (или только

объявлял ей свое намерение), иногда только с ее высшим слоем «княжими мужами», иногда — с двумя-тремя приближенными боярами. Поэтому тот «аристократический элемент власти», который некоторые историки усматривают в русской княжеской думе, отнюдь таковым не являлся, ибо он не ограничивал власти князя, не был самостоятельным элементом власти, а был лишь совещательным и вспомогательным органом при князе.

б) *Организация военных сил в Киевской Руси.* Главными составными частями вооруженных сил русских княжеств в XI—XII вв. были, во-первых, княжеская дружина, и во-вторых, народное ополчение.

Княжеская дружина не была многочисленной; даже у старших князей она составляла отряд в 700—800 человек (поскольку мы находим в летописи редкие упоминания о численности дружины). Но зато это обычно были сильные, храбрые, обученные профессиональные воины, связанные с князем личным договором службы и верности. Дружины составляли товарищество или братство, союз верных, на которых князь мог положиться в минуту опасности. Они были не только военными товарищами князя, но и его советниками, помощниками в управлении и суде и личными слугами.

Дружины разделялись на младшую («молодь»), которая называлась «гридями» или «гридьбою», «отроками», «детскими», и старшую, которая называлась княжими мужами или боярами. Первоначально дружины содержались и кормились на княжеском дворе и в качестве добавочного вознаграждения получала свою долю из дани, собираемой с населения, и из военной добычи после удачного похода. Впоследствии дружины, особенно их высший слой, бояре, стали приобретать землю и обзаводиться хозяйством, а на войну тогда они выходили уже со своими «отроками» — слугами.

Дружины княжеской составляла наиболее сильное ядро и главный стержень войска. В случае предстоящих обширных военных операций призывалось к оружию народное ополчение, составлявшееся из свободного городского населения, а в случаях чрезвычайных призывались на военную службу и сельские жители — «смерды». На княжеском дворе обычно хранились дополнительные запасы оружия, а на княжеских полях паслись большие табуны коней для использования их в случае нужды для военных целей. Часть жителей имела, конечно, своих коней и свое

оружие, часть получала то и другое от князя, часть выступала в поход на ладьях, а часть шла пешком («пешцы»). Командовал народным ополчением «тысяцкий», которого назначал князь. Но призвать народное ополчение князь мог только с согласия веча.

Кроме княжеской дружины и народного ополчения, в войнах принимали участие вспомогательные отряды из иноземцев.

Первоначально это были главным образом варяжские дружины, которые русские князья нанимали на свою службу, а с конца XI века это были конные отряды «своих поганых» или «черных клобуков» (торков, берендеев и печенегов), которых русские князья поселили на южных окраинах Киевской земли.

в) *Вече*¹⁸. Летописец XII века говорит нам о том, что население старших областных городов «изначала» сходилось на вече «яко на думу» и принимало решения, которым потом подчинялись младшие города (или «пригороды»). Следует отметить, что народное собрание, как орган первобытной демократии, в эпоху догосударственного или племенного быта было известно всем славянским (и германским) племенам. Но с образованием государств в Средней и Западной Европе решающую роль в политической жизни начинает играть феодальная аристократия, народные же собрания в феодально-аристократической Европе XI—XII вв. или прекращаются вовсе, или не играют никакой политической роли; тогда как в России в это время демократический элемент в государственном управлении играет очень важную, зачастую решающую, роль в жизни всех русских земель от Киева до Новгорода и от Волыни до Ростово-Сузdalской земли. Только на западной окраине русского мира, в Галиции, аристократический элемент (боярство) играет важную политическую роль.

Известия летописей о вечевой жизни н. Руши многочисленны и разнообразны, хотя подробные описания вечевых собраний мы находим весьма редко. Очень часто и самое слово «вече» не упоминается летописцем, а говорится лишь, что «кияне», новгородцы, полочане, владимирцы и т. д. «сдумаша» то-то, или «послаша» к кому-либо, или «реша» (сказали) то-то... Конечно, во всех этих случаях, когда население города выступало самостоятельно и независимо от князя, мы должны пред-

¹⁸ В этом отделе мы не касаемся веча новгородского и псковского.

полагать предварительное совещание или совет, т. е. вече.

В эпоху племенного быта, до образования и усиления великого княжества Киевского, отдельные племена, поляне, древляне и др., собираются, в случае надобности, на свои племенные собрания и совещаются со своими племенными князьями об общих делах. В X и в начале XI в. с усилением центральной власти в лице великого князя Киевского (Владимира Святого и Ярослава Мудрого) эти племенные сходки теряют свое политическое значение, а с серединой XI века им на смену является активное и влиятельное вече старших областных городов.

Однако в исключительных случаях (особенно в отсутствие князя) городское население проявляет свою активность и самодеятельность и в ранний период Киевского государства. В 968 г. население Киева, которому угрожала опасность печенежского нападения, посыпает послов к своему князю Святославу, занятому своей балканской авантюрией, с горькими упреками за то, что он в поисках чужих земель бросил свою землю без защиты, и с требованием немедленной помощи и защиты от врагов. В 997 г. мы видим вече в осажденном печенегами Белгороде. В 1015—1019 гг., по смерти Владимира Святого, новгородцы активно и самоотверженно помогали Ярославу победить его преступного брата Святополка. В 1024 г., когда Ярослав был в Новгороде, его брат Мстислав подступил с войском к Киеву, однако киевское население отказалось принять его «и не прияша его кияне; он же шед седе на столе (в) Чернигове».

После смерти Ярослава (в 1054 г.), когда Русская земля разделилась на несколько княжеств, вече главных волостных городов нередко выступает в качестве носителя верховной власти в государстве. Когда князь был достаточно сильным и популярным (вроде Владимира Мономаха), вече бездействовало и предоставляло князю ведение правительственныех дел. Только в Новгороде и Пскове вече сделалось постоянно действующим органом государственного управления, в остальных областях оно обычно не вмешивалось в правительственную деятельность князя в нормальное время. Зато чрезвычайные случаи, как перемена на княжеском престоле или решение вопросов о войне и мире, вызывали властное вмешательство вече, и голос народного собрания в этих делах был решающим.

Власть вече, его состав и компетенция не определялись никакими юридическими нормами. Вече было открытым

собранием, всенародной сходкой, и все свободные могли принимать в нем участие. Требовалось только, чтобы участвующие не состояли под отеческой властью (отцы на вече решали за детей) или в какой-либо частной зависимости. Фактически вече было собранием горожан главного города; жители малых городов или «пригородов» имели право присутствовать на вече, но редко имели к тому фактическую возможность. Решение вечевого собрания старшего города считалось обязательным для жителей пригородов и для всей волости¹⁹.

Летопись очень редко дает нам полную картину вечевых собраний. Только под 1147 г. мы находим в летописи довольно подробное и красочное, приводимое ниже, описание вечевого собрания в Киеве: «Князь Изяслав заключил с черниговскими князьями союз против своего дяди Юрия Владимировича Суздальского и просил киевское вече оказать ему военную помощь; киевляне не советовали ему воевать с дядей и верить черниговским Ольговичам; они заявили: «Княже, ты на нас не гневайся, не можем мы поднять руки на Мономахово племя. А вот на Ольговичей, так мы готовы идти хоть и с детьми». Тогда Изяслав собрал охотников и выступил в поход. На походе он узнал, что черниговские князья ему изменили и вступили в переговоры с его главным неприятелем Юрием. Тогда Изяслав поспешил послать двух гонцов — мужей-киевлян Добрынку и Радила — к своему брату Владимиру, оставленному им в Киеве, к митрополиту Климу и киевскому тысяцкому Лазарю. Посланные от имени Изяслава, сказали Владимиру: «Брате, поезжай к митрополиту и созови всех киевлян, чтобы эти мужи рассказали про обман черниговских князей». Владимир поехал к митрополиту, и они созвали киевлян. И собрались киевляне «многое множество народа» перед храмом Св. Софии и здесь уселись на площади. Добрынка и Радила выступили вперед перед народом и сказали (обратившись к князю Владимиру): «Целовал тебя брат, а митрополиту кланялся, и Лазаря (тысяцкого) целовал и всех киевлян». Тогда киевляне сказали: «Говорите, с чем вас князь прислал?» Они ответили: «Так молвят князь: целовали ко мне крест черниговские князья... а ныне убить обманом хотели меня... Вы мне

¹⁹ В некоторых пригородах развивалась собственная вечевая жизнь и происходили свои вечевые собрания, которые иногда приходили в столкновение с вечем старшего города и отказывались подчиняться его решению. Были случаи, что пригороды приглашали к себе князей, изгнанных из старших городов.

говорили, что не можете поднять руки на Мономахово племя, на Юрия, а против Ольговичей готовы идти и с детьми, так вот теперь, братья, исполните свое обещание, идите за мной к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь от мала до велика, у кого есть конь, тот на коне, у кого нет, те в ладьях, потому что те не меня одного хотели убить, но и вас всех искоренить», — «Кияне же рекоша: «ради идем по тебе и с детьми, якоже хощеши» (Лавр. и Ип. 1147-г.).

Никакой закон не определял и не ограничивал компетенций веча. Вече могло обсуждать и решать любой вопрос, его интересовавший: «народ свободно, когда хотел, и в той форме, которая ему казалась наиболее удобной, выражал свою волю» (Довнар-Запольский). Иногда даже народное ополчение, находясь на походе, устраивало вечевое собрание и решало вопрос о продолжении похода или о предстоящих военных действиях.

Самым главным и обыкновенным предметом компетенции вечевых собраний было призвание, или принятие, князей и изгнание князей, не угодных народу. «Князь в мирное время всегда вступал на стол с согласия народа, которое выражалось в крестном целовании и в торжественном посажении его народом на стол» (Сергеевич). Обыкновенно обе стороны ограничивались обюдным крестным целованием, в котором они обещали соблюдать верность друг другу, «любити и добра хотети». Но иногда обе стороны заключали при этом какие-либо дополнительные условия («ряд», т. е. договор)²⁰.

Приведем несколько летописных известий о замещениях престола в Киеве. В 1068 г. киевляне заставили своего князя Изяслава бежать из Киева, освободили из заключения полоцкого князя Всеслава и посадили его на княжение в Киеве. В 1113 г., по смерти Святополка Изяславича, «совет створиша кияне, послаша к Владимиру (Мономаху), глаголюще: поиди, княже, на стол отен и деден»; через некоторое время киевляне послали к Владимиру второе посольство, с настойчивым приглашением занять киевский престол для предотвращения мятежа в народе. В 1146 г. великий князь киевский Всеволод Ольгович (из нелюбимых киевским населением черниговских князей), желая передать киевский престол брату своему Игорю, пригласил киевлян целовать к нему крест еще при

²⁰ В полной мере система договоров народа с князем развивалась только в Новгороде.

своей жизни. По смерти Всеволода «Игорь ехал Киеву и созва кияне все на гору, на Ярославль двор, и целовавше к нему хрест»; но потом киевляне созвали другое вече «и послаша по Игоря, рекуче: «княже, поеди к нам». Игорь, вместе с братом своим Святославом поехал, остановился с дружиною поодаль, а брата Святослава послал на вече. Киевляне стали жаловаться на тиуна Всеволодова, Ратшу и на другого тиуна вышгородского, Тудора, и сказали: «Ратша разорил («погуби») Киев, а Тудор Вышгород; так теперь, князь Святослав, целуй нам крест, с братом своим, что если кого из нас обидят, то ты разбирай дело» («ты прави»). Святослав отвечал: «Я целую вам крест за своего брата, что вам не будет никакого насилия, а тиун вам будет по вашей воле» (т. е., очевидно, по избранию веча). Сказавши это, он сошел с коня и целовал крест на вече; киевляне также все сошли с коней и целовали крест, говоря: «Брат твой князь и ты». После этого Святослав, взявши лучших мужей-киевлян, поехал с ними к Игорю и сказал ему: «Брат, я поклялся им, что ты будешь судить их справедливо и любить». Игорь сошел с коня и целовал крест «на всей их воле» (т. е. принял все их условия).

Однако, несмотря на заключенный договор, весьма скоро «не угоден бысть киянам Игорь», и они послали своих послов в Переяславль к князю Изяславу, приглашая его на княжение в Киев: «Поиди, княже, к нам, хощем тебе». Изяслав выступил с войском из Переяславля к Киеву, и тогда послали к нему своих послов «черные клубуки» и всё Поросье, затем также жители киевских пригородов Белгорода и Василева, с тою же речью: «Поиди, ты наш князь, а Ольгович не хочем». Наконец, приехало еще одно посольство от киевлян с повторным приглашением: «Ты наш князь, поезжай к нам, не хотим переходить к Ольговичам как по наследству». Когда Изяслав с войском приблизился к Киеву, киевляне открыто перешли на его сторону. Игорь Ольгович был разбит и взят в плен, «Изяслав же... с великою славою и честью въехал в Киев, и выидоша противу ему множество народа,... и приеха к святой Софии,... и седе на столе деда своего и отца своего» (Ип. 1146). И впоследствии, когда неблагоприятные повороты военного счастья вынуждали Изяслава уйти из Киева, киевляне при первой возможности снова призывали к себе своего любимого князя, а после его смерти (1154 г.) киевляне «посадиша в Киеве» его брата Ростислава.

Мы привели довольно фактов из жизни Киевского княжества, теперь посмотрим на крайний северо-восток

тогдашнего русского мира, на землю Ростовско-Суздальскую. В 1157 г., после смерти Юрия Владимировича в Киеве, «ростовцы и суздальцы сдумавше вси, пояша Андрея сына его старейшего и посадиша и (его) в Ростове на отни столе и в Суздали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель». События, которые произошли в Ростовско-Суздальской земле после убийства Андрея Боголюбского (1175 г.), представляют яркую картину весьма активного участия местного населения в замещении княжеских «столов».

По смерти Андрея жители важнейших городов Суздальской земли съехались во Владимир и постановили пригласить на княжение в Суздальскую землю племянников Андрея — Мстислава и Ярополка Ростиславичей; послы от веча должны были сказать избранным князьям: «Поезжайте к нам княжить, а иных мы не хотим». Ростиславичи приехали и в окняжились в Суздальской земле, но жители города Владимира решили посадить у себя особых князя — Михаила (Михалка), брата убитого князя. Ростиславичи осадили Михаила в его городе и вынудили его уехать из Владимира, «и проводиша его володимерцы с плачем». Потом владимирцы решили заключить мирный договор с Ростиславичами, — «и потом володимерцы утвердишеся с Ростиславичами крестным целованием, яко не створити има в городе никакого зла, выидоша с кресты противу Мстиславу и Ярополку из города». После этого «ростовцы посадиша у себе Мстислава на столе дедни и отни», «а Ярополка князя посадиша володимерцы в городе Володимири на столе, в святой Богородице весь поряд положше», т. е. заключив с ним надлежащий договор. Скоро, однако, молодые князья вызвали против себя недовольство владимирского населения, потому что их посадники «многу тяготу людям сим створиша продажами и вирами», а сами князья осмелились даже взять золото и серебро из храма «святое Богородицы Володимерское». Возмущенное население владимирское начало собираться и выражать недовольство: «и почаша Володимерцы молвити: «мы есмы вольная князя прияли к себе, и крест целовали на всём (т. е. мы приняли князей добровольно и заключили с ними договор под присягой), а они точно не в своей волости княжат, точно не хотят долго сидеть у нас, грабят не только всю волость, но и церкви, так промышляйте, братья!»... После того как владимирцы безуспешно жаловались ростовцам и суздальцам («являюще им свою обиду»), они послали своих послов в Чернигов к

Михалку, приглашая его снова во Владимир на княжение и обещая ему вооруженную поддержку против племянников. Михаил с братом Всеялодом пришли в Сузальскую землю с войском и при помощи владимирцев победили и прогнали Ростиславичей — «Михалко же поеха в Володимер с честью и славою великою». Летописец отмечает радость и гордость владимирцев, когда эти «новые, мезинные люди» одержали победу над гордым ростовским боярством и посадили у себя избранного ими князя. «Потом же прислашася к Михалкови князю Сузальцы, рекуше: «Мы, княже, на полку том с Мстиславом не были (т. е. не сражались на стороне Мстислава), но были с ним боляре; а на нас лиха сердца не держи (не гневайся), но поеди к нам». Михалко же еха в Сузаль, а из Суздаля Ростову, и сотвори людям весь наряд, и утвердився крестным целованием с ними, и честь возма у них и дары многи у Ростовцев».

В следующем (1177 г.) году князь Михаил Юрьевич умер, и снова началась распра между владимирцами и ростовцами. Владимирцы «целоваша крест ко Всеялоду князю, брату Михалкову» и «посадиша и на отни и на дедни столе в Володимери». «В то же лето приведоша ростовцы и боляре Мстислава Ростиславича из Новгорода, рекуше: «Поиди, княже к нам, Михалка Бог поял, а мы хочем тебе, а иного не хочем». Мстислав явился и, собрав большое войско, двинулся против Всеялода; «Всеялод же поеха противу ему, с володимерцы и с дружиною своею...». Снова гордые «ростовцы и боляре» были побеждены «людьми новыми, мезинными», и Всеялод Юрьевич окончательно и крепко вокняжился в Ростовско-Сузальско-Владимирской земле.

Итак, призвание или принятие народом угодного ему князя, Равно как и изгнание князей неугодных, были обычным явлением в XI—XII веках на всем обширном пространстве тогдашнего русского мира²¹.

Призвание (или принятие) и перемена князей были не только политическими фактами, проистекавшими из реального соотношения сил, но были общепризнанным правом населения. Право это признавали и сами князья и их дружины.

²¹ Летопись отмечает ряд фактов смены князей по воле населения также в землях Полоцкой, Смоленской, Чернигово-Северской, Муромо-Рязанской (не говоря о Новгороде).

В 1154 г., когда князь Ростислав Мстиславич, приглаженный киевлянами на княжение, собирался идти в поход против черниговских князей, «мужи же бороняхуть ему поити Чернигову, рекуче ему: ты ся еси еще с людьми (в) Киеве не утвердил; а поеди лепле (лучше) в Киев, же с людьми утвердися»... В том же году князь Изяслав Давыдович, призванный киевлянами после бегства Ростислава, защищая свое право на киевский престол, говорит своему сопернику: «Ци (разве) сам есм сел (в) Киеве? посадили мя кияне». В 1177 г. в Сузdalской земле принятый владимирцами князь Всеволод Юрьевич, обращаясь к своему племяннику и противнику Мстиславу Ростиславичу, говорит ему: «Брате! оже ты привели старейшая дружины, а поеди Ростову, а оттоле мир возмеве: тебе ростовцы привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и володимерцы, а Сузdal буди нама обче, да кого восхотять, то им буди князь». В 1212 г., по смерти великого князя Всеволода Сузdalского, завещавшего своему сыну Ярославу Переяславское княжение (Переяславля Северного), Ярослав, явившись в Переяславль, создал народное вече и обратился к нему с такой речью: «Братья Переяславцы! вот отец мой отошел и Богу, а вас отдал мне, а меня дал вам на руки; скажите же мне, братья, хотите ли иметь меня своим князем и головы свои за меня сложить?». И Переяславцы отвечали ему в один голос: «Очень хотим, господине, да будет так, ты наш господин, ты — Всеволод!» — после чего все целовали ему крест.

Вторым — чрезвычайно важным — кругом вопросов, подлежащих решению вече, были вопросы о войне и мире вообще, а также о продолжении или прекращении военных действий. Иногда народ сам принимал на себя инициативу объявления войны, иногда, наоборот, отказывался от участия в войне, которую начинал или затевал князь; иногда требовал более энергичных военных действий, иногда требовал их прекращения. Для войны собственными средствами, с помощью своей дружины и охотников из народа, князь не нуждался в согласии вече, но для войны средствами волости, когда требовался созыв народного ополчения, нужно было согласие вече. «Только войны против половцев организуются, по-видимому, иногда без предварительного обсуждения на вече: им население всегда сочувствует» (Пресняков).

Приведем ряд отмеченных летописью фактов. В 1068 г., после поражения князей Ярославичей половцами,

киевляне «створиши вече на торговищи и реша пославшеся ко князю: «Се половцы росулися по земли: дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». — В 1093 г., во время большого похода на половцев, князья «созваша дружину свою на совет... и начаша думати» — обсуждать военное положение. Владимир Мономах советовал заключить мир, «киянне же не восхотеша, но рекоша: хочем ся бити...». — В 1096 г. киевский князь Святополк Изяславович и Владимир Мономах послали приглашение Олегу Черниговскому: «поиди Киеву, да поряд положил о Рустей земли, пред епископы и пред иеумены и пред мужи отец наших, и пред людьми градскими, да быхом оборонили Русскую землю от поганых». — В 1097 г. князья Володарь и Василько осадили Владимир-Волынский, в котором заился князь Давид Игоревич, и послали к владимирам требование, чтобы они выдали для наказания трех советников князя Давида, которые нездолго перед тем «намолвили» Давида обманом захватить и ослепить Василька. «Гражане же се слышав, созваша вече, и реша Давидови людье: «выдай мужи сия, не бьемся за сих, а за тя битися можем; аще ли (если нет), то отворим врата граду, а сам промышляй о себе», и неволя бысть выдати я» (их)... — В 1138 г., когда к Чернигову двигались большие военные силы князей — противников Всеволода Черниговского, «людье черниговцы возопиша ко Всеволоду: «ты надеешся бежати в Половце, а волость свою погубити, то к чему ся опять воротишь? лучше того останися высокоумья своего и проси мира»... Всеволод же то слышав, яко смыслен сый,...испроси мир»... — В 1147 г. киевляне отказались идти со своим князем Изяславом в поход против Юрия Владимировича сузdalского; но вскоре затем, по призыву Изяслава, с полной готовностью и единодушием выступили на помошь ему против князей черниговских. — В 1149 г., когда Изяслав снова хотел начинать войну против Юрия и Ольговичей, «киянам же не хотящим, глаголющим: ми рися, княже, мы не идем». — В 1177 г. ростовцы требуют от своего князя Мстислава Ростиславича продолжения войны со Всеволодом владимирским — «моляхутъ бо ему: аще ты мир даси ему, то мы не дамы».

Приведенные факты в достаточной мере рисуют нам силу и активность народных собраний в Древней Руси. Решения веча, в теории, должны были быть «единодушными» и единогласными — народ выносил тот или иной приговор или решение «едиными уsty». В действительности это «единение всех» означало «соглашение такого по-

давляющего большинства, которое заставляло молчать разномыслящих» (Сергеевич).

8. *Социальный состав русского общества в XI—XII вв. (классы населения)*. Главным источником наших сведений о социальном строении Киевской Руси служат летописи, в особенности «Русская Правда». Последняя представляет собою составленное разновременно в течение XI—XII вв. собрание норм обычного русского права с добавлением княжеских законодательных постановлений²². Свободное население Древней Руси не знало сословных делений и перегородок²³. Все свободное население пользовалось одинаковыми правами, но, конечно, различные группы населения отличались одни от других по своему фактическому положению, по своему богатству и социальному влиянию. Общественные верхи носили различные названия: люди или мужи «лучшие», или «лепшие», «большие», «старейшие», «вятшие», «передние», «нарочитые», «первые», «боляре» или «бояре». Общественные низы, или простонародье, назывались люди «молодшие», «меньшие», «черные», «простая чадь», «смерды» или просто «люди».

Высший слой населения, или боярство, состоялся из двух элементов: во-первых, это были «земские бояре»²⁴, местная аристократия, возникшая еще до образования великого княжества Киевского. Это были, с одной стороны, потомки родовых старейшин и племенных князьков эпохи племенного быта, а с другой стороны, это была военно-торговая аристократия, вооруженное купечество больших торговых городов, которое организовало и охраняло (совместно с княжескими дружинами) внешнюю торговлю, главным образом по великому водному пути «из варяг в греки». Вторым составным элементом боярства этой эпохи было служилое княжеское боярство, «княжи мужи» и вышний слой княжеских дружиинников. В составе этого слоя

²² Должно заметить, что источники эти не достаточны для того, чтобы дать нам полную картину общественного состава того времени и ясно определить характер и положение каждого из общественных классов. В этой области остается немало спорных вопросов, и потому изложение этого предмета нашими историками может претендовать только на большую или меньшую вероятность, но не на полную достоверность.

²³ Сословием называется определенная, более или менее замкнутая группа населения, отличающаяся от других групп своим юридическим положением, т. е. особыми правами и преимуществами, или особыми обязанностями.

²⁴ Название, принятое в исторической литературе, но не встречающееся в источниках.

первоначально было много варягов-скандинавов, были и другие пришельцы, поступавшие на княжескую службу — из финнов, венгров, южных кочевых народов и даже северокавказских «ясов». Но уже в XI в. княжеские дружины «обрусили» или «ославянились» и варяжский элемент перестал в них играть заметную роль. В течение XI и XII вв. происходит сближение и частью слияние земского и княжеского боярства. С одной стороны, местная знать группируется около князя для укрепления своего материального благосостояния и социально-политического влияния и частью поступает в состав княжеской дружины. С другой стороны, «княжи мужи» по мере «оседания» некоторых линий княжеского рода в известных областях, входят в местную жизнь и, приобретая имения, становятся местными крупными землевладельцами. В результате этого процесса все боярство превращается в класс крупных землевладельцев; боярские села населены преимущественно их «челядью» — несвободным и полусвободным населением, которое обрабатывает боярскую землю и служит в боярском дворе. Теперь бояре выступают в походы со своими собственными дружинами, иногда довольно многочисленными.

К средним классам населения можно причислить рядовую массу княжеских дружинников (см. выше) и средние слои городского купечества.

Низшие классы — городское и сельское простонародье — иногда носили общее название «смердов», но преимущественно слово «смерды» означало сельское или крестьянское земледельческое население²⁵. Смерды составляли, по-видимому, основную массу сельского населения Киевской Руси. Они были лично свободными и объединялись, в территориальные общины верви. Смерды платили дань князю и иногда призывались на военную службу. Относительно экономического положения смердов мы не имеем конкретных данных, но общие условия жизни в XII—XIII вв. — в эпоху упадка Киевской Руси — дают основание предполагать, что их положение последовательно ухудшалось и что значительная часть их попадала в зависимость к крупным частным землевладельцам.

В эпоху «Русской Правды» существовал, по-видимому, уже достаточно обширный класс полузависимого сельского

²⁵ Слово «крестьяне» («христьяне», т. е. христиане), как обозначение сельского класса, было неизвестно киевскому периоду и вошло в употребление лишь в татарскую эпоху.

населения, известный под именем «закупов» или «ролейных закупов» (ролья — пашня), проживавших на землях крупных землевладельцев. По-видимому, они получали от своего господина ссуду и обязывались за нее работать в его хозяйстве²⁶. Согласно «Русской Правде», господин мог даже побить закупа, но только «про дело»; он не мог обратить его в рабство или наказать «без вины», иначе закуп имел право обратиться к защите княжеского суда.

На самом низу общественной лестницы древнерусского общества находилась масса рабов-«холопов», или «челядь»²⁷. Челядь преимущественно обрабатывала княжеские и боярские земли, обслуживала княжеские и боярские дворы, а в эпоху процветания внешней торговли челядь служила одним из главных предметов русского вывоза за границу.

Обычными источниками рабства были плен, рождение от холопов, продажа в рабство, затем — некоторые преступления, долговая несостоятельность, женитьба на рабе, поступление в домашнее услужение без договора. Право господина распоряжаться трудом и личностью холопа было, по закону, неограниченным (вплоть до безнаказанного убийства холопа), но практика и влияние церкви несколько смягчали суворость юридических норм. Некоторые из рабов, конечно, с разрешения господина, имели свое имущество, принимали участие в торговых операциях или занимали должности приказчиков (тиунов) в хозяйственном управлении. Многие благочестивые люди перед смертью отпускали часть своих рабов на свободу или завещали их церкви «по душе».

Параллельно со светским обществом существовало в Древней Руси многочисленное общество церковных людей, подчиненное управлению и юрисдикции церковных властей (см. выше).

²⁶ Ролейные закупы были «сельские рабочие, сельвшиеся на землях частных собственников со ссудой от хозяев». (Ключевский).

²⁷ Именем челяди иногда называлось, по-видимому, все зависимое население какого-нибудь господского села — и собственно рабы, и полусвободные. Относительно численности класса рабов в Киевской Руси между историками нет согласия: одни считают, что рабы составляли весьма значительную часть рабочего населения, другие не допускают преобладающей роли рабского труда. Ввиду отсутствия каких-либо статистических данных вопрос этот остается неразрешимым. Однако постоянные упоминания источников о «селах с челядью», а также большой интерес, проявляемый «Русской Правдой» к холопству, показывают, что, во всяком случае, рабство было в то время весьма распространенным на Руси.

Глава II

НОВГОРОДСКАЯ РУСЬ

1. Город Новгород Великий и территория Новгородского государства. Новгород Великий расположен по обоим берегам р. Волхова, недалеко от его истока из озера Ильменя. Он разделялся на две стороны (Торговую на восточном берегу реки и Софийскую — на западном) и на «пять концов». На Софийской стороне находился «детинец» (новгородский кремль) и в нем — кафедральный храм св. Софии, Премудрости Божией, главная святыня Новгородского государства. На Торговой стороне находились главная рыночная площадь («торг») и так называемый Ярославов двор, или «дворище»; это было обычное место вечевых собраний — здесь стояла вечевая башня с вечевым колоколом. Вблизи находились торговые дворы иноземцев — «готский» и немецкий.

Новгород был столицей огромной территории, занимавшей весь север Великой Русской равнины²⁸. Из новгородских «пригородов», разбросанных на этом необъятном пространстве, более важными были: Псков, Старая Руса, Ладога, Новый Торг, или Торжок. Основное ядро новгородской территории разделялось на пять земель, которые с конца XV в. назывались «пятинаами» (Водская, Обонежская, Деревская, Шелонская, Бежецкая). Далее к северу и северо-востоку шли обширные пространства новгородских «земель» или «волостей» — Заволочье (область по течению р. Северной Двины); «Тре», или «Терский берег» (к северо-востоку от Белого моря); Печора (по р. Печоре); к югу от нее — Пермская земля, а к северо-востоку — Югра, переходившая частью за Камень, (т. е. за Урал).

²⁸ В период Империи это были губернии: Новгородская, Псковская, С-Петербургская, Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская и Пермская. Псков и Вятка выделились из состава Новгородского государства и образовали самостоятельные земли.

«Новгородская территория расширялась преимущественно посредством военно-промышленной колонизации» (Ключевский), которая не встречала серьезного сопротивления со стороны слабых и разрозненных туземных племен. Кроме собственно новгородского войска, в деле покорения и частичной колонизации северных земель активную и существенную роль играли дружины новгородских «молодцов», или «ушкуйников» (ушкуями назывались их лодки), которые собирались по частной инициативе и, плавая по северным рекам и по Белому морю, завоевывали всё новые и новые земли, основывали там свои колонии или опорные пункты и заставляли туземное население платить дань (преимущественно мехами) или в казну Господина Великого Новгорода, или в пользу тех богатых бояр-промышленников, которые организовывали и поддерживали такие экспедиции. Суровые и негостеприимные пространства севера привлекали новгородских колонистов и промышленников тем, что в его необъятных лесах водилось множество ценных пушных зверей, которые добывались здесь новгородцами посредством охоты или покупки у туземцев, а также поступили от последних в виде дани.

2. Население и хозяйство. Местное население обширных северных и северо-восточных пространств составляли преимущественно финские племена; на Крайнем Севере жили лопари и самоеды. Русское население было разбросано здесь небольшими островками, и только юго-западный угол обширной новгородской территории был почти сплошь населен русскими и принимал самое деятельное участие в жизни тогдашнего русского мира, а город Новгород Великий сделался политическим, торговым и культурным центром всего древнерусского Севера.

Во главе новгородского общества, городского и сельского, стоял сильный, влиятельный и богатый класс бояр. Это были землевладельцы, рабовладельцы и капиталисты, эксплуатировавшие трудом зависимого населения свои земельные, лесные и речные владения, получавшие из них товары для вывоза и финансировавшие торговые операции купцов.

Следующим классом были «жити люди» — новгородские домовладельцы и землевладельцы средней руки, вероятно, также хозяева-собственники средних промышленных предприятий.

Далее следовал многочисленный и деятельный класс купцов, производивший непосредственно торговые опера-

ции с иноземцами и с русскими. Они делились на ста (сотни), а также составляли особые компании или артели — или по направлению своей торговли (купцы «закорские» или «низовские»), или — по предметам торговли (купцы прасолы, суконники, хлебники, рыбники и т. д.). Высший разряд новгородского купечества составляло купеческое общество при церкви св. Иоанна Предтечи; согласно учредительной грамоте этого общества (ок. 1135 г.), «кто хочет в купечество вложиться в Иванское», должен сделать вступительный вклад в размере 50 гривен (фунтов) серебра.

Ниже купцов на социальной лестнице стояла масса городского населения, так называемые «черные люди» — мелкие ремесленники и наемные рабочие, — плотники, каменщики, гончары, кузнецы, портные, кожевники, далее — рыболовы, лодочники, перевозчики и т. д.

Все эти слои свободного городского населения пользовались одинаковыми гражданскими и политическими правами и, принимая участие в вечевых собраниях, образовали политическую общину, которой юридически принадлежала верховная власть во всем Новгородском государстве.

Свободное сельское население состояло из двух рядов: во-первых, мелких землевладельцев-собственников, так называемых «земцев» или «своеземцев», которые иногда «складывались» в товарищества или артели для совместной земледельческой и промышленной эксплуатации своих земель и разных «угодий», — так называемые «сябры» или «складники»; во-вторых, смердов, которые жили на государственных землях Великого Новгорода, а также на землях церкви и частных собственников. Сельское население объединялось в особые общини, носившие название погостов; крестьяне были лично свободны и имели право переходить от одних землевладельцев к другим. В своих погостах они пользовались самоуправлением, собирались на сход (преимущественно по воскресным дням) к церкви своего погоста — «здесь они выбирали себе старост, распоряжались сбором и раскладкой податей и исполнением повинностей, обсуждали свои нужды и творили свой суд» (Костомаров). Те крестьяне, которые обрабатывали чужие земли на условии уплаты землевладельцам части урожая, назывались «половниками», «третниками» или «четниками», в соответствии с условиями договоров. В течение XV века крестьянское население новгородской земли постепенно попадает все в большую зависимость от

частных землевладельцев, и его правовое и экономическое положение все время ухудшается.

Низший слой населения в новгородской земле составлял многочисленный класс холопов, которые были слугами в боярских дворах и рабочими в крупных боярских вотчинах.

В хозяйственном отношении Новгородское государство не было самодовлеющим. За исключением юго-западной окраины, новгородские земли были или вовсе непригодны для сельскохозяйственной обработки, или были малоплодородными. Поэтому Новгороду никогда не хватало своего хлеба для обеспечения многочисленного городского населения, и нередко мы читаем в новгородских летописях описания страшного голода в столице новгородской земли. Новгород постоянно нуждался в привозном хлебе, который доставлялся глазным образом из Ростовско-Суздальской земли, что создавало экономическую зависимость Новгорода от «Низа» т. е. от центральной княжеской Великороссии.

Главное богатство Новгорода и главный предмет его вывоза составляли ценные меха — собольи, лисьи, бобровые, куньи и др., — которые в огромных количествах поступали из всех частей обширного Новгородского государства и затем вывозились в Среднюю и Западную Европу. Средневековая Европа предъявляла громадный спрос на меховые товары, ибо меха употреблялись тогда не только для изготовления теплой одежды, но были любимым украшением одежды и даже обуви всякого рода, и Новгород был поставщиком этого товара на целую Европу. Кроме мехов, Новгород вывозил в Европу кожи, китовое и моржовое сало, воск, смолу, строевой лес. Привозились в Новгород из-за границы сукна и другие материи, металлические изделия, вина, соль.

Уже в XII в. в Новгороде была заграничная торговая фактория, так называемый готский двор (основанный купцами из г. Висби на о. Готланде). В конце XII в. здесь является немецкий двор, который в XIII—XIV вв. (по мере образования и усиления Ганзейского союза) растет в своем значении и играет главную роль в ходе новгородской внешней торговли. Кроме чужеземных торговых дворов, в Новгороде были дворы приезжих русских купцов, а именно: псковский, тверской, поло-вецкий, смоленский. Новгородские купцы, со своей стороны, целыми партиями ездили для торговых операций в различные земли русского мира.

3. Развитие политической свободы и самостоятельности Великого Новгорода. В X—XI вв. Новгород находился под властью великих князей Киевских, которые держали в нем своего наместника (обыкновенно одного из своих сыновей) и которым Новгород до времени Ярослава I платил дань наравне с другими русскими землями. Однако уже при Ярославе в отношениях Новгорода к великому князю Киевскому произошла существенная перемена. Ярослав «сидел» в Новгороде в 1015 году, когда умер его отец, Владимир Святой, и брат его Святополк начал избивать своих братьев с целью захватить власть над всеми русскими землями. Только благодаря деятельной и энергичной поддержке новгородцев Ярославу удалось победить Святополка и овладеть великим княжеством Киевским. После победы Ярослав, покидая Новгород, дал новгородцам «грамоту» (или «устав»), которая определяла их отношение к великому князю Киевскому. Нам неизвестно, какие именно права и привилегии предоставил Ярослав Новгороду, но в позднейших своих переговорах и соглашениях с князьями новгородцы требовали, чтобы последние целовали крест «на всей воле новгородской и на всех грамотах Ярославлих».

Разделение Руси в XI—XII вв. на несколько отдельных княжеств ослабило силу и влияние великого князя Киевского, а раздоры и междоусобия в княжеском роде представили Новгороду возможность приглашать на княжение к себе того из князей-соперников, который был ему «люб». В течение всего XI века великие князья Киевские еще продолжают рассматривать Новгород как свое владение и считают себя вправе посыпать туда князем одного из своих сыновей, но к концу этого века новгородцы проявляют уже стремление к самостоятельности. В 1095 г. они пригласили к себе на княжение Мстислава, сына Владимира Мономаха. Через несколько лет великий князь Киевский Святополк II заключил с Владимиром договор о том, чтобы Мстиславу было предоставлено другое княжество, а «Новгороду быти Святополчу и посадити сын свой в нем». Однако новгородцы решительно отказались подчиниться требованию великого князя Киевского и принять на княжение его сына. В 1102 г. новгородские послы (вместе с Мстиславом) пришли в Киев и решительно заявили Святополку: «Вот, князь, мы присланы к тебе, и вот что нам велено сказать: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, то пошли его в Новгород». Святополк много спорил с ними, но они поставили на

своем, взяли Мстислава и пошли назад в Новгород. Эта «бескровная революция», ограничившаяся перебранкой новгородских послов с великим князем Киевским, означала в сущности конец власти последнего над Великим Новгородом.

Правда, сильный и популярный Владимир Мономах, сделавшись великим князем Киевским, еще раз показал свою власть над Новгородом. В 1117/18 он «посадил на столе» в Новгороде своего внука, Всеволода Мстиславича, а бояр новгородских привел к присяге на верность и некоторых из них даже арестовал, обвиняя их в незаконных действиях.

Но после смерти в Киеве Мстислава Владимировича (1132 г.) новгородцы сразу почувствовали себя господами в своем доме. В 1136 г. они не только «сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода», но даже посадили его, со всем семейством, под арест! — «и всадиша в епископль двор, с женою и с детьми и с тещею, и стражи стережау день и нощь с оружием, 30 мужь на день». Через два месяца новгородцы выпустили Всеволода из-под ареста, и псковичи тогда пригласили его к себе на княжение.

С тех пор мы читаем в летописях многочисленные известия о том, что новгородцы «изгнаша», «выгнаша» или «выслаша» от себя такого-то князя или «показаша путь» своему князю, а к себе «позваша», «прияша», «пояша» или «посадиша» другого. Часто летописец ограничивается такими краткими сообщениями, не приводя ни подробностей, ни мотивов таких перемен на княжеском столе, иногда сообщает интересные детали или приводит слова, с которыми новгородцы обращались к своим изгнанным князьям.

В 1140 г. новгородцы выгнали Святослава, брата великого князя Киевского Всеволода Ольговича (из черниговских князей), и послали своих послов к Всеволоду, «рекуще: дай нам сын свой, а Святослава не хочем». Всеволод согласился послать в Новгород своего сына, но тем временем «новгородцы сдумавше рекоша Всеволоду: «не хочем сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочем племени Володимеря» (Лавр.).

В 1212 г. «показаша путь новгородцы князю Всеволоду: «не хочем тебе, пойди, камо хочеши» (Новг. 1).

В 1230 г. новгородцы «путь показаша» князю Ростиславу: «ты пойди прочь, а мы себе князя промыслим» (Новг. 1).

С особыми подробностями описывает летопись конфликт новгородцев с князем Ярославом Ярославичем в 1270 г. Новгородцы «начаша изгонити князя Ярослава из города, из созваниша вече на Ярославли дворе»,... «а к князю пославше на Городище, исписавши на грамоту всю вину его»; новгородцы обвиняли князя в ряде насилий и незаконных действий и заканчивали свою грамоту словами: «а ныне, княже, не можем терпети твоего насилия; поеди от нас, а мы тебе князя промыслим». Ярослав прислал на вече своих послов «с поклоном» и с обещанием — «того всего лишаюся, а крест целую на всей воли вашей». Новгородцы же отвечаша: «княже! поеди проче, не хотим тебе: али идем весь Новгород прогонит тебе». Князь же поиде из города по неволи» (Новг. 1).

В конце XII века перемены новгородцами князей сделались столь частыми и постоянными, что летописец под 1186 г. отмечает: «В се же лето выгнаша новгородцы Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мстислава пояша к себе княжить Новугороду: таков бо бе их обычай» (Лавр.). Немудрено, что сидевший в Новгороде князь иногда чувствовал, что «не твердо ему сидение» (Воскр. 1215), и предпочитал покинуть своих беспокойных «подданных» раньше, чем они ему «покажут путь».

В 1169 г. князь Святослав Ростиславич, узнав, что «людие вече деютъ» против него, предпочел сам уйти из Новгорода «и посла в Новгород глаголя: не хощу у вас княжити», новгородцы же решаша: «а мы тебе, княже, никакоже у себе не хотим» (Воскр.).

Наконец, был случай, что новгородский князь ночью, тайком, бежал из беспокойного города; в 1222 г. князь Всеволод Юрьевич «побеже в ночь, утаився, из Новгорода со всем двором своим; новгородцы же печальны быша о том» (Новг. 1).

В конце XII века право Новгорода выбирать себе любого князя между всеми князьями русскими было бесспорным и общепризнанным. Под 1196 г. читаем в Новгородской летописи: «а Новгород выложиша вси князи в свободу: где им либо, ту же собе князя поимають».

Помимо князя во главе новгородской администрации стоял *посадник*, который в X—XI вв. назначался князем, но в 30-х гг. XII в. важная должность посадника в Новгороде становится избирательной, и право сменить посадника принадлежит только вечу. В 1218 г. князь Святослав Ростиславич, недовольный посадником Твердиславом, заявил новгородскому вечу: «не могу быть с Твердиславом

и отымаю от него посадничество». Новгородцы спросили: «какая его вина?» Князь ответил: «без вины». Тогда сказал Твердислав, обращаясь к вечу: «тому есм рад, оже вины моей нету: а вы, братья, в посадничестве и в князех вольны». Тогда новгородцы напомнили князю о том, что он присягал никого не лишать должности без вины, и заявили: «тобе ся кланяем, а се наш посадник, а в то ся не вдадим» (т. е. не допустим), «и бысть мир», т. е. князь отказался от своего требования.

Важная должность тысяцкого («тысяческое») тоже становится избирательной, и новгородское вече «дает» и «отнимает» ее по своему усмотрению.

Наконец со второй половины XII в. по избранию веча замещается высокий пост главы новгородской церкви, владыки архиепископа новгородского. В 1156 г., по смерти архиепископа Нифонта, «собрася весь град людий и изволиша себе епископ поставить муж Богом избран Аркадия»; конечно, избранник веча должен был потом получить «поставление» на епископскую кафедру от митрополита Киевского и всея Руси.

Таким образом, в течение XII в. вся высшая новгородская администрация становится избираемой, и вече Господина Великого Новгорода становится полновластным распорядителем судеб Новгородского государства.

4. Государственное устройство и управление:

а) Князь. Новгородцы были, «мужи вольные», жили и управлялись «на всей воле своей», но и они не считали возможным обходиться без князя. Князь нужен был Новгороду главным образом как предводитель войска. Вот почему новгородцы так ценили и уважали своих воинственных князей конца XII и начала XIII в.— Мстислава Ростиславича (Храброго) и его сына Мстислава Удалого. В середине XIII в. приобрел себе славу и популярность своими военными подвигами другой новгородский князь — Александр Невский (хотя во внутренних отношениях у него не раз бывали конфликты с новгородцами). В 1269 г., через год после Раковорской битвы с немцами, новгородский князь Ярослав «хоте из города ехати. Новгородцы же кланяhusя ему: «княже!.. от нас не езди; еще бо не добре ся бяжу умирили с немцами) (Новг. 1).

Однако, предоставляя князю командование вооруженными силами, новгородцы отнюдь не дозволяли ему самостоятельно вести дела внешней политики и начинать войну без согласия веча. В 1266 г. тот же князь Ярослав

«приде в Новгород с полками низовскими, хотя ити на Псков», — «новгородцы же возбраниша ему...; князь же отослал полки назадо (Новг. 1).

Новгородцы требовали от своего князя присяги в том, что он будет нерушимо соблюдать все их права и вольности. В 1228 г., приглашая к себе князя Ярослава Все-володовича, новгородцы «послаша к Ярославу на том: «поеди к нам,... на всей воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь; или ты собе, а мы собе» (Новг. 1).

Приглашая нового князя, Новгород заключал с ним формальный договор, точно определявший его права и обязанности. До нас дошел ряд таких договоров, из которых первый относится к 1265 г. но договоры XIII—XIV вв. не являются новостью в политической жизни Новгорода, наоборот, они лишь формулируют и закрепляют старый политический обычай, который каждый вновь приглашаемый князь обязуется соблюдать нерушимо: «На сем княже, целуй хрест ко всему Новгороду, на чем целовали деды и отцы,— Новгород ти держати в старине, по пошлине, без обиды». Вся судебная и правительственная деятельность князя должна идти в согласии с новгородским посадником и под его постоянным надзором: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот давати»; а без вины мужа волости не лишити... А ряду в Новгородской волости тебе, княже, и твоим судиям не посудити (т. е. не изменять), а самосуда не замышляти». Вся местная администрация должна быть назначаема из новгородцев, а не из княжих мужей: «А что волостей всех новгородских, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими; а дар имети тебе от тех волостей». Этот «дар» с волостями, размеры которого точно определяются в договорах, составляет вознаграждение князя за его правительственную деятельность. Ряд постановлений обеспечивал от нарушения торговые права и интересы Новгорода. «А гостю гостити по Суздальской земли новгородскому бес пакости, без рубежа» (без задержек на границе), или: «А гостю гостити всякому с обе стороны, путь чист без рубежа; а ворот ти не затворяти, и всякий гость пустити в Новгород». Обеспечивая свободу торговли Новгорода с русскими землями, договоры требовали от князя также, чтобы он не препятствовал новгородской торговле с немцами и чтобы он сам не принимал в ней непосредственного участия: «А в Немецком дворе тебе торговати нашю братию, а двора ти

не затворяти, а приставов ти не приставливати». В отношении внешней политики князь должен был «пособлять» Новгороду в случае войны, но сам не должен был начинать войну без «новгородского слова» (т. е. без постановления веча). «А коли будет Новугороду размире с немци, или с Литвою, или с иною землею, пособляти ти, княже, по Новегороде без хитрости: а без новгородского ти слова, княже, войны не замышляти»...

Новгород заботился о том, чтобы князь со своею дружиною не вошел слишком близко и глубоко во внутреннюю жизнь новгородского общества и не сделался бы в нем влиятельной социальной силой. Князь со своим двором должен был проживать за чертою города, на Городище. Ему и его людям запрещалось принимать кого-либо из новгородцев в личную зависимость, а также приобретать земельную собственность во владениях Великого Новгорода — «а тебе, княже, ни твоей княгини, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держати, ни купити, ни даром принимати по всей волости Новгородской».

Таким образом «князь должен был стоять около Новгорода, служа ему, а не во главе его, правя им», говорит Ключевский, который указывает на политическое противоречие в строе Новгорода: он нуждался в князе, но «в то же время относился к нему с крайним недоверием» и старался всячески стеснить и ограничить его власть²⁹.

б) *Вече*. Господин Великий Новгород разделялся на «концы», «сотни» и «улицы», и все эти деления представляли самоуправляющиеся общины, они имели свои местные вечи и выбирали для управления и представительства сотских, а также кончанских и улицких старост. Союз этих местных общин и составлял Великий Новгород, и «совокупная воля всех этих союзных миров выражалась

²⁹ В XIV—XV вв., когда Москва возвысилась над прочими русскими княжествами и московские князья почти неизменно занимали престол великих князей владимирских, новгородцы обыкновенно признавали своими князьями великих князей московских. Последние, конечно, не жили в Новгороде, но посыпали своих наместников на Городище. Подобно древним князьям, они обязывались, по договорным грамотам, «держати Новгород в старине, по пошлине, без обиды» и соблюдать все остальные постановления древних договоров. Иногда между Новгородом и великим князем происходил разрыв, и наместники великого князя «съезжали» с Городища. Фактически в течение последних полутора веков новгородской независимости в Новгороде не было ни князя, ни княжеской дружины.

в общем вече города» (Ключевский). Вече не созывалось периодически, в определенные сроки, но лишь тогда, когда являлась в том надобность. И князь, и посадник, и любая группа граждан могли созвать (или «созвонить») вече. На вечевую площадь собирались все свободные и полноправные новгородцы, и все имели одинаковое право голоса. Иногда на вече принимали участие жители новгородских пригородов (псковичи и ладожане), но обыкновенно вече состояло из граждан одного старшего города.

Компетенция новгородского веча была всеобъемлющей. Оно принимало законы и правила (в частности, вечем был принят и утвержден в 1471 г. новгородский судебник, или так называемая «судная грамота»); оно приглашало князя и заключало с ним договор, а в случае недовольства им изгоняло его; вече выбирало, сменяло и судило посадника и тысяцкого и разбирало их споры с князем; оно выбирало кандидата на пост архиепископа новгородского, иногда «миром» ставило церкви и монастыри; вече даровало государственные земли Великого Новгорода церковным учреждениям или частным лицам, а также давало некоторые пригороды и земли «в кормление» приглашаемым князьям; оно было высшей судебной инстанцией для пригородов и для частных лиц, ведало суд по политическим и другим важнейшим преступлениям, соединенным с наиболее тяжкими наказаниями — лишением жизни или конфискацией имущества и изгнанием; наконец, вече ведало всю область внешней политики: делало постановление о сборе войска о постройке крепостей на границах страны и вообще о мерах обороны государства; объявляло войну и заключало мир, а также заключало торговые договоры с чужими странами.

Вече имело свою канцелярию (или вечевую избу), во главе которой стоял «вечный дьяк» (секретарь). Постановления или приговоры вече записывались и скреплялись печатями Господина Великого Новгорода (так называемые «вечные грамоты»). Грамоты писались от имени всего Новгорода, его правительства и народа. В жалованной новгородской грамоте, данной Соловецкому монастырю (1459 г.), читаем: «И по благословению господина преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Ионы, господин посадник Великого Новагорода степенный Иван Лукинич и старые посадники, и господин тысяцкий Великого Новагорода степенный Труфан Юрьевич и старые тысяцкие, и бояре, и житыи люди, и купцы,

и черные люди, и весь господин государь Великий Новгород вся пять концов, на вече, на Ярославле дворе, пожаловали игумена... и всех старцев... тыми островы...

Большое новгородское вече собиралось обыкновенно на торговой стороне, на Ярославе дворе (или «дворище»). Собравшаяся, здесь огромная, многотысячная толпа «вольных мужей», конечно, не всегда соблюдала порядок и благочиние: «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов» (Ключевский). В случае разногласий на вече возникали шумные споры, иногда — драки, и «осилившая» сторона и признавалась большинством» (Ключевский). Иногда одновременно собирались два вече: одно на торговой, другое на Софийской стороне; некоторые участники являлись «в доспехах» (т. е. в вооружении), и споры между враждебными партиями доходили иногда до вооруженных столкновений на волховском мосту.

в) *Администрация и суд*. Совет господ. Во главе новгородской администрации стояли «степенный посадник» и «степенный тысяцкий»³⁰. Суд распределялся между разными властями: владыкой новгородским, княжеским наместником, посадником и тысяцким; в частности, тысяцкий, вместе с коллегией трех старост от житых людей и двух старост от купцов, должен был «управляти всякие дела» купечества и «суд торговый». В надлежащих случаях действовал совместный суд разных инстанций. Для «пересуда», т.е. для пересмотра дел, решенных в первой инстанции, существовала коллегия из 10 «докладчиков», по одному боярину и по одному «житьему» от каждого конца. Для исполнительных судебных и административно-полицейских действий высшая администрация имела в своем распоряжении ряд низших агентов, которые носили различные названия: пристава, подвойские, позовники, изветники, биричи.

Многолюдная вечевая толпа, конечно, не могла толково и обстоятельно обсуждать подробности правительственные мероприятия или отдельные статьи законов и договоров; она могла только принимать или отвергать го-

³⁰ «Степенью» назывался помост на главной вечевой площади, с которого должностные лица обращались к народу.

товые доклады высшей администрации. Для предварительной же разработки необходимых мероприятий и для подготовки докладов в Новгороде существовал особый правительственный совет, или совет господ, он состоял из степенных посадника и тысяцкого, кончанских старост, сотских и старых (т. е. бывших) посадников и тысяцких. Совет этот, в который входили верхи новгородского боярства, имел большое влияние в политической жизни Новгорода и часто предрешал вопросы, подлежащие решению веча, — «это была скрытая, но очень деятельная пружина новгородского управления» (Ключевский).

В областном управлении Новгородского государства мы находим двойственность начал — централизации и местной автономии. Из Новгорода назначались посадники в пригороды, и судебные учреждения старшего города служили высшей инстанцией для пригорожан. Пригороды и все волости новгородские должны были платить дань господину Великому Новгороду. Неурядицы и злоупотребления в области управления вызывали центробежные силы в новгородских областях, и некоторые из них стремились оторваться от своего центра. В полной мере это удалось только Вятской и Псковской земле. В 1397 г. жители Двинской земли «задались» за великого князя Московского, но были приведены к покорности Новгороду силою оружия.

5. Церковь. Во главе новгородской церкви стоял владыка архиепископ Великого Новгорода и Пскова. Начиная с 1156 г. кандидат на архиепископскую кафедру выбирается новгородским вечем и затем поставляется митрополитом Киевским и всея Руси. В XIII—XIV вв. в Новгороде устанавливается своеобразный порядок избрания владыки: вече избирало трех кандидатов, затем три записки с их именами клались на престол в кафедральном храме св. Софии Премудрости Божией, и жребий решал, кому быть архиепископом. Архиепископ был не только главою новгородской церкви, но обладал огромным влиянием и авторитетом в политической и социальной жизни Великого Новгорода. Кафедральный храм св. Софии был не только главною святынею новгородской земли, но вместе с тем символом свободы и независимости Великого Новгорода. Новгород со всею землею состоял под покровительством св. Софии и рассматривал свои владения как «волость св. Софии». Военные действия новгородцы начинали не иначе, как по благословению архиепископа, и, идя на войну, они

шли сражаться и головы свои складывали «за Святую Софию»³¹.

Под управлением и юрисдикцией владыки новгородского находилось обширное общество «церковных людей» так же, как и на Руси Киевской; так же, как и там, ему принадлежал суд над всеми мирянами по делам, касающимся церкви и веры, а также по делам семейным и наследственным. Кафедре архиепископской принадлежали обширные земельные владения, население, которые также подлежали суду и управлению владыки. На церковных землях, кроме смердов, жили также «софийские» бояре и дети боярские и много военнослужилого люда. В случае военных действий они составляли особое конное войско, «владычин полк», отдельный от общего новгородского войска. Для ведения дел суда и управления при кафедре владыки новгородского состоял обширный штат «владычных» бояр, детей боярских и разных слуг, которые носили название «софиян».

В политической жизни Новгорода при том весьма ограниченном влиянии, которое имели новгородские князья, архиепископ был первым человеком. Он обычно председательствовал в совете господ; все важные правительственные акты издавались и все договоры с иными странами и с князьями заключались не иначе как по благословению «господина преосвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова».

В случаях, когда внутренние споры и неурядицы в Новгороде принимали слишком острый характер, делом и заботой владыки новгородского было примирение враждующих сторон и прекращение междоусобий³².

³¹ В 1398 г. новгородцы решили возвратить под власть Новгорода Двинскую землю, которая в 1397 г. была отнята у них Москвой. «И биша челом посадник... и бояри и дети боярские и житъ люди и купецы дети и вси их вои(ны): благослови, господине отче владыко, поискати святей Софии пригородов и волостей: или паки изнайдем свою отчину к святей Софии и к Великому Новгороду, паки ли свои головы положим за святую Софию и за своего господина, за великий Новгород». И владыка Иван благослови своих детей и воеводы Новгородские и вси вои». Поход окончился возвращением Двинской области «к святей Софии и к Великому Новгороду».

³² Так, в 1359 г. «бысть мятеж силен в Новегороде»: две стороны, Софийская и Торговая, вооруженными стояли одна против другой, готовые сразиться; тогда владыка Алексей с высшим духовенством пришел к спорящим и обратился к своим «детям» с горячим призывом к миру: «и прияша слово его и разидоша (Новг. 1) — Под 1418 г. находим в летописи подробное описание междоусобия в Новгороде: опять поднялись одна против другой Софийская и Торговая сторона, «и начаша людие

6. Внешние отношения. Александр Невский.

а) *Западные соседи: шведы, немцы, Литва.* В 1240 г., в момент, когда восточная и средняя Русь подверглась опустошительному татарскому нашествию, северный сосед Великого Новгорода, шведы, вместе с подчиненными им финскими племенами, напал на новгородскую землю; пришли они «в силе велице, в кораблих множество много зело». В Новгороде в то время княжил Александр Ярославич, который быстро выступил «с новгородцы и с ладожаны» против неприятеля и нанес ему тяжкое поражение в знаменитой битве на р. Неве (1240 г.).

Вскоре после этого ливонские немцы напали на Псковскую землю, захватили самый город Псков и двинулись дальше на восток. Александр перешел в энергичное контрнаступление, вытеснил немцев из Пскова и затем нанес им тяжелое поражение в битве на льду Чудского озера (Ледовое побоище 1242 г.).

Третий западный сосед, литовцы, вторгся в новгородские владения с юго-запада; Александр двинулся против них, нанес им несколько поражений и выгнал их из новгородских пределов (1245 г.).

И впоследствии западная граница Новгородского государства многократно подвергалась нападениям немцев и Литвы. В 1268 г. новгородцы с князем Дмитрием Александровичем и псковичи с князем Довмонтом, со своей стороны, произвели опустошительное вторжение во владение ливонских немцев, «попленили» их землю и нанесли немцам полное поражение в битве у Раковора. В XIV-XV вв. земля Псковская, которая длинной и узкой полосой прикрывала с запада новгородские владения, принимала на себя и отражала нападения немцев и литовцев, и новгородцы принимали мало участия в этой борьбе.

б) *Отношения с князьями суздальскими.* Сильный и властолюбивый князь суздальский Андрей Боголюбский после взятия Киева войсками его и его союзников (1169 г.) послал сильную рать против Новгорода, желая привести

людие срыскывать с обю страну, аки на рать, в доспехах на мост великий»; началась перестрелка и столкновения врукопашную, стали падать убитые, «аки на рати» (как на войне). Услышав о междуусобии «промеже своими детьми», владыка Симеон «испусти слезы из очию», повелел духовенству облечься «в священные ризы» и «повеле крест Господень и пресвятые Богородицы образ взяти, иде на мост», сопровождаемый сонмом духовенства. «И пришел святитель, ста посреде мосту, и взял животворящий крест, нача благословляти обе стороны»; тогда посадники и народ опомнились, поклонились кресту и владыке, «и разидашася, ...и бысть тишина в граде».

вольный город «под свою руку». Поход окончился полной неудачей, и сузальцы отступили, понеся огромные потери. Новгородцы со своим князем Романом Мстиславичем торжествовали победу, но скоро оказалось, что разрыв с великим князем сузальским имел тяжелые последствия для Новгорода. Прекратился подвоз хлеба с Низу, в Новгороде наступила дороговизна, и уже в 1170 г., «сдумавшие новгородцы, показаша путь князю Роману, а сами послаша к Ондрееви по мир»; а через некоторое время после того, как мир был заключен, новгородцы послали к Андрею «по князь», и в 1172 г. приняли к себе князем Юрия Андреевича.

С могучим князем Северо-Восточной Руси Всеволодом III новгородцы жили в согласии, посыпали на помощь ему свое войско против Чернигова, и в благодарность за эту помощь Всеволод в 1209 г. «вда им волю всю и уставы старых князь, егоже хотеху новгородцы, и рече им: кто втм добр, того любите, ах злых казните», т. е. признал за ними полную политическую самостоятельность.

После смерти Всеволода новгородцы во главе со своим князем Мстиславом Удалым помогли старшему сыну Всеволода, Константину одержать в Липецкой битве (1216 г.) победу над своими братьями и овладеть великим княжеством владимирским. Новгородский летописец с гордостью отмечает, что после Липецкой победы «посадиша новгородцы Костянтина в Володимири на столе».

в) *Татары*. Страшный татарский погром, постигший русские земли в 1238—1240 гг., не коснулся Новгорода непосредственно. Татарское войско, завоевавши области центральной России, повернуло затем на юг, не дойдя около 100 верст до Новгорода. Однако власть татарская, подчинившая себе всю Русь, не могла, конечно, оставить Новгород независимым. В 1246 г. знаменитый своими победами князь новгородский Александр Невский должен был ехать «в татары» и признать власть татарского хана. В 1252 г. хан дал ему великое княжение Владимирское. В 1257—1259 гг. татары производили перепись русского населения («число») для обложения его данью в пользу татарского хана. Приехали татарские переписчики («численици») и в Новгород. Новгородцам, «мужам вольным», была невыносима мысль о том, что они должны стать татарскими данниками, они отказались допустить у себя перепись и спровадили от себя татарских послов (давши им, впрочем, дары для хана). Это было открытое неповиновение власти хана, и татары, конечно, возобновили свое требование дани, «и бысть мятеж велик в Новегороде», — «чернь не хотеша дати числа, но реша: «ум-

рем честно за святую Софию»; бояре или «вятшии люди» советовали покориться. Князь Александр, сознавая, какие катастрофические последствия для Новгорода будет иметь восстание против татарской власти, силой подавил оппозицию и заставил Новгород принять татарских «числеников», — «и почаша ездити окаянные по улицам, пищучи дома христианские..., и отъехаша окаянны, вземше число». Впоследствии, когда сбор татарской дани с русских земель был поручен татарами великому князю Владимиру и Московскому, новгородцы платили последнему так называемый «выход», или «черный бор», для уплаты в Орду. Получая установленную дань, татары затем не вмешивались ни во внутренние дела Новгорода ни в его отношения с русскими князьями и западными соседями.

г) *Отношения с Москвой.* В XIV в. новгородцы считали для себя выгодным признавать своим князем того из русских князей, который получал от татарского «царя» великое княжение Владимирское, начиная с Ивана Калиты, это были князья Московские. Так, новгородцы признали своим князем Ивана Калиту, потом его сына, Симеона Гордого, и приняли от них наместников. Временами у Новгорода происходили столкновения с московскими князьями, но обыкновенно дело кончалось примирением и уплатой очередных взносов «черного бора». В 1397 г. у Новгорода возник серьезный военный конфликт с Москвой. Московские войска пошли «за Волок на Двину» и овладели Двинской землей, принадлежавшей Новгороду. В следующем году большое новгородское войско возвратило Двинскую землю под власть господина Великого Новгорода, и затем новгородцы послали послов в Москву «и взяша мир с великим князем по старине».

При Василии II Новгород два раза вступал в вооруженный конфликт с Москвой (1441 и 1456 гг.); оба столкновения закончились мирными договорами, по которым Новгород обязывался уплатить великому князю Московскому значительную контрибуцию «новгородским серебром», но московский князь все еще обязывается «Новгород держати в старине, по пошлине, без обиды».

7. *Внутренняя борьба и конец новгородской независимости.* Внутренняя история Новгорода наполнена шумной политической борьбой. Постоянныe перемены князей в XII—XIII вв. и борьбу княжеских партий историки ставят в связь с торговыми интересами различных групп новгородского боярства, которые в зависимости от своих

торговых связей предпочитали князей суздальских, смоленских или черниговских. Конечно, торговые интересы играли в новгородской политической жизни существенную роль, но нельзя забывать и о тех личных талантах, военной доблести и степени популярности различных князей-соперников, которые влияли на успех или неудачу той или другой из княжеских партий. С XIV в. прекращается частая смена князей на новгородском столе и вместе с тем обостряется социальная рознь в новгородском обществе. Резкое имущественное неравенство и экономическая зависимость низшего рабочего населения от бояр-капиталистов чувствовалась особенно резко при демократических формах политического устройства, при формальном полновластии новгородского веча, состоявшего, конечно, в огромном большинстве из простонародья. «Само боярство раскололось и во главе новгородского простонародья стали некоторые богатые боярские фамилии, отделившись в политической борьбе от своей братии» (Ключевский).

Кроме того, в огромном городе, при наличии резких социальных контрастов и при отсутствии экономической обеспеченности низших слоев населения, при частых войнах, внутренних смутах, голодовках и пожарах, образовались значительные группы из «деклассированных» элементов, которые не видели ничего предосудительного в занятии разбоем и грабежом чужого имущества. «Молодцы» из всех социальных слоев населения составляли шайки «ушкуйников», которым было все равно, кого громить или грабить: северные финские племена, камских болгар, восточных купцов, плывущих с товарами по Волге, или жителей русских приволжских городов; наконец, в случаях социальных смут или стихийных бедствий (пожаров) в Новгороде, эти «злые люди», или «крамольники», не упускали случая поживиться за счет своих состоятельных сограждан³³.

³³ В 1291 г. «грабиша коромольники торг». В 1310 г. «грабиша села около Новгорода». В 1299 г. во время большого пожара «злии человечески падоша на грабежи: что в церквях, все разграбиша, и горшее зло сотвориша: в святом Иване над товаром сторожа убиша» (подвалные помещения под церквами служили для склада товаров). В 1267 г. был в Новгороде большой пожар, «и мнози от этого разбогатеша, а ини мнозии обнищаша». Та же картина в 1311, в 1340 и в 1342 гг.— Новгородская былина о Ваське Буслаеве рисует нам яркий тип новгородского богатыря-разбойника, который «не верует ни в сон, ни в чох», а «верует» только в свою дубину и который со своей дружиной, состоящей из таких же разбойников, как он сам, бьет, калечит и грабит кого попало, включая «мужиков новгородских», и делает это не ради «экономической необходимости», а, так сказать, «из любви к искусству».

К концу новгородской самостоятельности вече приобретает все более шумный и беспорядочный характер («...у веци кричание, а не ведущи глава, что язык глаголет», по выражению псковской летописи), а социально-политическая борьба становится все более острой и напряженной, сопровождаясь постоянными убийствами и грабежами. Так, в 1359 г. «сеча бысть... и бояр многих побили и полутили», «много же и невиноватых людей погибло тогда». В 1418 г. «...начаша звонити на Ярославли дворе вече, и собрахуся множество людей», которые затем разграбили дом одного боярина «и иных дворов много». «...И паки возвращившися, аки пияны, на иного боярина... и много разграбиша домов боярских; но и монастырь святого Николы на поле разграбиша, ркуще: «зде житницы боярский». И еще того утра на Людогощи улице изграбиша дворов много, ркуще, яко «нам супостаты суть»... В последовавших затем вооруженных столкновениях «беша же мертвии аки на рати...»

В то же время в суде и администрации было не все благополучно, наблюдался явственный упадок правосудия и морального авторитета правителей. В 1445 г. новгородский летописец горько жаловался на беспорядки и злоупотребления в новгородском управлении: «...не бе в Новгороде правды и правого суда»...

Во второй половине XV в. новгородская республика, представлявшая в своем политическом строе неустойчивую комбинацию двух элементов — боярской олигархии и вырождающейся вечевой демократии, начинала явно клониться к упадку. А между тем могущественный сосед Великого Новгорода — великий князь Иван III Васильевич только выжидал удобного времени, чтобы включить Новгородскую землю, его «отчину и дедину», в состав Московского государства. Новгород чувствовал надвигающуюся опасность, и в нем образовалась партия, решившая обратиться к историческому сопернику Москвы — великому князю Литовскому (он же был и королем польским) за помощью и защитой от московских притязаний. В 1470 г. эта партия взяла верх в новгородском правительстве и заключила договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром, согласно которому Новгород приглашал к себе королевского наместника, а король обязывался защищать Новгород от Москвы.

Узнав об этом договоре, Москва подняла тревогу. Иван III предъявил новгородцам обвинение в том, что они

«от христианства отступают к латынству»³⁴, и затем «поиде на них не яко на христиан, но яко на иноязычников и на отступников православия» (Воскр.). Казимир не помог Новгороду, а его наместник покинул город после кратко-временного пребывания. Новгород поспешил собрать большую рать (по московским сведениям, до 40 тыс.), но это было не войско, а кое-как снаряженная толпа гражданского населения, давно отвыкшая от военного дела — «купцы и жити люди... плотницы и гончары, и прочии, которой родився на лошади не бывал»... На р. Шелони произошла битва, в которой 5-тысячный отряд московской рати наголову разбил нестройное новгородское ополчение и обратил его в беспорядочное бегство (1471 г.). Новгород вынужден был заключить с Иваном договор, в котором «мужи вольные» новгородцы, «отчина» великих князей московских, обязывались за короля польского «не отдать ся никотою хитростью, а быти нам от вас от великих князей неотступным ни к кому». Великий князь в последний раз обещал держать Новгород «в старине, по пошлине», но теперь новгородская «старина» уже явно и быстро клонилась к своему упадку.

В 1478 г., придавшись к оплошности новгородских послов в переговорах с ним, Иван потребовал установления в Новгороде такого своего «государства» (т. е. власти), «как есмы на Москве государь». Он собрал большое войско, двинулся к Новгороду и осадил его, но не спешил послать войско на штурм, ибо надеялся, по выражению Псковской летописи, «выстоять» город; и, действительно, в городе скоро начались несогласия и раздоры: «и уж бывшие неделям 8, как князя великого силы под городом стали, а людям мятущимся в осаде в городе, иные хотяще битися с князем великим, а ини за великого князя хотяще задатися, а тех больше, которые задатися хотят за князя великого» (Пск.). Видя невозможность успешного сопротивления, новгородцы сдались великому князю, «и вси к нему от мала до велика целоваша крест на всей его воли и на суду; а новгородской старине ни которой не быти, ни вечу, ни суду, ни посаднику, ни тысяцким...»

³⁴ Обвинение несправедливое — в договорной грамоте Новгорода с Казимиром было условлено: «А держати тебе честному королю своего наместника на городище от нашей веры от греческой, от православного християнства... А у нас тебе, честны король, веры греческие православные нашей не отымати; ...а римских церквей тебе, честный король, в Великом Новгороде не ставити».

Так господин Великий Новгород кончил свое независимое существование и превратился в провинцию Московского государства.

Историки указывают ряд причин слабости и падения вольного Новгорода: социальная рознь и глубокий антагонизм между боярской верхушкой и низшими классами общества; антагонизм между главным городом и обширными новгородскими владениями, пригородами и волостями, которые стремились оторваться от своего центра; экономическая зависимость Новгорода от Низа, т. е. от центральной Великороссии; слабость военных сил и военной организации Новгорода при отсутствии в Новгороде постоянного князя с его дружиною. Но помимо всех этих частных причин, существовала общая причина падения новгородской независимости: «К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политического». Москва стала политическим центром Великороссии, и «династические стремления московских князей встретились с политическими потребностями всего великорусского населения. Эта встреча решила участь не только Новгорода Великого, но и других самостоятельных политических миров, какие еще оставались на Руси к половине XV века. Уничтожение особности земских частей независимо от их политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся централизованным и однообразно устроенным государством, и московский государь явился исполнителем этого требования» (Ключевский).

8. Псков. Внутренний строй и внешние отношения. Псков, один из самых древних и многолюдных русских городов, был расположен при впадении реки Псковы в реку Великую. Природное местоположение и сильные укрепления делали Псков почти неприступной крепостью на западной границе русского мира. В его кремле, или детинце, находился кафедральный собор св. Троицы, имевший для Пскова то же значение, какое Святая София имела для Новгорода. За пределами детинца находилось торговище, где по звону вечевого колокола собиралось большое псковское вече. Псков разделялся на 6 концов, которые были самоуправляющимися общинами.

Территория господина Пскова представляла собою длинную (около 300 верст), но неширокую полосу земли, расположенную в южной части по обоим берегам р. Великой, а на севере — по восточному берегу Псковского и

Чудского озера и реки Наровы. Псковская земля граничила на западе с владениями Ливонского ордена, на юге — с Литвой, на востоке и на севере — с владениями Великого Новгорода. Ряд псковских пригородов (в XV веке их было двенадцать) представлял собою укрепленные пункты для защиты от вражеских нападений (самым важным из них был древний Изборск, к западу от Пскова).

Псковская земля в южной своей части была довольно плодородной, и местное земледелие производило достаточно хлеба для прокормления многочисленного населения главного города. Важной отраслью сельского хозяйства здесь было разведение льна а также конопли, которые составляли главный предмет псковского вывоза за границу. Обилие рек и озер делало возможным развитие рыболовного промысла, возможность сбыта продуктов в многолюдный город способствовала развитию огородничества. Торговля как внутренняя, так и внешняя также была достаточно развита в Пскове, но здесь она не играла той исключительно важной роли, как в Новгороде. Усиленное строительство церковных зданий и военных укреплений в Пскове и в пригородах способствовало образованию многолюдных групп строительных мастеров и рабочих.

Таким образом, псковское народное хозяйство представляло собой устойчивую и здоровую комбинацию различных отраслей — сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Социальный состав псковского общества был подобен новгородскому, но с некоторыми существенными отличиями. Во главе общества и здесь был влиятельный класс бояр-землевладельцев. Однако «ограниченное пространство Псковской земли не давало такого простора для развития крупного боярского землевладения, какой открывался для того в беспредельной Новгородской области. Поэтому политическая сила псковского боярства не находила достаточной опоры в его экономическом положении... В связи с тем незаметно ни резкого сословного неравенства, ни хронической социальной розни, как в Новгороде» (Ключевский). Как и в Новгороде, мы видим в Пскове классы купцов, «житых людей» и «черных», или «меньших», людей — ремесленников — мастеров и «наймитов». Среди сельского населения Псковской земли находим также «земцев», или «своеземцев», — зажиточных крестьян-собственников; затем — массу крестьян-«смурдов», сидевших на государственных землях и плативших дань господину Пскову. На землях частных владельцев сидел

многочисленный класс «изорников» («орати» — пахать), крестьян-арендаторов, которые обрабатывали господскую землю и платили за пользование ею часть урожая; часто они получали от господина ссуду, «но долговое обязательство не стесняло личной свободы изорника» (Ключевский), который сохранял право перехода от одного землевладельца к другому. В случаях спора с «изорником» по поводу полученного последним займа господин должен был обращаться в суд и представить 4 или 5 свидетелей для доказательства своих притязаний, иначе он терял свой иск³⁵.

Класс холопов, конечно, существовал и в Псковской земле, но, по-видимому, он не был здесь многочисленным.

Политический строй Пскова по внешним формам был подобен новгородскому. Вече «господина Пскова» было верховным правительственным органом Псковской земли и сосредоточивало в своих руках всю законодательную, военную, высшую судебную и административную власть.

Вече выбирало и сменяло князя и посадника, руководило всеми делами внешней и внутренней политики, делало постановления о производстве мобилизации и ведении военных операций³⁶.

Князь, избираемый вечем, должен был «целовать крест ко псковичам на пошлиных грамотах» или «на всех псковских пошлинах и старинах». Во время войны князь был военачальником псковской рати. В мирное время он правил и судил вместе с псковским посадником (в XV в. во Пскове обычно было два посадника). «Старые», т. е. бывшие посадники также принимали активное участие в делах управления и в военных операциях.

Вече «господина Пскова» назначало посадников в псковские пригороды. Небольшие размеры Псковской области, ее компактность и постоянная внешняя опасность со стороны немцев и Литвы не давали развиваться здесь центробежным силам, и потому между Псковом и его пригородами не возникало серьезных конфликтов.

Внешние отношения. Первоначально Псков считался «пригородом» Новгорода Великого, но очень рано он об-

³⁵ Надлежит отметить, что в то время как в Псковской земле в XIV-XV вв. крестьянин и землевладелец выступают как равные стороны перед судом, в странах Средней Европы в это время сельское население, жившее на частновладельческих землях давно уже потеряло свою свободу и подчинялось вотчинному суду своих господ.

³⁶ В 1480 г., узнав о внезапном нападении немцев, «посадники псковские вече созвонили нощию дважды, и поехаша посадники и мужи псковичи той ночи и назавтра ея поехали»...

наружил стремления к самостоятельности. Уже в 1137 г. псковичи призвали к себе на княжение князя Всеволода Мстиславича, только что изгнанного из Новгорода, и «отложились» от новгородцев. В XIII в. псковичи не раз приглашали к себе князей по собственному избранию, а в 1265 г. в Псков «прибежал» из Литвы знаменитый князь Довмонт, крестившийся здесь и посаженный псковичами на княжение. «Его тридцатилетнее княжение было героическим периодом псковской истории, временем удалых подвигов и блестящих побед. Народ любил его... с его поры Псков уже твердо сознал свою самостоятельность» (Костомаров). В 20-х и 30-х гг. XIV в. псковичи приняли к себе на княжение и долго удерживали у себя князя Александра Михайловича Тверского, рискуя вооруженным конфликтом из-за него с великим князем Московским. Наконец, в 1347 г. Новгород формально признал независимость своего «младшего брата» Пскова и обязался не назначать туда своих наместников и не «показывать» псковичей к своему делу.

Историческая роль Псковского государства и его историческая заслуга перед Русской землей состояла в его непрерывной, трехвековой борьбе с агрессивными западными соседями, литовцами и особенно ливонскими немцами. Весь пафос псковской истории и псковской летописи заключается в этой борьбе.

Отношения с Литвой, впрочем, не всегда были враждебными, но нападения немцев продолжались почти непрерывно; не раз они вторгались в псковскую область и подступали к крепким стенам Пскова и Изборска, не раз пытались взять эти крепости, но, встречая неизменный отпор «мужей псковичей», вынуждены были отступать «со многим стыдом и срамом», по выражению псковской летописи. В течение этой долгой и тяжелой борьбы псковичи не раз обращались к своему «старшему брату» с просьбой о помощи, но новгородцы «псковичам не помогаши ни словом ни делом», ибо, заботясь о сохранении своих торговых связей и отношений, они не хотели вступать в вооруженные конфликты с немцами.

При таких условиях у псковичей остался единственный возможный союзник — это был великий князь московский. В XV в. Псков признал над собой верховное покровительство московского великого князя и принимал к себе князей в качестве его наместников, но сохранял свою полную свободу во внутренних делах и изгонял от себя тех князей, которые были ему «не любы». Во второй

половине XV века московский государь иногда пытается навязать псковичам князя против их воли, но еще в 1463 г. Иван III, по просьбе псковских послов, «отчину свою жаловал Пскова добровольных людей на старине, которого князя хощете, и яз вам того дам». До конца новгородской независимости Псков был нужен московским князьям как союзник против Новгорода, но с конца XV в. они уже не были заинтересованы в сохранении псковской независимости, и в 1510 г. Василий III присоединил Псков к московским владениям. Псковичи не оказали ему вооруженного сопротивления. Они лишь горько оплакали свою утраченную свободу и с болью в сердце подчинились суровой исторической необходимости...

Глава III

РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ. ЗЕМЛЯ ГАЛИЦКАЯ. ТАТАРСКОЕ ИГО

1. *Ростовско-Сузdalьская Русь. Удельный порядок.* С половины XII в. многолюдное дотоле Поднепровье пустеет. Княжеские усобицы и половецкие нападения заставляют население покидать насиженные места, и значительная часть его уходит на северо-восток, в обширную и редконаселенную лесную область Окско-Волжского междуречья. Здесь поселенцы находят менее плодородную почву и более суровый климат, но зато более спокойную и безопасную жизнь. В этом глухом и малонаселенном краю, среди разбросанных по лесам финских поселков, находились некоторые старые русские города — Ростов, Сузdalь, Муром, — возникшие еще в древний период русской колонизации. При Владимире и Ярославе здесь возникают города Владимир на Клязьме и Ярославль на Волге, а в середине XII в. эта область выделяется в особое княжество и достается сыну Владимира Мономаха — Юрию Долгорукому. Юрий, а затем его сыновья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо являются энергичными устроителями и заселятелями Ростовско-Сузdalьской области. В X веке здесь возникает ряд новых городов: Москва, Юрьев, два Переяславля — Переяславль Залесский и Переяславль Рязанский (оба они, как и южный Переяславль, стоят на речках с одинаковым именем — Трубеж), Тверь, Кострома, Стародуб, Дмитров, Городец, Галич, Звенигород, Вышгород; многие города, села и реки получают южно-русские названия, перенесенные на отдаленный сузdalьский север с киевского юга. Переселенцы приносят с собой и свои былины и песни про ласкового князя Владимира и про его могучих богатырей, и в северных лесах эти южные былины доживают до XIX века.

К концу XII века Ростовско-Сузdalская земля настолько заселяется и усиливается, что получает решительное преобладание над остальными областями Русской земли. Вместо Киева Владимир на Клязьме становится столицей старшего и самого могущественного русского князя. «Политический центр тяжести явственно передвигается с берегов среднего Днепра на берега Клязьмы. Это передвижение было следствием отлива русских сил из среднего Поднепровья в область верхней Волги» (Ключевский).

Русская колонизация верхнего Поволжья имела целый ряд последствий этнографических, экономических и политических.

Этнографическим последствием было образование в Окско-Волжском междуречье великорусского племени из смешения русских поселенцев с постепенно обрусовшими финнами.

Последствиями экономическими и социальными было решительное преобладание в новом краю сельского населения над городским и натурального хозяйства над де-нежным и товарным. В Киевской Руси великий водный путь Днепра — Волхова объединял и связывал различные области, расположенные по тому пути, и втягивал их в общий хозяйственный оборот. Верхневолжская Русь XII-XIV вв. лежала в стороне от международных торговых путей. Она была покрыта лесами, болотами и густою сетью рек и речек, текущих в различных направлениях, и население «расплывалось» по этой речной сети в разных направлениях. По рекам вытягивались длинные линии или полосы мелких поселков, и каждая была отделена от другой «морем» лесов и болот... Места, удобные для поселений и для сельскохозяйственной обработки, были сравнительно редкими островами среди этого «моря», и потому преобладающим типом поселений были малые деревни в один-два-три двора. Тогдашие приемы обработки земли сообщали земледелию подвижной, неустойчивый характер. «Выжигая лес на нови, крестьянин сообщал суглинку усиленное плодородие и несколько лет кряду снимал с него превосходный урожай, потому что зола служит очень сильным удобрением. Но это было насильтственное скоропрерходящее плодородие: через 6-7 лет почва совершенно истощалась, и крестьянин должен был покидать ее на продолжительный отдых, запускать в перелог. Тогда он переносил свой двор на другое, часто отдаленное место, поднимал другую новь, ставил новый «починок на лесе»

(Ключевский)³⁷. Трудность расчистки леса под пашню обусловливала незначительность подворных пахотных участков, а недостаточное количество или низкое качество пахотных земель вынуждало крестьянина восполнять свой скучный земледельческий заработок развитием кустарных сельских промыслов (для которых лес в изобилии доставлял материалы), а также рыболовством и охотой.

Города Окско-Волжского междуречья никогда не достигали того экономического значения и того социально-политического влияния, как города Киевской и Новгородской Руси, а часть их населения занималась земледелием и лесными промыслами наравне с сельским населением. Таким образом, Северо-Восточная Русь стала — на долгие века — земледельческой, крестьянской страной.

Политические последствия русской колонизации Окско-Волжского междуречья состояли в изменении характера княжеской власти здесь и отношений между князем и населением. В Киевской и Новгородской Руси сильные, многолюдные и организованные городские общины приглашали к себе князей, нужных им для военной обороны и для поддержания внутреннего порядка, здесь городское население чувствовало себя хозяином, а князь (особенно в Новгороде) был пришельцем. На северо-востоке соотношение было обратным: князь, владевший обширными, но почти пустынными земельными пространствами, приглашал колонистов для заселения этих земель, чтобы увеличить свои доходы и свою социально-политическую силу. Здесь князь был хозяином, а население — пришельцами. Андрей Боголюбский недаром хвалился, что он всю Сузdalскую Русь «городами и селами населил и многолюдной учинил». Всеволод III с большим успехом продолжал дело Андрея. Понятно, что суздальский князь видит в себе хозяина-собственника своей земли, считает себя вправе распоряжаться ею по своему усмотрению и перед смертью делит ее между своими сыновьями. Области, полученные отдельными князьями и составляющие их полную и наследственную собственность, называются их «уделами» (термин и понятие, чуждые Киево-Новгородской Руси).

³⁷ Некоторые историки оспаривают «теорию» о подвижном характере древнерусского земледелия и о подвижности самого крестьянского населения, но это не теория, а факт. Даже в описях XVI века мы встречаем одновременное существование множества «пустошей», т. е. заброшенных деревень, и «починков», т. е. новых поселений. При неподходящем расположении деревень и при обилии под рукой строительных материалов такие переселения не представляли для крестьян особых трудностей.

«Понятие о князе, как о личном собственнике удела, было юридическим следствием значения князя, как заселителя и устроителя своего удела» (Ключевский)³⁸.

С развитием уделного порядка в XIII—XIV вв. вечевая жизнь в Северо-Восточной Руси постепенно замирает. С изменением характера общественной жизни и с преобладанием сельского населения над городским исчезают условия для вечевых собраний. Сельское население, разбросанное мелкими поселками на обширных пространствах, не имеет ни возможности, ни охоты, собираться в далекий город на вече, а жители какого-нибудь уделного городка не обладают достаточной силой, организованностью и независимостью, чтобы заставить князя подчиняться их воле.

В XIII—XIV вв. уделное дробление Суздальской Руси происходит быстро и непрерывно, по мере размножения княжеского рода. Только небольшая сравнительно область столичного города Владимира остается в общем владении суздальских Всеволодовичей; они владеют старшим столом владимирским сначала по очереди старшинства, а потом — по назначению татарского хана. Остальная территория дробится на множество уделов; так, при внуках и правнуках Всеволода Суздальская земля распадается на 12 уделов: Ростовский, Переяславский, Юрьевский, Стародубский, Суздальский, Костромской, Московский, Галицкий. В XIV—XV вв. происходит дальнейшее дробление, географическим основанием которого становятся мелкие речные области этого края. Князья некоторых более крупных городов — тверские, ярославские, нижегородские — образовали местные линии «великих князей», но процесс уделного дробления продолжался.

Каждый уделный князь считал себя независимым владельцем и полным собственником своего княжества, и в сознании князей, как и в их правительственной практике, происходит смешение элементов частного и публичного права. «Князья правили свободным населением своих княжеств, как государи, и владели их территориями, как частные собственники, со всеми правами распоряжения, вытекающими из такой собственности» (Ключевский).

³⁸ Конечно, новые понятия и новые отношения не сразу входят в жизнь. Мы видели, что во 2-й половине XII в. и даже еще в начале XIII в. население крупных городов Ростовско-Суздальской земли может избирать и приглашать себе князя, который ему люб. Однако уже в 1177 г. владимирцы целовали крест ко князю Всеволоду «и на детях его», т. е. признали наследственность владетельных прав Всеволодова потомства.

Впрочем, не вся территория княжества принадлежала князю на одинаковых основаниях. Земли дворцовые эксплуатировались подневольным трудом холопов или зависимого населения, и доходы с них шли непосредственно на содержание княжеского двора. Так называемые «черные» земли были в пользовании вольных крестьян, и доходы с них шли также в княжескую казну. Но кроме этих разрядов существовали земли «боярские», т. е. частновладельческие, а также земли церковных учреждений (главным образом монастырские). Крестьяне, жившие на землях княжеских, боярских и церковных, были лично свободными и могли переходить от одного землевладельца к другому. Бояре и «вольные слуги» князей также могли переходить от одного князя к другому, но, поскольку они были землевладельцами в данном княжестве, они должны были «судом и данью тянуть» к данному князю «по земле и по воде».

«Национально-политические последствия удельного дробления для русского народа «были, конечно, весьма отрицательными. «Удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе» (Ключевский). Понадобился тяжелый гнет татарского ига, чтобы привести население Великороссии к сознанию необходимости национально-политического единства...

2. *Земля Галицкая*. Галицкое княжество состояло из двух частей: гористой, расположенной на восточных склонах Карпатских гор (с главным городом Галичем на р. Днестре), и равнинной, простиравшейся к северу до границы с Польшей (с городами Перемышль, Червень и др.). Галицкая земля, будучи отдаленной окраиной русского мира, находилась между двумя сильными и агрессивными соседями — Венгрией и Польшей, которые постоянно делали попытки захватить часть Галиции и нередко действительно на некоторое время их захватывали. По решению Любечского съезда русских князей (1097 г.) северная Галиция была отдана князьям-сиротам («изгоям»)³⁹ Володарю и Васильку Ростиславичам. Сын Володаря, Владимир, объединил Галицию под свою властью, а его сын Ярослав

³⁹ «Изгоями» в Киевской Руси назывались князья, отец которых умер при жизни своего отца (т. е. их деда) и, таким образом, никогда не занимал старшего стола Киевского.

Осмомысл (1152—1187) успешно продолжал дело усиления своего княжества, чему способствовал приток поселенцев из Поднепровья. Но после смерти Ярослава в Галицкой земле начались смуты и «крамолы», а после смерти ее сына Владимира II (1199 г.) род галицких князей прекратился, и галицким княжеством овладел волынский князь Роман Мстиславич, соединивший под своею властью Волынь и Галицию. Но после его смерти — (1205 г.), при его малолетнем сыне Данииле, в Галицком княжестве с новой силой начались внутренние смуты, осложняемые внешним вмешательством.

Внутренние смуты в Галиции питались происками, интригами и борьбой за власть различных групп богатого и влиятельного галицкого боярства. Политические притязания галицкого боярства возникли отчасти под влиянием постоянного общения с могущественной феодальной аристократией соседних стран, Венгрии и Польши. «В этом пограничном русском княжестве в 70-х годах XII века обнаружилось явление, подобных которому не видим в остальных волостях русских, именно важное значение бояр, пред которым никнет значение князя» (Соловьев). Только на этой далекой западной окраине русского мира боярская олигархия стремилась к захвату политической власти в свои руки и к превращению власти княжеской в свое послушное орудие.

Вскоре после смерти Романа Мстиславича галицкие бояре подняли мятеж против его малолетних сыновей Даниила и Василька и вынудили их бежать с матерью в Венгрию. После этого бояре призвали на княжение в Галич трех князей Игоревичей Северских — Романа, Владимира, Святослава. Бояре надеялись найти в призванных князьях свое послушное орудие, но обманулись в своих расчетах. Князья попытались взять власть в свои руки, начали подавлять боярскую оппозицию и убили несколько бояр.

Оставшиеся жестоко отомстили князьям с помощью венгров. В 1211 г. они «приведоша к себе угры (венгров) отай (тайно) через горы, и изымаша князи своя Игоревичи три, Романа с братом, и бивше их повешаша их». Теперь бояре посадили на княжеский престол малолетнего Даниила, но скоро снова вынудили его бежать в Венгрию, и тогда один из них, боярин Владислав, «вокняжился и сел на столе» в Галиче (единственный в Древней Руси случай занятия княжеского стола лицом, не принадлежавшим к Рюрикову княжескому роду). Последовало новое вмешательство венгров: сын венгерского короля Андрея Коломан

с венгерским войском занял Галич, а боярин Владислав был схвачен и умер в заточении. Даниил то занимал галицкий стол, то вынужден был снова бежать из Галича — «крамоле бывши в безбожных боярах галичских» (Ип. 1230). По словам летописца, «бояре галичстии Данила княжем себе называху, а сами всю землю держаху» (Ип. 1240). После 25-летней борьбы Даниилу удалось, наконец, утвердиться на отчим столе в Галиче, но в это время на его владения, как и на все русские земли, надвинулось страшное бедствие — татарское иго. Даниил долго уклонялся от признания власти над собой татарского хана и от поездки в Орду, но в 1250 г. он вынужден был подчиниться прямому вызову хана, явился в Орду и признал себя подданным хана; последний принял его «с честью», по поводу которой русский летописец горестно воскликнул: «О, злее зла честь татарская!» Возвратившись в Галич, Даниил занялся устроением и заселением своей земли. Он строил новые города и призывал в города новых поселенцев — купцов и ремесленников, не только русских, но и немцев, поляков, армян, евреев.

Он не оставлял мысли о борьбе с татарами и о свержении татарского ига. С целью устроить крестовый поход против татар с помощью Запада он завязал по этому поводу сношения с папою Иннокентием IV и говорил о возможности соединения церквей. Папа прислал Даниилу знаки королевского достоинства — корону и скипетр, и Даниил торжественно короновался в г. Дрогичине (1255 г.). Но реальной помощи с Запада против татар король Даниил не получил. После смерти Даниила (1264 г.) в Галицкой земле снова начались боярские интриги, раздоры князей, смуты и усобицы. Этим воспользовались соседи, и в середине XIV в. великие князья литовские захватили Волынь, а Польша овладела Галицией.

3. Татарское иго. В первой половине XIII в. в южнорусских степях явились из Азии монголо-татарские орды. В начале XIII века знаменитый монгольский завоеватель Темучин, или Чингис-хан (великий хан), образовал огромное государство, простиравшееся от берегов Тихого океана до берегов Каспийского моря.

В 1223 г. передовые монголо-татарские отряды явились в черноморских степях и угрожали кочевавшим здесь половцам. Половцы звали русских князей на помощь против страшного врага, говоря, что, если татары сегодня возьмут землю Половецкую, то завтра возьмут Русскую землю.

Появление новых неведомых врагов вызвало страх и недоумение на Руси. Русский летописец записал 1223 годом: «Того же лета явишася языцы (народы), их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их»... Южнорусские князья выступили на помощь половцам, но в битве на р. Калке союзное русско-половецкое войско потерпело полное поражение. Больше прежнего страх напал на русскую землю, но пришельцы после победы повернули назад и скрылись безвестно.

В 1227 г. Чингис-хан умер, разделив перед смертью свои огромные владения между своими сыновьями, но предоставив верховную власть одному из них, Удэгэю. Сын Чингис-хана Джучи умер еще при жизни отца, и предназначенный ему «улус» (владения) был передан его сыну Батыю (Бату); это были земли на запад от Урала, которые еще предстояло завоевать. В 1236 г. Батый с огромной монголо-татарской ордой⁴⁰ начал свои завоевательные походы. Он покорил волжско-камских болгар и разорил их столицу (Великий Булгар). В 1237 г. Батый подошел к пределам Рязанского княжества и послал своих послов к рязанским князьям, требуя от них признания его власти и платежа «десятины во всем». Рязанские князья послали татарам гордый ответ: «Коли нас не будет, то все будет ваше». Но здесь скоро оказались гибельные последствия удельной раздробленности и разобщенности русских земель и князей. Когда рязанские князья обратились к великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу с просьбой о помощи, он их «не послуша, но хоте сам особы брань створити». И так все русские земли оказывали завоевателям отчаянное сопротивление «особы» и гибли по одиночке. Завоевав и разгромив рязанские земли, татары вторглись в землю Суздальскую, взяли и сожгли стольный город Владимир, затем та же участь постигла все остальные города Суздальской земли — Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславль, Москву, Тверь и т. д., — и «состворися великое зло Суздальской земли, яко же зло не было ни от крещенья яко же бысть ныне». Татары прошли Суздальскую землю «все люди секуще яко траву», и не было, говорит летописец, ни города, ни деревни в Суздальской земле, «идеже не воеваша татарове». «Тогда же

⁴⁰ Монголы были господствующей группой и, так сказать, «офицерским составом» огромного войска, состоявшего преимущественно из татар.

бе пополох зол по всей земли, и сами не ведяху где хто бежить». Великий князь Юрий пытался остановить татарскую лавину, но в битве на реке Сити (в марте 1238 г.) был разбит и пал в бою. В течение двух лет Батый покорил всю Северо-Восточную Русь, причем особенно ожесточенное сопротивление татарам оказал небольшой город Козельск, жители которого после взятия были истреблены до последнего человека. В 1239—1240 гг. Батый покорил юго-западные русские земли, взял и разорил Чернигов, Переяславль южный и, наконец, славную древнюю столицу Руси Киев.

После покорения русских земель татарские отряды в 1241—1242 гг. произвели ряд вторжений в Венгрию, Польшу, Моравию и Силезию, но затем отступили; Волынь и Галиция остались крайними западными пределами их владений. Закончив покорение русских земель, массы татарского народа-войска расположились на жительство в юго-восточном углу Великой Русской равнины; они основали здесь так называемую Золотую Орду, столицей которой был город Сарай на нижней Волге. Золотая Орда первое время признавала над собой власть «великого хана» в Монголии, но по мере ослабления и распадения Великой монгольской державы хан Золотой Орды сделался независимым государем. Под его властью находились все причерноморские, приуральские и частью западносибирские степи, а также все русские земли.

Разгромленная, подавленная и опустошенная Русская земля стала «улусом» татарского хана. Власть татарского хана, или «царя», как его называют русские летописи, не отменяла и не заменяла власти русских князей, но легла поверх этой власти: оставшиеся в живых после татарского погрома русские князья должны были признать над собой верховную власть хана и тогда получали от него утверждение своих владетельных прав. В 1244 г. по рассказу русской летописи, русские князья со своими «мужами» «поехаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же почтив я честью достойною, и отпусти я, рассудив им, каждого в свою отчину, и приехаша с честью на свою землю». Относительно татарской «чести» мнения были различны, но власть русских князей над населением из земель не только сохранилась, но и усилилась, ибо теперь она опиралась на внешнюю огромную силу татарского «царя».

Титул и положение великого князя Владимирского также сохранились под властью татар, но теперь, конечно, и великий князь Владимирский должен был получать ут-

верждение, или назначенис, от хана; хан давал «ярлык» (грамоту) на великое княжение кому хотел, иногда считаясь, иногда не считаясь со старшинством кандидата⁴¹. В 1243 г. хан признал старейшим русским князем Ярослава Всеволодовича (брата убитого на р. Сити Юрия), но в 1246 г. Ярослав умер во время своего пребывания в Орде (по слухам, от отравы). После него, владимирский велико-княжеский престол занимал его брат Святослав, а потом его сыновья Андрей и Александр Ярославичи (Александр Ярославич Невский в 1252 г. получил от хана «старшинство во всей братии его»).

Все население покоренных русских земель (за исключением духовенства) было переписано и обложено тяжестью татарскою данью. В 1257 г., по рассказу летописи, из Орды «приехаша численици, исчетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящики, и темники⁴² толико не чтоша игуменов, чернецов, попов, клирошан». В другой летописи под тем же годом кратко сообщается: «Тое же зимы бысть число, и изочтоша всю Землю русскую, только не чтоша кто служит у церкви».

Сбор дани с русского населения был или поручен непосредственно татарским чиновникам, «баскакам» и данщикам, или отдавался на откуп «бесерменским» купцам, которые, уплатив хану требуемую с известной области сумму, потом с лихвой взыскивали ее с населения. Тяжесть татарской дани, вместе с поборами, притеснениями и насилиями сборщиков-откупщиков, очень скоро вызвала всеобщее возмущение в Суздальской земле, перешедшее в открытое восстание. Под 1262 г. читаем в летописи: «избави Бог от лютого томленья бесурменского люди Ростовские земли: вложи ярость в сердца крестьяном⁴³, не терпяще насилия поганых, изволиша вече, и выгнаша (их) из городов, из Ростова, из Володимира, из Суздая, из Ярославля; окупахут бо ти окаянныи бесурмени дани, и от того велику пагубу людем творяхутъ»... (в частности,

41 В начале XIV в. «татарские князи», по рассказу летописца, цинично говорили московскому князю Юрию Даниловичу: «оже (если) ты даси выход (дань) больше князя Михаила Тверского, мы тебе княжение великое дадим» (Воскр. 1319 г.)

42 «Тьма» был отряд в 10 000 человек, тенмик — его начальник.

43 Словом «крестьяне» или «хрестьяне» (христиане) в татарскую эпоху стали называть русское православное население, в противоположность «поганым» татарам, которые были сначала язычниками, а потом приняли магометанство; впоследствии словом «крестьяне» стал называться специально сельский класс русского населения.

неисправных плательщиков они обращали в рабство и уводили к себе). В другой летописи находим под тем же годом краткое известие: «Изгнаша поганых от всех градов, не терпя насилия их». Конечно, антитатарский мятеж русского населения должен был повлечь за собою жестокую кару, и великий князь Александр Ярославич поспешил «пойти в Орду ко цареви, дабы отмолил люди от беды». Ему действительно удалось, с большим трудом, вымолить у татарского хана прощение мятежным городам, и это был его последний подвиг для России,— на возвратном пути из Орды он умер в 1263 г.

И после того русское население отдельных городов и областей неоднократно поднимало восстания против своих угнетателей, так, под 1289 г. читаем в летописи: «тогда же бе много татар в Ростове, и изгнаша их вechem, и ограбиша их». В 1327 г. произошел большой антитатарский мятеж в Твери, сопровождавшийся избиением многих татар. Конечно, подобные мятежи вызывали затем появление татарских карательных экспедиций и жестокую расправу с провинившимся населением. В первой половине XIV в. татарские ханы нашли для себя более удобным и выгодным изъять сбор дани на Руси из рук своих чиновников и откупщиков и поручить его русским князьям.

От платежа тяжелой татарской дани, или «выхода», было избавлено все русское духовенство с церковными людьми. Должно отметить, что татары относились с полной веротерпимостью ко всем религиям⁴⁴, и русская православная церковь не только не терпела от ханов никаких притеснений, но, наоборот, русские митрополиты получали от ханов особые льготные грамоты («ялрьки»), которыми обеспечивались права и привилегии духовенства и неприкосновенность церковных имуществ. В тяжелое время татарского ига церковь стала той силой, которая сохраняла и воспитывала не только религиозное, но и национальное единство Русского «христианства», противопоставлявшего себя «поганству» своих завоевателей и

⁴⁴ Русская церковь почитает святыми мучениками за веру черниговского князя Михаила и боярина его Федора, которые в 1246 г. были убиты в Орде по приказанию Батыя, после того, как они отказались «поклониться огневи»; и они действительно были мучениками за веру, поскольку они считали «поклонение» огню несовместимыми с христианской верою. Но татары убили их не как исповедников православия, а как политически неблагонадежных лиц, которые, отказавшись пройти через «очистительные» огни, прежде чем предстать перед ханом, тем самым, по мнению татар, обнаружили, что они имеют против хана какие-то враждебные умыслы и не желают от них отказаться.

угнетателей, послужило впоследствии могучим средством национального объединения и национально-политического освобождения от ига «нечестивых агарян».

Влияние татарского ига на внутренние политические отношения в русских княжествах сказалось в усилении княжеской власти над населением и в дальнейшем ослаблении вечевого или демократического элемента в Северо-Восточной Руси. Русские князья перестали быть суверенными государствами, ибо они должны были признать себя подданными татарского «царя», но зато, получив от него признание своих владельческих прав, они могли, в случае столкновения с подвластным русским населением, опираться на татарскую силу. «Нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно... Ханы татарские не имеют надобности входить в соглашение с народом. Они достаточно сильны, чтобы приказывать ему» (Сергеевич). Неудивительно, что в татарскую эпоху слово «вече» получило значение мятежного собрища.

Влияние татар на русскую культуру вообще было невелико, поскольку руководящей культурной силой на Руси оставалась православная церковь и поскольку покоренное русское население не входило в близкое общение со своими завоевателями, резко отделяясь от них различием религий и национально-политическим антагонизмом. Да и не могло быть длительного близкого общения между русскими и татарами, поскольку татары только в первые десятилетия своей власти держали на Руси своих баскаков и свои гарнизоны, а потом русское население чувствовало татарское иго только уплатой ордынского «выхода», собираемого своими князьями, да иногда видело татарские военные отряды, посыпаемые ханом по просьбе какого-нибудь русского князя для борьбы с его противниками.

Но все же русские приняли от татар некоторые их порядки и административные обычаи, в частности денежный счет (самое слово «деньги» — татарское), «тамгу» (пошлины с товаров), организацию почтовой службы («ямы» и «ямщики»), более жестокую систему наказаний, чем была в Древней Руси...

Затем, самый факт иноземного покорения, необходимость кланяться чуждой власти или гнуться и хитрить перед ней не могли не оказывать вредного влияния на моральный характер русского человека. Опасность, угрожавшая женщинам со стороны властных пришельцев, за-

ставила высшие классы русского общества спрятать своих женщин в терем, а уход женщины с арены общественной жизни способствовал дальнейшему огрубению нравов.

Наконец, татаркиое владычество надолго отделило Восточную Русь от Западной Европы, а после образования великого княжества Литовского восточная ветвь русского народа оказалась на несколько столетий отделенной от его западной ветви. Географическое и политическое отделение Восточной Руси от Европы создало между ними стену взаимного отчуждения и непонимания, своего рода «железный занавес». Находившаяся под властью татар Восточная Русь сама превратилась в сознании неосведомленных европейцев в «Татарию»...

Часть II МОСКОВСКОЕ И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВА

Глава IV

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

1. *Причины и условия возвышения Москвы.* Москва возникла в XII в. как маленький городок на южной окраине Ростовско-Суздальской земли, недалеко от границы с Чернигово-Северской землей, т. е. в центре тогдашнего русского мира. Москва впервые упоминается в летописи под 1147 г., когда князь Ростовско-Суздальской земли Юрий Долгорукий пригласил в Москву на свидание своего союзника князя Святослава Ольговича новгород-северского и устроил гостю «обед силен». Во второй половине XII и в первой половине XIII вв. Москва не была еще столенным городом особого княжества, но после смерти Александра Невского Москва досталась его младшему сыну Даниилу, который стал родоначальником московского княжеского дома.

Говоря о причинах быстрого возвышения Москвы в XIV в., историки отмечают прежде всего выгоды ее географического положения. Находясь в центре тогдашнего русского мира, Москва была расположена на перекрестке трех важных дорог, проходивших с запада на восток, от верхнего Поднепровья к Владимиру на Клязьме и далее в землю волжских болгар; с юго-запада на северо-восток, с киевского и черниговского юга на Переяславль Залесский и Ростов и с северо-запада на юго-восток, из земли Новгородской в землю Рязанскую, богатую и плодородную область, которая снабжала Новгород Великий хлебом, медом и воском. Таким образом, Москва рано стала узлом торговых путей и, в частности, важным центром торговли хлебом, а это дало ее князьям важные экономические выгоды и значительные денежные средства, которые позволили им впоследствии, с одной стороны, приобретать у ханов Золотой Орды «ярлык» на великое княжение Вла-

димирское, а с другой — расширять свои владения путем «прикупов» и «примыслов».

Будучи южной пограничной частью Ростовско-Сузdalской земли, Московское княжество было той областью, в которую прежде всего попадало и в которой прежде всего осаживалось население, уходившее с юго-запада в поисках более спокойного и обеспеченного существования. Внешние опасности и нападения с запада, юга и востока угрожали соседним с московской областью землям — Смоленской, Тверской, Рязанской и Нижегородской, которые с разных сторон прикрывали собою Московское княжество, и благодаря этому «в Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы» (Ключевский).

Московские князья, расширяя свои владения всеми возможными способами (покупкой, захватом — непосредственным или с помощью Орды, вынужденным отказом удельных князей от своих прав, колонизацией пустых пространств), могли податными и другими льготами удерживать старое и привлекать новое население.

После того как московские князья стали великими князьями Владимирскими, служба московским князьям обещала больше выгод и больше почета, чем служба иным русским князьям, и в Москву потянулись бояре и слуги вольные не только из областей русских княжеств, но и с далекого юго-запада, из областей Киевской, Волынской и Черниговской; образовавшийся в XIV в. плотный слой московского боярства стал важной и надежной опорой государя великого князя Владимира и Московского.

Великое значение в деле возвышения Москвы имело также содействие, которое оказывало духовенство великому князю Московскому. Митрополит Петр, канонизированный скоро после своей смерти и почитаемый как небесный покровитель Москвы, подолгу жил в Москве и был в тесной дружбе с Иваном Калитою; он умер в Москве в 1326 г и был погребен в кафедральном храме Москвы — Успенском соборе. Его преемник, митрополит Феогност, окончательно поселился в Москве, которая стала таким образом церковной столицей всея Руси. Сочувствие и поддержка митрополита и всего церковного общества «может быть, всего более помогли московскому князю укрепить за собою национальное и нравственное значение в Северной Руси» (Ключевский). А великая победа, одержанная под московскими знаменами в 1380 г. над татарами на Куликовом поле, сообщила московскому князю значе-

ние национального вождя северной Руси в борьбе с внешними врагами.

2. Москва и Тверь. Иван Калита и его сыновья (Симеон Гордый и Иван). Уже в самом начале XIV в. князь Юрий Данилович московский предъявил притязание на великое княжение Владимирское и вступил за него в борьбу с Михаилом Ярославичем тверским, который, будучи великим князем Владимирским, первый из русских князей принял титул «великого князя всея Руси». Борьба велась без разбора средств, и оба противника погибли в этой борьбе.

В 1327 г., когда великим князем был сын Михаила Александр тверской, в Твери произошло возмущение против ханского посла Шевкала, которого тверичи убили вместе со многими его спутниками. Иван Данилович московский поспешил в Орду, вернулся оттуда с татарским войском и жестоко опустошил Тверскую область; Александр бежал (сначала в Псков, потом в Литву), а Иван Калита получил в 1328 г. от хана Узбека ярлык на великое княжение Владимирское. Летопись в таких выражениях сообщает о его вокняжении: «Седе на великое княжение великий князь Иван Данилович, и бысть тишина велика христианом по всей русской земле на многа лета», — «и престаша татарове воевати Русскую землю». Верный слуга хана, Калита десять раз ездил в Орду, раздавая богатые подарки хану, ханшам и князьям татарским и укрепляя расположение татар к себе и к своему дому. Пользуясь милостью хана, Иван Калита получил от него весьма важное полномочие — самому собирать и доставлять в Орду татарскую дань с подвластного русского населения; это, с одной стороны, избавляло население от тягостной встречи с татарскими сборщиками, а с другой — доставляло московскому князю добавочные финансовые выгоды и усиливало его власть и влияние на Руси.

Оградив внешнюю безопасность своего княжества, Калита старался установить в нем внутренний порядок (очистить свою землю от «татей» и разбойников) и расширить свои владения. Он покупал в соседних уделах села и деревни и приобрел даже целых три удельных города с их окрестами — Галич, Белоозеро и Углич, — но оставил их до времени во владении прежних князей на условиях зависимости от князя московского. Будучи проникнут частноправовыми (или «вотчинными») воззрениями удельной эпохи, Калита перед смертью разделил свое небольшое

княжество между своими тремя сыновьями, а город Москву завещал им в общее владение¹.

По смерти Калиты (1341 г.) «поидоша вси князи Ру-
стии в Орду. То же осени выйде из Орды на великое
княжение князь Семен Иванович,... и все князи русские
под руце его даны, и сед на столе в Володимери». Очевидно,
сын Ивана Калиты, получивший прозвище Семена Гордого
(1341 — 1353), старался на деле проявлять свое старшин-
ство в отношениях с другими князьями русскими. Его
брать, «корткий и тихий», по выражению летописи, Иван II
получил после него великое княжение и спокойно княжил,
опинаясь на дружную поддержку московских бояр и мит-
рополита Алексея, игравшего активную и важную роль в
политической жизни зарождавшегося Московского госу-
дарства.

3. *Дмитрий Донской (1362 — 1389) и Куликовская битва (1380).* После смерти Ивана II (1359 г.), оставившего малолетнего сына Дмитрия, ярлык на великое княжение Владимирское удалось получить суждальскому князю Дмитрию Константиновичу, но скоро (1362 г.) стараниями московского боярства и митрополита Алексея ярлык на великое княжение был приобретен (за хорошее вознаграждение) для московского князя Дмитрия Ивановича.

Достигши совершенолетия, Дмитрий начал вести энергичную и смелую политику. Он продолжал расширять пределы своего княжества, включив в состав непосредственных своих владений Углич, Галич и Белоозеро и приобретя ряд новых городов с их округами (Калугу, Медынь, Стародуб, Дмитров). Он вел энергичную и успешную борьбу со своими русскими соперниками, великими князьями тверским и рязанским, которые заключили союз с опасным противником Москвы великим князем Литовским Ольгердом. Ольгерд Литовский дважды вторгался при Дмитрии в московские владения и подступал к Москве, но не мог взять сильной крепости.

---

¹ Своим завещанием Калита проявил «отсутствие государственной точки зрения». «Любовь к детям составляет семейную добродетель потомков Калиты; она постоянно вынуждает их нарушать требования разумной политики. Все они, если только в минуту смерти у них оказывалось несколько сыновей, дают уделы и младшим. При жизни они сами испытывают неудобство этого порядка, борются с ним, всеми правдами и неправдами отбирают уделы дядей, братьев и племянников; а в минуту смерти создают совершенно такие же затруднения для своих преемников» (Сергеевич).

Но главной заботой внешней политики Дмитрия были татарские отношения. В Золотой Орде в это время проходили смуты и междоусобия, и московский князь стал думать, что пришло время избавить Русь от татарского ига. В 1378 г. русские войска разбили на реке Воже большой татарский отряд, пытавшийся вторгнуться в русские области. После этого обе стороны стали готовиться к решительной борьбе. В 1380 г. татарский князь Мамай, захвативший власть з Орде, заключил союз против Дмитрия с великим князем литовским Ягайлом и, собрав огромное войско, двинулся против Дмитрия. Дмитрий, со своей стороны, собрал большую рать (по словам современников — до 150 тысяч) и, получив благословение от святого Сергия, прославленного игумена Троицкой обители, выступил против «нечестивых агарян». В этой страшной борьбе на жизнь и смерть Новгород и Тверь занимали выжидательную позицию, а Олег Рязанский прямо перешел на сторону Мамая. Но все полки центральной Великороссии (т. е. Ростовско-Суздальско-Владимирской земли) сошлись под знаменами великого князя московского и под этими знаменами одержали полную победу над татарскими полчищами в страшной кровавой битве, которая произошла в верховьях Дона 8-го сентября 1380 г. Войско Ягайла Литовского выступило в поход «татарам поганым на помощь, а крестьянам на пакость», по выражению русского летописца, но опоздало и, узнав о поражении Мамая, поспешно отступило, — «побегоша назад со многою скоропостию никаким же гонимы».

Велика была радость на Руси после Куликовской победы, но велика и скорбь, говорят летописцы, ибо русское войско, со своей стороны, понесло огромные потери, и потому Дмитрий оказался не в состоянии освободить Русь от ига «агарян». Через два года (1382 г.) новый хан Золотой Орды Тохтамыш с большим войском вторгся в русские области, взял и опустошил Москву. Дмитрий вынужден был снова признать над собой татарскую власть, но все же Куликовская победа имела огромное политическое и национальное значение, ибо показала, что Великороссия, объединенная под властью великого князя московского, может победить своего векового угнетателя, и все севернорусское население начинало видеть именно в московском государе своего национального вождя.

Уверенный в силе и праве московского великого князя, Дмитрий в своем духовном завещании «благословил» своего старшего сына Василия «свою отчиною, великим кня-

женьем», которое он таким образом рассматривал как законное и неотъемлемое достояние московского княжеского дома. Вместе с тем, при разделе московских владений он значительно увеличил долю своего старшего сына по сравнению с младшими, чем обеспечивал ему фактическое преобладание над ними.

Так что по справедливости не Иван Калита, но его знаменитый внук является основателем могущества и политического значения Московского государства. Правильно и очень образно сказал Ключевский: «Московское государство родилось на Куликовом поле, а не в скопи-домном сундуке Ивана Калиты».

4. Преемники Дмитрия Донского: Василий I (1389—1425) и Василий II Темный (1425—1462). Политический и религиозный кризис середины XV века. Сын Дмитрия Донского все еще был вынужден признавать над собой власть татарского хана и ладить с ним. В 1390 г. Василий отправился в Орду и купил там ярлык на нижегородское княжество и, кроме того, приобрел Муром и несколько других городов. Нижегородский князь Борис Константинович намеревался оказать сопротивление московскому князю, но попытка его не удалась, потому что нижегородские бояре изменили своему князю и перешли на сторону Василия.

При постоянных междоусобиях и переменах в Орде московскому князю не всегда удавалось сохранить хорошие отношения с татарами. В 1408 г. татарский князь Едигей, желая наказать Василия за то, что тот не уплатил своевременно татарского «выхода», вторгся с большим войском в московские владения и жестоко их опустошил; он осадил самую Москву, но стступил, взяв с нее откуп.

Перед своею смертью Василий Дмитриевич благословил своего малолетнего сына Василия (которому было в то время всего 10 лет) «свою отчиною, великим княжением», но после его смерти его брат Юрий (удельный князь г. Галича) отказался признать старшинство своего племянника и вступил с ним в борьбу за великокняжеский престол; борьба эта, которую после смерти Юрия Дмитриевича продолжали его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка, тянулась около 20 лет и доходила до больших жестокостей с обеих сторон. В 1446 г. Василий II был захвачен Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским в Троицком монастыре и ослеплен. Однако население Москвы, и особенно духовенство, во главе с епископом рязанским Ионою (нареченным митрополитом), отправило Шемяке грозное послание, обвиняя

его в измене и восстании против законного государя и угрожая ему отлучением от церкви, если он не покорится своему «брату старейшему».

Лишь около 1450 г. междоусобная борьба закончилась полным торжеством Василия. В результате жестокой борьбы Василия с удельными князьями и его окончательной победы над ними к концу его княжения в его руках соединились все уделы московского княжества, кроме одного (верейского).

Бурными и сложными были отношения Василия с татарами. Татарский хан в самом начале признал его великим князем, но в 1445 г. большой татарский отряд ворвался в московские владения, разбил великого князя и взял его в плен. В следующем году татары отпустили Василия, взявшим с него обязательство внести огромный выкуп. И именно Василий начал принимать на московскую службу татар, давая им земли и «кормления». Около 1452 г. татарский князь Касим получил от Василия во владение область нижней Оки с городом Мещерским, который был теперь назван Касимовом, так на восточной окраине московских владений образовалось вассальное татарское «царство», и с этих пор вспомогательные татарские отряды составляли постоянную часть московских вооруженных сил. В это время некогда могущественная Золотая Орда находилась уже в состоянии упадка и распада: в 1445 г. образовалось особое царство, или ханство, Казанское (занимавшее среднее Поволжье), а еще раньше — ханство Крымское.

Кроме тяжелого политического междоусобия княжение Василия II было потрясено еще церковной смутой. После смерти митрополита Фотия (1431 г.) в Москве хотели поставить митрополитом рязанского епископа Иону, но патриарх Константинопольский поставил митрополитом на Русь Иисидора (последнего русского митрополита из греков). В это время константинопольская церковь перед лицом надвигавшейся турецкой опасности пыталась найти помощь на католическом Западе и в 1439 г. на Флорентийском соборе заключила унию с Западной церковью, согласившись признать верховную власть римского папы. Русский митрополит Иисидор присутствовал на этом соборе и подписал акт унии. Когда он вернулся в Москву в сане римского кардинала, московское правительство и духовенство наотрез отказались присоединиться к унии. Великий князь назвал Иисидора «латынским ересным прелестником», сверг его с митрополии «яко отступника веры»

и заключил в один из московских монастырей, откуда Исидор скоро успел бежать². Через несколько лет после бегства Исидора рязанский епископ Иона был поставлен на митрополию собором русских епископов, независимо от Константинополя; так же поставлялись и его преемники, и таким образом митрополия «всех Руси» формально отделилась от Константинопольского патриархата.

По завещанию Василия его старший сын, Иван, которого отец «благословил отчиною своею, великим княжением» получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе; область великого княжения Владимира и примыслы — Нижний, Суздаль и Муром без раздела переходят к старшему брату, которому даны были все материальные средства держать младших под своею рукою» (Соловьев).

5. Князья великие, удельные и служебные. Политическое устройство Северо-Восточной Руси в XV и первой половине XVI в. представляло чрезвычайно пеструю и сложную картину. Ее территория, за исключением владений трех «северорусских народоправств» — Новгорода Великого, Пскова и Вятки, — разделялась на множество княжеств, великих и удельных. Великий князь Владимирский почитался старшим среди русских князей. Со времени Калиты титул великих князей Владимирских носили князья Московские, но старшие князья отдельных значительных областей также носили титул «великих князей», и таким образом, кроме Владимирского, существовали еще великие князья Тверские, Рязанские, Ростовские, Ярославские и Суздальско-Нижегородские, причем княжества Тверское и Рязанское до конца XV века сохраняли свою полную политическую независимость не только во внутренних делах, но и во внешних сношениях.

В каждом великому княжестве находился целый ряд удельных княжеств. Отношения между удельными и великими князьями определялись между княжескими договорами. Московские великие князья в своих духовных завещаниях пытались сохранить некоторое «одинакчество» княжеской семьи, приказывая своим детям «быти за один» и «брата своего старейшего имети и чтити во отцеvo место». Фактически удельные князья в управлении своими уделами были совершенно независимы. Однако во внешней

² «Благоверный великий князь Василий Васильевич,— пишет московский летописец,— никакоже не послы по нем возвратити его, ни восхоте удержати его; яко несмыслена суща и богомерзка».

политике они должны были действовать «за один» с великим князем. Князья обязуются в своих договорах ни с кем «не доканчивати» одному без другого (т. е. не заключать мирных и союзных договоров), иметь общих друзей и врагов и совместно вести войну: «а коли ми будет всести на конь (т. е. выступить в поход), а тебе со мною».

Конечно, в действительности княжеское «одинчество» весьма часто нарушалось, и мы видим в этом периоде постоянные войны и столкновения как между «великими князьями» разных областей, так и в пределах одного «великого княжества»³.

С течением времени в этом сложном и запутанном мире политических отношений и междукняжеской борьбы все более возвышается власть великих князей Владимирских и Московских, которые опираются сначала на татарскую поддержку, а потом на свою все растущую внутреннюю силу и популярность. Происходит не только территориальный рост московских владений, но и процесс «собирания власти» в руках великого князя, который фактически подчиняет своей власти свою «младшую братию». Помимо князей-братьев в его владениях появляется много князей-«подручников» или служебных князей, которые отказываются от верховных государственных прав, чтобы под покровительством великого князя обеспечить себе владение своими «вотчинами».

6. Эпоха Ивана III (1462-1505). Рост территории Московского государства — объединение Великороссии. Начало борьбы с Литвой за западнорусские области. Падение татарского ига. Сношения с Западом. Василий II (1505—1533). По смерти Василия Темного на престол великокняжеский вступил его сын Иван, расчетливый и осторожный, но дальновидный, настойчивый, искусный политик. Он с полным успехом продолжал сосредоточивать и власть, и территорию в руках «великого князя Владимира и Московского». К концу его правления на территории Московско-Владимирского великого княжества не осталось более удельных княжеств; некоторые великий князь приобрел после смерти их владельцев, другие за-

³ Скорбя о княжеских междуусобиях и раздорах на Руси, тверской летописец замечает: «вси бо сии един род и племя Адамово, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и купцы, и ремесленники (ремесленники), и работники люди, един род и племя Адамово; и забывшиеся друг на друга враждуют, и ненавидят, и грызут, и кусают, отстоящи от заповедей Божих, еже любити искреннего своего яко сам себе».

хватил силой. С большим успехом Иван осуществил объединение под своей властью разных областей Великороссии. Для этого он мобилизовал большие военные силы, но ему не понадобились кровавые битвы; население присоединяемых княжеств ничего не теряло с переходом под власть великого князя Московского и не оказывало ему серьезного сопротивления; бояре охотно переходили на московскую службу, а князья этих княжеств или признавали власть великого князя московского и переходили на положение служебных князей, или бежали в соседнюю Литву. В 1463 г. было присоединено княжество Ярославское, князья которого перешли на положение московских служебных князей.— В 1472 г. был покорен обширный Пермский край.— В 1474 г. ростовские князья продали Москве вторую половину Ростовского княжества (первую купил уже Василий Темный).— В 1478 г. покорен «господин Великий Новгород», который великий князь «выстоял» осадою, зная о несогласиях и раздорах в осажденном городе; с падением Новгорода пришли под власть Москвы и все его обширные владения.— В 1485 г. была покорена Тверь, старая соперница Москвы; Иван подступил к Твери с большим войском, но ему не пришлось сражаться, ибо тверские бояре-«крамольники» изменили своему князю и перешли на сторону великого князя Московского: «назавтрее приехаша к великому князю бояре тверские, и били челом великому князю в службу»; в следующую ночь «побежал из Твери князь великий Михайло Борисович к Литве, видя свое изнеможение, и наутро выехаша к великому князю тверской владыка Васиан, ...и все князи и бояре и земские люди все, и град отвориша». Все они принесли присягу великому князю и приняли его наместника, и таким образом двухвековая борьба между Тверью и Москвою закончилась в два дня без единого выстрела. В 1489 г. была покорена вятская земля, и таким образом вся Великороссия была объединена под властью великого князя Московского, кроме окраинных земель — Пскова, Смоленска и Рязани.

В 1490-х гг. недовольные литовским правительством князья соседних с московскими владениями западнорусских областей, именно князья Вяземские, Белевские, Новосильские, Одоевские, Воротынские и Мезецкие, а затем и князья Черниговский и Новгород-Северский признали над собой верховную власть Московского государя. Теперь «собирание Руси» становится «национально-религиозным движением» (Ключевский), и московские государи высту-

пают борцами за русскую народность и православную веру. Вызванные отпадением верхнеокских и Чернигово-северских княжеств из-под власти Литвы войны 1492—1494 и 1500—1503 гг. были успешны для Москвы; по договору о перемирии (на 6 лет), заключенному в 1503 г., великий князь Литовский Александр уступил Ивану города: Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Путивль, Рыльск, Гомель, Любеч, Брянск, Мценск, Дорогобуж, Белую, Торопец и др., всего 19 городов и 70 волостей. В переговорах о мире, когда литовские послы требовали от Ивана возвратить великому князю Литовскому его «отчину», которую захватила Москва, Иван отвечал, что эти города являются его «отчиной», и не только эти города, «ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». И позднее московский государь не раз заявлял, что он считает своей «отчиной» Киев, Смоленск, Полоцк, Витебск, и иные города, «которые ныне за Литвой» и которые король и великий князь «держит за собою неправдою». Предъявленное московским правительством требование воссоединения Восточной и Западной Руси, которую московские государи, как потомки Владимира Святого, считали своей отчиной, повело к многовековой борьбе России и Польско-Литовского государства за западнорусские области.

В отношении к татарам Иван начал держать себя как независимый государь; он прекратил платеж татарского «выхода» и вступил в союз с крымским ханом, противником Золотой Орды. В 1480 г. хан Золотой Орды Ахмат решил восстановить свою власть над Русью и с большим войском двинулся к русским пределам. Русское войско выступило против неприятеля, войска противников подошли с двух сторон к пограничной реке Угре и долго стояли на ее противоположных берегах, ибо ни Ахмат, ни Иван не решались начать сражение,— «едини других бояхуся». Богатая часть московского населения, боясь татарского нашествия в случае поражения русской рати, советовала великому князю как-нибудь договориться с ханом, но московское простонародье и духовенство требовали от Ивана решительных действий против вековых угнетателей. Летописец с негодованием пишет, что великий князь слушал советов «злых человек сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских, а норовников бессерменских», которые советовали Ивану мириться с Ахматом. Митрополит Геронтий с духовенством призывал великого князя

твердо стоять за православную веру, а престарелый архиепископ Вассиан Ростовский отправил великому князю на Угру обширное послание, проникнутое высоким национально-патриотическим одушевлением, с увещанием не быть «бегуном», но твердо стоять против безбожного агарианского царя и идти на него «не яко на царя, но яко на разбойника и хищника и богоборца», которому не должен повиноваться «Русских стран христианский царь».

Войска противников стояли на берегах Угры до осени, когда начались морозы; татары были «наги, босы, ободралися», и в начале ноября Ахмат поспешно отступил от русских границ, а в следующем году он был убит. Так окончательно рухнуло татарское иго, тяготевшее над Русью более двух веков. Конечно, в последние десятилетия власть татарских царей над Русью была более номинальной, чем действительной. В 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей нанес ослабевшей Золотой Орде окончательный удар, и ее существование прекратилось; вместо нее образовалось несколько татарских царств или ханств: Крымское (которое в 1475 г. должно было признать вассальную зависимость от турецкого султана), Казанское, Астраханское и ногайские орды.

После брака с Софией Палеолог и приобретения полной независимости и политического могущества Иван вступил в дипломатические сношения с различными странами Западной Европы — с императором Германским, с Венецией, Данией, Венгрией и Турцией. Западная Европа, говорит Соловьев, открыла Московское государство (Московию) — одно время с Америкою. Она знала о существовании великого княжества Литовского и Русского, т. е. о Руси, подвластной великому князю Литовскому, а дальше на восток простиралась необъятная Татария⁴.

Иван несколько раз посыпал свои посольства в Венецию и в Рим для приглашения на службу в Москву италь-

⁴ В 1487 г. на рейхстаге в Нюрнберге рыцарь Никоай Поппель рассказал императору германскому Фридриху III и немецким князьям о существовании далекой и могущественной Московии, которую он перед тем посетил.

В 1489 г. Поппель снова явился в Москву, но уже з качестве императорского посла, с предложением дружбы и союза и королевского титула для Ивана. Иван ответил, что он рад жить в дружбе с «цесарским величеством», но насчет принятия королевского титула от императора германского дал такой ответ: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы, Божию милостью, государи на своей земле изначала, от своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; и просим Бога, чтоб нам и детям нашим всегда дал так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим».

янских архитекторов и разных мастеров. Самым знаменитым из них был Аристотель Фиоравенти, строитель Успенского собора в Московском Кремле (1475—1479).

Наследовавший Ивану его сын Василий III (1505—1533) продолжал дело отца. Он докончил объединение Великороссии. В 1510 г. он присоединил к Москве Псков, а в 1517 г. окончательно присоединил княжество Рязанское, которое уже и до тех пор находилось в некоторой зависимости от Москвы. В 1517—1523 гг. он выгнал удельных князей из Чернигово-Северской земли и подчинил их владения непосредственно великому князю. Начав войну с Литвой, Василий в 1514 г. взял Смоленск и торжественно вступил в город, встреченный православным духовенством и всем населением своей новой «отчины».

С начала XVI века начинается бесконечный ряд опустошительных нападений крымских татар на южные пределы Московского государства; трудная и изнурительная борьба с набегами крымцев сделалась с тех пор постоянной тяжелой заботой Московского государства.

7. Возвышение власти московского государя. София Палеолог и наследие Византии. Москва — «третий Рим». Параллельно с фактическим усилением власти московского государя происходит идеино-политическое возвышение этой власти. После взятия Константинополя турками (1453 г.) и падения Византийской империи не оставалось более ни одного независимого православного государства, кроме Москвы (православные царства Сербское и Болгарское пали уже до падения Византии). Брат последнего византийского императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме. Великий князь Московский Иван III в 1467 г. овдовел, и скоро римский папа Павел II предложил дочь Фомы Палеолога Зою (или Софию) в супружество Ивану III в надежде посредством этого брака устроить присоединение Москвы к Флорентийской унии. Брак этот состоялся в 1472 г.; он не привел Москву к религиозному соединению с Римом, но имел важные последствия для возвышения монархической власти в Москве. Как супруг последней византийской царевны, великий князь Московский становится как бы преемником византийского императора, почитавшегося главою всего православного Востока. По желанию и по советам Софии в Московском Кремле при дворе великого князя стал заводиться пышный, сложный и строгий церемониал по образцам византийского двора. С конца XV века постепенно пре-

кращается господствовавшая ранее простота отношений и непосредственное обращение государя со своими подданными, и он поднимается над ними на недосягаемую высоту. Вместо прежнего простого и «домашнего» титула «великий князь Иван Васильевич» Иван III принимает пышный титул: «Иоанн, Божию милостью Государь всея Руси и Великий князь Владимирский и Московский и Новгородский и Псковский и Тверской и Югорский и Пермский и Болгарский и иных». В сношениях с малыми соседними землями (как с Ливонией) появляется уже титул *царя*⁵ всея Руси. Другой титул, принятый московскими государями, «самодержец» представляет собой перевод византийского императорского титула *autocrator*; титул этот означал первоначально самостоятельного государя, не подчиненного никакой внешней власти, но Иван Грозный придал ему значение абсолютной, неограниченной власти монарха над своими подданными. С конца XV в. на печатях московского государя появляется византийский герб — двуглавый орел (который комбинируется с прежним московским гербом — изображением Георгия Победоносца). В 1498 г. Иван устраивает в Успенском соборе торжественное венчание на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича, возлагая на него «шапку Мономаха» и бармы («оплечье»). Московские книжники составляют сказание о том, что хранящаяся в Московском Кремле «шапка Мономаха» была прислана в Киев императором Константином Мономахом для венчания на царство великого князя Киевского Владимира Мономаха, от которого ведут свой род московские «боговенчанные» государи.

На рубеже XV и XVI вв. возникает гордая теория о том, что ныне Москва, как наследница Константинополя, второго Рима, является третьим Римом, последним и вечным царством всего православного мира. Особенно яркое выражение нашла эта теория в начале XVI века в посланиях инока одного из псковских монастырей Филофея. В послании к великому князю Василию III (ок. 1510) Филофей писал: «Да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православных христианские веры снидоша в твое едино царство. Един ты во всей поднебесной христианом царь», — «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, — уже твое христианское царство иным не останется...».

⁵ «Царь» есть сокращение слова цесарь, или, как его писали в старину, цыарь (производное от латинского слова *caesar*).

~Однако до конца Рюриковой династии в московском государстве, как говорит Ключевский, «борется вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». Вотчинный взгляд на государство как на частную собственность своего хозяина проявляется, в частности, в том, что даже еще в XVI в. московские государи выделяют своим младшим сыновьям некоторые «удеды» из общегосударственной территории, хотя теперь удельные князья являются лишь странными и неуместными пережитками удельной старины.

8. Социальный строй русского общества в XIV—XV вв. Вольные слуги и тяглое население. Наверху социальной лестницы русских княжеств в XIV—XV вв. стояли «бояре и слуги вольные». Они служили своим князьям по добровольному соглашению и могли переходить от одного князя к другому. В между княжеских договорах находим как постоянное правило: «а боярам и слугам межи нас вольным воля». Эти бояре и вольные слуги были, как правило, землевладельцы-«вотчинники». Они получали от князей «жалованные» грамоты, согласно которым они сами должны были «ведать и судить» население, жившее в их вотчинах; однако право вотчинного суда ограничивалось обычно очень существенной оговоркой: «опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным», т. е. серьезные преступления — убийство, грабеж и кража «с поличным» — подлежали суду княжеской администрации. Право отъезда бояр и вольных слуг могли существовать только до тех пор, пока Русь была политически раздроблена; с конца XV в., когда уделы были уничтожены и крупные областные княжества присоединены к Москве, «отъехать» фактически было некуда, кроме Литвы, но такой отъезд рассматривался уже как измена и побег и вел к конфискации имений бежавшего. Таким образом, с конца XV в; все бояре и слуги московских государей становятся уже фактически слугами «невольными», т. е. они обязаны служить московскому государю и никому иному. За свою службу бояре и вольные слуги получали от князей «в кормление» города и волости, которыми они правили в качестве «наместников» и «волостей», причем они обычно больше интересовались собиранием своих «кормов», чем добросовестным исполнением своих судебно-административных обязанностей.

Князья в XIV—XV вв. имели свое обширное и сложное дворцовое хозяйство. Все земли княжества, которые не

принадлежали на вотчинном праве боярам, вольным слугам или церковным учреждениям, считались принадлежавшими князю. Часть из них была занята свободными крестьянскими «мирами», которые вносили князю установленную плату за пользование его землей, а часть — так называемые дворцовые земли — обслуживали непосредственно нужды княжеского двора и находились под управлением «дворского» или — позже — «боярина дворецкого». Население дворцовых имений состояло из «слуг под дворским», крестьян и челяди невольной. Часть «слуг под дворским» несла также и военную службу своему князю. Когда князьям, и особенно князю московскому понадобилось значительно увеличить число своих служилых людей, тогда князь начал раздавать участки земли, населенной крестьянами, в условное владение с тем, чтобы лицо, получившее такой участок, несло княжескую службу, преимущественно военную. Такие участки княжеской земли, розданные служилым людям не в собственность, но лишь во владение под условием службы, получили название «поместий». Широкое развитие поместной системы в Московском государстве относится к XVI веку, но уже в XIV в. видим ее зарождение. В духовной грамоте Ивана Калиты (1323 г.) читаем: «А что есмь купил село в Ростове Богородическое, а дал есмь Бориску Воркову; аже (если) иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим, село отымуть». Этот Бориско Ворков является первым известным над московским помещиком.

Крестьяне в XIV—XV вв. жили или на землях частных владельцев — бояр, вольных слуг и церковных учреждений или на землях княжеских. На землях частных владельцев они занимали по договору с господином известные участки земли и платили за них установленный денежный или хлебный оброк, а также исполняли известные работы («изделье»). По старому обычаю и по закону они имели перехода от одного владельца к другому и фактически пользовались этим правом, если надеялись в другом месте найти лучшие условия жизни и хозяйства. Однако уже в эту эпоху крестьянское право перехода частью регулировалось, а частью ограничивалось княжескими законами или частными постановлениями. «Судебник» великого князя Ивана III (1497 г.) устанавливал для крестьянских переходов (для крестьянского «отказа») один срок в году — две недели около «Юрьева дня осеннего» (26 ноября), т. е. время, когда оканчивались все полевые работы и обе

стороны могли свести взаимные счеты; кроме того, «Судебник» устанавливал для уходящего крестьянина обязательную уплату «пожилого» за пользование двором. Крестьяне-«серебренники», за которыми числились денежные долги господину («серебро»), должны были, уходя, расплатиться с долгами, а это было, конечно, не всегда и не для всех возможно. Некоторые монастыри уже в XV в. испрашивали себе у великого князя грамоты, запрещавшие уход крестьян-«старожильцев» из монастырских сел. С другой стороны, частным землевладельцам запрещалось перезывать к себе (тяжлых волостных письменных людей), т. е. крестьян, сидевших на княжеских «черных» землях и записанных в волостные податные списки. Несмотря на все эти частичные ограничения, крестьяне сохраняли право перехода не только в XV, но еще и в XVI в., хотя уже далеко не все имели фактическую возможность перехода.

Значительная часть крестьян в XV в. жила на «черных», «тяжлых», «волостных» землях, которые составляли собственность великих князей московских. Земли эти находились во владении и пользовании крестьян, с платежом «оброка» в княжескую казну. Крестьяне называли их «земли великого князя, а нашего владения» и фактически распоряжались своими участками: продавали их другим крестьянам, закладывали, дарили, меняли; по смерти их их участки обычно переходили к их наследникам. Каждый двор вел свое хозяйство, сельское, а иногда и промысловое; несколько дворов иногда образовывали товарищество, или артель, члены которой назывались «складниками». Несколько селений составляли более крупные общества, которые назывались волостями. Каждая волость образовывала самоуправляющийся крестьянский «мир»: мирской сход выбирал старосту или сотского и его товарищей. Более важные дела староста решал «поговоря с волостью» или «со всеми» крестьяны, т. е. после обсуждения дела на волостном мирском сходе. Волостное управление заведовало общими хозяйственными «угодьями» волости — лесами, рыбными ловлями и т. д. и иногда сдавало их в аренду; оно призывало новых поселенцев на пустые земли или на оставленные крестьянские участки. Волостное управление само решало мелкие текущие дела судебно-административного характера разбирало споры и столкновения между крестьянами. Суд по делам о более важных преступлениях, как убийство, грабеж, поджог, принадлежал княжеским наместникам и волостелям, но представители волости — старосты или «добрые или лучшие лю-

ди» из местного населения — должны были сидеть в суде у наместников, «правды стеречи»⁶. Волость заботится и об удовлетворении духовных потребностей населения: строит церкви, подыскивает причт и обеспечивает его содержание (избранный волостью кандидат в священники потом, конечно, поставляется епископом). Волостные крестьянские миры были связаны круговою порукою в уплате княжеских податей. Правительство назначало на каждую волость только общую сумму, подлежащую уплате, а затем избранные волостью «окладчики» или специальные «целовальники» разверстывали эту сумму между членами волости «по силе» или «по животам» каждого, т. е. соответственно имущественной состоятельности отдельных крестьян-домохозяев. Отвечая за исправную уплату податей и отбывание повинностей, волость, конечно, была заинтересована в сохранении и пополнении состава своей трудовой и платежной силы; поэтому волость старалась не допускать ухода крестьян-тяглецов⁷, если они не оставляли на своих участках надежных заместителей, а также старалась призывать в свой состав новых «тяглецов» со стороны.

9. Церковь в XIV—XV вв. Монастыри; монастырская колонизация и монастырское землевладение. Церковь в Древней Руси была не только господствующей силой в духовной жизни народа, но также крупной и влиятельной общественной и политической силой. Под управлением митрополита «всех Руси» находилось обширное общество церковных людей; церковным учреждениям принадлежали огромные земельные владения; авторитетный голос вышней иерархии играл большую роль в решении политических вопросов. Принеся из Византии идею богоустановленной царской власти, высшее российское духовенство всемерно содействовало возвышению монархической власти в России. Начиная с митрополита Петра (умершего в Москве в 1326 г.); русские митрополиты оказывали всяческую поддержку великому князю московскому и много способствовали возвышению его власти. Преемник Петра митрополит Феогност, утвердив митрополичью кафедру в Москве, сделал Москву церковной столицею России. Мит-

⁶ Судебник 1497 г. приказывал наместникам и волостелям «без старости и без лучших людей суда не судити».

⁷ Сумма податей и повинностей, лежащих на крестьянском хозяйстве, называлась «тяглом», а люди, которые его «тянули», назывались «тяглецами» или «тяглыми людьми».

рополит Алексей (1353—1378) играл выдающуюся политическую роль при Иване II и в малолетство Дмитрия Донского, когда он фактически возглавлял великокняжеское правительство. При Василии II епископ рязанский Иона, нареченный митрополит, решительно поддерживал великого князя в его борьбе за великокняжеский престол.

В середине XV века произошла важная перемена во внешних отношениях русской митрополии. До этого времени русские митрополиты ставились патриархом константинопольским, и последним был поставлен на Русь грек Исидор, принявший Флорентийскую унию и затем низвергнутый великим князем московским с митрополичьего престола за уклонение в «латинскую ересь». В 1448 г. собором русских епископов был поставлен на митрополичью кафедру рязанский епископ Иона, а после его смерти (1461 г.) таким же порядком был поставлен митрополит Феодосий,— «и от сих мест начала ставити митрополитов на Москве, к Царюграду не ходя». Однако, сделавшись независимым от патриарха цареградского, русские митрополиты попали фактически в зависимость от великого князя, ибо сбор епископов обычно выбирал нового митрополита согласно желанию и указанию великого князя. Тесный союз высшей духовной и светской власти продолжался, однако с явным перевесом на стороне последней. Церковная иерархия сохраняла право совета и право «печалования» (т. е. ходатайства за лиц невинно пострадавших или слишком сурово наказанных светской властью) и нередко этим правом пользовалась. Мы видели, как энергично русское духовенство, в лице митрополита Геронтия и особенно архиепископа ростовского Вассиана, выступило во время нашествия Ахмата (1480 г.), требуя от колеблющегося Ивана III решительных действий против неприятелей.

Церковный мир в России был нарушен в последние десятилетия XV в. появлением ереси «жидовствующих»⁸, которая одно время захватила даже часть высшего духовенства; согласно требованиям новгородского архиепископа Геннадия и игумена Иосифа Волоцкого, ересь была в начале XVI в. подавлена суворыми мерами (Нил Сорский и «заволжские старцы» возражали против применения насилия над заблуждающимися).

Неблагоприятным для московской митрополии фактом было отделение от нее западнорусских областей,

⁸ В 70-х гг. XIV в. в Новгороде возникла подобная ересь «стригольников», но не получила широкого распространения.

находившихся под властью великого князя Литовского. Уже в 1415 г. собор восьми западнорусских епископов поставил (по требованию великого князя Витовта) митрополитом киевским Григория Цамблака. Митрополит Фотий решительно протестовал против постановления Григория, и по смерти последнего (1419) западное духовенство снова признало юрисдикцию Фотия. Но в 1458 г. в Западной Руси снова был поставлен особый митрополит, и с тех пор русская митрополия разделилась окончательно.

Большую роль не только в церковной, но и в общенациональной жизни Древней Руси играли *монастыри*. В XIV—XV вв. так же, как и раньше, монастыри были не только местом для подвигов духовных, не только школой для подготовки иерархов, но и центром духовной культуры вообще. Но кроме того, в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. монастыри приобрели еще весьма важное народнохозяйственное значение. В Киевской и Новгородской Руси почти все монастыри находились в городах или около городов. В Северо-Восточной Руси с XIV в. возникает множество так называемых пустынных монастырей, вдали от городских центров⁹. Люди, проникнутые сильным религиозным чувством и стремящиеся уйти из мира, который «во зле лежит», уходили далеко в лесные дебри русского Севера и там основывали новые обители. Первоначально монахи составляли своего рода хозяйствственные артели, своими руками строили обитель, своими руками расчищали окрестный лес под огороды и пашню, заводили рыболовное и пчеловодное хозяйство. Впоследствии вокруг возникшей обители, как религиозной и хозяйственной своей опоры, селились крестьяне—«новоприходцы», ставили здесь свои деревеньки и «починки» и расчищали лес под пашню. Таким образом «монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей» (Ключевский). Основатель монастырского пустынно-жительства и зачинателем этого движения был знаменитый подвижник XIV века св. Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря¹⁰. В конце концов монастырская колонизация дошла до берегов Белого моря и Северного

⁹ В XIV—XVI вв. было вновь основано около 100 городских и пригородных и около 150 «пустынных» монастырей.

¹⁰ Одним из наиболее успешных продолжателей начатого Св. Сергием дела был Св. Кирилл, основатель Знаменитого Белозерского монастыря.

Ледовитого океана¹¹. Впоследствии вокруг некоторых монастырей, разросшихся и разбогатевших, возникали не только села и деревни, но целые «посады» с ремесленным и торговым населением, превратившиеся потом в города.

Однако в XV в. в жизни северных монастырей происходит изменение, искажившее первоначальный дух и характер монастырского подвижничества. Изменение это было вызвано ростом монастырского землевладения; первоначальным его источником были княжеские пожалования монастырям окрестных диколесных пространств, которые трудами иноков и крестьян-«новоприходцев» вводились в народнохозяйственный оборот. Но затем главным и весьма обильным источником земельного обогащения монастырей явились земельные вклады «по душе» (или «на помин души»), которые землевладельцы давали монастырям (этот средневековый обычай создал огромные земельные богатства церкви на Руси так же, как и в Западной и в Средней Европе). Благодаря этому к XVI в. многие монастыри из трудовых общин превратились в крупных землевладельцев, распоряжавшихся трудом сотен и тысяч крестьянских рук. Рост монастырского землевладения приносил не только нравственный вред самим монастырям, но и экономический вред государству, которому нужны были земли для обеспечения своих служилых людей. Вопрос о допустимости монастырского землевладения был поднят на церковном соборе 1503 года: здесь строгий подвижник Нил Сорский и его сторонники «заволжские старцы» (так называемые «нестяжатели») требовали, чтобы монастыри отказались от «душевредного» владения землями и крестьянами и питались бы, как встарь, своим «рукоделием». Однако на соборе победила партия, стоявшая за сохранение монастырского землевладения, во главе которой стоял красноречивый и влиятельный игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий.

---

¹¹ Архангельский монастырь при устье Сев. Двины; монастырь Трифона Печенгского на побережье Кольского полуострова; знаменитый Соловецкий монастырь на островах Белого моря возник в середине XV в., еще в новгородскую эпоху, независимо от московского монастырского движения.

Глава V

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ (ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО) ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ 1569 г.

1. *Литовские земли в XIII в. Миндовг. Гедимин (1316—1341) и образование великого княжества Литовского и Русского.* В начале XIII в. литовские племена находились в состоянии полной политической раздробленности: они управлялись множеством племенных князей (наз. «рикасами» и «кунигасами»), окруженных своими дружинами, с которыми они делали постоянные набеги и нападения на соседние русские и польские земли.

Грозная опасность со стороны агрессивных западных соседей — Ливонского и Тевтонского немецких орденов заставила литовцев объединиться вокруг одного военного вождя, которым в 30-х гг. XIII в. становится первый великий князь Литовский Миндовг. Он не только объединил под своею властью большинство литовских племен, но захватил также и так называемую Черную Русь — область по левым притокам Немана с гг. Новгородком, Слонимом, Волковыском и Городном; Новгородок стал обычным местопребыванием Миндовга. В 1263 г. Миндовг пал жертвой заговора подручных князей. После его смерти в Литве наступил период смут и междоусобий в борьбе за власть, но уже в начале XIV в. является новый могущественный вождь Гедимин, которому удалось создать прочное объединение литовских и западнорусских земель.

Соседняя с Литвой земля Полоцкая находилась в XIII в. в состоянии политического упадка и раздробления, разделяясь на княжества Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое и др. Полоцкие князья обращались к Литве за помощью против немцев, и при Гедимине вся Полоцкая земля примкнула к Литве. Далее великое княжество Литовское включило в свой состав Турово-Пинское Полесье (т. е. бассейн р. Припяти) и землю Берестейскую (которая с западной своей части называлась Подляшьем). Столицей

нового государства (после Новгородка и Трок) стала Вильна.

Таким образом коренная Литовская земля окружила целым поясом подвластных литовским князьям русских земель, и великое княжество Литовское, почти с самого своего основания, приняло вид и характер литовско-русского. Его государь носил титул великого князя Литовского и Русского (а в латинских грамотах Гедимин назывался «*Rex Litvinorum Ruthenorumque*»).

Русское культурное влияние в новом государстве подчинило себе господствующую народность. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, при дворе и в официальном делопроизводстве господствовал русский язык (литовской письменности в то время не существовало).

2. *Ольгерд (1341—1377), Ягайло и Витовт (1392—1430). Территориальный рост великого княжества Литовского. Федеративный характер государства. Отношения с Польшей (договоры об унии и попытки их осуществления).* Сын Годимины Ольгерд с полным успехом продолжал территориальные приобретения. Уже при Гедимине киевские князья признали верховную власть великого князя Литовского. Ольгерд в 1362 г. привел Киев под свою непосредственную власть и посадил в нем наместником своего сына Владимира. Вскоре затем Ольгерд подчинил Литве почти всю Волынскую землю, в которой князем стал Любарт Гедиминович. В 1362—1363 гг. Ольгерд вел войну против татар, которые в то время непосредственно владели Подолией; он разбил татар в битве на Синей Воде, овладел Подолией и продвинул южные границы своего государства до берегов Черного моря; князьями на Подолье стали его племянники, сыновья Кориата Гедиминовича (впоследствии Подолье долгое время было спорной областью между Литвой и Польшей). Кроме южнорусских областей, Ольгерд подчинил своей верховной власти Чернигово-Северскую землю и часть Смоленской земли. В то время как Ольгерд с таким успехом вел завоевательную политику на юге и востоке, его брат Кейстут действовал против немцев на западе, остановив их наступательное движение.

В результате военных и дипломатических успехов Гедимины и Ольгерда великое княжество Литовское превратилось в конце XVI в. в обширное государство, которое простипалось от Балтийского до Черного моря; в этом

государстве западнорусские земли составляли 0,9 всей территории и огромное большинство населения было русским. Эти поразительно быстрые и легкие успехи великих князей литовских объясняются как тем, что западнорусские земли охотно признавали власть Литвы, чтобы избавиться от власти татар, так и тем, что, присоединяясь к Литве, русские области ни в какой мере не испытывали национального или религиозного гнета или какой-либо ломки в строе и характере местной жизни. В большинстве западнорусских земель сначала оставались на своих местах прежние князья — Рюриковичи, признавшие над собой верховную власть великого князя Литовского; в некоторых областях их заменили литовские князья — Гедиминовичи, но за исключением этого, никаких существенных перемен не происходило. «Литовская верховная власть была совершенно чужда тенденции к нивелировке областной жизни... «мы старины не рухаем, а новин не уводим» — провозглашали великие князья литовские, подтверждая старые права земель, находившихся под их верховной властью» (Лаппо). Таким образом, существенной чертой государственного строя великого княжества Литовского был его федеративный характер (в противоположность московской централизации). «Литовско-Русское государство в XIV в. представляло в сущности конгломерат земель и владений, объединенных только подчинением власти великого князя, но стоявших особняком друг от друга и не сплотившихся в единое политическое целое» (Любавский).

Русское культурное влияние все более усиливалось в Литве, и сами Гедиминовичи постоянно обруseвали, некоторые из них и крестились в «русскую веру». Однако в конце XIV века Литовско-Русскому государству пришлось пережить тяжелый и опасный национально-политический кризис. После смерти Ольгерда (1377 г.) в литовской великокняжеской семье начались раздоры и борьба за власть. Великим князем стал один из сыновей Ольгерда, хитрый и жестокий Ягайло, который погубил своего дядю Кейстута, но встретил сопротивление некоторых областных князей, своих братьев. В это время соседняя с Литвой Польша переживала династический кризис. По смерти короля Людовика Венгерского (1382 г.) в Польше была признана королевой его несовершеннолетняя дочь Ядвига, и польские паны хотели устроить ее брак с Ягайлом, надеясь, что этот брак поведет к унию Польши с Литвой, точнее к присоединению обширного Литовско-Русского государства к королевству Польскому. Ягайло с радостью согла-

сился жениться на Ядвиге, чтобы этим браком укрепить свою власть и обеспечить себе помощь Польши как против немцев, так и против непокорных братьев. В 1386 году Ягайло принял католичество, женился на Ядвиге и стал королем польским, с именем Владислава. Перед тем как (1385 г.) Ягайло выдал в Крево польским послам обязательство не только самому принять католичество, но привести в католическую веру также всех своих родственников и подданных и присоединить навсегда свои земли к короне Польской. Уния 1385—1386 гг. была *инкорпорацией* (или «втеплением») великого княжества Литовского в Польское королевство. Однако требование уничтожения государственной самобытности великого княжества Литовского вызвало открытое восстание литовских князей и бояр, во главе которого стоял двоюродный брат Ягайла Витовт Кейстутович. Восстание встретило общее сочувствие населения Литовско-Русского государства, и Ягайло вынужден был пойти на уступки: в 1392 г. в Острове было заключено соглашение, по которому Витовт был признан пожизненным великим князем Литовским под суверенитетом польского короля, с тем, однако, что после его смерти его владения должны были перейти под непосредственную власть последнего. Однако фактически Витовт держал себя как самостоятельный и независимый государь.

Неудача в войне с татарами, которые в 1399 г. нанесли Витовту страшное поражение на р. Ворксле, вынудила Витовта снова искать соглашения с Ягайлом, и в 1401 г. договор об унии был подтвержден на условиях соглашения 1392 г. После этого оба государя действовали в согласии в вопросах внешней политики и в 1410 г. совместно вели войну против Тевтонского ордена, которому польские, литовские и русские полки нанесли страшное поражение при Грюнвальде.

В 1413 г. на Гродельском польско-литовском съезде был заключен новый договор об унии, согласно которому было признано постоянное существование великого княжества Литовского (под суверенитетом короны Польской); по смерти Витовта литовцы должны были избрать себе нового великого князя по соглашению с польскими королем, панами и шляхтой (так же и польский король в будущем должен был избираться по соглашению с литовцами). Литовские аристократы получили все права и привилегии, которыми пользовалась польская аристократия, однако лишь постольку, поскольку они были католиками, а не схизматиками (т. е. православными) или «неверны-

ми» (нехристианами). Таким образом, литовская католическая аристократия заняла господствующее положение в государстве, образовав сравнительно узкий круг сотрудников и советников «господаря великого князя»; они образовали думу или «раду» великого князя, из их среды обычно он назначал своих наместников в областях.

В своей внутренней и внешней политике Витовт был сильным и деятельным государем. Встретив и подавив сопротивление некоторых областных князей, от которых он требовал «покоры» и послушания, Витовт упразднил крупные областные княжения в Полоцке, Витебске, Новгороде Северском, Киеве, на Волыни и Подолье; вместо прежних князей Рюриковичей или Гедиминовичей Витовт стал назначать в эти области своих наместников, которые управляли этими областями по-прежнему, при участии местного боярства.

В своей внешней политике Витовт также достиг значительных успехов. На рубеже XIV и XV вв. он присоединил к великому княжеству Литовскому княжества Смоленское и Вяземское, а также целый ряд так называемых верхнеокских княжеств. Таким образом, в начале XV в. великое княжество Литовское охватывало не только Литву, всю Северо-Западную и почти всю Юго-Западную Русь, но и западную часть Великороссии (целиком или частью губернии Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Орловскую и Курскую)...

В конце правления Витовта подготавлялся план венчания его королевскою короною, но план этот не удалось осуществить вследствие противодействия поляков.

Хотя «втение» Литовско-Русского государства и не удалось полякам, все же договоры об унии и «привилеи», явившиеся в результате этих договоров, оказали существенное влияние на социально-политический строй великого княжества Литовского. Они оформили и укрепили позицию литовской землевладельческой аристократии, предоставив ей все те социальные привилегии и политические права, которыми пользовались их «соседы» и «братья» в короне Польской. Городельской привилегией 1413 г. устанавливается участие литовской знати в избрании будущих великих князей Литовских (и королей польских), а также совещание знати с великим князем «pro bono publico». Таким образом, уния с Польшей (хотя бы только личная или династическая), сделав власть великого князя Литовского избирательной, воспрепятствовала образованию в великом княжестве сильной наследственной

монархии и сделала литовскую аристократию распорядительницею судеб государства.— «Принятие католицизма и постоянное политическое и житейское общение с Польшею открыли дорогу влиянию польской культуры на жизнь Литовско-Русского государства, усвоению идей и форм польской государственности» (Любавский). В великом княжестве Литовском создается ряд высших должностей по польскому образцу — воеводы, каштеляны, маршалки, гетманы, канцлер. Польский язык и польское культурное влияние в среде литовской аристократии начинают играть преобладающую роль. Часть русской аристократии, стремясь приобщиться к власти и привилегиям господствующего слоя, принимает католицизм и поддается полонизации, тогда как другая часть остается верна своей вере и народности, и таким образом возникает в Литовско-Русском государстве та национально-религиозная вражда и борьба, которой оно было совершенно чуждо в XIV столетии.

3. Великое княжество Литовское в XV—XVI вв. Внешние и внутренние отношения. Национальная и религиозная рознь. По смерти Витовта (1430 г.) началась борьба за великое княжение между Свидригайлом Ольгердовичем, который опирался на сочувствие и поддержку русских князей и бояр, и Сигизмундом Кейстутовичем, которого поддерживали литовские паны. Сигизмунд победил, и в 1432 г. литовцы и польские послы возобновили договор об унии, точнее, о совместном избрании государей. Изданные Сигизмундом привилеи 1432 и 1434 гг. подтвердили права и привилегии не только литовской, но и русской знати, но правом на занятие высших должностей в государстве по-прежнему пользовались только католики.

Сигизмунд возбудил против себя неудовольствие знати, и в 1440 г. он был убит заговорщиками. Преемником ему литовские паны выбрали Казимира «Ягеллончика» (1440—1492); русские земли сначала отказались повиноваться ему, но затем одна за другой покорились. В 1445 г. (после гибели польского короля Владислава в битве с турками при Варне в 1444 г.) поляки выбрали Казимира своим королем, и таким образом возобновилась личная уния великого княжества Литовского и королевства Польского. В 1447 г. Казимир издал важный общеземский привилей, который даровал или подтверждал князьям, панам и шляхте великого княжества все права, вольности и привилегии, которые имеют князья, паны и шляхта королев-

ства Польского. Кроме личных прав, как свободное распоряжение имениями и ненаказуемость без судебного разбирательства привилей предоставлял шляхте весьма важные социально-политические права и власть над крестьянским населением ее имений; крестьяне и «подданные» шляхты освобождались от платежа податей великому князю и от исполнения рабочей повинности на него (кроме устройства и починки дорог и мостов, имеющих военное значение); привилей запрещал господарям «урядникам» принимать на земли великого князя подданных и «невольных» людей шляхты и признавал вотчинный суд землевладельцев над своими подданными. Таким образом «добрая половина населения, если не большинство, почти совсем вышла из непосредственной власти великого князя и попала под власть землевладельцев» (Любавский). Отказавшись от права обложения государственными податями частновладельческих имений и их населения, великий князь в будущем должен был «выпрашивать у землевладельцев субсидии на нужды государства, а этим последним дана была возможность добиваться от своего государя новых прав и вольностей, клонившихся к ограничению его власти и значения» (Любавский).

Продолжительное пребывание Казимира в Польше (после того как он стал польским королем) и поглощение его сил и внимания делами польской политики способствовало дальнейшему ослаблению власти «господаря» в великом княжестве Литовском. Состоящая из высшей аристократии господарская рада (совет) приобретает самостоятельное правительственные значение, которое формально утверждается за ней привилеями великих князей Александра (1492 г.) и Сигизмунда (1506 г.).

При отсутствии сильной и авторитетной великокняжеской власти Литовско-Русское государство ослаблялось еще религиозно-национальной враждой. С половины XV в. борьба между католицизмом и православием усилилась в связи с попытками осуществить в великом княжестве церковную унию. Митрополит западнорусской православной церкви Григорий Болгарин принял Флорентийскую унию и обязался привести к ней свою паству, однако его попытка не имела успеха вследствие сопротивления православного духовенства и мирян. В то же время высшая русская аристократия, остававшаяся православной, была недовольна сохранением старого установления Гордельского привилея 1413 г., согласно которому высшие должности в государстве могли занимать только католики. В 1481 г. несколько

русских князей составили заговор против короля и великого князя Казимира, но заговор был раскрыт, и главные заговорщики были казнены, а один из них, князь Бельский, бежал в Москву. С конца 80-х гг. XV в. русские князья верхнеокских областей один за другим переходят под власть великого князя Московского, и по договору 1494 г. великий князь Литовский Александр (1492—1506 гг.) должен был признать переход к Москве «отнин» князей Новосильских, Одоевских, Воротынских, Белевских, Вяземских и др. В 1500 г. последовало отпадение князей и областей Черниговских и Новгород-Северских, и по договору 1503 г. великое княжество Литовское должно было уступить Москве еще 19 городов с их областями.

Военно-политическое положение великого княжества Литовского в конце XV века становится тем более, затруднительным, что последнее испытывало натиск враждебных соседей с двух сторон: с востока его теснила Москва, а с юга на его границы производили опустошительные набеги крымские татары. Под натиском крымцев южные пределы Литовско-Русского государства отступили на север, и широкая полоса причерноморских морских степей оказалась во владении крымской татарской орды (под суверенитетом турецкого султана).

При Сигизмунде (1506—1544), который был великим князем Литовским и королем Польским, Москва продолжала свой натиск на великое княжество, стремясь оторвать от него земли с русским населением. В результате войны 1512—1514 гг. Литва потеряла Смоленск, который великий князь Московский взял и удержал за собой не без сочувствия и поддержки значительной части местного населения.

Во внутреннем развитии государства 1-я половина XVI в. характеризуется обособлением шляхетского сословия от других классов населения и ростом политического значения «народа-шляхты». Реформы 60-х гг. XVI в. закрепляют господствующую роль шляхты в местном управлении и суде, а органом политического влияния «народа-шляхты» становится так называемый великий вальный сейм. Статут 1566 г. признал и утвердил избираемость господарей великих князей Литовских и законодательную власть вального сейма, а также признал за сеймом решающее слово в вопросах войны и мира.

Таким образом, к концу независимого существования великого княжества Литовского шляхта сделалась в нем полновластным распорядителем судеб государства и

общества, одинаковым «с суседы и братьею своею рыцерством Коруны Польское», и эта ассимиляция внутреннего политического и социального строя облегчила соединение двух государств в Люблинской унии 1569 года.

4. Политический строй и административное устройство великого княжества Литовского в XVI в.

а) Господарь великий князь и центральный «уряды». В начале XV в., при великом князе Витовте, власть литовского господаря была могущественной, авторитетной и формально неограниченной. Господарь ведет дипломатические сношения, решает вопросы о войне и мире, руководит делом обороны государства, издает законодательные акты («уставы») и правительственные распоряжения, назначает высших должностных лиц, осуществляет судебную власть в качестве высшей инстанции. Ему принадлежат во всех областях государства обширные господарские имения с многочисленным населением, которыми он распоряжается как верховный собственник. Он раздает господарские замки, дворы и «дворцы» с принадлежащими к ним территориями в управление наместникам-державцам, а частью раздает господарские населенные земли военнослужилым людям в постоянное или временное владение. Господарь действует, конечно, не один, он окружен сотрудниками и советниками (главным образом из рядов крупной литовской аристократии), но первоначально господарский совет, паны-рада, не имеет определенного состава и компетенции и не ограничивает власти господаря, который свободно выбирает своих советников и пользуется их содействием по мере надобности и по собственному усмотрению.

Однако в течение XV столетия власть господаря постепенно слабеет и ограничивается с разных сторон. Прежде всего, начиная с городского привилея 1413 г., власть великого князя признается избирательной, а не наследственной, и таким образом только лицо, угодное землевладельческой аристократии, могло занять великокняжеский престол. Далее, власть великого князя ограничивалась как особыми правами и привилегиями отдельных областей, составлявших великое княжество Литовское, так и общими правами и привилегиями шляхетского сословия. Господарь не должен был нарушать «звычай добрые стародавние», и в некоторые области он мог назначить только таких областных правителей, которые были бы им «любы». Привилеем 1447 г. господарь отказался от права облагать «под-

данных» землевладельческой шляхты податями и повинностями на общегосударственные нужды и признал вотчинный суд землевладельцев над населением их имений. Сначала в силу обычая, а потом уже в силу закона (установленного общеземским привилеем 1492 г. и 1-м Литовским статутом 1529 г.) господарь обязался «простых людей над шляхту не повышати», т. е. он мог назначать на государственные должности только лиц шляхетского сословия и только этих последним раздавать господарские имения. Наконец, в общеземских привилях 1492 и 1506 гг. и в Статуте 1529 г. появляется формальное ограничение власти великого князя в пользу панов-рады, а 2-й Литовский статут 1566 г. ограничивает власть великого князя в пользу великого вального сейма и таким образом в сущности превращает великое княжество Литовское, по образцу Польши, в шляхетскую республику, в которой «монарх» является лишь пожизненно избираемым президентом с весьма ограниченной властью.

При отсутствии сильной монархической власти и при федеративном характере государства в великом княжестве Литовском не развились система центральных правительственные учреждений (подобных московским приказам). Только великий князь и паны-рада были общеземскою правительственною властью, а немногие «земские уряды» (введенные в XV в. по польскому образцу и с польскими названиями) играли только вспомогательную, технически-исполнительную роль при господаре и его раде¹².

б) *Паны-рада*. Боярский совет, или «рада», был при великих князьях литовских с самого образования великого княжества, но первоначально и состав и компетенция этого совета были неопределенными и в значительной мере случайными. Обычными советниками князя были в XIV в. удельные князья разных земель и литовские «паны». При Витовте именно эти литовские паны стали советниками великого князя. В общем рада господарская составлялась

¹² Таковы были: канцлер — начальник государственной канцелярии и государственного архива (так называемая «метрика» великого княжества Литовского); подскрабий земский — начальник государственного казначейства («скраба») и его товарищ — подскрабий дворный; гетман наивысший — главнокомандующий во время войны и его товарищ — гетман дворный, или польский; при гетмане состояли хорунжий земский и хорунжий дворный. — Высшими урядниками при дворе господарском были маршалок земский (игравший роль министра господарского двора и главного церемониймейстера) и его товарищ — маршалок дворный; затем шли маршалки господарские и целый ряд других придворных урядников (по польскому образцу).

из католических бискупов, высших земских и дворных урядников и главных областных правителей (воевод и каштелянов).

Компетенция, или сфера деятельности, господарской рады была чрезвычайно широка. Вместе с господарем она издавала законы («уставы»), вела дипломатические сношения, принимала меры государственной обороны, разбирала судебные дела, ведала государственные приходы и расходы и т. д. Но до 2-й половины XV в. компетенция и власть панов-рады не была определена и утверждена законом. При Казимире (1440—1492) политическое значение рады возвышается, и она становится не только личным советом великого князя, но и государственным советом великого княжества. В отсутствие господаря великого князя (который был королем польским и большую часть времени проводил в Польше) рада становится — и признается — высшим правительством страны. Наконец, с конца XV века рада превращается в учреждение, разделявшее с господарем высшую власть, привилеи 1492 и 1506 гг. и Статут 1529 г. устанавливали непременное и обязательное для господаря участие панов-рады в законодательстве, управлении, суде и в дипломатических сношениях¹³ и таким образом формально ограничивали власть великого князя в пользу панов-рады.

в) *Великий вальный сейм*. Зарождение «вальных», или общих, сеймов великого княжества Литовского относится к началу XV в. Первоначально сеймы были только как бы расширенными собраниями панов-рады и присутствовавшая на сеймах рядовая шляхта играла скорее роль зрителей или свидетелей, чем действующих лиц. Подобные съезды аристократии и шляхты имели место в 1401 и 1413 гг., когда решался вопрос об унии с Польшей. На этих съездах кроме панов-рады присутствовала шляхта лишь собственно Литвы и Литовской Руси в тесном смысле этого слова (т. е. Подляшья и примыкающей к Литве, Западной Белоруссии). При Казимире на таких съездах является уже и шляхта из других — из русских — областей великого княжества, а в течение 1-й половины XVI в. сеймы превращаются из случайных съездов неопределенного состава в организованное государственное учрежде-

¹³ Господарь обязуется осуществлять свою правительственную власть не иначе как «з ведомостью и порадою и с произволением ряд наших великого княжества Литовского»

ние. Первоначально шляхта приглашалась на съезд поголовно и приезжал тот, кто мог и хотел быть на сейме или кто имел какую-либо тяжбу в высшем суде господаря и панов-рады или иную какую-либо надобность до господаря. Однако ввиду неудобства и неопределенности такого способа шляхетского представительства великий князь Сигизмунд в 1512 г. предписал произвести выборы представителей («послов») от шляхты на сейм по 2 человека от каждого административного округа (повета) и дать им полномочия («зуполную моц») для решения вопросов, подлежащих обсуждению сейма. С этого времени избрание шляхетских «послов» на сейм (уже не с совещательным только, но с решающим голосом) входит в обычай и окончательно устанавливается в сеймовой практике; рядовой шляхте не возбранялось и теперь присутствовать на сеймах лично, но — без права голоса. В середине XVI в. состав великого вального сейма устанавливался в следующем виде: паны-рада составляли как бы верхнюю палату, или первое «коло», сейма; «рыцарское» (т. е. шляхетское) «коло» составляли земские «послы», господарские урядники (старосты, державцы, тивуны, хоружие) и затем несколько князей и панов из высшей литовской аристократии, которые по-прежнему лично приглашались на сеймы, как «станы сойму належачие».

Предметами компетенции великого вального сейма были первоначально два вопроса: избрание господаря и заключение договоров об унии с Польшей. Продолжительная и напряженная борьба с Москвою и татарами оказала с конца XV века решительное влияние на расширение деятельности и компетенции великого вального сейма. При Сигизмунде (1506—1544) правительство, нуждаясь в военных силах и денежных средствах, стало часто созывать вальные сеймы для обложения земских имений податью на военные нужды, (так называемая «серебщина») и для установления размеров военной службы с этих имений. «Ухвала» (одобрение) сеймом военных «устав» и назначение «серебщины» из области практики перешли в право и в 1528—1529 гг. были признаны законом как нормальный порядок. Одновременно с этим великий вальный сейм начинает принимать прямое и непосредственное участие в законодательной деятельности. Когда правительство в 20-х гг. XVI в. готовило проект законодательного кодекса (1-го Литовского статута), «этот проект читался по статьям и подвергался обсуждению на великом Виленском сейме 1522 г. и до тех пор не вошел в законную силу,

пока не принят был окончательно во всех «артикулах» станами сейма» (Любавский).

При Сигизмунде-Августе на сеймах 40—50 гг. XVI в. шляхта предъявляет ряд новых требований о «размножении» своих прав и вольностей, точнее своих сословно-политических привилегий, и в этих видах требует соответственных «поправ» статута. Первоначально господская власть пытается отстаивать свои прерогативы, но в эпоху Ливонской войны она вынуждена идти на уступки. В 1563 г. были отменены вероисповедные ограничения, установленные Городельским привилеем 1413 г. в пользу католиков¹⁴. Привилей 1563 г. постановлял, что отныне могут пользоваться всеми вольностями «и справ земских уживати» «панове, шляхта и бояре ...всих земль наших, ...и все иные стану (т. е. сословия) рыцерского шляхецкого, як Литовского так и Русского народу одно бы были всры християнское».

Административные и судебные реформы 1563—1565 гг. и второй статут 1566 г. идут навстречу домогательствам шляхты и создают из великого княжества Литовского шляхетскую республику по польскому образцу. Статут признает за обывателями великого княжества право «вольно обирать себе панов и господарей великих князей литовских», наравне «з суседы братьею своею рыцарством Коруны Польское (раздел 3, «О вольностях шляхецких), арт. 2). В 12-м «артикуле» 3-го раздела господарь обещает нерушимо сохранять все вольности шляхецкие, все привилеи земские и «звычай добрый стародавний»; если же «была бы того потреба что нового прибавити ку добруму речи послполитой, тогды того не маем чинити... аж на вальном сейме... з ведомостью и порадою рад наших и произволеньем всех земель того панства нашего». В отношении внешней политики господарь устанавливает, что он с паны-радами своими не может вести войну, собирать войско или назначать подати на военные нужды без согласия великого вального сейма (аж первой сойм великий вальный локивши»)¹⁵.

г) *Сеймики поветовые.* С начала XVI в. литовско-русская шляхта собиралась в поветах для выбора своих

¹⁴ Следует принять во внимание, что в середине XVI в. среди литовской аристократии распространился протестантизм, а русская православная шляхта, конечно, давно уже восставала против вероисповедного неравенства.

¹⁵ Лишь в случае внезапного вторжения неприятеля в пределы государства господарь может экстренно созывать войско «тогды и без сойму только за листы нашими».

«послов» на великий вальный сейм (впервые такие выборы имели место в 1512 г.). Формальное устройство поветовых сеймиков и определение их компетенции принесли административные реформы 1564—1566 гг. Все государство было разделено на 13 воеводств и 31 повет, и в каждом из этих поветов за 4 недели перед великим вальным сеймом собирались поветовые сеймики, на которые должны были съезжаться все местные землевладельцы шляхетского звания и урядники земские для совещания как о своих местных нуждах и потребностях, так и «о потребах речи посполитой» и для выбора из своей среды двух «послов» на предстоящий великий вальный сейм. Сеймики должны были дать своим «послам» наказы или инструкции с полномочием решать вопросы, подлежащие обсуждению вального сейма, и с изложением нужд и пожеланий поветовой шляхты.

Кроме этих сеймиков предсеймовых скоро вошли в жизнь сеймики посеймовые (или «реляционные»), на которых возвратившиеся с вального сейма послы давали своим избирателям отчет о постановлениях вальною сейма и о своей деятельности на сейме.

Учрежденные в 1564-1566 гг. поветы были также судебными округами, и в каждом из них должен был действовать, особый шляхетский судебный трибунал, так называемый земский суд (или «вряд земский»), состоящий из судьи, подсудка и писаря; поветовая шляхта должна была собираться на сеймики для избрания из своей среды (330 всее шляхты того повету) 4-х кандидатов на каждый из этих урядов «роду шляхецкого, в том повете добре оселых» (т. е. имеющих здесь недвижимую собственность, а затем господарь назначал на каждую должность одного из 4-х представленных сеймиком кандидатов (Ст. 1566 г., разд. 4, арт. 1).

д) *Областное управление.* Литовско-русское государство носило характер федерации областей и земель, сохранивших свое особое областное устройство и объединенных лишь верховной властью господаря великого князя и его панов-рады. Собственно Литва (с примыкавшей к ней территорией Западной Белоруссии) разделялась (после Городельского привилея 1413 г.) на два воеводства — Виленское и Троцкое.— С юга и с востока к этой основной области примыкали несколько удельных княжеств Полесья, Чернигово-Северской земли и области верхней Оки, которые были «обособранными политическими мирками» (Любавский). Особо в административном отношении сто-

яли крупные земли «аннексы», присоединившиеся (добровольно или вынужденно) к великому княжеству Литовскому: Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленская (до 1514 г.), Киевская, Волынская, Подляшье и Подолье. После того как при Витовте были упразднены крупные областные княжения, землями этими управляли назначаемые господарем наместники, однако эти земли отнюдь не сливались в административном отношении с территорией собственно Литвы. Земли-аннексы получали (в теч. XV и XVI вв.) от великих князей Литовских особые уставные земские грамоты или областные привилеи, которыми подтверждалась права и привилегии местного населения (шляхты духовенства и мещан) и обеспечивалось областное самоуправление и территориальная неприкосновенность областей. Господарь обещает своим подданным «права их христианского ни в чем не ломити»; в частности, он обещает не притеснять православную веру и не нарушать интересов православной церкви. «На первей, штох нам христианства Греческого закону не рушити, налоги им на их веру не чинити, а в церковные земли и в воды не вступатися» (Привилей Смоленский). В некоторых землях (Жмудской, Полоцкой и Витебской) великий князь мог назначать областных правителей только «по их воле»: «Так же нам господару давати воеводу нашего полочаном по их воли; а который будеть воевода наш нелюб им, ино нам воеводу им иного дати по их воли; а приехавши воеводу нашему к Полоцку первого дня крест целовати полочаном на том, чтох без исправы (вар.: без права) полочания не карати ни в чом»...

Воеводы и другие назначенные господарем чиновники должны были суды судить на основании местного права и при участии представителей местного населения. Воеводе витебскому предписывается «судити по целованью» и «до-смотрети права с князи и бояри и з мещаны». Привилей Волынской земле предписывает «а князя и пана и земянина старосте и наместником нашим одному их не судити, мает при собе посадити князей и панов и земян, тож мает его судити».

Подчиненных воеводам местных администраторов великий князь обещает назначать только из местной шляхты: «а городки и волости киевские кияном держати, а иному никому», «а тых волостей смоленских никому не держати, нижьли бояром смоленским же».

Органом областного самоуправления были областные сеймы, сменившие древние веча киевской эпохи. На этих

сеймах принимали участие местные землевладельцы и горожане («мещане»), последние в лице своих представителей; однако чем дальше, тем больше землевладельческая шляхта играет на областных сеймах преобладающую роль и превращает их в свои сословные органы, отделяясь от мещанства.

Помимо высших областных правителей, воевод, органами местной администрации были назначаемые господарем наместники-державцы, которые были, с одной стороны, органами хозяйственного и финансового управления в обширных господарских имениях, а с другой — судебными и административными органами для бояр-шляхты, для населения господарских имений и для мещан непривилегированных «мест» (городов).

В эпоху Ливонской войны и перед заключением Люблинской унии с Польшей местное управление в великом княжестве Литовском было перестроено по польскому образцу. Реформы 1564 — 1566 гг. ввели новое административное деление государства — на 13 воеводств, подразделявшихся на 31 повет¹⁶. Для управления новыми округами были созданы вновь должности 5 воевод и 11 каштелянов.

Воеводы были главными военными начальниками в своих округах и главными судьями по важным уголовным делам. Кроме них военными начальниками были каштеляны, а также маршалки и хоружие поветовые.

Судебную власть осуществляли особые «судовы старости».— Воеводы, судовые старосты и державцы замковые (которые должны были выбирать себе в помощь «доброго шляхтича в том же повете оселого») составляли замковый, или гродский, суд для рассмотрения и наказания тяжелых уголовных преступлений (2-й Статут, разд. 4, арт. 21). В качестве гражданского трибунала для шляхты был в каждом повете учрежден земский суд из судьи, подсудка и писаря, назначаемых господарем из числа выбранных местной шляхтой кандидатов (*ibid.*, арт. 1).— Для разбирательства «во всяких розницах (т. е. спорах) земельных и граничных за отосланием от суду земского» был учрежден в поветах особый подкоморский суд, с «подкоморим», которого назначал господарь (*ibid.*, арт. 7).

¹⁶ Это были воеводства Виленское (4 повета), Троцкое (5 поветов), «Новгородское (3 повета «Черной Руси»), Подляшское и Волынское (по 3 повета), Минское, Берестейское, Витебское, Киевское, Браславское (Подольское) — по 2 повета, Мстиславское, Жмудское, Полоцкое — по одному повету.

Все урядники земские назначались господарем «до жизни своего), т. е. пожизненно, и могли быть лишены своих должностей не иначе, как по суду.

е) *Магдебургское право в городах.* Учитывая значение торговли и промышленности для национального и государственного хозяйства и стремясь поощрять их развитие, литовское правительство с конца XVI в. начало предоставлять городскому населению более значительных «мест» самоуправление в формах так называемого магдебургского права, по немецко-польскому образцу. Первым получила магдебургское право Вильна (1387 г.), затем в XV в. магдебургское право получили Троки, Берестье, Ковно, Луцк, Кременец, Владимир, Полоцк, Киев, Минск и Новгородок, а в XVI в. магдебургское право получили и другие, менее значительные «места». Получившие магдебургское право города освобождались от суда и управления общей администрации (воевод, старост и наместников-державцев), а также от исполнения рабочих повинностей. Они вносили в господарскую казну ежегодный «плат», а зато в распоряжение городского управления поступали городские земли и угодья, разные доходные статьи и предприятия — «важница» (городские весы), «лазня» (бани), «млynы» (мельницы), «крамницы» (мануфактурные магазины) и т. д., а также разного рода торговые пошлины и сборы. Кроме «платы» господарю города должны были нести и военную повинность, выставляя в случае надобности известное количество ратников из мещан.

Во главе городского управления стоял войт, который первоначально назначался господарем, с правом распоряжаться своей должностью (отчуждать или передавать по наследству). «Однако с течением времени города выкупили наследственные войтовства, и эти должности стали выборными. Войт сообща с «посполитством» (населением) места избирал «радцев» (советников), в количестве 6, 12 или (как в Вильне) 24 человек; а радцы избирали из своей среды на год бурмистров, двух, четверых или шестерых половину «римского закона» (т. е. католиков) и половину «греческого» (т. е. православных). С этими бурмистрами войт вел все дела в городе — судебные, административные и хозяйственно-финансовые. В некоторых городах управление разделялось на «раду» и «лаву»; рада, состоявшая из бурмистра и радцев, заведовала хозяйством, финансами и администрацией города; лава, состоявшая из войта и присяжных — «лавников», — разбирала уголовные дела.

Апелляция на решения городского суда шла непосредственно к великому князю. Фактически во главе городского Управления стояла богатая купеческая аристократия, но в некоторых местах городскому «поспольству», организованному в ремесленные цехи, удавалось добиться более или менее значительного участия и голоса в органах городского самоуправления. Евреи, проживавшие в западнорусских городах, группировались в особые самоуправляющиеся общины («зборы»), избиравшие своих «старших», составлявших коллегию под председательством местного раввина.

5. Социальный состав населения. Шляхта и крестьянство. Высший слой литовской и русской аристократии, или первый «стан» шляхетского сословия, составляли около 70 фамилий княжеских и панских. Князья — потомки бывших удельных князей — были преимущественно в русских землях (особенно на Волыни), где они владели обширными вотчинами, иногда целыми округами, включавшими и небольшие «места» (города).

В собственно Литве, Жмуди и Подляшье были сосредоточены обширные имения литовских панов. Князья и паны в Литовско-Русском государстве представляли собой крупнейшую военную, социально-политическую и финансовую силу. Они выходили на войну с большими «пochtами» своих военных слуг под своими знаменами-хоругвями (отсюда их название — «паны хоругвовые»), а не в рядах общеповетового шляхетского ополчения. Согласно «пописи» военнослужилого класса, составленному в 1528 г., трое панов Кезгайлов выставляли 768 конных ратников (на 56 ратников больше, чем все землевладельцы Полоцкой земли), паны Радзивилы — 621, пан Гаштольд — с сыном — 466, князья Острожские — 424. Будучи исконными обладателями своих обширных вотчин, литовские паны скопили огромные фамильные капиталы, которыми они ссужали господарский «скарб» (казну) под залог господарских имений, которые они затем держали за собою в качестве «застав».

«Обладая такими средствами, литовские паны были действительно хозяевами страны наряду с великим князем» (Любавский).

За князьями и панами следовал обширный класс литовско-русского шляхетства, или бояр-шляхты (которые в западных областях носили польское название «земян»). Земельные владения военнослужилого класса были раз-

личного характера и происхождения¹⁷. Но всеми своими имениями бояре-шляхта владели только при условии службы господарю великому князю; в случае надобности они должны были с известным «почтой» военных слуг становиться под поветовое знамя и под начальством поветового хоружего выступать на соединение с войском.

Первоначально литовско-русская шляхта не обособлялась резко от других сословий; она соприкасалась, и частью сливалась, с верхними слоями слуг и крестьян, но к XVI в. сословное обособление шляхты достигло значительных успехов. В 1528 г. был произведен «попис земский», т. е. составлен список «земских» имений, владельцы которых должны были нести военную службу, и включение в этот список было доказательством шляхетского состояния. После этого в сомнительных случаях заинтересованные лица должны были доказывать свое шляхетство судебным порядком. Кроме того, великий князь мог специальными пожалованиями возводить в шляхетское сословие лиц, ранее к нему не принадлежавших.

С конца XV в. только эта господарская шляхта принимала участие в великих вальных сеймах и затем — на поветовых сеймиках и обладала всеми теми социально-политическими правами и привилегиями, которые после реформы 60-х гг. XVI в. сделали ее не только господствующим классом в местной жизни и в местном управлении, но и предоставили ей — в лице шляхетских «послов» великого вального сейма — решающий голос в общегосударственной жизни.

Кроме бояр-шляхты господарской, на землях князей и панов проживали их бояре и вольные слуги, которые составляли их военные «почты»; они так же, как и бояре господарские, владели имениями различного юридического характера. Некоторые из них имели даже своих бояр и слуг — эти «были уже вассалами третьего разряда» (Любавский).

Социально-политический строй великого княжества Литовского носил, таким образом (в отличие от Москов-

¹⁷ Частью это были «вечистые» наследственные владения («отчины») и «материзмы», частью «купли, частью «выслуги», т. е. имения, полученные за службу от господаря с правом распоряжения и передачи по наследству; всеми этими имениями шляхта могла «шафовать» (распоряжаться) по своему усмотрению; вторую категорию составляли имения, пожалованные господарем шляхтичам временно, без определения срока — «до воли и ласки господарской», иногда — пожизненно «до жизни, иногда «до двух животов» (т. е. с правом передачи имения детям); кроме того, были земельные владения на ленном праве, т. е. с правом перехода к наследникам только мужского пола.

ского государства), все характерные черты западноевропейского средневекового феодализма: раздробление государственной власти между землевладельцами, система частного подданства и иерархическая лестница вассалов с сувереном, великим князем, наверху этой лестницы.

Сельское население. В обширных господарских имениях «находились многочисленные дворы и дворцы, т. е. сельскохозяйственные усадьбы с челядью дворною, скотом, инвентарем и различными запасами. Сельское население господарских имений (господарские «люди», «подданные» или «мужики») делились на несколько разрядов; самым многочисленным из них в тех имениях, где велось господарское хозяйство, были тяглые люди, имевшие свое хозяйство и обязанные барщинною работою на господарских полях. Кроме них, были различные специальные разряды крестьян, исполнявших особенные повинности по господарскому хозяйству, например конюхи, бортники, рыболовы, огородники, садовники и т. д. Помимо барщинной повинности (и в различных сочетаниях с нею) крестьяне господарских имений платили натуральные подати. Барщинное великокняжеское хозяйство достигло наибольшего развития в собственно Литве и прилегающей к ней Руси; в других областях преобладали крестьяне-«данники», которые, обрабатывая господарскую землю, платили господарю «дань» — денежную («грошовую», или «серебряную») или натуральную (житную, медовую, пшеничную, бобровую, куничную).

Земельные участки, находившиеся во владении господарских крестьян, отличались значительным разнообразием размеров и хозяйственного состава. В большинстве случаев крестьянские земли и угодья находились во владении крестьянских товариществ, образовавшихся из разросшихся семей с вошедшими в их состав «попружниками», «дольниками» или «сябрями» из посторонних. Крестьяне, которые были наследственными владельцами своих участков («отчины») или которые «сидели» на своих участках в течение продолжительного времени (люди «заседельные», «извесные», «старожильцы»), считались уже людьми «непохожими», т. е. потерявшими право свободного выхода. Однако их прикрепление не было безусловным. Крестьянин-отчик или старожилец мог освободиться от прикрепления, сдав или продав свою «отчину», и в действительности такая сдача или продажа господарскими крестьянами их участков практиковалась в широких размерах. Кроме «непохожих»

крестьян-отчичей в господарских имениях жило немало вольных, или «похожих», людей, которые занимали на льготных условиях новые земли (пустовщины) и обеспечивали себе право выхода особым договором или поступали в «дольники», «потужники» и «подсуседки» к зажиточным крестьянам; в последнем случае они имели дело со своими «господами»-крестьянами, с которыми они заключали свои договоры, а не с господарской администрацией непосредственно.

Кроме крестьян и челяди многочисленную категорию наследия господарских имений составляли слуги; по экономическому положению они стояли близко к тягловому крестьянству, но их главною повинностью была военная служба и разъезды по поручениям господарской администрации («слуги путные»). Военные слуги иногда носили название «панцырные слуги» или «панцырные бояре» (но они не принадлежали к шляхетскому сословию).

В 50-х гг. XVI в. правительство Сигизмунда-Августа провело крупную аграрную реформу в собственно Литве, в Черной Руси, на Подляшье, в Полесье и в западной части Волыни. Это была так называемая «волочная померя» и «волочная устава» (1557 г.). Реформа имела целью ввести порядок и однообразие в крестьянское землепользование и в соответствии с этим регулировать крестьянские платежи и повинности. Все господарские земли были измерены, разделены на «волоки» (участки около 20 гектаров) и распределены между крестьянами, причем в «померу» забирались все крестьянские «грунты» (участки) — и наследственные, и купленные; волочная «устава», таким образом, игнорировала все землевладельческие права крестьян, — «крестьянское землевладение было аннулировано как таковое; признано было только одно крестьянское землепользование» (Любавский). С другой стороны, волочная «устава» более прочно прикрепила крестьян к их тяглым участкам, поставила их в более тесную зависимость от господарской администрации и почти уничтожила возможность крестьянских переходов.

На землях частных владельцев — князей, панов и бояр-шляхты — также находились панские дворы, обслуживающие челядью дворною; крестьяне панских имений также делились на «похожих» и «непохожих», здесь также действовал принцип старожильства, прикреплявший крестьян к месту их жительства, и здесь еще раньше, чем на землях господарских, крестьяне потеряли право перехода и превратились в крепостных «подданных», «отчиз-

ных» или «невольных людей», подчиненных вотчинной юрисдикции своих господ.

6. Ливонская война, Люблинский сейм и уния 1569 г.
Вторжение московских войск в Ливонию и страшное опустошение ими страны вынудили Ливонию просить помощи великого княжества Литовского и отиться под его протекторат. В результате великое княжество Литовское вступило в тяжелую и продолжительную борьбу с Москвой. Борьба эта потребовала от Литовско-Русского государства крайнего напряжения военных и финансовых сил. В 1563 г. московские войска взяли Погост, и правительство Сигизмунда-Августа увидело невозможность справиться с Москвой собственными силами. Внутри страны оно вынуждено было пойти навстречу сословно-политическим домогательствам литовско-русской шляхты (реформы 1564—1566 гг.), но помимо этого ему необходима была военная помощь извне, и оно вынуждено было начать переговоры с Польшей об унии. Поляки опять требовали полной «инкорпорации» великого княжества в корону Польскую, литовские магнаты по-прежнему отстаивали сохранение государственной самобытности великого княжества Литовского и желали лишь тесного военно-политического союза с Польшей. Однако рядовая литовско-русская шляхта теперь желала унии «как единственного выхода из своего положения, единственного средства к облегчению себе несносных «бремен» войны» (Любавский).

На «спольном» (общем) Люблинском сейме 1569 г. сначала возникли резкие споры и разногласия между поляками и литовскими послами, и последние покинули Люблин. Тогда поляки, сознавая свою силу и видя бессилие Литвы, принудили Сигизмунда-Августа королевскими «универсалами» объявить аннексию (которая была названа «возвращением» Польше) Подляшья, Волыни, Киевщины и Подолии. Литовцы были вынуждены капитулировать, их послы возвратились в Люблин, и 1 июля 1569 г. был подписан акт унии, согласно которому великое княжество Литовское и корона Польская составляют одну «Речь Посполитую» с общим, совместно избираемым, государем, с общим сенатом и сеймом и сообща ведут внешнюю политику.

В действительности великое княжество Литовское и после Люблинской унии не слилось с Польшей в одно государство, но сохраняло в значительной степени свою государственную особенность и самобытность: сохранился

особый литовский сенат (паны-рада) и особый сейм, сохранились особые правительственные должности («уряды»), отдельное войско и свои законы (в 1588 г. был издан 3-й Литовский статут, по-прежнему на русском языке). Однако Люблинская уния все же оказала значительное влияние как на внутренний строй и быт, так и на внешнее положение великого княжества Литовского. Новое устройство правительенных органов в великому княжестве создано было в 1564—1566 гг. всецело по польскому образцу, и вскоре шляхта великого княжества Литовского стала в социально-политической жизни страны таким же господствующим сословием, каким была шляхта в Польше. С другой стороны, польское культурное влияние в великом княжестве (а тем более в аннексированных областях) все более усиливалось и приводило постепенно к полонизации не только литовской, но и русской шляхты, создавая таким образом отрыв последней от русского православного населения. Наконец, потеря четырех обширных и важных областей (около половины всей территории) чрезвычайно ослабила великое княжество Литовское и почти лишила его самостоятельного значения в международно-политических отношениях.

Глава VI

ЭПОХА ИВАНА ГРОЗНОГО

1. *Первый русский царь.* Ивану было три года, когда умер его отец, Василий III (1533 г.). Правительницей государства стала его мать, великая княгиня Елена Васильевна (рожденная княжна Глинская), вторая жена Василия. Дяди Ивана, удельные князья Юрий и Андрей Ивановичи, которых считали опасными претендентами на престол, были посажены в тюрьму и скоро умерли «страшальною смертию». В 1538 г. умерла и сама Елена (по слухам, отравленная боярами), и малолетний великий князь остался круглым сиротой.

Наступила мрачная эпоха боярского правления, эпоха беззакония, насилий, смут, вражды и борьбы за власть — преимущественно между двумя наиболее знатными боярскими фамилиями, князьями Шуйскими и Бельскими. То одна, то другая партия захватывала власть и преследовала побежденных противников. По словам современной летописи, многие «мятежи и нестроения в те времена быша в христианской земле, государю младу сущу, а бояре на мзду уклонишаася без возбрания, и много кровопролития промеж собою воздвигоша, и в неправду суд держаще», и «всяк своим печется, а не государским, не земским» (Никон., 1539).

Мальчик-государь, от природы умный, живой, впечатлительный и наблюдательный, рос в обстановке заброшенности и пренебрежения. Бояре-правители не только не заботились о его правильном образовании и воспитании, но даже плохо одевали и кормили его и его младшего брата, а иногда и прямо обижали и оскорбляли его; но во время торжественных церемоний и парадных приемов, на глазах народа или иноземных послов бояре оказывали юному государю все знаки внешнего почтения к его высокому сану. Так в душе мальчика рано образовалось

чувство вражды и ненависти к боярам как его врагам и похитителям его власти. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий и его собственные беспомощность и бессилие развили в нем робость, подозрительность, недоверие к людям, а с другой стороны, пренебрежение к человеческой личности и к человеческому достоинству¹⁸.

Имея в своем распоряжении много свободного времени, Иван предавался чтению и перечитывал все книги, которые он мог найти во дворце. Единственным его искренним другом и духовным руководителем был митрополит Макарий (с 1542 г.), знаменитый составитель Четырех Миней, огромного сборника всей церковной литературы, известной в то время на Руси. Из чтения Святого Писания, а также русских и византийских источников Иван вынес высокое представление о царской власти.

Достигнув совершеннолетия, Иван торжественно венчался на царство «венцом царским», или «шапкою Мономаха», и официально принял титул царя и великого князя «всех Руси» 16 января 1547 г. Через две недели Иван женился на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой — девушке из старого популярного боярского рода, с которой он счастливо прожил более 13 лет и которая имела на него благотворное моральное влияние. В апреле и июне того же 1547 года в Москве произошел ряд страшных пожаров, а «на пятой день после великого пожара черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколовбашася» и подняли бунт, обвиняя родственников царя, Глинских, в поджогах; они убили царева дядю, боярина князя Юрия Глинского, «и детей боярских многих побиша, а живот княжей разграбиша, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша» (Никон., 1547 г.). Впечатлительный царь, напуганный жуткими картинами пожаров и бунта, каялся в своих грехах и дал обет отныне посвятить все свои силы служению государству и своему народу.

2. Период внутренних реформ и внешних успехов (захватование Казанского и Астраханского царств, начало Ливонской войны). Вокруг молодого царя образовался круг советников — (так называемая «избранная рада», который составляли (помимо митрополита Макария), главным об-

¹⁸ Немудрено, что Иван сам рано начал проявлять произвол и жестокость. Когда ему было 14 лет, по его приказу был схвачен и убит Андрей Шуйский, «и от тех мест». добавляет летописец, «начали бояре от государя страх имети».

разом священник Сильвестр, Алексей Адашев (из среднего дворянства) и князь Андрей Курбский. В 1550 г. молодой царь созвал собор представителей разных областей своего царства, на котором он обличал неправды и злоупотребления боярского правления и обещал, что отныне он сам будет «судьёю и обороною» для своего народа. В это время был намечен и частью осуществлен ряд серьезных мероприятий для улучшения государственного управления.

В 1550 г. был издан новый Судебник (краткий свод законов). Его характерной чертой является стремление улучшить отправление правосудия и поставить его под контроль представителей местного населения. Судебник подтверждает старый обычай, чтобы в суде назначаемых царем наместников и волостелей присутствовали старосты и «судные мужи» или «лучшие мужи» из местного населения; теперь они называются «целовальниками» (т. е. присяжными, поцеловавшими кресты и являются, таким образом, не случайными свидетелями судебного разбирательства, но его постоянными и официальными участниками. Судебник приказывает «без старости и без целовальников суда не судити» и предписывает повсеместное распространение этого института: «а в которых волостех наперед сего старост и целовальников не было, и ныне в тех во всех волостех быти старостам и целовальникам». Судебные протоколы должны писать, помимо наместничих, земские дьяки, а староста и целовальники должны подписывать эти протоколы. Наместники и их тиуны не имеют права арестовать никого из местных людей, не предъявив («не явя») их старостам и целовальникам, которым они должны объяснить причины ареста.

В 50-х гг. XVI в. рядом «уставных» царских грамот, данных различным областям, правительство вовсе отменило управление наместников и волостелей и передавало местное управление и суд в руки избранных посадскими людьми и волостными крестьянами «излюбленных» судей, старост или «голов», которые бы были добры и прямы и всем крестьянам любы», «от которых бы крестьянам продаж и убытков и обиды не было), и которые должны были «крестьян судити и управу меж них чинити» во всех делах «вправду» и «безволокитно»; и только те дела, которые им «кончать не мочно», присылали бы для доклада в Москву. А вместо наместничих «кормов» и пошлин местные общества должны были платить непосредственно в царскую казну установленный «оброк».

Еще раньше введения общеземских учреждений в некоторых областях были введены избираемые местным населением «губные старосты» и «губные целовальники» для расследования и наказания уголовных преступлений и особенно для борьбы с разбойниками и разными «лихими людьми».

В 1551 г. был созван собор для улучшения церковного порядка и благочиния; царь представил собору длинный список недостатков и непорядков в современной церковной жизни, для устранения которых собор составил постановления, изложенные в 100 главах (отсюда название: «Стоглав»); некоторые из этих постановлений были проведены в жизнь (так, были учреждены «поповские старосты» для надзора за духовенством), другие остались благими пожеланиями.

Далее царь со своими сотрудниками занимался упорядочением важнейшей отрасли московского государственного управления, именно военного дела. В 1550 г. государь «приговорил» с боярами раздать поместья в Московском уезде и в прилегающих к нему уездах «детям боярским, лучшим слугам, 1000 человек», которые образовали затем отряд служилых людей «по московскому списку»: они составляли как бы царскую гвардию и в то же время служили офицерскими кадрами для провинциальных дворянских ополчений.

В 1556 г. царь со своими боярами издал общее уложение о военной службе помещиков и вотчинников в Московском государстве. Предварительно посланные правительством чиновники «в поместьях землемерие им училиша, комуждо что достойно, так устроиша преизлишки же разделиша неимущим». Было установлено, что как помещики, владевшие «царским жалованьем поместьями» так и вотчинники (т. е. полные собственники своих имений) должны обязательно и одинаково нести государеву воинскую службу согласно общей установленной норме: «со ста четвертей¹⁹ добрые ухожей земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь». В дополнение к поместьям было установлено — для достойных и нуждающихся — «государево денежное жалованье».

Одновременно с внутренними реформами правительство Ивана IV вело энергичную и успешную внешнюю политику. Первым его великим успехом было завоевание татарского Казанского царства. В 1552 г. огромное русское

¹⁹ I четверть — 0,5 га; 100 четвертей (в трех полях) — 150 га.

войско (до 150 тыс. со 150 пушками) во главе с самим царем двинулось к Казани; после продолжительной бомбардировки, взрывов, подкопов и страшного кровопролитного штурма татарская столица была взята. Несколько лет понадобилось потом для того, чтобы были покорены подвластные Казани народы (черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры).

В 1555 г. в Казань был поставлен архиепископ Гурий для распространения и утверждения здесь христианства, причем в данном ему наказе было предписано «всякими обычаяи, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати и приводити их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити»...

В 1556 г. была сравнительно легко завоевана Астрахань, и таким образом все среднее и нижнее Поволжье (как и вся область по реке Каме) вошло в состав Московского государства. Этими военными успехами были открыты для русской колонизации огромные пространства плодородных и малонаселенных земель, и действительно со второй половины XVI в. в эти области устремляется из центральных областей Московского государства широкий поток русской колонизации: в 80-х гг. XVI в. здесь возникают новые русские города — Самара, Саратов, Царицын, Уфа, а в XVII в.— Симбирск, Сызрань, Пенза, Тамбов и много других городов со множеством сел и деревень.

Достигнув блестящих успехов на востоке, Иван IV обратил свое внимание на запад. Здесь он поставил себе целью пробиться к побережью Балтийского моря для установления непосредственного сообщения России со странами Средней и Западной Европы. Препятствием на этом пути лежали владения Ливонского ордена, издавна враждебного России и всячески препятствовавшего ее сношениям с Западом. Политическая сила Ливонии была в это время ослаблена внутренними раздорами и, в частности, религиозной рознью вследствие распространения здесь протестантизма. В 1558 г. царь послал свои рати на Ливонию. Война сначала была удачной для русских (были взяты Нарва, Юрьев и около 20 ливонских городов), но потом повела к тяжелым и длительным военно-политическим осложнениям и неудачам. Не желая подчиняться московскому царю, магистр Ливонского ордена Кетлер отдался под покровительство и защиту великого князя Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собою власть Швеции. Таким образом Ливонская война повлекла за собою войну с Литвою и Швециею. Иван, однако, решил

продолжать борьбу, и в 1563 г. его войска опустошили литовские владения и взяли древний русский город Полоцк. Это был его последний успех.

Из других событий этого периода надлежит упомянуть начало торговых сношений с Англией через Северную Двину и Белое море (после появления здесь капитана Ричарда Ченслера в 1553 г.) и начало книгопечатания в Москве в 1563 г. (первыми печатниками были дьякон Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец).

3. Опричнина; эпоха террора; митрополит Филипп; конец Ливонской войны. Отношения царя с боярством начали портиться еще в период «избрания рады». В 1553 г. царь тяжело заболел и, ожидая смерти, потребовал, чтобы бояре присягнули его малолетнему сыну Дмитрию; однако среди бояр начался раздор, некоторые из них предпочли бы видеть на престоле двоюродного брата царя, князя Владимира Андреевича Старицкого, «и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многие бранные...» В конце концов царь принудил бояр исполнить его волю, но чувства недоверия и неприязни к своим советникам снова ожили в его душе. Однако по внешности хорошие отношения сохранялись до 1560 г.; в этом году скончалась царица Анастасия, оставив царю двух сыновей: Ивана и Федора. Скоро затем царь удалил от двора Сильвестра и Адашева, а в 1563 г. умер митрополит Макарий, который был последним нравственным авторитетом и нравственной сдержанкой для царя. «Межди царем и боярами шла глухая распра. Она превратилась в жестокое гонение на бояр после бегства в Литву князя А. М. Курбского» (Платонов). Князь Андрей Курбский, один из лучших полководцев и из ближайших соратников царя, опасаясь царской «опалы», бежал в Литву и поступил на службу к великому князю Литовскому, а Ивану прислал укоризненное письмо с обвинениями в жестокости и несправедливости в отношении своих советников и полководцев. Иван был вне себя от гнева, увидев боярскую измену воочию. Он ответил Курбскому обширнейшим письмом, в котором отстаивал принцип царского самодержавия и самовластия, а потом начал против бояр свою страшную войну, известную под именем «опричнины».

В декабре 1564 г. царь со всем своим семейством и со всем имуществом выехал из Москвы неведомо куда — «все же о том в недоумении и во унынии быша» (Никон.). Царь поселился в Александровской слободе (около 65 верст

от Москвы), и 3 января 1565 г. он прислал в Москву два письма; в одном, обращенном к боярам, духовенству, служилым и приказным людям, он повторял свои обвинения их в измене и разных злоупотреблениях и сообщал, что «от великих жалости сердца, не хотя их многих измененных дел терпети», он должен был «оставить свое государство»; в другом письме, к купцам «и ко всему православному крестьянству града Москвы», царь писал, «чтобы они себе никоторого сумления не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Эти демагогические письма произвели действие, на которые царь-демагог рассчитывал. Москва, брошенная царем на произвол судьбы во время тяжелой и опасной войны, пришла в смятение и послала к царю многолюдную депутацию с «челобитьем», чтобы он «своими государствы владел и правил, как ему, государю, годно», что же касается наказания царских «изменников и лиходеев», «то все положили на государской воле». После заключения этого своеобразного «общественного договора» царя с народом Иван возвратился в Москву (сохраняя, однако, себе особый двор в Александровской слободе) и принял устраивать управление «как ему, государю, годно». Для обеспечения своей безопасности от (воображаемой) угрозы изменников он учредил для себя свой особый двор, знаменитую «опричнину», для которой он набрал себе сначала тысячу, а потом до 6 000 «человек скверных и всякими злостями исполненных» (по выражению князя Курбского); он обязал их страшными клятвами не знать ни с кем и повиноваться исключительно ему. Он одел их в черную одежду, посадил на черных коней, а на седло велел привязать символы их власти и деятельности — метлу и собачью голову, в знак того, что они грызут царских недругов и выметают измену из Русской земли: «по всему вои своя яко бесоподобны слуги сотвори», по выражению современника.

На содержание своего нового двора царь забрал в «опричнину» около 20 городов с уездами и отдельных волостей, преимущественно в центральных и северных областях государства и несколько улиц в самой Москве, а также несколько подмосковных слобод (впоследствии он расширял свою «опричнину» территорию). В тех уездах, которые он забирал в опричнину, он отбирал поместья и вотчины у прежних владельцев и раздавал их своим опричникам, а старым помещикам и вотчинникам давал земли в иных уездах, производя таким образом полную ломку и перетасовку землевладельческих отношений в «опричных» областях.

Однако только эти последние области были подчинены особому управлению нового царского двора, вся же остальная территория государства образовала «земщину», и в ней все управление царь оставил по-прежнему в руках «земских» бояр: «Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских... по прежнему обычаю». Таким образом, «объявив всех бояр изменниками и расхитителями земли, царь оставил управление землей в руках этих изменников и хищников» (Ключевский).

Опричники, в большинстве «худородные» люди, набранные из средних слоев служилых людей, «ставились не на место бояр, а против бояр; они могли быть по самому назначению своему не правителями, а только палачами земли. В этом состояла политическая бесцельность опричнины: ...она была направлена против лиц, а не против порядка... Она была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя...» (Ключевский).

Как все трусливые деспоты, Иван подозревал измену везде и всюду, и своим опричным топором он слепо рубил направо и налево, не разбирая друзей и врагов. Ища воображаемую боярскую крамолу, он со своими «бесоподобными слугами» пытал, мучил и убивал не только бояр, но их жен, детей и даже их слуг; о его поминальных «синодиках» (или списках казненных) боярских имен сравнительно немного, зато массами упоминаются избиенные люди разных сословий, которых даже имена не были известны их убийцам. Казни богатых людей сопровождались конфискациями их земель и разграблением их имущества, так-то множество людей погибало по заведомо ложным доносам опричников, желавших просто поживиться за счет своих жертв. Дело дошло до того, что в 1570 г. обезумевший царь совершил небывалый разгром собственного большого города, Новгорода Великого; поверив ложному доносу о том, что новгородцы хотят изменить ему и передаться Литве, царь со своими разбойниками внезапно напал на несчастный город и начал массовые мучительства и убийства ни в чем не повинных жителей; в течение 6 недель каждый день погибало по несколько сот человек; массовые убийства сопровождались не только повальным грабежом, но и бессмысленным уничтожением имущества жителей в городе и далеко в его окрестностях...

Как же и почему русский народ молча терпел эту вакханалию убийств и грабежей? Прежде всего, конечно,

действовала долгая привычка беспрекословно повиноваться воле и приказаниям государя-царя, но кроме того, надо иметь в виду, что эпоха террора совпала с периодом тяжелой и опасной войны на западе (при постоянной угрозе нападения крымцев с юга), а во время войны, особенно неудачной, обвинения в «измене» и в «крамоле» всегда находят отклик и доверие у легковерных людей. И наконец, не все молчали! В 1568 г. митрополит Филипп, после долгих и бесплодных увещаний наедине публично, перед всем народом в Успенском храме обличил жестокого царя и, угрожая ему гневом Божиим, требовал, чтобы он перестал проливать кровь неповинную... В результате Филипп был свергнут с митрополии и сослан в тверской Отчечь монастырь, где в следующем году он был задушен царским опричником Малютой Скуратовым. «Так пал непобежденным великий пастырь Русской Церкви» (Соловьев); в следующем столетии он был причислен к лику святых и моши его были торжественно перенесены в Москву, где благочестивый царь Алексей Михайлович коленопреклоненно умолял великого святителя простить грех царя Ивана...

Общий результат опричнины Ключевский (имея в виду последовавшие потрясения Смутного времени) формулирует так: «Современники поняли, что опричнина выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготовляла действительную»²⁰.

Дела внешние в последний период царствования Грозного представляют ряд неудач. Силы страны, ис-

²⁰ Изложенная в тексте точка зрения на опричнину разделяется не всеми историками. Некоторые полагают что опричнина была обдуманным и целесообразным мероприятием Грозного с целью сокрушить политическое влияние княжеско-боярской аристократии, заменить прежний правящий класс — боярство — новым классом, дворянством, и тем усилить монархическую власть, избавив ее от политических притязаний высшей аристократии. Однако это, хотя и принимаемое многими, понимание опричнины основывается не столько на исторических фактах, сколько на том — наивно-рационалистическом — убеждении, что в истории нет ничего иррационального, случайного и бессмысличного, но все совершающееся имеет разумный смысл и внутреннюю логику. Умный и наблюдательный современник событий конца XVI и начала XVII в. дьяк Иван Тимофеев (оставивший нам интересный «Временник» с описанием этих событий) пишет об опричнине: «от умышления же зельные ярости на своя рабы (царь Иван) подвигся толик, яко возненавиде грады земли своея и во гневе своем разделением раздоения едины люди раздели... и всю землю державы своея, яко секиро, наполы некако рассече... Сим же смяте люди вся... потом Иван назначил для «земщины» особого «царя» (крещеного касимского хана Симеона Бекбулатовича) «себе же

томленной долгой войной и терроризированной опричниной, видимо слабели и истощались. В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей со своей конницей прорвался до самой Москвы, взял город, сжег и разграбил его (только Кремль

раболепно смири», но скоро опять «воспринял» всю свою власть, «тако Божими людьми играя». Интересно, что перед заграницей царь Иван стыдился своей опричниной и даже пытался отрицать самое ее существование. Во время дипломатических переговоров с Литвой в 1565 г. русскому представителю был дан следующий наказ: если спросят, что это теперь у государя вашего сливает опричнину? — отвечать: у государя никакой опричниной нет, живет государь на своем царском дворе, и которые дворяне служат ему правдою, те при государе и живут близко, а которые делали неправды, те живут от государя подальше; а что мужичье не зная зовет опричниной, то мужичым речам верить нечего; волен государь, — где хочет дворы и хоромы ставить, там и ставит; от кого государю отделяться?» — Немудрено, что ни современники, ни сам учредитель опричнине не видели в ней того глубокого смысла, который якобы удалось разглядеть историкам через 350 лет! Во-первых, власть государя московского и до Ивана не была ограничена боярством: знатные советники Василия III жаловались, что государь «запершись сам третей у постели всякие дела делает», а иностранцы поражались безграмотности его власти. Во-вторых, Грозный, как мы видели, вовсе не отменил правительственной роли бояр, которым он предоставил править государством (за исключением опричной территории) «по прежнему обычая»; мало того, Грозный даже не мог (или не хотел) отменить такого вредного обычая, как боярское «местничество», которое связывало царя «по рукам и ногам» при назначении членов боярской думы, воевод в полки и областных правителей, которых царь должен был назначать по «отечеству», а не по пригодности их. Социальное и политическое положение среднеслужилого класса при Грозном нисколько не изменилось, и он, за исключением сравнительно немногочисленной группы привилегированных разбойников, ни в какой мере не стал более «господствующим», чем он был прежде; наоборот, его служебные повинности и тяготы при Иване не уменьшились, а увеличились. Казни бояр и князей и конфискация их вотчин, конечно, ослабляли личный состав боярского класса, но для того, чтобы казнить неблагонадежных бояр и конфисковать их имения, Ивану вовсе не нужно было затевать всероссийскую смуту с опричниной. Наконец, в значительной своей части террор Грозного вообще не имел никакого отношения к пресловутой «борьбе с боярством»: почему для борьбы с боярством нужно было убивать боярских мужиков или холопов? Почему надо было убивать священников и монахов? Почему надо было избить многие тысячи новгородских торговцев, рыболовов, плотников и разграбить новгородские монастыри? (ведь новгородских «крамольных» бояр удалил из Новгородской области уже дед Грозного, Иван III, лет 100 тому назад!). Наконец, не для борьбы бы же с боярством Иван в 1581 г. убил своего старшего сына и престолонаследника, царевича Ивана и тем подготовил гибель своей династии. Недавно опубликованные записки немца-опричника Генриха Штадена наглядно изображают не столько политический, сколько террористически-разбойничий характер опричнини. В последние годы царствования Ивана Грозного имя опричнини не упоминается более в современных актах: террор в это время затихает; имения, конфискованные раньше у бояр и князей, частично возвращаются их прежним собственникам или их наследникам, оставшимся в живых.

уцелел) и, забрав огромное количество пленных, ушел в Крым.

Затянувшаяся Ливонская война продолжалась, но уже без успеха для русского оружия. В 1566 г., когда страна не была еще истощена войной, Иван созвал земский собор, главным образом из представителей служилых людей, для обсуждения вопроса о мире с Литвой, и собор высказался за продолжение борьбы. Война продолжалась без решительных успехов той или другой стороны до тех пор, пока на польско-литовский престол не был избран (1576 г.) Стефан Баторий, энергичный, смелый и талантливый полководец. Пересядя в наступление, он в 1579 г. взял обратно Погоцк; все завоевания Ивана в Лифляндии также были потеряны. В 1581 г. Стефан Баторий вторгся в русские пределы, взял важную крепость Великие Луки и осадил Псков, однако здесь встретил упорное и героическое сопротивление и не мог взять крепости. Польско-литовская шляхта, также утомленная долгой войной, требовала от короля заключения мира, и в начале 1582 г. было, наконец, заключено (у Запольского Яма) перемирие на 10 лет, по которому Грозный отказался от всех своих завоеваний в Литве и Лифляндии.

Пользуясь ослаблением России, шведы также перешли в наступление на севере и взяли города Ивангород, Ям и Копорье, расположенные на южном побережье Финского залива; в 1583 г. со шведами было заключено перемирие (на р. Плюсе), по которому они удержали за собой свои завоевания, и таким образом Грозный потерял и тот последний кусочек Балтийского побережья, которым владел в старину Новгород Великий.

Во время этих сплошных неудач на западе на востоке случилось событие, которое явилось началом покорения русскими необъятных просторов Сибири. В 1581 — 1582 гг. атаман донских казаков Ермак Тимофеевич (бывший на службе у богатых промышленников Пермского края Строгановых) с небольшим отрядом (около 800 человек) перешел Уральские горы и завоевал «Сибирское царство» — небольшую область сибирского «царя» Кучума, расположенную по рекам Иртышу и Оби. В 1583 — 1584 гг. в боях с туземцами погибли почти все сподвижники Ермака, а в августе 1584 г. погиб и сам знаменитый атаман, но дело дальнейшего покорения Сибири «под высокую царскую руку» взяло на себя уже само Московское правительство, посыпавшее в Сибирь, на помощь казакам, своих воевод с «осударевыми служилыми людьми» и с «нарядом» (артиллерией).

4. Царь Федор Иванович (1584 — 1598) и правитель Борис Годунов. Убийство царевича Дмитрия. Иван Грозный умер в марте 1584 г. Своего старшего сына, царевича Ивана, он убил (в 1581 г.) в припадке слепого гнева, и наследником престола стал второй его сын, Федор, слабый, болезненный, запуганный отцовским террором, находивший себе поддержку и утешение только в молитве и в постоянных хождениях и поездках в церкви и в монастыри на богомолье. Таким полумонахом, «избывающим мирской докуки», он остался и на царском престоле. Как всегда в подобных случаях, между приближенными к престолу началась борьба за власть и за влияние на слабого царя. После смерти (1586 г.) царского дяди по матери боярина Никиты Романовича (Захарына) на первое место выдвигается царский шурин Борис Федорович Годунов — умный, способный, энергичный и честолюбивый боярин. Он происходил из второстепенного боярского рода, и потому представители старых княжеских и боярских фамилий относились к нему с недоброжелательством и с завистью, как к «выскочке». При Грозном он упрочил свое положение женитьбой на дочери любимого царского опричника Малюты Скуратова-Бельского, а потом царевич Федор женился на его сестре Ирине, и он стал таким образом близким к царской семье человеком. Преодолев сопротивление старой знати (во главе с князьями Шуйскими), Борис становится при царе Федоре правителем государства.

Внешняя политика государства при царе Федоре была успешна. После кратковременной войны со Швецией Россия возвратила южное побережье Финского залива, потерянное Грозным, и заключила со Швецией «вечный мир» (1595 г.). Нападение Крымского хана было успешно отражено. В Сибири с успехом продолжалось покорение и колонизация страны (были построены Тюмень, Тобольск (1589 г.) и ряд других городов, служивших опорными пунктами русской колонизации).

Важным фактом внутренней истории было учреждение в Москве патриаршества (1589 г.). С согласия православных восточных патриархов московский митрополит Иов был возведен в сан патриарха Московского и всея Руси; этим Московская церковь была поставлена не только фактически, но и формально наравне с восточными церквами, как особый и независимый патриархат.

В царствование Федора последняя жена царя Ивана Мария из фамилии Нагих) со своим малолетним сыном

Дмитрием (род. в 1582 г.) и со своими братьями была удалена из Москвы в небольшой город Углич (на Волге), который дан был «в удел» Дмитрию. Для надзора за Нагими в Угличе проживал царский дьяк Битяговский и с ним несколько царских приставов. 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий был найден зарезанным на дворе уgliцкого дворца; на звон набатного колокола сбежалась большая толпа уgliчан; подозревая царского дьяка и приставов в убийстве царевича, разъяренная толпа перебила их всех. Из Москвы была прислана следственная комиссия под председательством боярина князя Василия Ивановича Шуйского; в своем докладе Шуйский представил заключение, что царевич не был убит но нечаянно сам нанес себе смертельную рану, играя ножом «в тычку» с другими детьми. Тогда правительство строго наказало уgliчан за бунт и самоуправство, царицу Марью постригли в монахини, ее братьев отправили в ссылку. Однако народная молва не поверила версии о случайном самоубийстве царевича, и шепотом передавались обвинения, что царевич убит по наущению Бориса Годунова, который надеялся сам стать царем по смерти бездетного Федора.

В январе 1598 г. царь Федор умер, и с его смертью прекратилась династия Рюрика на московском престоле.

5. Борьба с южными и восточными соседями в XVI и XVII вв. Оборонительные черты Московского государства на юге и юго-востоке. На южных и юго-восточных границах Московского государства веками шла непрерывная, тяжелая, изнурительная борьба с враждебными соседями. Наиболее беспокойным и опасным врагом на юге было ханство Крымское: отделенное от московских владений широкою полосою пустынных степей, оно было недоступно для нападений тяжеловесной и малоподвижной московской рати, но легкая конница крымцев, в которой каждый всадник имел запасных коней, легко передвигалась по степям, покрытым густою травою; на походе кони питались травой, а всадники питались конским мясом (с добавкой сущеных мучных лепешек) и пили кобылье молоко. Быстро проходя степную полосу, татарское войско «безвестно и скороустремительно» (по выражению русской летописи) достигало русских пределов и врывалось в них на большую или меньшую глубину, доходя иногда до самой Москвы, и потом столь же быстро исчезало, угоняя и увозя с собой бесчисленное множество «полна» — мужчин, женщин и детей. В Крыму Кафа-Феодосия была главным не-

вольничим рынком, где несчастных пленников грузили на корабли и развозили на продажу по всем прибрежным странам Европы, Азии и Африки.

Главным средством защиты от татарских набегов была организация так называемой *береговой службы*. Пограничным московским «берегом» был первоначально берег Оки. Ежегодно весной мобилизовывалось несколько десятков тысяч московской рати и высыпалось на берега Оки, где они и поджидали все лето татарских гостей до глубокой осени, «пока распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов» (Ключевский). С присоединением к Московскому государству Чернигово-Северской земли (в нач. XVI в.) юго-западный угол московской территории оказался выдвинутым далеко вперед. В середине XVI в. московское правительство начинает систематическое продвижение на юг от Оки в области «дикого поля», устраивая здесь ряд укрепленных городов, которые образовали Тульскую оборонительную линию (или «черту»), которая шла от Путивля и Рыльска через Брянск и Тулу к рязанским пределам. Во второй половине XVI в. продолжается энергичное продвижение в степи на юг от Тульской «черты»; здесь частью строятся вновь, частью возобновляются и укрепляются города Орел, Курск, Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Оскол, Валуйки, и возникает уже новая так называемая Белгородская черта. Между городами протягиваются непрерывные цепи укреплений, состоящие из «острогов» и «острожков» (обнесенных рублеными стенами, или тыном), земляных валов с рвами и лесных «засек» (со срубленными и поваленными большими деревьями). Все эти меры имели целью как можно более затруднить движение неприятельских степных конных полчищ. Новопостроенные города правительство заселяло служилыми людьми, которых оно переводило из центральных городов или вербовало («прибирали») вновь; в этих городах было очень мало (а в некоторых почти совсем не было) торгово-промышленного населения («посадских людей»); в них (и в подгородных слободах) жили дети боярские, стрельцы, казаки, пушкари, ямщики, воротники, затинщики, казенные плотники и кузнецы.

В тесной связи с «береговой» и крепостной службой стояла организация сторожевой и станичной службы. Между укрепленными городами и острогами и впереди них, в степи, были построены наблюдательные пункты — «сторожи» — и постоянно ездили разъезды конных ратников, зорко всматривавшихся в беспредельные южные степи,

чтобы неприятели «на государевы украины безвесно войной не приходили».

В XVII в. правительство строит много городов на восточных и юго-восточных окраинах государства — Симбирск, Тамбов, Пензу, Сызрань и др. Здесь также возникают оборонительные линии, или черты — Закамская, Симбирская, Сызранская. Закамская черта примыкала к Симбирской, а Симбирская к Белгородской, и таким образом южные и юго-восточные границы государства были защищены непрерывной линией (или сетью) укреплений. Теперь трудно себе представить, как много потерь, жертв и усилий требовали от Московского государства эта тяжелая непрерывная борьба со степными соседями и постепенное освоение и закрепление беспредельных степных пространств...

Глава VII

СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (1593–1613)

1. *Предпосылки и причины Смуты.* На рубеже XVI и XVII вв. Московское государство переживало тяжелый и сложный кризис, морально-политический и социально-экономический. Положение двух основных классов московского населения — служилых и «тяглых» людей — и раньше не было легким; но в конце XVI в. положение центральных областей государства значительно ухудшилось.

С открытием для русской колонизации обширных юго-восточных пространств среднего и нижнего Поволжья сюда устремился из центральных областей государства широкий поток крестьянского населения, стремившегося уйти от государства и помещичьего «тягла», и эта утечка рабочей силы повела к недостатку рабочих рук и к тяжелому экономическому кризису внутри государства. Чем больше уходило людей из центра, тем тяжелее давило государственное и помещичье тягло на оставшихся. Рост поместного землевладения отдавал все большее количество крестьян под власть помещиков, а недостаток рабочих рук вынуждал помещиков увеличивать крестьянские подати и повинности и стремиться всеми способами закрепить за собой наличное крестьянское население своих имений.

Положение холопов «полных» и «кабальных», конечно, всегда было достаточно тяжелым, а в конце XVI в. число кабальных холопов было увеличено указом, который предписывал обращать в кабальные холопы всех тех прежде вольных слуг и работников, которые прослужили у своих господ более половины года.

Во 2-й половине XVI в. особые обстоятельства, внешние и внутренние, способствовали усилению кризиса и росту недовольства. Тяжелая Ливонская война (продолжавшаяся 25 лет и кончившаяся полной неудачей) потреб-

бовала от населения огромных жертв людьми и материальными средствами. Татарское нашествие и разгром Москвы в 1571 г. значительно увеличили жертвы и потери. Опричнина царя Ивана, потрясшая и расшатавшая старый уклад жизни и привычные отношения (особенно в «опричных» областях), усиливала общий разлад и деморализацию; в царствование Грозного «водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего» (Соловьев).

Пока на Московском престоле сидели государи старой привычной династии, прямые потомки Рюрика и Владимира Святого и строители Московского государства, население в огромном большинстве своем безропотно и беспрекословно подчинялось своим «природным государям». Но когда династия прекратилась и государство оказалось «ничим», земля растерялась и пришла в брожение.

Высший слой московского населения, боярство, экономически ослабленной и морально приниженное политической Грозного, начало смуту борьбой за власть в стране, ставшей «безгосударной».

2. Царь Борис Годунов и Лжедмитрий I (1598—1606). По смерти бездетного царя Федора Ивановича (в январе 1598 г.) Москва присягнула на верность его жене, царице Ирине, но Ирина отказалась от престола и постриглась в монашество. Когда Москва вдруг очутилась без царя, естественно, что взоры всех обратились на правителя Бориса Годунова. Его кандидатуру на престол усиленно и настойчиво проводил патриарх Иов, но Борис долго отказывался, уверяя, что ему никогда и на ум не приходило вступить на превысочайший престол Российского царства. Был созван земский собор из представителей всяких чинов, людей всех городов Московского государства, и собор единодушно избрал на царство Бориса Федоровича, который и воцарился по прошению и по избранию «всего освященного собора, и боляр, и христолюбивого воинства и всенародного множества православных християн Российского государства».

Но родовитые бояре и князья, потомки Рюрика и Гедимины, затаили в душе злобу и зависть к новому царю (выскочеке), потомку татарского мурзы на русском престоле. С другой стороны, и Борис на престоле обнаружил «недостаток нравственного величия» (Соловьев) и трусливую подозрительность; опасаясь боярских интриг и «крамол», он завел систему шпионажа, поощрял доносы, на-

граждал доносчиков и преследовал подозреваемых или обвиняемых в измене бояр; в 1601 г. подверглись ссылке и заточению несколько бояр, в том числе братья Романовы, из которых самый способный и популярный, Федор Никитич, был принудительно пострижен о монахи (под именем Филарета).

В общем правлении Борис старался поддерживать порядок и правосудие. Он нанимал к себе на службу иностранцев, а русских молодых людей посыпал учиться за границу. При нем успешно продолжалась русская колонизация Сибири и построение здесь русских городов (Верхтурье, Мангазея, Турииск, Томск).

Но лишь первые два года царствования Бориса были спокойными и благополучными. В 1601 г. случился в России повсеместный неурожай, который повторялся следующие два года. В результате — голод («глад велий») и мор... Множество голодающих оставили свои дома и пошли бродить «по миру»... Царь хотел помочь делу раздачей хлеба из казны и новыми каменными постройками в Московском Кремле (в частности, тогда была построена знаменитая кремлевская колокольня «Ивана Великого»); однако этих мер было недостаточно. Многие из богатых людей в это время отпускают «на волю» свою «челядь», чтобы не кормить ее, и это увеличивает толпы бездомных и голодных. Из отпущеных или беглых образовались шайки разбойников, — «в то же время около Москвы нача ся быти разбоеве велицы и человекоубийство на путях и по местом».

Главным очагом брожения и беспорядков стала западная окраина государства, так называемая Северская Украина, куда правительствосылало из центра государства преступные или неблагонадежные элементы, которые, конечно, были полны недовольства и озлобления и ждали только случая подняться против московского правительства.

В это время против царя Бориса выступил таинственный и страшный враг: в Польше явился молодой человек, который назвал себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, и заявил о своем намерении идти на Москву, добывать себе «прадительский престол»²¹.

²¹ Кто был этот самозванец, остается неразрешимой загадкой. Московское правительство утверждало, что он был галицким боярским сыном Григорием Отрепьевым, который постригся в монахи и был дьяконом в Чудовом монастыре в Москве, но потом бежал в Литву со «злодейским умышлением»; поэтому его впоследствии называли Расстригой.

Некоторые польские паны согласились ему помочь в этом смелом предприятии, и в октябре 1604 г. Лжедмитрий вошел в московские пределы; он издал воззвание к народу с сообщением, что Бог спас его, царевича, от злодейских умыслов лукавого раба Бориса Годунова, и теперь он призывает русское население принять его как законного наследника русского престола. Началась борьба безвестного и, казалось бы, бессильного молодого авантюриста с могущественным царем «всех Руси», и в этой борьбе «Расстрига» оказался победителем,— «яко комар льва не дошел порази», по выражению современника. Население Северской Украины переходило на сторону претендента на московский престол, и города один за другим отворяли ему свои ворота²². На помошь претенденту, с одной стороны, пришли вместе с поляками днепровские казаки, а с другой, пришли донские казаки, недовольные царем Борисом, который пытался стеснить их свободу и подчинить их власти московских воевод. Царь Борис послал против мятежников большое войско, но в его войске была «шатость» и «недоумение»,— не идут ли они против законного царя?.. А «бояре и воеводы» хоть и не верили претенденту, но, не будучи преданы Борису, вели военные операции вяло и нерешительно. В апреле 1605 г. царь Борис умер, и тогда его войско перешло на сторону претендента, а затем и Москва (в июне 1605 г.) с торжеством приняла своего законного «природного» государя царя Дмитрия Ивановича (Федор Борисович Годунов и его мать были убиты до прихода в Москву Лжедмитрия).

Новый царь оказался деятельным и энергичным правителем, уверенно сидевшим на «прадительском» престоле. В дипломатических сношениях с другими странами он принял титул «императора» и пытался создать большой союз европейских держав для борьбы против Турции. Но скоро он стал возбуждать недовольство своих московских подданных, во-первых, тем, что он не соблюдал старых русских обычаев и обрядов, а во-вторых, тем, что пришедшие с ним поляки держали себя в Москве высокомерно и заносчиво, обижали и оскорбляли москвичей. Недовольство особенно возросло, когда в начале мая 1606 г. к царю приехала из Польши его невеста, Марина Мнишек и он

²² По словам современника: «людие же в тех градех... чаяху его быти сущего пироженого своея христианские веры царевича... и с радостью ожидаху его, аможе придет, везде грады отворяху ему и подобное поклонение и дары приношаху ему, якоже подобает царскому величеству».

обвенчался с ней и короновал ее как царицу, хотя она отказалась перейти в православие. Теперь бояре во главе с князем Василием Шуйским решили, что настало время действовать²³. Подняв набатным звоном московский народ против поляков (в ночь на 17 мая 1606 г.), бояре сами с кучкой заговорщиков ворвались в Кремль и убили царя, в то время как москвичи были «заняты» избиением поляков и разграблением их «животов». Труп Лжедмитрия после поругания сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел...

3. Василий Шуйский и социальная смута. «Тушинский вор». Руководитель боярского заговора князь Василий Иванович Шуйский «был — не скажем избран, но выкрикнут царем» (Соловьев), или, по выражению современников, «самохотно наскочивше бесстудне от болярска чина на царство»²⁴. Новый царь разослал грамоты по всему государству, в которых обличал самозванца и «еретика» «Рас-тригу», который-де воцарился «бесовскою помощью», «прельстив» (т. е. обманув) русский народ своим колдовством («чернокнижеством»). Однако, кто мог верить Шуйскому, старому интригану и лжецу, который три раза всенародно и торжественно приносил ложную клятву: сначала он клялся, что царевич Дмитрий случайно закололся сам, потом, что царевич Дмитрий жив и здоров, идет занимать свой отцовский престол, наконец, что царевич Дмитрий принял мученическое убийство от своего лукавого раба Бориса Годунова²⁵.

Немудрено, что воцарение Шуйского послужило сигналом для всеобщей смуты и борьбы всех против всех.

Против боярского царя повсюду вспыхнули восстания. «С осени 1606 года в государстве открылась кровавая смута, в которой приняли участие все сословия московского общества, восстав одно на другое» (Платонов). Города Северской Украины поднялись под начальством путинского воеводы князя Шаховского (которого современники

²³ Шуйский начал агитацию против Лжедмитрия тотчас после его воцарения; он был судим собором из всех чинов людей и приговорен к смертной казни, но царь его помиловал.

²⁴ «Внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всяя земли и сам царь поставился, его же скоропомазанием вси людие о нем преткнувшася» (Иван Тимофеев).

²⁵ При своем воцарении Шуйский принял формальное обязательство никого не казнить и не наказывать конфискацией имущества, «не осудя истинным судом с бояры своими» и не слушать ложных доносов, но и эта его присяга оказалась ложной...

потом называли «всей крови заводчиком», а затем явился новый популярный вождь восстания, бывший холоп, Иван Болотников; он в своих воззваниях обращался к народным низам, призывая их истреблять знатных и богатых и забирать их имущество; под его знамена стали во множестве стекаться беглые холопы, крестьяне и казаки, частью, чтобы отомстить своим угнетателям, частью «ради получения скороприбытного и беструдного богатства», по выражению современника. В Тульской и Рязанской областях поднялись против Шуйского служилые люди, дворяне и дети боярские под начальством Пашкова! Сумбулова и Прокопия Ляпунова. В Поволжье поднялись мордва и другие недавно покоренные народы с целью освободиться от русской власти.

Болотников с огромным скопищем «воровских людей» подошел к Москве, с другой стороны подошли рязанские и тульские служилые люди; но когда последние поближе познакомились со своим союзником, с его «программой» и действиями, они решили избрать из двух зол меньшее, отступили от «воров» и принесли повинную царю Василию. Болотников был разбит и ушел сначала в Калугу, потом в Тулу, где был осажден царскими войсками и вынужден сдаться; вожди восстания были казнены, масса его участников рассеялась, готовая начать новую «кампанию», если найдется новый предводитель.

Таковой нашелся скоро в лице явившегося в Стародубе второго Лжедмитрия. Он был, конечно, уже сознательным и очевидным обманщиком, но проверкой его личности и его легальных прав мало кто интересовался; он был только знаменем, под которое снова спешили собраться все недовольные московским правительством и своим положением и все, кто стремился устроить свою карьеру или приобрести «беструдное богатство». Под знаменами самозванца собрались не только представители угнетенных народных низов, но также часть служилых людей, казаки и, наконец, большие отряды польских и литовских авантюристов, стремившихся поживиться за счет неразумных и мятущихся в междоусобии «руssаков». Марина Мнишек, бывшая 8 дней царицею Московскою и спасшаяся во время переворота 17 мая, согласилась стать женой нового Лжедмитрия.

Собрав большое и довольно пестрое войско, Лжедмитрий подступил к Москве и расположился станом в подмосковном селе Тушино (отсюда его прозвище: «Тушинский вор»). Здесь были свои «бояре и воеводы», свои приказы и даже — свой патриарх; таковым стал (как говорят современники — по

принуждению) митрополит Ростовский Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов). В тушинский лагерь пришло из Москвы немало московских князей и бояр, хотя они знали, конечно, что идут «целовать крест» и служить явному обманщику и самозванцу. Это печальное время прославилось знаменитыми тушинскими «перелетами», которые переходили, иногда по несколько раз, от одного «царя» к другому и от каждого получали награды²⁶.

Одной из светлых страниц этого темного времени была знаменитая успешная защита Троице-Сергиева монастыря, осажденного поляками, литовцами и русскими «ворами» (с сентября 1608 г. января 1610 г.).

Не будучи в состоянии одолеть тушинцев, царь Василий вынужден был обратиться за помощью к шведам, которые согласились послать ему вспомогательный отряд войска. Во главе московского войска стал в это время молодой талантливый племянник царя Василия князь Михаил Скопин-Шуйский; с помощью шведов и ополчений северных городов, которые поднялись против власти «воровского» тушинского правительства, Скопин-Шуйский очистил от тушинцев север России и двинулся к Москве.

Однако вмешательство шведов в русские дела вызвало вмешательство короля польского Сигизмунда, который поставил Шуйскому в вину союз с неприятельской Польшей, Швецией и решил использовать московскую смуту в интересах Польши. В сентябре 1609 г. он перешел границу с большим войском и осадил сильную русскую крепость Смоленск. В своих универсалах к русскому населению король возвещал, что он пришел не для того, чтобы проливать русскую кровь, но для того, чтобы прекратить смуты, междуусобия и кровопролитие в несчастном Московском государстве, над которым он «сжался»... Но смоляне со своим воеводою Шеиным не поверили ласковым королевским словам и в течение 21 месяца оказывали королю упорное и героическое сопротивление.

Приближение Скопино-Шуйского и ссоры с поляками заставили Тушинского вора осенью 1609 г. оставить Тушино и бежать в Калугу. Тогда русские «тушины», оставшиеся без своего «царя», послали послов под Смоленск к польскому королю Сигизмунду и заключили с ним (в

²⁶ По рассказу современника о поведении московской знати в это время, «на единой бо трапезе седяще в пиршествах во царствующем граде, по веселии же овии убо во царские палаты, овии же в Тушинские тaborы перескакаху...».

феврале 1610 г.) договор о принятии на царство его сына, королевича Владислава.

В марте 1610 г. тушинский лагерь был покинут всеми его обитателями, которые разошлись в разные стороны, и Скопин-Шуйский торжественно вступил в освобожденную Москву. Москва радостно приветствовала молодого воеводу и ожидала от него новых подвигов и успехов в борьбе против неприятелей, но в апреле Скопин внезапно заболел и умер (по слухам, от отравы).

Между тем от западной границы к Москве двигалось польское войско под командой гетмана Жолкевского; при с. Клушино Жолкевский встретил и разбил московское войско, бывшее под командой царского брата, князя Дмитрия Шуйского, и приблизился к самой Москве. С другой стороны к Москве подходил из Калуги Тушинский вор. Город был в тревоге и смятении, царь Василий окончательно потерял всякое доверие и всякий авторитет; 17 июля 1610 г. он был свергнут с престола, а 19-го насильственно пострижен в монахи.

4. Королевич Владислав. Поляки в Москве. Патриарх Гермоген. После свержения Шуйского в Москве наступило междуцарствие. Во главе правительства оказалась боярская дума — «князь Ф. И. Мстиславский с товарищи» (так называемая «семибоярщина»). Однако это боярское правление не могло быть длительным и прочным. Приближение Тушинского вора, за которым шел призрак социального переворота и анархии, пугало всех бояр и всех «лучших людей». Чтобы избавиться от Вора и его притязаний бояре решили избрать на московский престол польского королевича Владислава²⁷.

²⁷ В августе 1610 г. московскими боярами был заключен с гетманом Жолкевским договор об условиях, на которых Владислав будет принят на царство. Прежде всего он должен обещать охранять православную веру, «чтоб наша святая православная вера греческого закона имела свою целость и красоту по прежнему». Он должен «прежних обычаяв и чинов, которые в Московском государстве, не переменяти, и московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати». — «На Москве и по городам суду быти и совершатись по-прежнему обычая и по судебнику Российского государства; а будет похотят чем пополнити для укрепления судов, и Государю на то поволити с думою бояр и всей Земли, чтоб было все праведно». — «а не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никого не казнити и чести ни у кого не отынти, и в заточение не засылати, поместий и вотчин и дворов не отымати». Таким образом, московское боярство хотело иметь формальные гарантии своих прав и общего правопорядка для защиты от царского произвола, который одинаково проявляли как прежние «природные» цари, так и последние «наскакатели» на царский престол.

После того как Жолковский принял предложенные Владиславу условия, Москва 27 августа торжественно присягнула королевичу «Владиславу Жигимонтовичу» как своему будущему государю, с условием, однако, что «ему, государю, быть в нашей православной христианской вере Греческого закона». На последнем условии категорически настаивал патриарх Гермоген, который не допускал возможности занятия московского престола неправославным.

Лжедмитрий был прогнан от Москвы и снова бежал в Калугу с Мариной и казачьим атаманом Заруцким. К королю Сигизмунду под Смоленск было послано великое посольство, во главе которого стояли митрополит Филарет и князь Вас. Голицын; посольству было поручено настаивать, чтобы королевич Владислав принял православие и без промедления ехал в Москву, а король со своим войском вышел бы из пределов Московского государства. Однако планы Сигизмунда были иные: он не хотел отпускать молодого сына в Москву, тем более не хотел позволить ему принять православие; он намеревался сам занять московский престол, но пока не открывал своих планов. Поэтому русское посольство под Смоленском было принуждено вести длительные и бесплодные переговоры, в которых король, со своей стороны, настаивал, чтобы после побудили смоленских «сидельцев» к сдаче.

Между тем Москва в сентябре 1610 г. была, с согласия бояр, занята польским войском Жолковского, который скоро уехал оттуда, передав команду Гонсевскому. Во главе гражданского правительства стали боярин Михаил Салтыков и «торговый мужик» Федор Андронов, которые и управляли (точнее, пытались управлять) страной от имени «государя царя Владислава Жигимонтовича всяя Руси», Новгород Великий был в июле 1611 г. занят шведами²⁸.

Однако относительно крестьян договор подтверждал, что «крестьянам выходу не быти»...

28 Новгородская летопись рисует печальную картину общего морального упадка и разложения, на фоне которой ярко выделяется героизм маленькой кучки казаков: «в воеводах не бысть радения, а ратным людям с посадскими людьми не бяше совету; иные же воеводы пияху беспрестани, а воевода Василий Бутурлин с немецкими людьми ссылашеся» — поэтому «немцы» (т. е. шведы) могли занять город без сопротивления: «той же Василий Бутурлин с ратными людьми на Торговой стороне выиграбив лавки и дворы, пойде из города вон; против же немец никто не противляшеся. Единии же помроша мученическою смертию, биоша за православную веру христианскую: голова стрелецкой Василий Голютин, да дьяк Афиноген Голенищев, да атаман казачий Тимофеи Шаров, да с ними же сорок человек казаков, те помроша вкупе, многою статью (т. е. многими способами) их немцы прельщаху, чтобы они сдалися, они же не сдашася, все помроша за православную веру».

Польская оккупация Москвы затягивалась, Владислав не принимал православия и не ехал в Россию, правление поляков и польских клевретов в Москве возбуждало против себя все большее неудовольствие, но его терпели как меньшее зло, ибо присутствие польского гарнизона в столице делало ее недоступной для Тушинского (теперь Калужского) вора. Но в декабре 1610 г. Вор был убит в Калуге, и это событие послужило поворотным пунктом в истории Смуты. Теперь и у служилых людей, и у «земских» людей вообще, и у тех казаков, у которых жило национальное сознание и религиозное чувство, оставался один враг, тот, который занимал русскую столицу иноземными войсками и угрожал национальному русскому государству и православной русской вере.

Во главе национально-религиозной оппозиции в это время становится патриарх Гермоген. Он твердо заявляет, что если королевич не примет православия, а «литовские люди» не уйдут из Русской земли, то Владислав нам не государь²⁹. Когда его словесные доводы и увещания не оказали действия на поведение противной стороны, Гермоген стал обращаться к русским людям с прямыми призывами к восстанию на защиту церкви и отечества³⁰.

5. Первое земское ополчение. Голос патриарха Гермогена был скоро услышен. Уже в самом начале 1611 г. начинается широкое патриотическое движение в стране. Города переписываются между собою, чтобы всем прийти в соединение, собирать ратных людей и идти на выручку к Москве. «Главный двигатель восстания... был патриарх, по мановению которого, во имя веры, вставала и собиралась Земля (Соловьев).

Весною 1611 г. к Москве подступило земское ополчение и начало ее осаду. В это время король Сигизмунд прекратил бесконечные переговоры под Смоленском с русскими послами и велел увезти митрополита Филарета и князя Голицына в Польшу как пленников. В июне 1611 г. поляки, наконец, взяли Смоленск, в котором из 80.000

²⁹ По словам современника, «великий же он столп и твердый адамант и крепкий воин Христов», «непоколебимо стоит посреди нашей великии земли», «стоит и крепится» и «всех нас крепит и учит» и «близ речи, что все великое наше Российское государство держит».

³⁰ Впоследствии, когда патриарх был подвергнут заключению, его дело продолжали монастыри, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский, рассыпавшие по городам свои грамоты с призывами к соединению и к «крепкому стоянию» против врагов за святую православную веру и за свое отечество.

жителей, бывших там в начале осады, оставалось в живых едва 8.000 человек...

Значительная часть Москвы в марте 1611 г, подверглась разгрому и сожжению со стороны польского гарнизона, желавшего предупредить восстание, причем было избито несколько тысяч жителей. Пришедшее под Москву земское ополчение состояло из двух различных элементов: это были, во-первых, дворяне и дети боярские, во главе которых стоял знаменитый в то время рязанский воевода Прокопий Ляпунов, а во-вторых, казаки, во главе которых стояли бывшие тушинские бояре, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий. После многих разногласий и раздоров, воеводы и ополчения договорились между собою и 30 июня 1611 г. составили общий приговор о составе и работе нового земского правительства — из Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова, которых «выбрали всею землею» для управления «земскими и ратными делами».

Однако приговор 30 июня не устранил антагонизма между дворянами и казаками и личного соперничества между Ляпуновым и Заруцким. Дело кончилось тем, что казаки, подозревая Ляпунова во враждебных умыслах, вызвали его в свой круг для объяснения и здесь зарубили его. Оставшись без вождя и напуганные казацким самосудом, дворяне и дети боярские в большинстве разъехались из-под Москвы по домам. Казаки оставались в лагере под Москвой, но они одни были недостаточно сильны, чтобы справиться с польским гарнизоном.

6. Второе земское, ополчение (Минин и Пожарский). *Освобождение Москвы и избрание на царство Михаила Романова.* Неудача первого земского ополчения огорчила, но не обескуражила земских людей. В провинциальных городах скоро снова началось движение за организацию нового ополчения и похода на Москву. На этот раз исходным пунктом и центром движения стал Нижний Новгород во главе с его знаменитым земским старостою Кузьмою Мининым, который в сентябре 1611 г. выступил в ниженовгородской земской избе с горячими призывами помочь Московскому государству, не жалея никаких средств и никаких жертв. Городской совет, из представителей всех слоев населения, руководил начальными шагами — сбором средств и призывом ратных людей. Начальником земского ополчения был приглашен «стольник и воевода» князь Дмитрий Михайлович Пожарский, спо-

собный военачальник и человек с незапятнанной репутацией; хозяйственную и финансовую часть взял на себя «выборный человек всею землею» Кузьма Минин. В ноябре движение, начатое Нижним, охватило уже значительный приволжский район, а в январе ополчение двинулось из Нижнего сначала к Костроме, а потом к Ярославлю, куда оно прибыло к началу апреля 1612 г., встречая по пути живейшее сочувствие и поддержку со стороны населения.

Узнав о движении нижегородского ополчения, Михаил Салтыков со своими приспешниками потребовали от патриарха Гермогена, чтобы он написал грамоту с запрещением нижегородцам идти к Москве,— «он же рече им: «да будет им от Бога милость и от нашего смирения благословение; на вас же изменниках да излиется от Бога гнев и от нашего смирения будьте прокляты в сем веце и в будущем»; и оттоле начаша его гладом томити и умре от глада в 1612 году февраля в 17 день, и погребен в Москве в Чудове монастыре».

Земское ополчение оставалось в Ярославле около 4-х месяцев; это время прошло в напряженной работе над восстановлением порядка в стране, над созданием центральных правительственныех учреждений, над собиранием сил и средств для самого ополчения. Вокруг ополчения объединилось больше половины тогдашней России; в городах работали местные советы из представителей всех слоев населения, а из Ярославля назначали в города воевод. В самом Ярославле образовался земский собор, или совет вся земли, из представителей с мест и представителей от служилых людей, составлявших ополчение; этот совет и был временной верховной властью в стране.

Помня судьбу Ляпунова и его ополчения, Пожарский не спешил идти к Москве, пока не соберет достаточно сил. В конце июля ополчение Пожарского двинулось из Ярославля к Москве. Услыхав о его движении, атаман Заруцкий, увлекши с собой несколько тысяч «воровских» казаков, ушел из-под Москвы в Калугу, а Трубецкой с большинством казацкого войска остался, поджиная прихода Пожарского. В августе ополчение Пожарского подошло к Москве, а через несколько дней к Москве подступил польский гетман Ходкевич, шедший на помощь польскому гарнизону в Москве, но был отражен и вынужден отступить.

В сентябре подмосковные воеводы договорились, «по челобитью и приговору всех чинов людей», чтобы им вместе «Москвы доступать и Российскому Государству во всем

добра хотеть безо всякой хитрости», и всякие дела делать заодно, а грамоты от единого правительства писать отныне от имени обоих воевод, Трубецкого и Пожарского.

22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китайгород, а через несколько дней сдались, обессиленные голодом, поляки, сидевшие в Кремле, и оба ополчения торжественно вступили в освобожденную Москву при звоне колоколов и ликовании народа.

Временное правительство Трубецкого и Пожарского созвало в Москву выборных из всех городов и из всякого чина людей «для земского совета и для государского избрания». Земский собор, заседавший в январе и феврале 1613 г., был по составу представительства наиболее полным из московских земских соборов; на нем были представлены все классы населения (за исключением холопов и владельческих крестьян). Сравнительно легко договорились о том, чтобы «литовского и шведского короля и их детей и иных некоторых государств иноязычных нехристианской веры Греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть». Решили избрать кого-нибудь из своих, но тут начались разногласия, споры, козни и смуты, ибо среди «великородных» московских бояр, бывших ранее союзниками или поляков, или Тушинского вора, не находилось достойного и популярного кандидата³¹. После долгих и безрезультатных споров 7 февраля 1613 г. выборные люди согласились на кандидатуре 16-летнего Михаила Романова, сына томившегося в польском плена митрополита Филарета; но так как они не знали, как отнесется к этой кандидатуре вся Земля, то было решено устроить нечто вроде плебисцита,— «послали тайно, верных и богобоязных людей во всяких людех мысли их про государское избрание проведывати, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех. И во всех городех и уездах во всяких людех та же мысль: что быти на Московском Государстве Государем Царем Михаилу Федоровичу Романову, а опроче его... никак никого на Московское государство не хотети» (избират. грамота).

³¹ По рассказу летописи, «собрахася во град Москву от всех градов всякого чина людие... и начаша советовати о избрании Царя: и много избирающи искаху, не возмогоша вси на единого согласитися: овии глаголаху того, инии же иного, и вси разно вещаху, и всякий хотяше по своей мысли учинити; и тако препроводиша немалые дни. Мнозии же от вельмож, желающе Царем быти, подкупахуся, многим дающи и обещающи многие дары».

По возвращении посланных Земский Собор 21 февраля 1613 г. единодушно избрал и торжественно провозгласил царем Михаила Федоровича Романова. В избирательной грамоте было сказано, что его пожелали на царство «все православные хрестьяне всего Московского государства», а с другой стороны были указаны его родственные связи с прежней царской династией: новый царь — сын двоюродного брата царя Федора Ивановича, Федора Никитича Романова-Юрьева, а царю Федору Ивановичу — племянник...

7. Общий ход Смуты. Ее характер и последствия. «В развитии московской Смуты ясно различаются три периода. Первый может быть назван династическим, второй — социальным и третий — национальным. Первый обнимает собою время борьбы за московский престол между различными претендентами до царя Василия Шуйского включительно. ⁷ Второй период характеризуется междуусобной борьбой общественных классов и вмешательством в эту борьбу иноземных правительств, на долю которых и достается успех в борьбе. Наконец, третий период Смуты обнимает собою время борьбы московских людей с иноземным господством до создания национального правительства с М. Ф. Романовым во главе». (Платонов).

Борьба за власть и за царский престол, начатая московским боярством, привела впоследствии к полному крушению государственного порядка, к междуусобной «борьбе всех против всех и к страшной деморализации³²», которая нашла особенно яркое выражение в тушинских «перелетах» и в тех диких и бессмысленных зверствах и насилиях над мирным населением, которые совершали шайки воровских людей»³³.

³² О моральной неустойчивости своих современников умный и внимательный наблюдатель (но чересчур витиеватый писатель) Иван Тимофеев говорит: «...всяко неутверждени ни в чем, в делах же и в словесех нестоятены, по всему вертяхуся, яко коло» — «Все убо первыс крепости оскудехом в конец: старии в нас быша младоумии и вместо разума токмо седину едину имуще...» — «...к себе каждо нас хребты обращаюся, овии к востоку зрят, ови же к западу. Но сия наша разность многу на ны врагом нашим предиде крепость...

³³ По рассказу современника, шайка воровских людей» рыскали по всей земле и мучили и убивали людей «всякого возраста и всякого чина»; малых детей, отняв у родителей, поджаривали на огне или разбивали о камни. «И видяще поляки и Литва злое мучительство от своих своим, и уступающе, дивляхуся о окаянной вражине жесточи, и сердцы своими содрагахуся». — Имущество мирного населения подвергалось не только разграблению, но и уничтожению: «Идеже не пожгут домов, или не

Нет сомнения, что в середине Смутного времени (начиная с 1606 г.) мы наблюдаем элементы «классовой борьбы», или восстания бедных против богатых³⁴, но в большей мере это было всеобщее междуусобие, которое одна из ярославских грамот второго земского ополчения характеризует в следующих словах: «собрався воры изо всяких чинов учинили в Московском государстве междуусобное кровопролитие и восста сын на отца, и отец на сына, и брат на брата, и всяк ближний извлече меч, и многое кровопролитие христианское учинилося». Современники точно и правильно пишут: «воры из всяких чинов», т. е. из всех сословий и классов общества. Тушинский лагерь второго Лжедмитрия считается характерным «воровским» лагерем, а между тем «у Вора были представители очень высоких слоев московской знати» (Платонов). «Воровские люди» — это была отнюдь не экономическая, но морально-психологическая категория — люди без всяких морально-религиозных устоев и правовых принципов, а таковых нашлось немало во всех классах общества, но все же они составляли меньшинство населения. А кто были те «земские люди», которые поднялись против домашних «воров» и иноземных неприятелей и восстановили разрушенное «ворами» и внешними врагами национальное государство? Это были троицкие монахи, посадские и деревенские, торговые и пашенные мужики центральных и северных областей, средние служилые люди и значительная часть донских казаков, — союз весьма пестрый в классовом отношении.

В период так называемого международного (1610—1613) положение Московского государства казалось совершенно безнадежным Поляки занимали Москву и Смо-

---

мощно взяты множества ради домовых потреб, то все колюще мелко и в воду мещуще; входы же и затворы всякие рассекающе, дабы никому же не жительствовать ту». — «Бысть бо тогда разорение Божиим церквам от самих правоверных... — И тогда убо во святых Божиих церквях кони затворяху и псов во олтарех церковных питаху. Освященные же ризы... на потребу свою раздираху». — «Чин же иноческий и священнический вскоре смерти не предаваху, но прежде зле мучаще и огнем в уголь жгуще, пытаще живота (т. е. допрашивая об имуществе), и потом смерти предаваху» (Авраамий Палицын). — В это страшное время, по свидетельству другого современника, «крови же человеческие, яко водяные источницы, текяще и земля трупинем мертвых, яко древисем и листвием, покрышася, и главы, яко класы, по земли валяхуся».

³⁴ Псковский летописец дает краткую и выразительную «формулу» этой борьбы и ее последствий: «...развращение бысть велие по Пскове, большии на меньших, меньшии на больших, и тако бысть к погибели всем».

ленск, шведы — Великий Новгород; шайки иноземных авантюристов и своих «воров» разоряли несчастную страну, убивали и грабили мирное население. Когда земля стала «безгосударной», политические связи между отдельными областями порвались, но все же общество не распалось: его спасли связи национальные и религиозные. Городские общества центральных и северных областей, возглавляемые своими выборными властями; становятся носителями и проповедниками национального сознания и общественной солидарности. В своей переписке города призывают одни других «быти в любви и в совете и в соединении друг с другом» и «в том крест целовать меж себя, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе», и «за истинию христианскую веру на разорителей нашей христианские веры, на польских и литовских людей и на русских воров стояти крепко, а потом — «выбрать нам на Московское государство государя всею землю Российский державы». Вожди нижегородского ополчения, со своей стороны, призывают города соединиться, «чтоб нам по совету всего государства, выбрать общим советом государя, чтоб без государя Московское государство до конца не разорилося»..., «и выбрати б нам государя все Землею, «всемирным советом».

Смутное время было не столько революцией, сколько тяжелым потрясением всей политической, социальной и экономической жизни Московского государства. Первым, непосредственным и наиболее тяжелым его следствием было страшное разорение и запустение страны, в описях сельских местностей при царе Михаиле упоминается множество пустых деревень, из которых крестьяне «сбежали» или «сошли безвестно куды», или же были побиты «литовскими людьми» и «воровскими людьми». В социальном составе общества Смута произвела дальнейшее ослабление силы и влияния старого родовитого боярства, которое в бурях Смутного времени частью погибло или было разорено, а частью морально деградировало и дискредитировало себя своими интригами, «шатостью» и своим союзом с врагами государства.

В отношении политическом Смутное время — когда Земля, собравшись с силами, сама восстановила разрушенное государство, — показало воочию, что государство Московское не было созданием и «вотчиною» своего «хозяина» — государя, но было общим делом и общим созданием «всех городов и всяких чинов людей всего великого Российского Царства».

Глава VIII

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

1. Царь Михаил (1613—1645) и патриарх Филарет (1619—1633). Тяжелое положение государства. Борьба с Польшей и Швецией. Азовский вопрос. В государстве, расстроенным Смутою, юный и слабый царь Михаил мог удержаться на престоле только благодаря постоянной поддержке «всей Земли», в лице «Совета всяя земли» или земского собора, который заседал почти непрерывно в течение первых 10 лет Михаилова царствования. Вместе с собором царь решил важнейшие вопросы внешней политики, по постановлению собора вводились новые налоги для организации военных сил государства и восстановления разрушенных Смутою органов государственного управления.

В 1619 г. из польского плена возвратился отец царя, митрополит Филарет, и в том же году он стал «великим государем» патриархом Московским «и всяя Руси». Филарет не только назывался «государем», но и в действительности принимал ближайшее участие в управлении государством до самой своей смерти (в 1633 г.), так что в Москве образовалось своеобразное двоевластие: все важнейшие дела докладывались обоим государям и решались обоими, иностранные послы представлялись обоим вместе, царские указы писались от имени обоих; хотя имя Михаила стояло в документах на первом месте, но фактически опытный, энергичный и твердый Филарет играл большую роль в управлении, чем его сын.

Внутреннее и внешнее положение государства в начале царствования Михаила было исключительно тяжелым. Разоренная, опустевшая и обедневшая страна медленно и с трудом восстанавливалась внутренний порядок и спокойствие. Повсюду бродили шайки литовско-польских авантюристов и своих «воровских людей», которые

привыкли в Смутное время к грабежам, разбоям и убийствам и продолжали заниматься своим преступным ремеслом,— (и мнози от них таковому делу научища и не хотяху от воровства престати, паки собравшеся так же деяху»; царским воеводам стоило немало трудов и усилий преследовать» и ликвидировать шайки и целые отряды «воров».

Вождь «воровских» казаков Заруцкий захватил Астрахань и думал там устроить свое (воровское) царство, но ни местное население, ни донские казаки его не поддержали; он вынужден был бежать от приближившихся московских воевод, но был пойман и казнен в Москве; с ним был казнен и малолетний сын Марины, «царевич» Иван, а сама Марина скоро умерла в тюрьме.

При столь тяжелом положении внутри страны правительство должно было еще ликвидировать две внешние войны, «унаследованные» им от Смутного времени, со Швецией и Польшей.

В 1614 г. шведский король Густав-Адольф напал на ослабевшую Московию. Он осадил Псков, но славная древняя крепость оказала шведам столь же решительный отпор, как раньше оказывала ливонским немцам, литовцам и полякам. В феврале 1617 г. между Россией и Швецией был заключен (в Столбове) договор вечного мира, по которому Швеция возвращала России Великий Новгород с его областью, Россия же навсегда уступала Швеции южное побережье Финского залива и г. Карелу с уездом.

Борьба с Литовско-Польским государством продолжалась: в 1617 и 1618 гг. королевич Владислав предпринял большой поход на Москву, чтобы взять «свое Московское государство, от Бога нам данное и от всех вас крестным целованием утвержденное» (как он возвещал в своем воззвании к русскому населению). Однако он встретил мужественное сопротивление и был отражен от Москвы. В конце 1618 воюющими сторонами было заключено в с. Деулине перемирие на 14,5 лет, по которому Польско-Литовское государство удержало за собою Смоленскую и Чернигово-Северскую области.

В 1632 г., когда в Польше умер король Сигизмунд и наступило «безкоролевье», Москва начала войну с Польшей; русское войско потерпело неудачу под Смоленском, на выручку которого явился новоизбранный король Владислав, но и поляки не могли достичь решительного успеха. Наконец, на р. Поляновке было заключено «вечное докончание», по которому Польско-Литовское государство

удержало за собою Смоленскую и Чернигово-Северскую земли, но Владислав отказался, наконец, от притязаний на Московский престол и признал Михаила Федоровича московским царем (1634 г.).

Вскоре после заключения Поляновского мира явилась угроза большой войны с Турцией и крымскими татарами. В 1637 г. донские казаки смелым и внезапным нападением захватили сильную турецко-татарскую крепость Азов, в устьях Дона. В 1641 г., отразив нападение турецко-татарских войск и ожидая нового нашествия неприятелей, казаки послали посольство к царю Михаилу с просьбой принять Азов под высокую государеву руку и прислать для защиты его своих государевых воевод с ратными людьми и с запасами. Положение было трудное: Москве желательно было взять Азов, но пугала тяжелая и опасная война с Турцией и Крымом, и потому царь в 1642 г. созвал земский собор, которому был предложен трудный вопрос: «...и государю царю... за Азов с Турским и с Крымским царем разрывать ли, и Азов у донских казаков принимать ли?» Служилые люди ответили: «мы тебе, Государю, ради служить, покаместа, Государь, наша мочь сяжет», но указывали на свое тяжелое положение, а также на беспорядки и злоупотребления московской администрации, от которой подданным приходилось иногда хуже, чем от «турских и крымских бусурманов». «Торговые людшки» также жаловались на худые торги, тяжесть налогов и служб, конкуренцию иноземцев и злоупотребления воевод, от которых люди по городам «обнищали и оскудели до конца». Ознакомившись с ответами выборных людей, царь отказался от мысли взять Азов и приказал казакам его покинуть.

2. Царь Алексей Михайлович (1645—1676). Смуты в начале царствования. Соборное Уложение 1649 г. Медные деньги. Движение Разина. Царь Алексей вступил на престол шестнадцати лет. Главную роль в управлении государством стал играть при нем его воспитатель, боярин Б. И. Морозов. Его окружала кучка своекорыстных и самоуправных приказных дельцов, которые угнетали, притесняли и раздражали московское население. Наконец, летом 1648 г. в Москве вспыхнул большой бунт. Мятежная толпа, явившись к царю, требовала казни Морозова и ряда других чиновников; царь «отпросил» своего любимца от казни, и он был лишь сослан в Кириллов монастырь, но несколько его сотрудников москвичи «миром убили», «и

в те поры всякие люди пошли по всей Москве боярских дворов грабить и жечь».

В ряде членов, обращенных к царю, разные группы населения, жалуясь на произвол, насилия и злоупотребления приказной администрации, требовали, чтобы управление и суд в Московском государстве были поставлены на основу закона, обязательного для всех и известного всем (до тех пор издаваемые правительством законы не публиковались во всеобщее сведение и были известны только приказным дельцам, которые «манипулировали» с ними по своему усмотрению). На совещании царя с боярами и высшим духовенством было решено законы «написати и изложити, по его государеву указу, общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людем, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем ровна».

Для подготовки проекта нового законодательного кодекса была образована специальная комиссия, а затем для рассмотрения и утверждения составленного проекта был созван земский собор из выборных представителей от служилых и посадских (городских) людей.

Заседавший в 1648—1649 г. Уложенный собор рассмотрел и утвердил представленный ему проект кодекса, причем было добавлено несколько новых статей, составленных на основании членов, поданных выборными, и затем Уложение было скреплено подписями высшего духовенства (начиная от патриарха), бояр и выборных людей (всего 315 подписей), — «чтобы то все Уложение впредь былоочно и неподвижно». Новое уложение было напечатано в количестве 2000 экземпляров и разослано по всему государству.

По содержанию своих постановлений новый законодательный кодекс исполнял преимущественно пожелания средних классов общества — служилых и посадских людей. Церковные учреждения (епископские кафедры и монастыри) были лишены права приобретать новые вотчины. Подгородные слободы церковных учреждений и частных владельцев, населенные их «закладчиками» (т. е. людьми, вышедшиими из государственной зависимости в частную), велено было «взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно. А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быти». Члены посадских общин были прикреплены к посадам. Вотчинники и помещики получили право сыскывать иозвращать своих беглых крестьян «без урочных лет» (т. е.

бессрочно): крестьяне были прикреплены к своим владельцам навсегда — с женами, детьми, братьями, племянниками, внучатами.

Соборное Уложение 1649 г., с одной стороны, было шагом вперед, поскольку оно стремилось поставить суд и управление в государстве на прочное и «неподвижное» основание закона, но, с другой стороны, прикрепляя крестьян к владельцам, а посадских людей к тяглым посадским общинам, оно усиливало и закрепляло тот «тягловой» строй, который так тяжело давил на низшие слои населения. Да и злоупотребления приказных людей, конечно, не кончились с изданием Уложения.

В 1650 г. вспыхнули серьезные мятежи в Новгороде и Пскове. Новгородский мятеж утих сравнительно скоро, но псковичи заперлись в своем крепком городе и несколько месяцев оказывали сопротивление царскому войску, прежде чем согласились покориться.

Начавшаяся в 1654 г. война с Польшей за Малороссию принесла населению новые тяготы. Правительство, нуждаясь в деньгах для ведения войны, начало в 1656 г. чеканить медные деньги, но выпускать их по цене серебряных денег (обычных в Московском государстве). Через несколько лет усиленный выпуск медных денег повел к быстрому падению их стоимости. В результате началась страшная дороговизна, от которой жестоко страдали главным образом низшие слои московского населения. Летом 1662 г. в Москве произошел серьезный «медный бунт», и в 1663 г. медные деньги были отменены и изъяты из обращения.

Через несколько лет Московскому государству пришлось пережить еще более тяжелое потрясение. Тяжелое положение низших слоев населения вызвало усиленное бегство недовольных на Дон, куда вела «вольная сиротская дорога» и откуда «выдачи не было». Таким образом на Дону и его притоках, а также на нижней Волге и на Яике (так назывался тогда Урал) образовалось огромное количество беглых, часть которых образовала шайки «воровских казаков» и промышляла разбоями и грабежами по Волге (по которой шло тогда оживленное торговое движение). Старые донские «домовитые» казаки находились в постоянных сношениях с московским правительством и регулярно получали от него жалованье; они не могли и не хотели принять в свою среду всю массу «новоприходцев», «голутвенных» казаков, а иногда даже наказывали «воровских» казаков за их разбои своим войсковым судом.

Но в 1667 г. у «голутвенных» казаков явился смелый и предприимчивый вождь, донской казак Степан («Стенька») Разин. Образовав большую шайку «голытьбы», он в 1668—1669 г. совершил удачный набег на персидское побережье Каспийского моря, а вернувшись с добычею и славою из персидского похода он обратил свое оружие против Московского правительства. По его призыву «чернь» в поволжских городах поднималась против «лучших людей» и переходила на сторону батюшки Степана Тимофеевича, который обещал простому народу навсегда освободить его от власти бояр, воевод и помещиков и ввести вольное казацкое устройство, без всяких податей и повинностей. Разин взял Астрахань, Царицын, Саратов, Самару и ряд других городов; восставшие избивали царских воевод и приказных людей и вообще всех знатных и богатых, грабили их имущество и вводили у себя «казацкое устройство» с выборными властями. Мятеж захватил все нижнее и среднее Поволжье, города и сельские местности; одновременно мордва, чуваши и черемисы поднялись против русской власти.

Однако нестройные толпы восставших, кое-как вооруженные, не могли долго вести войну против «государевых ратных людей». Осенью 1670 г. войско Разина было наголову разбито царским войском под Симбирском; восстание быстро пошло на убыль и в 1671 г. было совершенно подавлено. После симбирского поражения Разин бежал на Дон, но был схвачен донскими казаками, выдан ими в Москву и там казнен.

3. *Западная Русь и Польша. Брестская церковная уния (1596 г.). Днепровское казачество. Богдан Хмельницкий. Борьба Москвы с Речью Посполитой за «Украину Малороссийскую».* В результате Люблинской унии 1569 г. (гл. 5, § 6) южная половина великого княжества Литовского — Киевская земля, Волынь, Подолье и Подляшье — была присоединена к короне Польской. В эти обширные и плодородные области устремилась польская шляхта, которая получила здесь от польского правительства земельные владения и доходные должности. Польская шляхта стремилась внести в новоприсоединенных областях крепостное право на крестьян, а католическое духовенство поставило своей целью присоединение православного населения к католической церкви. Как средство перехода от православия к католицизму была придумана церковная уния, при которой русская церковь сохранила бы право-

славные обряды и обычаи, но признала бы католические догматы и власть римского папы.

В 1596 г. в Бресте состоялся церковный собор, на котором киевский митрополит Михаил Рагоза и большинство западнорусских епископов (во главе с Кириллом Терлецким и Ипатием Поцеем) приняли решение о соединении церквей. Два епископа, часть духовенства и огромное количество приехавших на собор мирян отказались принять унию и образовали особый собор, обе стороны предали одна другую проклятию и вступили в ожесточенную борьбу. Польское правительство признало законным постановление униатского собора, король издал манифест о состоявшемся соединении церквей, и православие официально перестало существовать как признанная законом религия.

Начались прямые гонения на православие, закрытие православных церквей, изгнание священников и т. д. Лишенное покровительства законов и предоставленное самому себе, православное население начало борьбу за свою отеческую веру. Сначала православие защищали некоторые вельможи (как князь Константин Острожский), но значительное большинство православной знати довольно скоро приняло католицизм и ополячилось. Борцами за православие явились тогда православные церковные братства в городах (Киеве, Львове, Луцке и др.); при братствах строились типографии, школы, больницы, развивалась широкая церковно-просветительная и благотворительная деятельность.

Уничтожить православную церковь королевским декретом не удалось. Приехавший в 1620 г. в Западную Россию патриарх иерусалимский Феофан по просьбе православных поставил им во все епархии православных епископов, и таким образом в западнорусских областях образовалась параллельно двойная церковная иерархия — православная и униатская. Православный киевский митрополит Петр Могила (с 1632 до 1646 г.) основал в Киеве знаменитую школу. (Могилянскую академию), которая стала идейным центром западнорусского православия. Другим таким центром был древний Киево-Печерский монастырь.

Таким образом, в результате Люблинской и Брестской унии западнорусские области стали ареной борьбы национальной — борьбы русского населения против колонизации; религиозной — борьбы православия против католицизма и социальной — борьбы широкой массы русского крестьянства против угнетения его польской шляхтой.

Решающим фактором в этой борьбе выступает в XVII в. днепровское казачество. Как из Московской Руси «вольная сиротская дорога» вела на Дон, так из Руси, подвластной Польше, такая дорога вела в широкие степи нижнего Поднепровья. Сюда стекались для привольной жизни вдали от польских панов и их арендаторов толпы смелых и предприимчивых людей, казаков, которые устроили себе укрепленное убежище на островах нижнего Днепра, за Днепровскими порогами (знаменитая Запорожская сечь). Там жили они свободным военным братством, выбирая своих атаманов (с «кошевым атаманом» во главе) и есаулов и промышляли охотой, рыбной ловлей да военными набегами на турок и татар. Рост религиозного, национального и социального гнета на Украине в XVII в. превратил казаков в передовых борцов за веру и народность, за свободу и социальное равенство. Запорожье стало главным очагом протesta и борьбы; с конца XVI в. начинается почти непрерывный ряд казацких восстаний против Польши. Польское правительство пытается организовать украинское казачество и привлечь его на свою службу. В Киевской области образуется войско «реестровых» (т. е. внесенных в списки) казаков, которые, однако, в случае прихода мятежных запорожцев почти всегда переходили на их сторону и обращали свое оружие против поляков.

Ряд казацких восстаний, жестоко подавленных польским правительством, завершился в 1648 г. успешным восстанием под предводительством знаменитого гетмана Богдана Хмельницкого. Призвав к себе на помощь большой отряд крымских татар Хмельницкий с запорожцами дважды разбил польские войска (у Желтых Вод и у Корсуня); он призвал народ к восстанию против угнетателей, и восстание запылало по всей Киевщине, Волыни и Подолии, а потом перекинулось и на левый берег Днепра³⁵.

В том же 1648 г. польский король Владислав умер, и королем был избран его брат Ян-Казимир. В 1649 г. новый король выступил с войском против мятежных казаков; на помощь Хмельницкому пришел крымский хан с большим войском; союзное казацко-татарское войско окружило поляков под Зборовом и принудило Яна-Казимира заключить

³⁵ В своих «универсалах» Хмельницкий именует себя «гетманом славного войска Запорожского и всее по обеим сторонам Днепра сущей Украины Малороссийской», описывает притеснения и насилия, испытанные народом от поляков, и призывает «вас всех малороссиян, братию нашу, до компании военной» (Акты Зап. Росс., т. V, № 23).

мир на следующих условиях: число реестрового казацкого войска составляет 40 тыс.; Чигирин с округом поступает во владение гетмана; в местах жительства казаков (в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском) не будет польских гарнизонов, иезуитов и евреев; на все должности в названных воеводствах будут назначаться только православные; православный киевский митрополит будет заседать в польском сенате.

Однако условия Зборовского договора оказались неисполнимыми для обеих сторон. Польская шляхта не хотела примириться с уступками мятежным «хлопам», а Хмельницкий не мог снова загнать в панскую неволю множество крестьян, которые, примкнув к восстанию, перешли в казаки и число которых далеко превышало 40 тысяч.

В 1651 г. война возобновилась, и войска противников сошлись при Берестечке (на Волыни); вследствие измены и внезапного бегства крымского хана с татарами казаки потерпели страшное поражение. Хмельницкий должен был согласиться на невыгодный мирный договор (под Белой Церковью). Число реестровых казаков сокращалось до 20 тысяч; шляхта вступала во владение своими имениями, и евреи по-прежнему могли быть их арендаторами; гетман должен был состоять под властью коронного гетмана и не имел права внешних сношений.

Понятно, что условия Белоцерковского договора вызвали всеобщее недовольство западнорусского населения. Значительная часть казаков и крестьян, не желая возвращаться в панскую неволю, толпами уходила в Московскую Украину и заселяла область верховьев Донца и Оскола, где поселенцы основали много больших слобод, из которых потом возникли города Харьков, Сумы, Изюм, Лебедин, Ахтырка, Острогожск и др. (так называемая Слободская Украина).

Хмельницкий увидел, что освобождение Украины собственными силами или при помощи такого ненадежного и вероломного союзника, каким оказался крымский хан, невозможно, и потому он обратился к московскому царю с настойчивыми просьбами принять войско запорожское и всю Украину Малороссийскую под высокую царскую руку (угрожая в противном случае поддаться турецкому султану). Москва долго выжидала и колебалась, но, наконец, решилась. Созванный осенью 1653 г. в Москве земский собор постановил, что гетмана Богдана Хмельницкого надлежит принять под государскую высокую руку «для пра-

вославные христианские веры», которая терпит гонения от поляков. Царские послы (во главе с боярином Бутурлиным) отправились к гетману, и 8 января 1654 г. знаменитая Переяславская рада по предложению гетмана постановила принять подданство «царя восточного православного» и принести ему присягу в верности, после чего боярин Бутурлин, от имени царя, утвердил гетмана в его достоинстве, вручив ему знамя и булаву. В марте 1654 г. послы Хмельницкого приехали в Москву и после переговоров с Московским правительством получили от царя жалованную грамоту; в ней подтверждались права и вольности казаков и всех жителей Украины, которой представлялось широкое самоуправление; гетман имел даже право внешних сношений и только с польским королем и с турецким султаном не мог ссыльаться «без указа Царского Величества». Областное управление и суд находилось в руках выборной казацкой старшины, с гетманом во главе, в городах сохранялись учреждения магдебургского права; число «списковых казаков» должно было составлять 60 000, разделенных на территориальные полки³⁶.

Начав в 1654 году войну, московские войска взяли Смоленск заняли всю Белоруссию (с городами Могилевом, Витебском, Минском) и затем территорию собственно Литвы, включая столицу государства, Вильну. После этих завоеваний царь Алексей Михайлович принял титул: «всех Великия и Малыя и Белыя России самодержец». Хмельницкий взял Люблин и ряд городов на Волыни и в Галиции.

В это критическое для Польши время шведский король Карл X Густав с другой стороны напал на Польшу и овладел почти всей коренной польской территорией, включая Варшаву и Краков. Король Ян-Казимир бежал в Силезию, и Польша была на краю гибели. Ее спасло военное столкновение Москвы и Швеции. Недовольный вмешательством Швеции царь Алексей начал с ней войну, а с Польшей было заключено перемирие, которое между прочим предусматривало, что по смерти короля Яна-Казимира царь Алексей будет избран королем Польским.

Однако скоро дела приняли неблагоприятный для Москвы оборот. Еще раньше, в 1654—1655 гг., страна была опустошена страшной эпидемией «моровой язвы». Война со Швецией пошла неудачно; в 1658 г. она была

³⁶ Гетман обязывался государю и его наследникам «служити и прымити, и всякого добра хотети, ...и во всем быти в нашей государской воле и послушанье навеки» (Полн. Собр. Законов, т I, № 119).

закончена перемирием, а в 1661 г. был заключен (в Кардисе) договор о «вечном мире» на условиях *status quo*.

В то же время испортились отношения с казаками. Возбуждал споры вопрос о допущении в Киев и другие города Украины постоянных московских гарнизонов; казацкие полковники не ладили с московскими воеводами, а гетман Хмельницкий вел секретные переговоры со шведским королем и с трансильванским князем Ракоци, подыскивая себе других союзников и иную «протекцию»...

В 1657 г. Хмельницкий умер, и казацкая рада выбрала гетманом Ивана Выговского (шляхтича по происхождению). Часть казацкой «старшины» (гетман с его штабом, полковники, сотники, есаулы и др.), которая заменила изгнанную с Украины польскую шляхту и завладела ее имениями, была бы не прочь освободиться от московской власти и снова примкнуть к Польше на условиях широкой политической автономии и сохранения своих социальных привилегий. Вождем этого течения и явился гетман «Выговский». В 1658 г. он заключил секретный договор с поляками, а в 1659 г. он в союзе с татарским ханом напал под Конотопом на царское войско и нанес ему тяжелое поражение. Однако казацкие полки на левом берегу Днепра и значительная часть правобережных полков не пошли за Выговским. Осенью 1659 г. Выговский вынужден был отказаться от гетманства, и гетманом был избран молодой Юрий Хмельницкий, сын Богдана. Он снова заключил с Москвой договор о подданстве с добавлением некоторых новых статей, усиливавших власть московского правительства на Украине; в частности, у гетмана было отнято право внешних сношений³⁷.

Война Москвы с Польшей возобновилась и шла с переменным успехом; московские войска не раз терпели поражения, но вытеснить их с Украины полякам не удалось. Казацкие гетманы по-прежнему колебались между обеими воюющими сторонами. В 1660 г. и Юрий Хмельницкий изменил Москве и присягнул польскому королю, но Запорожье и левобережная сторона не пошли за ним.

³⁷ «Гетману послов и посланников и гонцов... ни из которых государств к себе не принимать и от себя не посыпать». «Гетману ж быти верну и навеки неотступну и ни на какие ляцкие (т. е. польские) прелести не прельщаться». «Гетману с войском быть готову на царскую службу, а без государева указу на войну никуда не ходить». В Киеве, в Переяславле, в Нежине, в Чернигове, в Браславле, в Умани быть царским воеводам и ратным людям для обороны от неприятелей, «а тем воеводам в войсковые права и вольности не вступаться» (Полн. Собр. Зак., т. I, № 262).

Здесь после долгих смут и междуусобий гетманом был избран сторонник Москвы, запорожский кошевой атаман Брюховецкий³⁸. Хмельницкий в 1662 г. отказался от гетманства, и с тех пор казаки на восточной и на западной сторонах Днепра обыкновенно выбирали себе особых гетманов.

Гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко решил податься турецкому султану, чтобы с его помощью вытеснить из Украины и Москву и поляков. Почти вся 2-я половина XVII в. была для Украины тяжелым временем «руины» (разорения); несчастная страна опустошалась пришлыми войсками — польскими, литовскими, московскими, татарскими и, наконец, турецкими³⁹ — и раздиралась непрерывной междуусобной борьбой казацких вождей...

Россия и Польша, истощив свои силы тяжелой 13-летней войной, наконец заключили в 1667 г. (в Андрушове, недалеко от Смоленска) перемирие на 13,5 лет. Согласно Андрушовскому договору, России отказывалась от Белоруссии, но удержала за собой Смоленскую область и всю Левобережную Украину; на правом берегу Днепра она сохраняла за собой лишь Киев с окрестностями, но обязалась возвратить его Польше через 2 года (это обязательство не было исполнено); о запорожских казаках было постановлено, что они «имеют быть в послушании под оборою и под высокою рукою обоих великих государей» — царя Московского и короля Польского.

4. Патриарх Никон. Исправление богослужебных книг и обрядов. Церковный раскол. Протопоп Аввакум. Патриарх Никон происходил из крестьян Нижегородского края⁴⁰; в 1646 г., будучи игуменом одного из северных монастырей, он приехал в Москву, где встретился с Алек-

³⁸ В 1667 г. гетман Брюховецкий также изменил Москве и в 1668 г. был убит в казацком междуусобии. В 1669 г. восточная сторона выбрала гетманом Демьяна-Многогрешного; однако вскоре он был обвинен в измене и сослан в Сибирь, а гетманом был избран Иван Самойлович (в 1672 г.).

³⁹ В 1672 г. огромное турецкое войско явилось на Украину и взяло сильную крепость Каменец. Поляки были вынуждены заключить с турками мир (под Бучачем, в Галиции), по которому они уступали туркам Подолию и юго-западную часть Украины.

⁴⁰ В средневековой Германии или Франции епископские кафедры занимались почти исключительно представителями высшей аристократии. В России нижегородский мужик мог стать «великим государем, святым патриархом» и соправителем царя.

сёём Михайловичем и произвел на благочестивого молодого царя сильнейшее впечатление своей величественной наружностью, красноречием и славой подвижника; царь настоял на том, чтобы Никон перешел в Москву, где он был поставлен архимандритом Новоспасского монастыря. Он часто виделся и говорил с царем, который все больше и больше привязывался к своему наставнику и «собинному другу». В 1648 г. Никон стал митрополитом Новгородским, а в 1652 г., по смерти патриарха Иосифа, Никон, по желанию и по усиленной просьбе царя, стал патриархом Московским и всея России. Царь питал к нему искреннюю симпатию, глубочайшее уважение и беспредельное доверие; он почтил Никона титулом «великого государя», а уезжая на войну с речью Посполитой (1654 г.), он поручил патриарху все управление государством и попечение над царской семьей. Никон вел дело государственного управления твердо и властно рукой, но своим крутым и резким характером и своим властолюбием он возбудил недовольство и духовенства и бояр; последние скрепя сердце повиновались власти и приказаниям бывшего нижегородского мужика и по возвращении царя из похода всячески старались очернить Никона в глазах царя. Но прежде чем дело дошло до конфликта между царем и патриархом, Никон успел осуществить свою знаменитую церковную реформу, которая повела к расколу в русской церкви.

До появления книгопечатания церковные книги переписывались от руки; и в них вкрались некоторые ошибки и описки; в церковных обрядах также явились некоторые отклонения от греческих обрядов и текстов. Приезжавшие на Русь греческие архиереи и монахи обращали внимание русской высшей иерархии на эти отклонения, и потому уже до Никона (при патриархах Филарете и Иосифе) делались попытки исправления церковных книг и обрядов, но эти попытки остались безуспешными. Никон взялся за дело проведения церковной реформы со свойственной ему энергией, но также со свойственными ему крутостью и нетерпимостью. Он поручил исправление церковных книг приезжим грекам и киевским ученым монахам, чем вызвал недовольство московских патриотов и церковных консерваторов. Церковный собор 1654 г. одобрил предложенные греками и киевлянами исправления, и патриарх повелительно и торопливо начал проводить их в жизнь, налагая суровые кары на непослушных. Это усилило и озлобило национально-церковную оппозицию, во главе которой стал

знаменитый борец за «старое благочестие» протопоп Аввакум⁴¹.

Взаимное ожесточение в религиозной борьбе дошло до того, что знаменитый Соловецкий монастырь на Белом море не только отказался принять «еретические» никонианские книги, но решил оказать открытое — вооруженное — сопротивление церковной и гражданской власти. Соловецкие монахи в ответ на царское требование подчиниться дерзко писали царю: «Вели, государь, на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие». В 1668 г. началась вооруженная борьба соловецких монахов с царскими стрельцами, которая продолжалась с перерывами около восьми лет и лишь в 1676 г. закончилась взятием монастыря и наказанием «церковных мятежников». Наиболее активные вожди раскола были сожжены,

---

⁴¹ Во главе ревнителей старого благочестия Аввакум вел жестокую борьбу с Никоном носатым и брюхатым, с борзым кобелем, отступником и еретиком, предчетей Антихриста, как он «честил» патриарха в своих писаниях. Он был сослан на 10 лет в Сибирь и по возвращении оттуда возобновил свою борьбу с «никонианством». Затем он был расстряжен и сослан в Пустозерск, откуда продолжал своими посланиями обличать «никонианскую ересь»; в 1681 г. он был сожжен на костре с несколькими своими единомышленниками. В своих поучениях и посланиях и в своем «Житии» Аввакум излагает и защищает идеальные основы старообрядчества. Он ярко формулирует принцип церковного консерватизма: «Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веков». До появления Никона именно наша Россия была центром и хранительницей истинного православия: «российский народ — последнее, оставшее, на земл себя Аврааме, то есть Новый Израиль». Рим и поляки давно отпали от правой веры, у греков «православие пестро стало от насилия турского Магмета», и потому не нам у греков, а им у нас надо учиться правой вере, — «до Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна», а Никон «святую церковь разодра и разврати и сим расколом всю святорусскую землю возмутi». — Конкретно, нововведения Никона не были такой церковной революцией и полным ниспревержением старого благочестия, какими они представлялись Аввакуму и его единомышленникам; это были: троеперстное (а не двуперстное, как раньше) сложение руки для крестного знамения; тройная (а не сугубная) «аллилуйя»; совершение литургии на пяти (а не на семи) просфорах; хождение при освящении церквей и при крещении против солнца, (а не «посолонь»); исключение из Символа веры и из некоторых молитв слов, которых не было в греческих подлинниках; наконец, слишком «плотский», по мнению старообрядцев, стиль иконописания: «пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые... и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не написано» (Аввакум).

наиболее фанатичные «староверы сами сжигали себя, чтобы не отдаваться в руки «никониан», и это жестокое церковное междуусобие, конечно, значительно подорвало внутреннюю силу, духовный авторитет и идейное влияние православной церкви и ее иерархии, прибегшей для борьбы с «ересью» к помощи светского меча.

Патриарх Никон начал, но не закончил сам свою церковную реформу. Его недоброжелателям-боярам удалось испортить отношения царя и патриарха настолько, что царь явно начал избегать встреч со своим бывшим наставником и другом. В 1658 г. раздраженный патриарх внезапно покинул Москву и удалился в Воскресенский монастырь (в 40 верстах от Москвы), написав царю: «отхожу ради твоего гнева»... Покинув Москву, Никон, однако, не отказался от патриаршества, и таким образом русская церковь в тяжелые времена внешних войн и внутреннего раскола оказалась без своего главы. Это ненормальное и тягостное для всех положение продолжалось до 1666 г. В этом году в Москве состоялся великий церковный собор с участием двух восточных патриархов (Паисия Александрийского и Макария Антиохийского) и нескольких греческих епископов. Собор, выслушав жалобы царя на патриарха Никона и объяснения последнего, признал Никона виновным в том, что он «вверенную ему паству самовольно оставил без всякого понуждения и нужды» и тем внес смуту и расстройство в церковную жизнь, и потому собор лишил его патриаршего сана, «изрекше ему отныне вменяться и нарицаться простым монахом Никоном». В качестве «простого монаха» бывший «великий государь, святейший патриарх» был сослан на житье в Ферапонтов Белозерский монастырь...

Церковные исправления, произведенные Никоном, собор одобрил так же, как одобрил церковное отлучение «еретиков и раскольников» и наказание их гражданскою властью.

5. *Донское казачество и Московское государство.* Вольная община донских казаков образовалась в первой половине XVI в. В это время казаки заняли среднее и нижнее течение Дона своими «городками» и «зимовщиками» и создали правильную военную организацию с войсковой столицей в Раздорах (с 1644 г. столицей Донского войска был Черкасск). В течение XVI и XVII в. донцы вели постоянную упорную борьбу с турками, татарами, ногайцами и калмыками (и тем прикрывали юго-восточные границы России). Отражая их нападения, казаки, со своей стороны, на своих легких стругах производили опустоши-

тельные набеги на берега Крыма и Малой Азии, а иногда даже на европейское побережье Турции. Особенно героической была борьба казаков с турками за обладание сильной крепостью Азовом, которая загораживала казакам свободное плавание из Дона в Азовское море. В 1637 г. донцы (с пришедшими к ним 4 тыс. запорожцев) внезапным штурмом взяли грозную турецко-татарскую крепость с 300 пушками (тогда как у казаков почти не было артиллерии). В 1641 г. небольшой гарнизон Азова (под командой атаманов Осипа Петрова и Наума Васильева) выдержал четырехмесячную осаду и отразил ряд приступов огромной турецко-татарской рати, которая вынуждена была отступить от Азова, понеся тяжелые потери. Казаки, со своей стороны, были значительно ослаблены неравной борьбой и просили помохи Москвы; но Москва не решилась на войну с Турцией, и казаки вынуждены были оставить Азов. Борьба казаков с их южными мусульманскими соседями продолжалась до самого конца XVII в. В 1696 г. при взятии Азова. Петром I весьма существенную помоху Петру оказали донские казаки под начальством атамана Фрола Минаева.

Верховным органом управления на Дону был войсковой Круг, который собирался обычно в столице Войска. Круг выбирал (и сменял) войскового атамана и других должностных лиц войскового управления; решал вопрос о приеме в казаки; распределял царское жалованье; судил все преступления против Войска и все тяжелые преступления вообще; при основании новых городков Круг выдавал им «зимные грамоты» на определенное пространство земли, а в случае споров между городками из-за земельных угодий Круг разбирал тяжбы и выдавал «разводные грамоты». Круг вел дело внешних сношений как с Москвою, куда он регулярно посыпал свои посольства («станицы»), так и с иными государствами и народами: с Крымом, с Запорожьем, с Азовом, с ногайцами, с калмыками. Круг же решал — идти походом на извечных своих неприятелей — турок, азовцев, крымцев или «замириться» с ними «по войсковому обычью».

Внутри казачьей общины в течение первого столетия ее существования не было социальных различий. Казаки были все между собой равны в правах, каждый мог сдаться выборным атаманом или есаулом, если заслуживал этого, по сдаче же должности снова становился рядовым казаком. Когда Москва, привыкшая к различию общественных разрядов, потребовала в 1638 г., чтобы донцы прислали к царю «лучших атаманов и казаков», то казаки

ответили царскому послу, что «лучших де людей у них на Дону нет, все они меж себя ровны».

Однако во 2-й половине XVII в. это старое общественное равенство на Дону стало нарушаться. Не все жители Дона принадлежали к казачьему обществу. Некоторые новопришлые люди работали на Дону в качестве «бурлаков», или «работных людей»; был еще и (немногочисленный) разряд вовсе бесправных людей — рабов; это были пленники и пленницы («ясырь»), которых казаки держали для домашних услуг и работ.

Наконец, и в среде самого казачества в течение второй половины XVII в. происходит общественное расслоение. Старые донские казаки (и в особенности их старшины) становятся оседлыми, «домовитыми», заводят многочисленные табуны коней и стада скота и пользуются трудом пленных и «бурлаков». «Новоприходцы», бежавшие на Дон от государственного «тягla» или крепостной неволи, находят здесь убежище (ибо «с Дону выдачи нет»), но не сливаются вполне со старыми домовитыми казаками, образуя массу неимущего «голутвенного» казачества, или «голытьбы», населявшей главным образом «верховые» городки, т. е. расположенные по верховьям Дона.

Сношения войска Донского «низового» с Москвой в XVII в. становятся постоянными и регулярными. Войско посыпает в Москву свои станицы, а Москва регулярно посыпает казакам свое жалованье: деньги, хлеб, вино, сукно, холст (на паруса), железо, смолу, наконец, боевые припасы — порох, свинец, пушечные ядра. Московское жалованье хлебом и боевыми припасами имело весьма важное значение в жизни Дона; до конца XVII в. на Дону не было своего хлебопашства, и оно было прямо запрещено войсковыми постановлениями в тех видах, чтобы казаки не омужичились и «дабы воинским промыслам помешки не было». Относительно боевых припасов Войско писало царю Михаилу перед походом на Азов (1636 г.): «...а свинцу, государь, и зелья (пороху) и ядер железных пушечных не стало у нас холопей твоих, а делать, государь, ядра у нас на Дону некому и не в чем, железа, государь, нет... а взять негде, кроме твоей государской милости»⁴².

Но служа московским государям («с воды да с травы», как выражались казаки), донцы не хотят приносить мос-

⁴² Конечно, «окромя государской милости» донцы добывали себе хлеб торговлей, а боевые припасы войной, но иногда эти источники оказывались недостаточными.

ковскому царю верноподданнической присяги, которая связывала бы их свободу. В 1632 г. они решительно отказываются исполнить требование московского посла о принесении присяги, говоря, что «крестного целованья» на Дону «не повелось» и что «прибывших государев старые атаманы и казаки им непременно (т. е. неизменно) служивали не за крестным целованием». Лишь в 1671 г., после подавления Разинского бунта, Москве удалось принудить донцов принять присягу в том, что они не будут сноситься с царскими недругами или принимать их к себе, а в 1676 г., при воцарении Федора Алексеевича, донские казаки впервые принесли общую для всех подданных присягу на верность царю, которую и повторяли потом при восшествии на престол каждого нового государя⁴³.

6. *Колонизация Сибири русским народом.* Еще в новгородскую эпоху новгородские удальцы совершали смелые походы «за Камень», т. е. за Уральский горный хребет, но прочное и систематическое продвижение русских в Сибирь началось только знаменитым походом в Сибирь казацкого атамана Ермака Тимофеевича в 1581—1582 гг. Московское правительство, заинтересованное в удержании и расширении сибирских владений, посыпало в Сибирь своих воевод с ратными людьми и с приказом строить укрепленные города, «остроги» и «острожки», служившие опорными пунктами для русских колонизаторов.

Далеко впереди московских служилых людей шли партии смелых казаков со своими атаманами и ватаги предпримчивых «промышленников», которых привлекали меховые («пушные») богатства Сибири. Казаки шли в Сибирь

⁴³ Интересные сведения о донских казаках сообщает современник царя Алексея Михайловича Гр. Котошихин: «А будет их казаков на Дону с 20 000 человек, учинены для оберегания Понизовых городов от приходу турских, и нагайских людей, и калмыков. А люди они породою Москвики и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки»... Многие из них — беглые люди из Московского государства, но даже если бы они перед побегом на Дон совершили какое-нибудь преступление, «и быв на Дону хотя одну неделю или месяц, ... и до них вперед дела никакого ни в чем не бывает никому, потому что Доном от всяких бед свобождаютца. И дана им на Дону жить воля своя, и начальник людей меж себя атаманов в иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу... А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземным нарочитым людям; а ежели бы им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учили, и только б не они Донские казаки, не укрепились бы и не были б в подданстве давно за Московским царем Казанское и Астраханское царства, з городами и з землями, во владельстве»...

ради добычи и ради привольного житья в сибирских просторах, изобиловавших всеми естественными богатствами. «Приискивая» все новые и новые «землицы», казаки приводили их жителей «под высокую государеву руку» и заставляли их платить «ясак» (подать мехами). При своем продвижении на восток и на север казаки и промышленники должны были выдерживать тяжелую борьбу с суровою сибирскою природою и временами терпели жестокий голод и холод; они должны были также вести вооруженную борьбу с местным населением — татарами (в Зап. Сибири), тунгусами, якутами, юкагирами, чукчами, — и немало русских пришельцев погибло в этой двойной борьбе.

В конце XVI и начале XVII вв. русские прочно утвердились на берегах Оби и Иртыша, а в 20-х гг. XVII в. утвердились уже в области Енисея. В это время в Западной Сибири возникает целый ряд русских городов: Тюмень, Тобольск (главный город русской Сибири), Пелым, Березов, Верхотурье, Сургут, Тара, Нарым, Мангазея, Туруханск, Томск (осн. в 1604 г.), Кузнецк, Енисейск, Красноярск (осн. в 1628 г.) и др. От линии Енисея, по Тунгускам, происходит быстрое продвижение к р. Лене: в 1632 г. построен Якутский острог (на р. Лене), служивший потом опорным пунктом для дальнейшего продвижения на север и восток.

В 30-х и 40-х гг. XVII в. русские доходят до Байкальского озера и затем переходят в Забайкалье; вокруг Байкала возникает ряд русских острогов и городов: Иркутск (осн. в 1652), Верхоленск, Баргузин, Нижнеудинск, Верхнеудинск, Верхнеангарск, Селенгинск.

От среднего течения Лены движение шло по трем направлениям: прямо к востоку — до побережья Охотского моря, где в 1648 г. был основан Охотск; на северо-восток, к устью реки Колымы и в область реки Анадырь⁴⁴; в это же время неутомимые и отважные русские «землепроходцы» нашли и третий — южный — путь к Тихому океану — по великой реке Амур; в 1643 г. Василий Поярков, посланный якутским воеводой с отрядом в 133 чел. казаков и промышленников, проплыл до устья Амура и, возвратясь в Якутск,

⁴⁴ К 1648—1649 гг. относится знаменитое плавание служилого казака Семена Дежнева, который на своем легком «коче» (с 25-ю казаками) вышел из устья реки Колымы в Северный Ледовитый океан и после долгого и бурного плавания, во время которого несколько «кочей» с казаками погибло, обогнул северо-восточную оконечность Азии и был вынесен к берегу близ реки Анадырь. Одновременно с Дежневым русские проникли на р. Анадырь и сухим путем.

представил донесение о богатствах Приамурской земли и о желательности ее приобретения: «...в том государю будет многая прибыль, потому что те землицы людны и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет... В 1650 г. пошел на Амур с отрядом казаков и охочих людей старый опытный землеискатель Ерофей Хабаров; он скоро возвратился в Россию, а оставленным на Амуре казакам пришлось выдерживать неравную борьбу с далеко превосходящим их силы маньчжурско-китайским войском; в качестве базы для походов на Амур в 1658 г. был построен г. Нерчинск на р. Шилке; однако трудность удерживать столь отдаленный край незначительными силами наставила Московское правительство по договору, заключенному с Китаем в Нерчинске в 1689 г., отказаться от Амурского края.

Русское колонизационное движение в Сибири происходило с необычайной быстротой: в течение первой половины XVII в. русские колонизаторы прошли огромное расстояние от Уральских гор до берегов Тихого океана! Этот исключительный успех был достигнут соединенными усилиями народа и правительства, которое весьма интересовалось сибирскими владениями, доставлявшими ему богатую «соболиную казну». Впереди колонизационного движения шли легкие отряды «землеискателей» — казаков и промышленников; за ними тяжелой поступью шли московские воеводы с государственными ратными людьми, с обозами и с «нарядом» (артиллерией); они строили города, остроги и острожки, служившие опорными пунктами русской колонизации; а за ними шла третья волна, точнее широкий поток крестьянской земледельческой колонизации: на свежие и плодородные земли Западной Сибири пошли русские «пашенные люди» с семьями и с хозяйственными пожитками, и под защитой городов и «острогов» здесь стали быстро расти крестьянские поселения. В первое время правительство снабжало служилых людей в Сибири привозным хлебом, который собирался в восточных областях Европейской России как особый натуральный налог (так называемый «сибирский хлеб»). Стремясь к развитию земледелия в самой Сибири, правительство приглашало крестьян к переселению в Сибирь и обещало им подмогу от казны и податные льготы, а также смотрело (в первое время) сквозь пальцы, когда в Сибирь уходили и крепостные крестьяне, потерявшие право перехода. К концу XVII в. сибирское земледелие стало производить уже достаточно хлеба для прокормления местного населения. В 1683 г.

по царскому указу сбор «сибирского хлеба» в Европейской России был отменен, так как, по словам указа, «ныне хлеба в сибирских городех пашут, и хлеб в Сибири родится многой».

7. Культурный перелом и необходимость реформ. Царь Федор Алексеевич (1676-1682 г.). XVII век был для Москвы временем кризиса и шатания всех традиционных устоев, всего привычного строя жизни и национального сознания. Смута в начале столетия была тяжелым потрясением социально-политического строя. В церковном расколе проявился столь же тяжелый кризис церковного и национального сознания. Москва, единственное православное царство и хранительница истинного благочестия, «третий Рим», богоизбранный «новый Израиль», — вдруг сознавалась в своих заблуждениях, в своем невежестве и неразумии и призывала к себе церковных учителей со стороны — греков и западнорусских монахов. Церковный собор 1666 г. постановляет, что московская старина была полна ошибок и погрешностей и что на Стоглавом соборе 1550 г. митрополит Макарий и бывшие с ним «мудрствовали невежеством своим безрассудно». Конечно, старые церковные учителя восстают против церковной реформы, против еретической «латинской» новизны, которую принесли к нам греки и киевляне, но новизна — при поддержке светской власти — торжествует победу.

С другой стороны, военные столкновения с Западом обнаруживают полную несостоятельность военно-технического строя Московского государства. Уже при Михаиле Федоровиче московское правительство видит себя вынужденным нанимать иностранных офицеров для обучения русских ратных людей иноземному строю и для организации — на время войны — полков солдатских, драгунских и рейтарских.

Для усиления технических средств государства приглашаются иностранные предприниматели (Виниус, Марселис) для устройства оружейного завода близ Тулы и железноделательных заводов на р. Ваге, Костроме, Шексне. В Москву на службу и для торговли толпами едут иноземцы — офицеры, купцы, техники, ремесленники, доктора, аптекари и т. д. Духовенство, испуганное наплывом иноверных пришельцев, протестует против их поселения среди русских, опасаясь религиозных соблазнов, но правительство не может отказаться от их услуг. Находится компромиссное решение: приезжим иноземцам запрещается селиться в самой Москве, но для их поселения отводится место на р. Яузе, под Москвой, и здесь в середине XVII в. возникает обширная Немецкая

слобода, уголок Западной Европы в самом сердце Московии. «Немцы» живут здесь в обстановке европейского комфорта и европейских обычаев и развлечений, привлекая любопытные взоры москвичей и вызывая стремление к подражанию.

Целый ряд сотрудников царя Алексея (Ртищев, Ордин-Нащокин, Матвеев) проявляют интерес к Западу и говорят о необходимости сближения с ним. Матвеев, в доме которого воспитывалась вторая жена царя Алексея, Наталия Нарышкина, устроил весь свой дом на «немецкий манер» и развлекал царя «заморскими» новинками и театральными представлениями. «Немецкие» моды и «манеры» стали входить в обычай среди москвичей — до такой степени, что это испугало благочестивого московского царя, и незадолго до своей смерти он издал особый указ (в августе 1675 г.), запрещающий носить платье и прически по иноземному обычаю; и велено было сказать государеву указ служилым людям, «чтоб они иноземских немецких и иных изычаев не перенимали» (П. С. З., т. 1, № 607).

По смерти царя Алексея на престол вступил его юный сын Федор (1676 — 1682), воспитанник западнорусского ученого монаха и писателя Симеона Полоцкого. При Федоре Алексеевиче в Москве сильно сказывалось польское культурное влияние и даже царский синклит, по выражению современника, польского языка «не гнулся», читал «книги и историю ляцкие в сладость».

При Федоре было подготовлено в Москве открытие высшей богословской школы (Славяно-греко-латинской академии), а из государственных мероприятий наиболее замечательным было уничтожение «богоненавистного, враждотворного и братоненавистного местничества» (в январе 1682 г.).⁴⁵

⁴⁵ Местничеством называлось расположение высшей служебной аристократии по некоторой иерархической лестнице соответственно «отечеству», т. е. знатности происхождения. Высшая знать, собравшаяся в Москве из разных областей русской земли, разместилась на этой лестнице таким образом, что потомки бывших областных великих князей стояли выше потомков удельных князей, потомки последних стояли выше простых бояр, старые московские велиокняжеские бояре считались выше удельных бояр. При назначении на высшие должности по военному и гражданскому управлению государь должен был считаться с происхождением назначаемых и не мог назначить «худородного» начальником над «великородным». Назначения записывались в «разрядные» книги и служили потом прецедентами для будущих назначений членов «родословных» фамилий. Если назначаемый считал предлагаемое ему назначение недостаточно почетным для своего рода, он был челом царю, что ему «невместно» быть «меньше» (ниже) такого-то, тогда царь с боярами должен был разбирать спор. Местничество, стесняя царя в праве выбора высших должностных лиц, вносило в то же время соперничество, зависть, споры и ссоры в среду боярства.

Глава IX

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI—XVII вв.

1. *Царская власть.* «Московское государство — это вооруженная Великороссия» (Ключевский); окруженное со всех сторон врагами, оно вело тяжелую борьбу на три фронта — восточный, южный и западный. Борьба эта шла почти без перерывов, а в «перемирии годы» государство все же должно было находиться в состоянии полной боевой готовности. Понятно поэтому, что главной задачей московского правительства была организация вооруженных сил страны. Указанная военно-политическая обстановка требовала сильной центральной власти во главе государства. Носителем этой власти и был московский царь⁴⁶. В его руках сосредоточена вся полнота верховной государственной власти, законодательной, исполнительной и судебной. Все правительственные действия органов власти совершаются от имени царя и по царскому указу⁴⁷.

⁴⁶ Мы говорили (гл. 4, § 7) о происхождении власти московского государя и об идеальных основах этой власти. Если духовенство и «книжники» облекали эту власть в пышные идеологические одежды, то средние московские люди ясно видели и сознавали ее практическую необходимость для жизни государства; в Смутное время, когда не стало законного и общепризнанного царя в Русской земле, земские люди поднялись и организовались для восстановления царской власти; весною 1612 г. второе земское ополчение рассыпало из Ярославля по городам грамоты, в которых говорило о необходимости «выбрать общим советом государя, чтоб до конца не разорился. Сами, господа, все ведаете: как нам ныне без государя против общих врагов... стояти?»

⁴⁷ В 1677 г. русский резидент в Польше Тяпкин писал в Москву, жалуясь на польские порядки, что здесь не знаешь, у кого добиться решения дела, ибо тут «что жбан, то пан», и что польские паны «не боятся и самого Создателя, не только избранного государя своего»; «не такие тут порядки, что в государстве Московском, где как пресветлое солнце в небеси единий монарх и государь просвещается, и своим государским повелением, яко солнечными лучами, всюду един сияет, единого слушаем, единого боимся, единому служим все»...

Власть московского государя была формально неограниченной, но лишь в руках Ивана Грозного и лишь в период опричнины власть эта превращалась в дикий и необузданный произвол. Вообще же московский государь был — не формально, а морально — ограничен старыми обычаями и традициями, в особенности церковными. Московский государь не мог и не хотел делать того, что «не повелось»⁴⁸. Не желая сам нарушать установленных морально-религиозных правил и правовых норм, государь тем более не желал допустить их нарушения подчиненными ему властями. К государю стекались бесконечные жалобы населения («челобитья великие и докука беспрестанная») на злоупотребления должностных лиц, и правительство пыталось устраниТЬ поводы для этих жалоб постоянным контролем над органами суда и администрации и законодательным регулированием их деятельности. Первый московский царь издал в 1550 г. свой Судебник, а через сто лет, при царе Алексее Михайловиче, был издан новый кодекс «Соборное Уложение» (1649 г.), «чтобы Московского государства всяких чинов людем суд и расправа была всем ровна». Кроме общего свода законов, Московское правительство издавало, от имени государя, множество частных «уставных грамот», «наказов» и разного рода инструкций и предписаний, которые имели целью регулировать действия различных органов власти и охранять население от их злоупотреблений. Разумеется, на практике гроза царского гнева («опалы») далеко не всегда была достаточной защитой против произвола и злоупотреблений подчиненных органов власти.

2. Боярская дума. Боярская дума составляла круг ближайших советников и сотрудников царя и долгое время стояла во главе древнерусской администрации. Боярство в XVI—XVII вв. было высшим «чином», или рангом, которым государь «жаловал» своих ближайших помощников.

⁴⁸ «Московским государям была чужда мысль, что закон есть то, что им нравится, что он есть дело их произвола. Они жили в веками установленном порядке и руководились в своих правительственныех действиях стариной, освященной временем, древним обычаем» (Сергеевич). Современник царя Алексея Михайловича Григорий Котошихин, рассказав о московской княжеской аристократии, добавляет: «А вновь Московский царь князем учинить не может никого, потому что не обычай тому есть, и не повелось». Попытка нарушения старых традиций и обычаев, предпринятая мимолетным «гостем» на московском престоле, Лжедмитрием I, окончилась его гибелью; она удалась лишь Петру Великому, после того как сами эти обычаи и традиции «поизшатались».

Однако он никогда не жаловал в боярский чин людей «худородных». Существовало несколько десятков знатных фамилий, преимущественно княжеских, члены которых (обычно — старшие члены) «бывали в боярах». Вторым чином в думе были «окольничие» — так же по «жалованию» царя. Эти два первых думских «чина» пополнялись исключительно представителями высшей московской аристократии, и лишь в XVII в. были единичные случаи пожалования боярства людям из среднего служилого слоя (как Матвеев или Ордин-Нащокин при царе Алексее). Число бояр и окольничих было невелико, оно редко превышало 50 человек. Кроме главного, аристократического, элемента в состав думы входило несколько думных дворян и трое или четверо думных дьяков, секретарей и докладчиков думы.

Права и полномочия думы не были определены специальными законами; широкая сфера ее компетенции определялась старым обычаем или волею государя. «Дума ведала очень обширный круг дел судебных и административных; но собственно это было законодательное учреждение» (Ключевский). Законодательное значение думы было даже прямо утверждено царским Судебником 1550 г., ст. 98-я Судебника гласила: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывать». Обычная вводная формула новых законов гласила: «государь указал и бояре приговарили». Нужно, впрочем, иметь в виду, что такой порядок законодательства не был формально обязательным для государя. Иногда он решал дела и издавал распоряжения, имевшие характер законодательных постановлений, единолично; иногда он обсуждал и решал их с небольшим кругом советников, — так называемая ближняя или комнатная дума государя. В общее собрание думы дела поступали или по указу государя⁴⁹ или по докладам из при-

⁴⁹ Беглый московский подьячий Гр. Котошихин рисует такую картину заседаний думы: «А случится царю мысль свою о чем объявити, и он им объяви приказывает, чтобы они бояре и думные люди помыслия к тому делу дали способ; и кто ис тех бояр побольши и разумнее, или кто из меньших, и они мысль свою к способу объявливают; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студированные; однако сыщется и кроме их кому быти на ответы разумному из больших и из меньших бояр. А на чом которое дело быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьяком пометить, и тот приговор написать».

казов (см. ниже). Согласно Уложению 1649 г., дума является высшей судебной инстанцией для тех дел, которые в приказах решить «не мочно».

В заседаниях думы иногда присутствовал сам царь (такие заседания назывались «сиденьем царя с боярами о делах»), иногда дума решала дела по указу и полномочию государя, в его отсутствие. Для решения особо важных дел собиралось соединенное заседание думы и «освященного собора», состоявшего из представителей высшего духовенства.

По мере надобности из общего состава думы выделялись особые комиссии — «ответные» (для переговоров с иноземными послами), «уложенная» (для составления проекта нового Уложения), судная и расправная. В конце XVII в. «Расправная палата» превратилась в постоянно действующее учреждение.

Служба бояр окольничих и думных людей (так назывались думные дворяне и дьяки) не ограничивалась их «сиденьем» в думе. Они назначались послами к иностранным государям, начальниками («судьями») важнейших приказов, полковыми воеводами и городовыми воеводами в большие и важные города.

3. Земские соборы. Земские соборы, или «советы всяя земли», как их называли современники, возникают одновременно с московским царством. Первый московский царь, через три года после принятия царского титула созвал (в 1550 г.) земский собор, на котором он хотел приумирить представителей населения с бывшими областными правителями, «кормленщиками», перед отменой «комлений». Впрочем, наши сведения о первом земском соборе слишком кратки и неопределены, и нам ничего не известно о его составе и деятельности. Зато нам известен, по документам, состав второго земского собора, который Иван IV созвал в 1566 г. (во время Ливонской войны) для решения вопроса о том, следует ли мириться с королем польским и великим князем литовским на предложенных им условиях. Собор высказался за продолжение войны, предоставляя решенис вопроса царю: «а во всем ведает Бог да государь наш...; а нам ся как показало, и мы государю своему изъявили свою мысль...».

По смерти царя Федора Ивановича, с которым прекратилась династия Рюрика на русском престоле, земский собор должен был получить учредительный характер: на Москве не стало более «природного» царя, и собору пред-

стояло избрать нового царя и основать новую династию (1598 г.). Собор, которым руководил патриарх Иов, избрал царем Бориса Годунова; правда, чтобы обосновать и оправдать акт избрания царя подданными, избирательная грамота содержит фантастическое утверждение, что оба последних царя старой династии «приказали» или «вручили» свое царство Борису, и подчеркивает родственную связь Бориса с «царским корнем», но в то же время грамота заявляет: «...и вся земля снidoхомся и поставихом достойна суща царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца, Российской земли государя»; мало того: (патриарх же глаголя: глас бо народа, глас Божий)...

В наступивших затем бурях Смутного времени «глас народа» из риторической фикции должен был превратиться в реальную политическую силу. Когда в 1606 г. вступил на престол боярин князь Василий Шуйский «без воли всея земли», то страна отказалась признать его своим царем и повсюду вспыхнули восстания против него: «всех России земля восколебася нань ненавистью, за еже без воли всех градов воцарился бе». В 1610 г., когда московские бояре и «служилые и жилецкие люди», находясь «между дух огней» (между поляками и русскими «воровскими людьми») согласились принять на царство польского королевича Владислава, они заключили с ним договор, который формально ограничивал его власть и который предусматривал совет всей земли, как нормально действующий законодательный орган: ...«суду быти и совершатись по прежнему обычаяу и по судебнику Российского Государства; а будет похотят о чем пополнити для укрепления судов, и Государю на то поволити, с думою бояр и всей земли, чтоб было все праведно».

В ляпуновском ополчении 1611 г. «строить землю и всяким земским и ратным делом промышлять» должны были трое воевод, «которых избрали всею Землею по сему всею Земли приговору»; «а буде бояре, которых выбрали ныне всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем в правду, ...и нам всею Землею вольно бояр и воевод переменити, и в то место выбрать иных, говоря со всею Землею».

Во втором земском ополчении князя Пожарского, во время его пребывания в Ярославле (весною 1612 г.) образовался постоянный «совет всея земли», который представлял собою временное правительство для ополчения и для значительной части страны.

В переписке городов между собою и военных вождей с городами в 1611—1612 гг. постоянно выражается мысль о необходимости избрания государя «общим советом», «всюю Землею», «всемирным советом», «по совету всего государства) и т. д.

Такой «всемирный совет» и был созван в Москву немедленно по освобождении ее от поляков, «и всякие служилые и посадские и уездные люди, для государского обиранья в царствующий град Москву на совет съехалися». Мы знаем, что после долгих споров и разногласий, выборные люди согласились на кандидатуре Михаила Романова, и собор «по всему мирному благосоюзному общему совету» провозгласил Михаила царем (21 февраля 1613 г.)

Новый царь удержался на престоле только благодаря поддержке земских соборов, которые в течение первых 10 лет его царствования заседали почти непрерывно. Возвратившийся из польского плена отец царя Филарет, ставший в 1619 г. патриархом Московским и соправителем своего сына, также находил нужным сотрудничество правительства и земских людей. В 1619 г. правительство разослало по городам «окружную грамоту» о присылке в Москву от духовенства и от служилых и посадских людей, выборных «добрых и разумных, которые б умели рассказать обиды и насилиства и разоренье, и чем Московскому и устроить бы Московское государство, чтобы пришло всё государству полниться, и ратных людей пожаловать в достоинство, ...— чтоб нам и отцу нашему и богомольцу Филарету Никитину, патриарху Московскому и всемя Руси, всякие их нужи и тесноты и разоренья и всякие недостатки были ведомы; а мы, великий государь, с отцем своим... советовав, по их челобитью, учнем о Московском государстве промышляти, чтоб во всем поправити, как лучше». Однако стремления правительства устранить недостатки в управлении и «во всем поправити как лучше» не увенчались успехом.

Когда в 1642 г. царь Михаил созвал собор для решения Азовского вопроса (гл. 8 § 1), то выборные люди высказались, в общем, за принятие Азова, но в то же время представили в своих письменных мнениях («сказках») резкую критику приказно-бюрократического управления. Одна группа служилых людей, между прочим, писала: «а твои государевы диаки и подъячие пожалованы твоим государским денежным жалованьем и поместьями и вотчинами, и будучи беспрестанно у твоих государевых дел и обогатев многие богатством неправедным своим мздоимством, покупили многие вотчины и дома свои сстроили

многие, палаты каменные такие, что неудобъсказуемые, при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало»... Другая группа служилых людей заявила царю: «а разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов».

Преемник царя Михаила Алексей Михайлович решил устраниТЬ беспорядки и злоупотребления в приказно-бюрократическом управлении путем издания нового свода законов (Уложения); для этого правительство снова обратилось к содействию «земского собора; всем областям государства было предложено прислать в Москву выборных «добрых и смышленных людей» для этого великого «государева царственного и земского дела». Осенью 1648 г. выборные люди собрались в Москву, причем некоторые из них привезли с собой «челобитные», т. е. наказы от избравших их обществ, заключавшие в себе изложение тех пожеланий, которые должны были быть внесены в новый свод законов. Выборные люди прослушали и одобрили проект свода, составленный правительственной комиссией; к нему было добавлено около 60 статей, составленных вновь на основании челобитий, поданных выборными. После этого Уложение было подписано членами боярской думы и выборными людьми.

В 1653 г. был созван земский собор для решения вопроса о принятии гетмана Богдана Хмельницкого с войском «под высокую государеву руку» и о войне с Польшей. Собор высказался за войну и за принятие в подданство казаков «для православные христианские веры».

С 1654 до 1667 г. все силы и все внимание правительства и общества были поглощены внешними войнами. Во время войны и после нее правительство созывало несколько раз совещания представителей служилого или торгового класса особо для обсуждения некоторых частных вопросов, но оно уже не созывало больше земских соборов полного состава.

Из представленного обзора видим, что значение и характер земских соборов в Московском государстве были различны в разные эпохи. Большинство соборов носило лишь совещательный и осведомительный характер; выборные люди излагали правительству свои «нужи и всякие недостатки» и затем предоставляли решение вопроса царю. Соборы первых лет царствования Михаила принимали решение о введении новых налогов, без которых слабое правительство Михаила не могло бы восстановить военную

силу и административную организацию государства. «Уложенный» собор 1648—1649 гг. имел законодательный характер. Наконец, избирательные соборы 1598 и 1613 гг. имели учредительный характер и олицетворяли верховную власть в государстве. В эпоху Смутного времени и непосредственно после него деятельность земских соборов сыграла весьма важную роль в деле восстановления разрушенного Смутой «великого Российского царства» и была их крупной исторической заслугой.

С усилением государственной власти во 2-й половине XVII в., с ростом бюрократизации управления и с ослаблением земского самоуправления на местах земские соборы приходят в упадок.

В состав земских соборов входили три элемента: «освященный собор» из представителей высшего духовенства, боярская дума и представители служилого и посадского классов Московского государства (обыкновенно около 300—400 человек). В XVI веке в качестве представителей от населения приглашались не специально избранные депутаты, но преимущественно должностные лица, стоявшие во главе местных дворянских и посадских обществ. Принимая то или иное решение, члены собора обязывались в то же время быть ответственными исполнителями этого решения. В эпоху Смутного времени соборное представительство могло быть, конечно, только выборным, и при новой династии главным элементом на соборе являются те «добрые, разумные и постоянные люди», которых выберет земля. «Вообще состав собора был очень изменчив, лишен твердой, устойчивой организации» (Ключевский). Постоянными элементами соборного представительства были представители служилого и посадского населения (в разном числе и в разных комбинациях). Свободное северное крестьянство, которое образовало с посадскими людьми общие «всеуездные миры» (см. ниже), было также представлено на соборах, но голос массы владельческих крестьян там не был слышен...

Обычным порядком совещаний на земских соборах было обсуждение вопроса по «чинам» и по группам. Правительство обращалось к выборным людям с предложением: ...«и всяких чинов служилым и жилецким людям помыслить о том накрепко, и государю царю... мысль свою объявить на письме, чтоб ему государю про то про все было известно» (Азовск. собор 1642 г.). Обсудив вопрос, выборные люди подавали по группам свои письменные мнения (так называемые «сказки»).

4. Центральное управление, Приказы. Органами центрального управления в Московском государстве были приказы. Московские приказы развились из тех первоначально единоличных и временных правительственных поручений, которые московский великий князь давал своим боярам и вольным слугам, «приказывая» им ведать какую-либо отрасль дворцового хозяйства и управления; в XVI—XVII вв. «эти единоличные поручения превратились в сложные и постоянные присутственные места, получившие название изб или приказов. Так как приказы возникли не по одному плану, а появлялись постепенно по мере надобности с усложнением административных задач, то распределение правительственных дел между ними представляется чрезвычайно неправильным и запутанным, на наш взгляд» (Ключевский). Одни приказы ведали известный род дел на всей государственной территории, другие, наоборот, ведали все (или почти все) дела только в отдельных областях, третьи управляли отдельными отраслями дворцового хозяйства, четвертые ведали некоторые небольшие отдельные предприятия с несколькими десятками занятых лиц (как приказы Аптекарский и Книгопечатный). В общем, по подсчету Ключевского, было до 15 приказов по военному управлению, не менее 10 по государственному хозяйству, до 13 по дворцовому ведомству и 12 приказов «в сфере внутреннего благоустройства и благочиния».

Важнейшими приказами общегосударственного значения были следующие: Посольский приказ, ведавший внешние сношения⁵⁰; Поместные приказы, ведавшие служилое землевладение; Разрядный приказ, или Разряд, заведовавший военным делом и назначением командного состава⁵¹; Холопий приказ ведал регистрацию холопов; Разбойный приказ (с подчиненными ему губными старостами на местах) ведал важнейшие уголовные дела по всему государству; было несколько судных приказов; приказы Большой казны и Большого прихода ведали государственное хозяйство и финансы. Важнейшими территориальными приказами были, кроме Малороссийского, Сибирский приказ и дворцы Казанский, Новгородский, Тверской.

Начальниками, или «судьями», главнейших приказов были обычно бояре и «думные люди» «с товарищи»; с ними

⁵⁰ После присоединения Малороссии был учрежден особый Малороссийский приказ.

⁵¹ Для заведования особыми родами войск существовали особые приказы: Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Рейтарский.

в приказах сидели дьяки (секретари) и подьячие (писцы), второстепенными приказами управляли дворяне с дьяками или одни дьяки. По подсчетам Котошихина, дьяков было в Московском государстве «со 100 человек, подьячих с 1000 человек».

Главными деятелями и двигателями приказного управления были, конечно, дьяки, ибо аристократические начальники приказов едва ли могли хорошо разбираться в том бумажном море, в котором только дьяки и подьячие могли плавать «как рыба в воде». При той системе бюрократической централизации, которая развилась в Московском государстве в XVII в., московские приказы были завалены бесконечным количеством судебных и административных дел, в частности, множеством донесений и запросов от местных управителей-воевод, которые, опасаясь государева гнева в случае ошибки («оплошки»), обращались в Москву по всяkim мелочам с обычным своим запросом: «и о том великий Государь что укажет?» Конечно, великий государь с боярской думой мог решать только важнейшие дела, все же обыкновенные дела, возникавшие как по воеводским «отпискам», так и по челобитным частных лиц, решали дьяки, знатоки законов, указов, наказов (инструкций) и канцелярских обычаев. Иногда дела залеживались подолгу в одном приказе, иногда бумаги долго путешествовали из одного приказа в другой, ибо если дело представляло какие-либо неясности и затруднения, то получивший бумагу дьяк рад был сплавить ее в другой приказ или «положить под сукно». Немудрено, что челобитчик, попавший в московский бумажный лабиринт, жаловался царю государю, что его противник «хочет изволочить меня московскою волокитою»... Немудрено также, что приказные дьяки, как жаловались царю выборные люди на Соборе 1642 г., «обогатев многим богатством неправедным своим мздоимством», накупили себе вотчин и настроили себе домов «палат каменных таких, что неудобь-сказуемо»...

5. Местное управление и самоуправление. Местное управление в Московском государстве XV и первой половине XVI вв. находилось в руках наместников и волостелей; наместники правили городами и подгородними станами, волостели управляли волостями; их подчиненные органы — тиуны, доводчики, праветчики, недельщики — были их слугами (а не государственными чиновниками). Должности областных управителей назы-

вались «кормлениями», а они сами — «кормленщиками». «Управитель кормился насчет управляемых в буквальном смысле этого слова. Содержание его состояло из кормов и пошлин. Кормы вносились целыми обществами в определенные сроки, пошлинами отдельные лица оплачивали правительственные акты, в которых они нуждались» (Ключевский).

Чтобы оградить население от произвола и злоупотреблений «кормленщиков», правительство проводило нормировку кормлений. В уставных и жалованных грамотах, которые давались самим кормленщикам, была установлена своего рода такса, подробно определявшая доходы кормленщика, кормы и пошлины. Потом натуральные кормы (хлеб, масло, мясо, птица и т. д.) были переложены на деньги, а сбор кормов с населения был поручен выборным от обществ (старостам, сотским и др.).

Далее судебная власть кормленщиков была ограничена двойным надзором за их деятельностью — сверху и снизу. Надзор сверху выражался в «докладе», т. е. в том, что некоторые, наиболее важные, дела из суда кормленщиков переносились для окончательного решения в центральные учреждения (дела о холопстве и важнейшие уголовные дела). С другой стороны, судебные действия наместников и волостелей подчиняются надзору представителей местных обществ. Посадские и волостные общества издавна имели свои выборные органы, старост и сотских. Со 2-й половины XV в. эти выборные земские власти становятся все более деятельными участниками местного управления и суда; или общие земские власти, или специально выбранные местными обществами «судные мужи», «добрые люди», «лучшие люди» привлекаются в суд наместников и волостелей; как знатоки местных юридических обычаев и как защитники интересов местных обществ, они должны были «в суде сидети и правды стеречи», т. е. наблюдать за правильностью судопроизводства. Первый судебник (1497 г.) установил, как общее правило, что на суде кормленщиков должно «быти старосте и лучшим людем; а без старосты и без других людей суда наместником и волостелем не судити». То же правило подтверждалось рядом «уставных грамот», данных отдельным местным обществам. Царский судебник 1550 г. устанавливает обязательное присутствие о наместничестве суде старост и «лучших людей, целовальников» или «судных мужей» и повторяет предписание: «А без старосты и без целовальников суда не судити» (см. гл. 6 § 2).

Дальнейшим моментом в реформе местного суда и управления в XVI в. является замена суда кормленщиков судом выборных земских властей (см. гл. 6, § 2). Сначала из рук наместников и волостелей изъемляется суд по тяжелым уголовным преступлениям, так называемое «губное дело» («разбойные и татиные и убийственные дела»), и передается в руки избираемых местными обществами «губных старост» и их помощников «губных целовальников». Губные старосты избирались из дворян и детей боярских всеми классами населения, включая крестьян; губные целовальники избирались из среды тяглых (посадских и сельских) людей; губным старостам подчинялись также выборные, низшие полицейские агенты — сотские, пятидесятские и десятские⁵².

Наконец, при Иване IV правительство делает следующий, важный и решительный, шаг в деле реформы местного управления и суда. Реформа Ивана IV имела целью вовсе отменить кормления, заменив наместников и волостелей выборными земскими властями, «излюбленными» старостами и земскими судьями, которым поручался суд по всем делам (уголовным и гражданским) и все местное управление вообще. Управление кормленщиков было связано с бесконечными злоупотреблениями и потом — с бесконечными судебными тяжбами: земские люди имели право, по съезду кормленщиков с кормлений жаловаться на действия своих бывших управителей и судебным порядком взыскивать с них убытки, причиненные их незаконными действиями. Есть известие, что на земском соборе 1550 г. царь «заповедал» своим служилым людям помириться «со всеми хрестьяны»; по-видимому, это означает

52 Население приняло губные учреждения, отменившие суд наместников по уголовным делам, с чувством радости и облегчения, которое отразилось в записи псковского летописца под 1541 годом. В этом году государь «показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всем градом..., лихих людей обыскивати самим крестьяном меж себя по крестному целованию, и их казнити смертною казнию, а не водя к наместником и к их тивуном лихих людей разбойников и татей; и бысть наместником по городам нелюбка велика на христиан; а псковичи такову грамоту взяша, и начаша псковские целовальники и соцкие судити лихих людей в суднице... и смертною казнию их казнити». Псковскому наместнику также была «до пскович нелюбка велика, что у них как зерцало, государева грамота; и бысть крестьянам радость и льгота велика от лихих людей и от поклепцов, и от наместников, и от их неделщиков и от ездоков».— «Нелюбка» каметников и их подчиненных агентов объясняется тем, что с изъятием из их компетенции уголовных дел они теряли судебные пошлины и возможности вымогательств, связанные с этими делами.

предложение покончить все их тяжбы с земскими людьми обьюдными соглашениями. Вскоре после этого, как сообщает летопись, «кормлениями государь пожаловал всю землю». В ряде уставных грамот, данных отдельным областям, государь «наместникам и волостелям впредь быти не велел», а вместо них велено быть в разных областях «излюбленным» судьям, старостам, головам и целовальникам, которых все посадские и волостные люди меж себя «излюбят» и выберут. На суде у выборных судей, как и у прежних наместников, велено быть посадским и волостным «лутчим людям», а за неправедный суд и за злоупотребления властью выборным судьям «быти от государя царя в жестоком наказанье». Вместо кормов и пошлин, которые посадские и волостные люди платили прежде наместникам и волостелям, они должны были теперь платить денежный «оброк» в царскую казну. Правительство назначало для каждого округа лишь общую сумму подлежащего уплате оброка, а затем посадские и крестьяне должны были «верстatisя» сами или «разводити» оброк «меж себя» — «по животам и по промыслам и по пашням и по угодьям»; т. е. сообразно имущественной состоятельности каждою дворохозяина⁵³.

Земское самоуправление могло быть введено в части центральных и в северных посадах и волостях, где сохра-

⁵³ В уставных грамотах 1555 г. правительство подробно объясняет мотивы отмены кормлений и введения земского самоуправления: «Что наперед сего жаловали есмя бояр своих и князей и детей боярских, города и волости давали им в кормленья, и нам (царю) от крестьян челобитья великие и докупа была беспрестанская, что наместники наши и волостели и их праветчики сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие; а от наместников, и от волостелей и от праветчиков нам докупа и челобитья многие. что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются, и кормов им не платят, и их бьют (!), и в том меж них поклепы и тяжбы великие; да от того на посадах многие крестьянские дворы, а в уездах деревни и дворы запустели, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, жалуючи крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников и волостелей и праветчиков от городов и от волостей отставили, а за наместничи и за волостелины и за праветчиковы доходы, и за присуд, велели есми посадских и волостных крестьян пообличить деньгами; а для того, чтобы крестьянству продаж и убытков не было и нам бы... челобитья и докуки не было, а посады бы и волости от того не пустели, велели есми во всех городех и волостех учинити старост излюбленных, кому меж крестьян управа чинити,... которых себе крестьяне меж себя излюбят и выберут всею землю, от которых бы им продаж и убытков и обиды не было, и рассудити бы их умели вправду беспосульно и безволокитно, и за наместничь бы доход оброк собрати умели и к нашей бы казне на срок привозили без недобору» (Акты Археографич. Экспедиции, Т. 1, № 242, 243).

нилось свободное «государево» крестьянство. В части центральных областей, а также в областях южных и западных для него не было благоприятной почвы. Во многих южных городах вовсе не было, или почти не было, посадских людей (т. е. торгово-промышленного населения), а жили там только государевы служилые люди. Крестьяне же этих областей почти все жили на землях вотчинников и помещиков, находились под властью своих господ и управлялись ими приказчиками⁵⁴.

В Московской Руси не было резкой экономической и юридической грани между городским (посадским) и сельским (волостным) населением. Часть посадских людей занималась земледелием, часть сельских жителей занималась промыслами и торговлей; поэтому в некоторых северных областях население образовало «всеуездные миры», объединявшие и посадское и сельское население; во главе их стояли «всеуездные земские старосты», избранные всем населением уезда.

Мы знаем, как велика была общественно-политическая роль самоуправляющихся земских миров в Смутное время, когда земские люди создали ополчение для освобождения страны от внешних врагов и восстановили разрушенную Смутой политическую организацию «Российского царствия». Однако XVII век оказался временем, неблагоприятным для местного самоуправления. Время, следовавшее непосредственно за Смутой, наполненное борьбой с внешними и внутренними врагами, требовало сильной правительственной власти на местах, и вот «воеводы», которые прежде были преимущественно в погра-

⁵⁴ Следует заметить, что некоторые элементы крестьянского самоуправления существовали и в (крупных) вотчинах, церковных и светских. В уставной грамоте Соловецкого монастыря, данной Бежецкого Верха, села Пузырева крестьянам (1561 г.), находим постановление: «Судити приказчику, а с ним быти в суде священнику да крестьянам пятмя или шестым добрым и середним». — В наказе по управлению вотчиной, данном боярином Б. И. Морозовым (1651 г.) приказчику с. Сергач (Нижнегородск. уезда), читаем: «И ведать ему... крестьян моих и бобылей и судить с старостою и с целовальники и с выборными крестьяны. А велеть крестьянам всею вотчиною к моим ко всяким делам выбрать 10 человек, крестьян добрых и разумных и правдивых, которым с ним (приказчиком) у дела моего быть... А судить ему (приказчику) крестьян и бобылей вправду, правого виноватым не чинити, а виноватого правым. А где доведетца итти на землю у крестьян или на меру, и ему ходить с старостою и с целовальником и с выборными крестьяны, и розводить вправду без поноровки и беспосульно...» Конечно, чем меньше были вотчина и поместья, тем слабее был в них крестьянский «мир» и тем сильнее была непосредственная власть владельца или его приказчика.

ничных областях «для береженья» от неприятелей, в XVII в. являются во всех городах Московского государства, на всем необъятном его пространстве, от Новгорода и Пскова до Якутска и Нерчинска! Воеводы сосредоточивают в своих руках всю власть, военную и гражданскую. Воеводы действуют по «наказам» (инструкциям) московских приказов, которым они подчиняются. Лишь «губные» учреждения, с губными старостами во главе, сохраняются как особые, формально самостоятельные ведомства. Земские учреждения в посадах и волостях также сохраняются, но они в течение XVII века все более теряют свою самостоятельность, все более превращают в подчиненные, вспомогательные и исполнительные органы приказного воеводского управления. В период с половины XVI до половины XVII в. «Московское государство может быть названо самодержавно-земским. С половины XVII века оно становится самодержавно-бюрократическим» (Богословский). В северных областях и в XVII веке сохраняется крестьянский «мир» — волостной сход с его выборными органами, но сфера их компетенции все более суживается. Волостной суд подчиняется надзору воеводы и решает теперь только мелкие дела. Правительство начинает вмешиваться и в хозяйственную жизнь крестьян, ограничивая (или пытаясь ограничить) их право свободного распоряжения их землями. На посадских и крестьянских мирах лежит коллективная ответственность за исправный сбор государственных податей, и главной обязанностью выборных крестьянских властей становится своеевременный и «бездоимочный» сбор этих податей, а главной заботой воевод становится понуждение и наказание тех, кто своею «оплошкою и нерадением» допустит недоборы и опоздания в платежах.

Таким образом, вторая половина XVII в. является временем упадка земского начала и растущей бюрократизации и в центральном и в местном управлении Московского государства.

6. *Военная организация.* Мы знаем, каково было военно-политическое положение Московского государства в XVI—XVII вв.: оно находилось в состоянии непрерывной борьбы на три фронта. На западе «борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту» (Ключевский). Понятно, что главной задачей и главной заботой московского правительства была организация военных сил государства.

Главную массу московского войска составляло конное ополчение землевладельцев, вотчинников и помещиков, особенно последних. Нуждаясь в военных силах и не имея ни финансовых, ни технических средств для образования регулярной армии, московское правительство раздавало множество «государевых» (т. е. государственных) земель в поместья «служилым людям» — под условием несения государевой военной службы; служба продолжалась для помещиков всю жизнь, от 15-летнего возраста до старости, дряхлости или тяжелогоувечья. Военнослужилые землевладельцы каждого уезда записывались в списки, составляли отряды под командой назначаемых правительством «голов» и являлись, по призыву правительства, под команду «полковых воевод» для выступления в поход. Отборной частью дворянского ополчения была тысяча «дворян московских», которые составляли как бы гвардию царя и в то же время служили офицерскими кадрами для провинциальных отрядов. Все служилые землевладельцы должны были являться на войну «конны, людны и оружны», т. е. на своих конях, со своим вооружением и со своими военными слугами, — в числе, пропорциональном пространству и качеству владеемой ими земли. Крупные землевладельцы-вотчинники, князья и бояре, выступали на войну с целыми отрядами своих вооруженных слуг. Однако все это огромное московское войско представляло собою в сущности вооруженную толпу, которая лишена была правильного военного обучения⁵⁵ и которая, вернувшись из похода, разъезжалась по домам.

Уже в XVI в. правительство было озабочено организацией военных частей, которые имели бы более постоянный и более регулярный характер. Такими явились стрелецкие полки; около 20 стрелецких полков (или «приказов»), численностью около 1000 человек каждый, служили в Москве и жили в подмосковных стрелецких слободах. В наиболее важных провинциальных городах и в пограничных крепостях также существовали отряды стрельцов; кроме стрельцов в городах, имевших военное значение, находились отряды пушкарей (крепостной артиллерии), казаков и отряды служилых людей сторожевого и технического характера: ямщики (для почтовой службы), воротники, затинщики, казенные плотники и кузне-

55 «А учения у них к бою против рейтарского не бывает, и строю никакого не знают, кто под которым знаменем написан, по тому и едет без устрою» (Котошихин).

цы. Все перечисленные группы составляли кадры «служилых людей по прибору»; они набирались, или «прибирались», на службу из низших слоев населения; они жили с семьями в своих домах в подгородных слободах (стrelецкая, пушкарская, казацкая, ямская) и получали от правительства земельные наделы, а частью занимались торговлей и разными ремеслами, но всегда должны были быть готовы на государеву службу.

В случае войны с посадского и крестьянского населения собирались дополнительные кадры «даточных людей», главным образом для обозной и разной вспомогательной службы при войске.

Татары и некоторые другие восточные народы, подчиненные московскому правительству, в случае войны поставляли особые конные отряды для совместных действий с московскими войсками.

Военно-техническая отсталость московских «ратных людей, обнаружившаяся в XVII в. в столкновениях с западными соседями, побудила московское правительство в XVII в. завести у себя «полки иноземного строя» — солдатские (пехота), рейтарские (конница) и драгунские (смешанного строя); полки эти набирались из русских вольных «охочих» людей и обучались наемными иноземными офицерами. Но с XVII в. эти полки еще не составляли постоянного регулярного войска; они формировались лишь во время войны и распускались по окончании военных действий. Только немногочисленные кадры иноземных офицеров оставались на службе и на жалованье московского правительства; они жили в Немецкой слободе под Москвой, и в конце XVII века у них учился военному делу Петр Великий.

Глава X

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI—XVII вв. СЛУЖИЛЫЕ И ТЯГЛЫЕ ЛЮДИ

Мы знаем, что первой характерной чертой Московского государства был его боевой строй. Вторую его особенность составлял «тягловой характер внутреннего управления и общественного состава» (Ключевский). Все сословия или классы общества обязаны были служить государству и отличались одно от другого лишь характером возложенных на них повинностей. Часть населения, служилые люди, несли непосредственно боевую службу; другая часть, тяглые люди, несли «тягло» (см. гл. 4, § 8) в пользу государства и служилых людей.

1. *Боярство.* Во главе служилого сословия стояла небольшая группа, около сотни боярских фамилий, в большинстве титулованных,— потомков бывших великих и удельных князей. Они владели обширными вотчинами и пользовались большим влиянием в государстве; они входили, по назначению государя, в состав боярской думы и занимали все высшие должности в военном и гражданском управлении. Однако опричнина Грозного, тяжелый хозяйственный кризис конца XVI в. и потрясения Смутного времени расшатали экономическую силу боярства и ослабили его социальное влияние. Многие княжеские и боярские роды в XVII в. «захудали» и опустились на уровень среднего служилого класса а другие, по выражению Котошихина, «без остатку миновалися». В XVII веке, особенно во второй его половине, не раз царь «сказывал боярство» некоторым из средних служилых людей, а в конце этого века боярство представляло собой, по выражению современника, «зяблое, упадшее дерево»...

*2. Государевы служилые люди: дворяне и дети боярские*⁵⁶. *Поместная система*. Главную массу московского служилого люда составляли в XVI-XVII вв. дворяне и дети боярские. Последние первоначально были действительно детьми бояр, но «позднее этим термином стали называть всех служилых людей сортом помельче, чем бояре»⁵⁷ (Серпейевич). Дворянами первоначально назывались дворовые слуги великого князя или младшие дружины, проживавшие в его дворе, но вместе с возвышением власти великого князя возвышается и социальное положение его дворян. В XVI и XVII вв. происходит слияние дворян и детей боярских в один класс «государевых служилых людей». Класс этот по своему социальному и национальному составу отличается чрезвычайной пестротой. В него входят потомки «захудавших» княжеских и боярских родов и потомки бывших слуг княжеских и боярских; и выходцы из тяглых людей, и «поповичи», и казаки⁵⁸; и выходцы из Литвы, и «новокрещены» из татар. Первоначально всем свободным классам общества был открыт доступ в этот класс «государевых служилых людей», и лишь в XVII в. он постепенно приобретает характер более замкнутого сословия.

Обширный класс этот делился на несколько служебных «чинов» или рангов. Высший слой составляли столичные чины — стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы; они несли службу при царском дворе, исполняли разные служебные поручения, составляли царскую гвардию и в то же время служили офицерскими кадрами для провинциальных дворянских отрядов. Главную массу провинциальных служилых людей составляли так называемые городовые дворяне и дети боярские; высший слой составляли «выборные» или «из городов выбор».

⁵⁶ Едва ли можно признать правильным обычное обозначение государевых служилых людей XVII века, дворян и детей боярских, как «господствующего класса» (пришедшего на смену боярству); таковым дворянство стало лишь в XVIII в. и таковым оно становилось в XVII в. в отношении своих крестьян; но в отношении к верховной власти все эти Ивашки да Микитки оставались «холопами государевыми», которые должны были, под угрозой кнута и конфискации имущества, с 15-летнего возраста до старости нести тяжелую военную службу и «за его государеву честь» головы свои складывать или переносить раны, увечья, голод, холод и «полонное терпение».

⁵⁷ Нужно иметь в виду, что бытовое, житейское значение слова «боярин» было гораздо шире его официального значения.

⁵⁸ В 1585 г. около 300 донских казаков сразу были «поворстаны» в звание детей боярских и получили поместья.

Главным средством содержания массы государственных служилых людей были поместья. Это были участки «государевой» (т. е. государственной) земли, которыми царь-государь «жаловал» своих служилых людей под условием службы, т. е. как вознаграждение за службу и вместе с тем как средство для несения службы. Для того чтобы помещики могли нести — «конны, людны и оружны» — военную службу, они, разумеется, должны были получать достаточный доход со своих поместий, и потому крестьянам тех сел и деревень, «которые отдавались в поместье, правительство предписывало «его помещика слушати и пашню» на него пахати и доход ему помещиков платити».

Первоначально поместья своим условным, личным и времененным характером существенно отличались от вотчин, составлявших полную и наследственную собственность своих владельцев, но с течением времени различия между этими двумя видами земельного владения начинают стираться. С одной стороны, вотчинники с середины XVI в. так же, как и помещики, обязаны нести военную службу; с другой, поместья постепенно закрепляются за своими владельцами «и их потомством; дожив до старости или одряхлев, помещик «бил челом» в Поместном приказе, чтобы государь его пожаловал за его службу и за раны, велел бы «справить» его поместье за его сыном, или зятем, или племянником, которому «его государеву службу служити мочно»; такие просьбы обыкновенно исполнялись, и таким образом поместья стали переходить по наследству. В XVII в. правительство разрешает мену поместий между служилыми людьми и допускает завещание поместий «в род» помещика. Наконец, некоторую часть поместий правительство само жалует служилым людям за их заслуги «из поместья в вотчину». Таким образом подготовляется то полное слияние поместий с вотчинами, которое произошло в 1-й половине XVIII века.

Кроме поместного «жалованья» государство давало своим служилым людям денежное жалованье как пособие для снаряжения в поход или как вознаграждение за службу.

Раздача в поместья огромного количества государственных населенных земель в центральных, южных и западных областях государства повела в XVII в. к недостатку таких земель и к тому, что среди государственных служилых людей образуются группы «беспоместных», или «малопоместных» или «пустопоместных»; некоторые из них имели под свою властью 2—3 крестьянских двора, другие вовсе не имели крестьян и сами или их семьи должны были

обрабатывать землю (впоследствии из них образуется промежуточный между дворянами и крестьянами класс «однодворцев»).

Низшие слои служилого класса составляли служилые люди «по прибору» — стрельцы, пушкари, служилые казаки, ямщики и др. (см. гл. 9, § 6).

3. Крестьяне государевы и владельческие. Происхождение крепостного права. Основным фактом хозяйственной и социальной истории Московской Руси являются огромные земельные просторы при постоянном недостатке рабочих рук для их обработки. Впрочем, пространства «доброй» земли в Северо-Восточной России не так уж велики, гораздо больше здесь земли «средней» и «худой», да и та первоначально почти сплошь была покрыта лесами. Чтобы добраться до пашни, крестьянин должен был расчистить лес, срубить и спалить деревья и выдрать корни, и потом уже «деревню распахати и поля огородити». Трудовая заимка была основанием крестьянского права на владение землею; границы владений каждого двора определялись стереотипной фразой: «куды коша да соха да топор ходили». В XVI в. в сельском хозяйстве обычной является трехпольная система, но в то же время повсюду находятся большие, сравнительно с «живущей» пашней, пространства «перелога» (см. гл. 3, § 1).

Землю, приобретенную трудовой заимкой, каждый крестьянский двор считал своею, но верховное право собственности и на всю территорию принадлежало великому князю, и потому обычная формула для крестьянских участков в это время была: «земля великого князя, а моего (или нашего) владения».

И великий князь и все частные землевладельцы, преимущественно бояре и монастыри, были заинтересованы в том, чтобы «называть» на свои земли как можно больше крестьян-«новоприходцев». Чтобы привлечь последних на свои земли, они предоставляли им на несколько лет льготы от платежей и повинностей, а также давали им «ссуду» и «подмогу» для первого обзаведения на новом месте. Крестьяне в XIV—XV вв. имели право свободного перехода от одного владельца к другому и часто этим правом пользовались в поисках более льготных условий. Здесь уже интересы землевладельцев начинают сталкиваться, ибо все они одинаково заинтересованы в удержании у себя крестьянских рабочих сил. Уже в XV в. начинаются некоторые ограничения свободы крестьянского перехода (см. гл. 4, § 8).

Весьма скоро существенным препятствием для свободного перехода крестьян становится их задолженность землевладельцам. При отсутствии в то время доступного для крестьян сельского кредита они при всякой хозяйственной неудаче — как неурожай, пожар, падеж скота, — вынуждены были занимать деньги или хлеб у своих землевладельцев и тогда уже не могли уйти, не расплатившись с последними; расплата же была нелегка при дороговизне тогдашнего заемного процента; он определялся в XVI в. стереотипной фразой: «как идет в людях на пять шестой», т. е. 20%; при таких условиях занятая сумма денег уже через 5 лет удваивалась и таким образом с течением времени все крепче привязывала крестьянина-должника к своему землевладельцу. Уже в XV в. мы находим на монастырских землях крестьян «серебреников», т. е. взявших в долг монастырское серебро, и условием для их ухода или «отказа» ставится: «а коли серебро заплатит, тогда ему и отказ».

В XVI в. образуется уже значительная группа крестьян «старожильцев», которые, прожив долгое время на одном месте и попав в долги к своим землевладельцам, потеряли фактическую возможность выхода.

Долговое обязательство привязало к владельцу лишь крестьянина-дворохозяина, заключившего заем, но оно не касалось всей его родни — сыновей, зятьев, братьев и племянников, которые могли отделиться от него и уйти в другую вотчину, чтобы устроить там свое хозяйство. Однако такие «новоприходцы» и «новопорядцы», заключая договор («порядную») со своим новым землевладельцем, очень часто уже с самого начала нуждались в получении от него «ссуды и подмоги» «на семены и на смены» или «на хлеб и на животину», ибо сами они нередко приходили с пустыми руками: один приносил с собой только «шапку да кафтан», другой «живота своего не принес ничего», третьи пришли «душою да телом», у иных всего имущества было «разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах» (по выражению современника).

Без ссуды от землевладельца такие новоприходцы не могли бы обзавестись необходимым для крестьянского хозяйства инвентарем, а взяв эту ссуду, они фактически теряли возможность уйти от него.

Однако по закону крестьяне сохраняли свое право перехода, утвержденное Судебниками 1497 и 1550 гг. В конце XV века это право было ограничено двумя условиями: крестьянин мог уходить («отказываться») от своего

владельца в один срок в году, именно в течение двух недель около Юрьева дня осеннего (26 ноября), т. е. по окончании всех полевых работ, и затем он должен был заплатить господину за пользование двором «пожилое» в довольно значительном размере.

Для того чтобы уход крестьянина был легальным, уходящий должен был, конечно, заплатить землевладельцу и все свои долги, что для большинства было невозможным. Таким образом «крестьянское право выхода к концу XVI в. замирало само собой, без всякой законодательной его отмены»⁵⁹ (Ключевский).

Крестьянин, ушедший без «отказа», не в срок и не заплатив долгов и «пожилого», почитался беглым и подлежал по розыску, возвращению старому владельцу. Тяжелое хозяйственное положение государства во второй половине XVI в. и отлив населения из центра на юго-восток обострил нужду землевладельцев в рабочих руках. В то же время побеги крестьян стали массовым явлением, и суды были завалены исками о беглых. В 1597 г. последовал царский указ, который устанавливал для сыска беглых крестьян 5-летнюю давность («урочные лета»), если же беглецу удавалось скрываться «безвестно» более 5 лет, то он уже не подлежал возвращению прежнему владельцу. Указ этот вызвал недовольство средних и мелких служилых людей, для которых нужда в крестьянских рабочих руках была особенно острой, и они многократно били челом царю государю об отмене «урочных лет» для сыска беглых.

Когда свободный переход крестьян стал весьма затруднительным и редким явлением, ему на смену явился крестьянский вывоз или своз. Богатые и сильные землевладельцы или их уполномоченные являлись перед Юрьевым днем в чужие имения, «отказывали» тамошних крестьян, уплачивали за них ссуду и пожилое и вывозили их на свои земли; конечно, вывезенные крестьяне не меняли своего юридического положения, а лишь переходили от одного господина к другому. Свозы крестьян чрезвычайно усилились в продолжение XVI века и особенно к концу его; при свозах нередко происходили споры, беспорядки и прямые насилия, ибо случалось, что прежние господа отказывались выпускать своих крестьян, несмотря на со-

⁵⁹ В русской исторической науке существует мнение, что в 80-х или 90-х гг. XVI века последовал царский указ, отменивший право крестьянского выхода, но мнение это не является доказанным.

блюдение всех условий крестьянского перехода. Наиболее страдали от вывоза крестьян опять-таки средние и мелкие помещики, и они протестовали перед правительством против вывоза и требовали его запрещения.

Договоры помещиков с крестьянами-новопорядцами продолжают заключаться и в XVII в., но теперь они меняют свой характер и называются не порядными, а ссудными записями. В эти договоры включается условие, что крестьянин, взявший ссуду, обязуется «жити вечно во крестьянстве», и «никуды не сбежати и ссуды не снести», «и за иных помещиков и вотчинников не заложитися». Мало того, что крестьяне по ссудной записи отказываются навсегда от права выхода,— в некоторых ссудных записях они распространяют это обязательство и на свои семьи, на жен, детей и даже внуков! «Дали мы, я... с женою своею и с сыном и со внуком своим, на себя ссудную запись...» — «А ся на нас запись и крепость взята на нас и на наших жен и на детей наших...» Таким образом «крестьянство по ссудной записи возникает из займа и является вечной и потомственной крестьянской страдой за самый долг и за долг с процентами» (Дьяконов).

Но несмотря на все усилия землевладельцев прикрепить к себе крестьян как экономическими, так и юридическими путями, все же остается значительная часть крестьян, не связанных личными обязательствами старших членов семьи, остается опасность «вывоза» крестьян богатым соседом, остаются постоянные крестьянские побеги. И вот мелкие и средние служилые люди снова бьют челом царю о запрещении крестьянских выходов и вывозов и об отмене урочных лет для сыска беглых, иначе-де им, холопям государевым, государевой службы служить будет не мочно. Правительство выходит, наконец, навстречу домогательствам помещиков. «Государство, давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников,— иначе он служить не мог» (Соловьев). В 1640 г. последовал указ об установлении вместо 5-летней 10-летней давности для сыска беглых крестьян. В писцовом наказе 1646 г. правительство обещало: «а как крестьян и бобылей⁶⁰ и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья и племянники будут крепки и без урочных лет».

⁶⁰ Бобылями называли беднейший разряд сельского населения; они или вовсе не вели сельского хозяйства («непашенные бобыли»), а добывали себе пропитание ремеслами и работой по найму, или имели небольшие пахотные участки, значительно меньше нормальных крестьянских участков в данной местности.

Уложение 1649 г. исполнило это обещание. В главе XI («Суд о крестьянях») содержится предписание: «А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людей без урочных лет». Если крестьяне и бобыли, записанные за кем-либо в переписных книгах 1646—1647 г. «сбежали или впредь учнут бегать: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат с женами и с детьми и со всеми животы» велено возвращать владельцам, «а впредь отнюдь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать». На тех, кто принял бы к себе чужого крестьянина, был наложен очень высокий денежный штраф. Так кончилась свобода крестьянского перехода на владельческих землях. «Личная крестьянская крепость по договору, по ссудной записи, превращалась в потомственное укрепление по закону»... (Ключевский).

Но, возложив на крестьянство обязательную службу землевладельцу как государственную повинность, московское правительство не позаботилось о том, чтобы регулировать или нормировать отношения двух сторон государственным законом, и это упущение пошло, конечно, на пользу сильнейшей стороне.

Эта неопределенность юридических отношений между крестьянами и помещиками начинается с самого начала поместной системы. Во ввозных грамотах на поместья содержатся предписания крестьянам, как нижеследующее: «И вы б все крестьяне Смирново-Баландина и его приказчика слушали во всем и пашню на него пахали и доход ему поместной хлебной и денежной и всякой мелкой доход платили, чем вас Смирной изоброчит»... Таким образом, при отдаче поместья крестьянам предписывалось своего помещика «слушати во всем» (!), исполнять на него все работы и платить ему все доходы, которых он потребует. Разумеется, такая широта и неопределенность полномочий помещичьей власти широко открывала двери для развития помещичьего произвола и для обременения крестьян не-посильными работами и платежами. Гарантией против чрезмерного произвола владельцев было лишь право крестьянского выхода, но с его отменой положение должно было измениться к невыгоде крестьян. В порядных и в ссудных записях крестьян мы обычно находим общие обязательства: «помещицкое всякое дело делати и пашню на него пахати и денежный оброк, чем он изоброчит, платити», или: «его помещицкой доход хлебной и денежной платити, чем он меня обложит, и изделие на него делати со крестьяны вместе, и во всем его государя своего Гри-

гория Семеновича слушати», или: «оброк платить, чем он государь, мой меня оброчит, и зделье делати без ослуша-
ния»... Единственной юридической защитой против наложе-
ния на крестьян чрезмерных тягот является условие
некоторых договоров, что крестьяне-новопорядцы должны
нести помещичье «тягло» «со крестьяны вместе», или: «вся-
кое дело делати как в людех ведетца», или: «всякое изделие
делать, подати и оброк платить со своею братьею вместе
со крестьяны в ряд» и т. п. Но, конечно, эта гарантия
была неопределенна и недостаточна.

При этом нужно иметь в виду, что государство при
самом возникновении поместной системы предоставляло
помещикам право вотчинного суда над населением их по-
местий, оставив за собой лишь суд по наиболее тяжелым
преступлениям. В одной из древнейших, до нас дошедших
жалованных грамот на поместье, данной великим князем
Иваном Васильевичем в 1488 г. Микитке да Юрке Шену-
риным, читаем: «И кто у них в той деревне учнет жити
людей, и наместницы мои галицкие и их тиуны их людей
не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы
с поличными, и кормов своих у них не емлют, не всылают
к ним ни по что... А ведают и судят Микитка да Юрка
тех людей своих сами, или кому прикажут»...

Правительство предоставляло помещику не только су-
дебную и административную власть над крестьянами его
поместья; оно сделало его также ответственным сборщиком
казенных податей с его крестьян. В Московском государстве
(в отличие от великого княжества Литовского) владельчес-
кие крестьяне не были освобождены от государственных
податей⁶¹ и должны были «с живущие пашни государевы
всякие волостные подати платити» или «тягло государское
всякое, тянути с волостью вместе». Помещичье крестьяне
должны были, таким образом, тянуть двойное тягло, и по-
мещичье и государево, и помещик, сделавшись «инспектором
крепостного труда», стал вмешиваться в хозяйственную
жизнь своих крестьян и руководить ею.

Власть помещиков над крестьянами непрерывно воз-
растала в течение всего XVII в. Правда, государство и
после издания Уложения не отказывается видеть во вла-
дельческих крестьянах своих подданных: они платят го-

⁶¹ Казенное обложение помещичьих крестьян было несколько легче, чем обложение крестьян государственных, но эта разница в обложении была значительно меньше, чем сумма помещичьих податей и по-
винностей.

сударевы подати, они не лишены личных прав (хотя помещик уже получает полномочие выступать в суде — «искать и отвечать» — за своих крестьян); помещикам запрещается «пустошить» свои поместья; правительство не отказывается и от права наказывать злоупотребления помещичьей властью. В 1669 г. «великий государь указал стольнику князя Григория Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова». Конечно, отдельные и редкие случаи вмешательства верховной власти в отношения между помещиками и крестьянами не могли улучшить общее положение последних, и, несмотря на неприятность, постигшую князя Григория, большинство помещиков во второй половине XVII в. продолжало безнаказанно накладывать на своих крестьян «бремена неудобоносимые» и говорить скверные слова.

В конце XVII в. практика распоряжения личностью крепостных крестьян, частично признанная законом, «становится тем открыее и безобразнее. Владельцы меняют крестьян на крестьян и даже на людей (т. е. холопов), закладывают, дарят, продают. В хозяйстве своем владельцы бесконтрольно распоряжаются трудом своих крестьян, облагают их по усмотрению сборами, а за ослушание своим распоряжениям подвергают их наказываниям включительно до битья нещадно кнутом» (Дьяконов).

Так крепостные крестьяне к концу XVII в. в своем социальном и юридическом положении постепенно приближаются к состоянию холопов. В то же время значительная часть холопов, которых господа их сажали на пашню (под именем «задворных» или «деловых» людей), в своем экономическом положении сблизились с крестьянами. Этот двойной процесс подготовлял то полное слияние крестьян с холопами в один класс помещичьих «подданных», которое произошло в XVIII веке.

Положение крестьян государевых в Московском государстве было гораздо более благоприятным, чем положение владельческих крестьян⁶². Прежде всего они несли только одно тягло государево, а не двойное тягло как крестьяне

⁶² Среднее положение между теми и другими занимали крестьяне дворцовые, обслуживающие хозяйственные нужды царского дворца и его многочисленных отделений. Дворцовые крестьяне управлялись дворцовыми приказчиками, но сохраняли своих выборных старост и свое самоуправление; вообще по своему положению они были ближе к государевым крестьянам, чем к помещичьим.

помещичьи. Затем они сохраняли свое самоуправление и все свои личные гражданские права — правда, с одним существенным ограничением. Крестьяне-дворохозяева, составлявшие тяглые крестьянские общества и записанные в податные списки («тяглые и письменные люди»), были прикреплены к своим обществам и не могли покидать свои дворы и земельные участки, не найдя себе заместителей. В уставной Важской грамоте (1552 г.) волостным крестьянам предоставляется право «старых своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно, и сажать их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того». «Таким образом государственные и дворцовые крестьяне были прикреплены к земле и образовали замкнутый класс. Такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом» (Ключевский). Это была чисто фискальная мера, и связывала она только тяглецов-дворохозяев. Нужно иметь в виду, что состав крестьянских дворов, из которых каждый представлял как бы небольшую рабочую артель, был чрезвычайно сложным и разнообразным. Кроме крестьян-хозяев во многих дворах жили их младшие родственники — братья, дети, племянники, зятья, внучата, а также принятые в семью и в хозяйство посторонние лица: присмыши, «соседи», «подсуседники», «захребетники».

По своему экономическому положению сельское население «черных» (т. е. государственных) волостей отличалось большой сложностью и разнообразием своих составных частей. Были весьма богатые крестьяне, занимавшиеся не только земледелием, но и торговлей и разными промыслами и пользовавшиеся наемным трудом; были среднезажиточные, были и совсем «маломочные». Кроме собственно крестьян-тяглецов, были еще так называемые бобыли, обычно ремесленники и рабочие, но были и «пашенные бобыли», владевшие небольшими пахотными участками. Особый разряд населения составляли «половники», обрабатывавшие чужую землю, с платежом известной доли урожая владельцу земли.

И правительство и население признают государя верховным собственником «черных» земель, но в жизненной практике «владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, меняют, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком, или деля их на части» (Богословский).

Весьма распространеными среди северного крестьянства были союзы «складников», или совладельцев, из коих каждый владел некоторой долей общей земли и мог распоряжаться ею, как своею собственностью, мог отчуждать свою долю или приобретать чужие, мог также потребовать выделения своей доли из общего владения⁶³.

4. *Городское население (посадские⁶⁴ люди). Государственное хозяйство.* В Московском государстве не было сильной и влиятельной, самостоятельно организованной буржуазии, какая была во многих странах средневековой Европы. Преобладание земледелия в хозяйственной жизни страны и преобладание военно-землевладельческого класса в социальной жизни оттесняли торгово-промышленный класс («мужиков торговых» по современному выражению) далеко на задний план. Конечно, важным торговым центром была Москва, было еще несколько торговых городов (Новгород и Псков, Ярославль, Вологда, Кострома, Нижний, Астрахань), но много ли это для необъятной русской равнины? Зато многие города в южных и юго-восточных областях государства вовсе не имели торгово-промышленного населения и были сплошь населены государственными служилыми людьми, т. е. военными гарнизонами и их семьями. Так, по переписи 1668 г. вовсе не было или почти не было посадского населения в следующих городах: в Пронске, Ряжске, Шацке, Орле, Кромах, Севске, Мценске, Ливнах, Новосиле, Ефремове, Осколе, Тамбове (а служилых людей здесь было 2342), Изборске и во многих других городах.

Были в Москве богатые купцы, «ворочавшие» десятками (в валюте XIX века сотнями) тысяч рублей торговых

⁶³ «В северорусской волости в XVII в. имеются начала индивидуального, общего и общинного владения землей. В индивидуальном владении находятся деревни и доли деревень, принадлежащие отдельным лицам; на них владельцы смотрят как на собственность; они осуществляют на них права распоряжения без всякого контроля со стороны общины. В общем владении состоят земли и угодья, которыми совладеют складничества — товарищества с определенными долями каждого члена. Эти доли — идеальные, но они составляют собственность тех лиц, которым принадлежат, и могут быть реализованы посредством раздела имущества или частичного выдела по требованию владельцев долей. Наконец, общинное владение простирается на земли и угодья, которыми пользуется как целое, как субъект... Река с волостным рыболовным угодьем или волостное пасбище принадлежит всей волости, как целой нераздельной совокупности, а не как сумме совладельцев» (Богословский).

⁶⁴ Посадами назывались городские поселения торгово-промышленного люда, расположенные обычно вокруг городского кремля, укрепленного военно-административного и церковного центра русских городов.

капиталов и носившие, по царскому пожалованию, почетное звание «гостей», но их было всего «блеско 30 человек» (Котошихин). Менее богатые, но все же состоятельные купцы и промышленники были организованы в двух московских сотнях в «гостиной сотне» и в «суконной сотне». Однако это не были самостоятельные организации московской буржуазии, а были служебные «чины», организованные московским правительством путем набора московских и провинциальных торговых людей для несения службы по казенному хозяйству и финансовому управлению. «Меньшие» посадские люди на Москве и под Москвой составляли «сотни» и «слободы», которые выбирали своих сотских и старост и также несли тягло государевых податей и служебных повинностей.

Посадские люди в провинциальных городах также составляли тяглые общества и также выбирали своих старост и «целовальников».

До Уложения между посадским и уездным населением не было резкой разницы и формальных границ. «Уездные люди» держали в посадах лавки и занимались ремеслом, а вокруг посадов были расположены слободы, принадлежавшие боярам, епископам и монастырям, где проживали их «закладчики» (см. гл. 8, § 2), которые также занимались ремеслами и торговлей, пользуясь в то же время свободой от государева посадского тягла. Это вызывало постоянные жалобы тяглого посадского населения, и по Уложению 1649 г. все подгородные слободы с «закладчиками» велено было «взяти за государя» («потому, не строй слобод на государевой земле») и включить в посадские тяглые общества. Посадским тяглецам был запрещен выход из посадов и вместе с тем было постановлено, чтобы впредь в городах отнюдь никому, кроме государевых посадских тяглых людей, тяглыми дворами, лавками, погребами и амбарами не владеть. Тяглые посадские люди не могли продавать свои дворы и дворовые места людям нетяглым (Уложение, гл. XIX, о посадских людях).

По своему имущественному положению посадские люди (как и крестьяне) делились в московских актах на «лучших», или «больших», «средних» и «меньших» или «молодших» людей. Эта терминология отражала не только имущественные различия, но и социальную рознь в посадах⁶⁵. Споры

⁶⁵ Эта социальная рознь между «большими» и «меньшими» резко проявилась во Пскове в Смутное время и очень ярко описана в 1-й Псковской летописи под 1606—1611 гг.

и раздоры между «лучшими» и «молодшими» особенно часто возникали при раскладке государева податного тягла, которое посадские должны были раскладывать меж себя по животам и по промыслам». Коллективная ответственность за исправный взнос податей лежала на всем посадском обществе и, в первую очередь, на его выборных органах.

Кроме государевых податей, на посадских обществах лежал еще тяжелый груз служебных и рабочих повинностей. Московское государство имело сложную и запутанную финансовую систему, со множеством различных податей и сборов, денежных и натуральных, и с обширным государственным хозяйством. Московское правительство вело обширные операции по внешней и внутренней торговле; важным предметом этой торговли были, в частности, сибирские меха, которые в огромном количестве собирались в виде подати с сибирских инородцев, затем сортировались и продавались за границу; другими предметами казенной торговли бывали в разное время хлеб, рыба, соль, поташ, смола, лен, пенька и т. д., причем иногда торговля тем или иным товаром объявлялась казенной монополией⁶⁶. Весьма важную доходную статью составляла торговля вином. Иногда правительство отдавало эту торговлю на откуп частным лицам, которые, заплатив правительству откупную сумму, потом с лихвой собирали ее с несчастных «питухов» (как назывались в Московской Руси потребители водочных изделий). Иногда же правительство само вело продажу водки с «кружечных дворов» «на вере», т. е. под присягою и под ответственностью «кружечных голов» и «цловальников». Внешние и внутренние таможенные сборы с продаваемых (или только провозимых) товаров требовали огромного штата сборщиков, таможенных голов и целовальников.

Сбор пошлин таможенных и проездных (на мостах и перевозах) и разных натуральных платежей, заведование казенными промыслами и операциями, винными, хлебными, соляными, рыбными и др., торговля казенными товарами и их сбор (или покупка), сортировка, распределение

⁶⁶ В Псковской летописи под 1636 г. рассказано, как воспринимало население эти казенные монополии: «Отняли у пскович торговлю, что льном не торговати всяким людям и гость московский прислан, велено ему купити (лен) на государя по указанной цене московской; и много шкоты монастырем и всяким людем сотворися, и насильству и грабежу достойно... и цена невольная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая и вражда несказанныя от всей земли связь, ни купити ни продати не сметь никому же помимо».

и продажа — все это требовало огромного штата служащих и рабочих. Тяглые посадские общества во главе с «гостями», которые составляли как бы «главный финансовый штаб» царя и были обязаны поставлять правительству обширные кадры бесплатных работников — голов, целовальников, сторожей, извозчиков и т. д. — для обслуживания многочисленных и сложных хозяйственных и финансовых операций казны. Эти службы не только отвлекали посадских людей от их торгов и промыслов, но еще угрожали им разорительными штрафами и конфискациями в случае, если бы их «оплошкою и нерадением» учинился в государственных сборах недобор, а понятию «оплошки и нерадения» приказные судьи склонны были придавать весьма широкое толкование...

Московская буржуазия, таким образом, была весьма далека от положения «господствующего класса»⁶⁷, а ее организации служили не ее собственным, а государственным интересам⁶⁸.

Яркую картину социального и экономического положения московского торгово-промышленного класса рисуют «сказки» представителей этого класса, поданные ими царю на Азовском соборе 1642 г.⁶⁹.

⁶⁷ Современник Петра Вел., «торговый мужик» Погошков писал о московских временах, что «бояре не ставили купечества ни в личную скорлупу; бывало на грош купечество променяют!».

⁶⁸ Организация торговых людей в Москве «не была рассчитана на развитие торговли и промыслов. Надо сказать даже более, эта организация была прямо противоположна интересам торговли и промыслов» (Сергеевич).

⁶⁹ «И гостишка и гостиные и суконые сотни торговые людишка сказали: ...а мы, холопи твои... питаемся на городех от своих промыслишков, а поместий и вотчин за нами нет никаких, а службы твои государевы служим на Москве и в иных городех по вся годы беспрестаны, и от тех твоих государевых беспрестанных слежеб и от пятинные деньги» (чрезвычайный налог во время войны с Польшей 1632 — 1634 гг.) «многие люди оскудели и обнищали до конца; а будучи мы, холопи твои, на твоих государевых службах на Москве и в иных городех собираем твою государеву казну, за крестным целованием, с великою прибылью... А торжишка, государь, у нас стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишка на Москве и во всех городех отняли многие иноземцы, немцы (европейские купцы) и кизылбашцы (персидские купцы), которые приезжают к Москве и в иные города со своими большими торгами и торгуют всякими товарами; а в городех свякие люди обнищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод... и мы, холопи твои, и сироты милисти у тебя государя царя просим, чтоб тебе, государю... в нашу бедность возрить»... — «И черных сотен и слобод сотских и старостишка и все тяглые людишка сказали: ...а мы, сироты твои, черных сотен и слобод старостишка и все тяглые людишка ныне оскудели и обнищали от великих пожаров, и от пятинных денег и от даточных людей, от подвод, что

5. Холопы и вольные гулящие люди. Полные холопы в Московском государстве, как и прежде, были вместе со своим потомством полною собственностью своих господ и их наследников. С конца XV в. в Москве появляется новый вид холопства, «кабальные люди» или «кабальные холопы» (слово «кабала» означало заемную расписку, долговое обязательство). Люди, поступившие в домашнее услужение, выдавали своему господину (прежде — добровольно, а с конца XVI в. — обязательно) служилую кабалу, или «кабалу за рост служити», т. е. их служба во дворе кредитора рассматривалась как уплата процентов по займу. Их служба была личной и пожизненной; со смертью кредитора обязательство службы прекращалось и кабальный получал свободу, если он добровольно не выдавал на себя новой кабалы наследникам умершего.

Общество церковных людей состояло из тех же элементов, как в Древней Руси. Однако оно чрезвычайно возросло количественно ввиду роста земельных владений монастырей, под управлением которых находилось теперь множество монастырских слуг, крестьян, бобылей и всяких работных людей. Лишь Уложение 1649 г. категорически запретило монастырям приобретение новых вотчин.

Помимо всех перечисленных разрядов населения в Московском государстве находилось еще очень много «вольных, гулящих людей», которые не находились в частной зависимости и не были записаны в государевых тяглых посадских или волостных общинах. Это были «поповичи», не пошедшие в священники, дети подъячих, не поступившие на службу, дети служилых людей, не «поверстанные» поместьями, дети посадских и крестьянских тяглецов, не зачисленные в тягло, и разные неимущие люди, добывавшие пропитание различными способами — наемные рабочие, бродячие музыканты и певцы («скоморохи»), нищие и бродяги. Из массы вольных гулящих людей обычно набирались в случае надобности «служилые люди по прибору» и солдаты полков «иноzemного строя», формировавшихся во время войны.

мы, сироты твои, давали тебе, государю, в Смоленскую службу, и от поворотных денег, и от городового земляного дела, и от твоих государевых великих податей, и от многих целовальничьих служб, которое мы, сироты, служили... И от тое великие бедности многие тяглые людишка из сотен и из слобод разбрелися розно и дворишко свои мечут.

Часть III ПЕРИОД ИМПЕРИИ

Глава XI

ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО (1682—1689—1725)

1. *Воспитание и характер Петра.* Петр родился 30 мая 1672 г. от второй жены царя Алексея, Наталии Кирилловны Нарышкиной. Ему было 3,5 года, когда умер его отец и на престол вступил его сводный брат Федор, сын первой жены царя Алексея, Марии Ильиничны Милославской. После смерти Федора в 1682 г. и захвата власти его сестрой царевной Софьей (дочерью Милославской) царица Наталия с сыном были удалены от двора и проживали в подмосковных дворцовых селах Преображенском и Коломенском. Здесь маленький Петр жил и рос на просторе, среди полей и лесов, вдали от чопорной и стеснительной обстановки царского дворца; рос, окруженный деревенскими ребятишками, преимущественно детьми дворцовых служителей (конюхов, псарей и т. д.) и крестьян. Из этих ребятишек он набрал себе компанию «потешных» для военных игр и забав; с течением времени эти игры стали приобретать более широкие размеры и более серьезное значение — и его «потешные» послужили ядром, из которого образовались два первых солдатских полка регулярной Петровской армии — Преображенский и Семеновский (названный по имени соседнего села Семеновского)¹. Для обучения солдат Петру нужны были инструкторы, которых он нашел в недалекой Немецкой слободе; (он запросто и часто бывал в этом «уголке Европы», нашел там новых друзей, заинтересовался жизнью Европы и особенно европейской техникой. Желая изучить

¹ Петр проходил военную службу наравне со своими солдатами, ходил в походы или стоял на карауле наравне со всеми, маршировал впереди своего Преображенского полка, но не в качестве его командира, а в качестве барабанщика; долгое время он носил чин «бомбардира», потом капитана, и только после Полтавской победы он получил генеральский чин.

военную технику, в частности артиллерийское и инженерное искусство, он стал заниматься математическими науками. Наряду с интересом к военно-техническим наукам Петр с ранней молодости проявлял активный интерес к ремеслам, из коих некоторыми он овладел в совершенстве. Однако уровень его общего или теоретического образования был весьма невысок; дьяк Никита Зотов научил Петра в его детские годы чтению и письму, но о правильном образовании и воспитании его никто не заботился. Петр был религиозным человеком, любил петь в церковном хоре и читать Апостола в церкви, он был вспыльчив, несдержан и в гневе жесток. Его умственные интересы были чрезвычайно широки и разносторонни, его духовные и физические силы исключительны. Великан, целой головой выше толпы, и силач, он развил свою силу и выносливость как военными упражнениями, так и постоянным обращением с топором и молотком. Проникнутый чувством царственного долга, идеей служения своему народу и государству, он служил им не щадя своих сил и здоровья, и не раз рисковал своей жизнью.

2. *Стрелецкий бунт 1682 г. и правление царевны Софьи (1682—1689).* Царь Федор Алексеевич умер 27 апреля 1682 г. Остались два брата его — 15-летний Иван, болезненный и слабоумный, и 10-летний Петр — здоровый, живой, даровитый мальчик. Патриарх Иоаким и бояре решили провозгласить царем Петра, и московский народ, собравшийся на Красной площади, криком своим подтвердил это решение. Однако старшая сестра Ивана, энергичная и честолюбивая царевна Софья и группировавшаяся вокруг нее партия Милославских, воспользовавшись недовольством московских стрельцов против их начальников и распространив слух, что Нарышкины хотят «извести» царевича Ивана, подняли стрельцов на бунт, который вспыхнул 15 мая 1682 года. Толпы вооруженных стрельцов ворвались в Кремль и убили нескольких бояр Нарышкинской партии, в том числе воспитателя царицы Натальи, боярина Матвеева и двух ее братьев, родных дядей маленького Петра, который был, конечно, чрезвычайно напуган и потрясен кровавыми картинами бунта и убийства близких ему людей.

По требованию стрельцов оба брата, Иван и Петр, были провозглашены царями, а правительницей государства стала «благоверная государыня царевна София Алексеевна». Летом этого года новое правительство подавило

смуту, поднятую «раскольниками» в Москве, а в сентябре избавилось от честолюбивых замыслов нового начальника Стрелецкого приказа князя Хованского, который по приказанию правительницы был схвачен и казнен. В стрелецких полках была восстановлена дисциплина, и Софья начала править государством с помощью своего любимца; князя Василия Васильевича Голицына. Во внешней политике правление Софьи и Голицына ознаменовалось заключением в 1686 г. «вечного мира» с Польшей на условиях Андрусовского перемирия 1667 г. Король польский обещал, что он своим православным подданным «никакого утеснения и к вере Римской и к Унии принуждения чинить не велит и быти то не имеет». Оба государства договорились далее о совместной обороне против турок и татар.

По мере того как Петр подрастал и приближался к совершеннолетию, отношения между ним и Софьей становились все более натянутыми и прямо враждебными. Однажды ночью о августе 1689 г. Петру донесли, что Софья со стрельцами собирается «извести» его, и перепуганный Петр ускакал из Преображенского в Троицкий монастырь, куда вслед за ним и по его призыву отправились царица Наталия, бояре, «потешные» полки, служилые иноземцы и часть стрельцов. Софья увидела свое бессилие и отказалась от борьбы и от власти. Она была послана на житье в Новодевичий монастырь, князь В. В. Голицын сослан, начальник Стрелецкого приказа Шакловитый казнен.

3. Молодые годы царя Петра (1689—1694). Азовские походы (1695—1696). Освободившись от опеки сестры, Петр, однако, не сразу начал управлять государством. Управляли некоторые бояре вместе с царицей Наталией (до ее смерти в 1694 г.), а Петр пуще прежнего предавался «Марсовым потехам», т. е. военным играм и маневрам, к которым скоро присоединились «Нептуновы потехи». Петром овладела новая страсть — кораблестроение; сначала он с помощью своих иностранных учителей (голландцев) строил корабли на р. Яузе, потом перебрался на Переяславское озеро (в 120 верстах к северо-востоку от Москвы), а в 1693 г. отправился в Архангельск и устроил там корабельную верфь, на которой сам работал топором и пилой. Чтобы «остепенить» своего непоседливого сына, мать в январе 1689 г., женила Петра на Евдокии Лопухиной, но нелюбимая жена ненадолго привязала его к дому. После смерти матери Петр, если не в Архангельске и не в дороге, то «днует и ночует» в Немецкой слободе, где проводит

время в занятиях или в пирушки со своими друзьями — иноземцами (это были француз Лефорт, шотландец Гордон и др.).

В 1695 г. военные потехи Петра закончились и уступили место серьезным военным предприятиям. В этом году Петр предпринял свой первый поход на Азов, сильную турецко-татарскую крепость в устьях Дона². Однако осада Азова была неудачной; у русских не было флота, а турки беспрепятственно получали подкрепления и снабжение морем; после двух неудавшихся штурмов русские войска вынуждены были отступить. Но неудача не обескуражила Петра. Он начал с чрезвычайной энергией и большой поспешностью собирать силы для второго похода и строить (главным образом в Воронеже) военный и транспортный флот. При втором азовском походе Азов был подвергнут полной блокаде, и в июне 1696 г. крепость сдалась. Взяв Азов, Петр начал постройку крепости и гавани Таганрог на Азовском море.

4. Заграничное путешествие Петра (1697—1698). Стрелецкий «розыск». Начало преобразований. В 1697 г. Петр решил предпринять путешествие за границу — дело небывалое для московских государей! Весною 1697 г. из Москвы выехало «великое посольство» для переговоров с европейскими дворами о заключении союза христианских государств против турок; в многочисленной свите посольства числился «Преображенского полка урядник Петр Михайлов», который хотел своими глазами посмотреть все диковинки европейской техники и цивилизации, и прежде всего основательно поучиться корабельному искусству. В Риге посольство было очень сухо принято шведскими властями, и губернатор не позволил Петру осматривать укрепления, что вызвало чрезвычайное недовольство и раздражение Петра против этого «проклятого» места. Зато встреча Петра с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III в Кёнигсберге была весьма дружественной. Здесь же Петр с успехом учился артиллерийскому искусству. Затем, опередив посольство, Петр поехал в Голландию, где сначала работал корабельным плотником на верфи в маленьком городке Саардаме, а потом переехал в Амстердам, где в течение более 4 месяцев работал на верфях

² Во время осады Азова бомбардир Петр Алексеев принимал непосредственное участие в бомбардировке крепости и впоследствии записал: «Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром».

Ост-Индской компании и осматривал город. Из Голландии Петр в январе 1698 г. переехал в Англию для изучения теории кораблестроения, жил некоторое время в Лондоне, потом перебрался в Дептфорд, где работал несколько месяцев на королевской верфи. Пребывая за границей Петр вел переговоры с государственными людьми, учился морскому делу и все наблюдал, изучал и осматривал: военное устройство и административные учреждения, верфи и корабли, фабрики и мастерские, типографии и лаборатории, госпитали, храмы и музеи; в то же время он нанимал на русскую службу множество иноземных мастеров всех профессий.

В июне 1698 г. Петр поехал в Вену, а оттуда хотел ехать в Венецию, как вдруг получил из Москвы известие о новом стрелецком бунте³ и с чрезвычайной поспешностью поехал в Москву, куда он примчался, полный раздражения и гнева в конце августа 1698 г. Стрелецкий бунт, точнее отказ от повиновения нескольких стрелецких полков, которые несли тяжелую азовскую службу вдали от своих семей и своих домов, был подавлен уже до прибытия Петра, но это не успокоило разгневанного царя. В третий раз московская старина, в лице стрельцов, поднималась против него, угрожая его жизни и его делу, и он решил раз и навсегда сокрушить сопротивление. С исключительной и совершенно ненужной жестокостью Петр повел стрелецкий «розыск», в результате которого свыше 1000 стрельцов после мучительных пыток были казнены, а все московские стрелецкие полки были расформированы. Царевна Софья была насильственно пострижена в монахини.

Длинная борода и длиннополое московское платье стали для Петра символом и как бы знаменем оппозиционной московской старины, и он повел на них яростную атаку. Он собственноручно обрезал бороды своим боярам (пощадив лишь некоторых стариков) и затем вообще предписал всем, кроме духовенства и крестьян, сбрить бороды и носить «немецкое» платье.

Продолжая свои нововведения, Петр в 1699 г. приказал летосчисление вести не от сотворения мира, а от Рождества Христова и новый год праздновать не 1 сентября (когда начинался церковный новый год), а 1 января, как в Европе. Желая преобразовать городской класс в России

³ Незадолго перед отъездом Петра был раскрыт и жестоко наказан заговор Циклера, Соковнина и Пушкина, хотевших убить царя и привлекших на свою сторону нескольких стрельцов.

по образцу европейских городов, Петр уже в 1699 г. издал указ об учреждении в Москве «бурмистерской палаты», или ратуши, а по городам — земских изб с выборными «бурмистрами», которые должны были управлять городским населением независимо от общей областной администрации.

В 1702 г. Петр издал манифест о вызове иностранцев на службу в Россию, обещая им хорошие условия, охрану их прав и свободу совести. По смерти Лефорта и Гордона (1699 г.) главнейшими сотрудниками Петра стали один из бывших «потешных», сын придворного конюха А. Д. Меншиков (способный администратор и полководец, но человек весьма невысокой морали), Б. П. Шереметев, Апраксины, Головкин и П. А. Толстой⁴.

5. Великая Северная война; Нарва (1700) и Полтава (1709). Основание Санкт-Петербурга (1703). Бунты на юге государства (1705—1708). Во время своего заграничного путешествия Петр встретился и подружился с Августом II, королем польским и курфюрстом саксонским, который склонил Петра примкнуть к союзу Дании, Польши и Саксонии против Швеции, владевшей тогда почти всем побережьем Балтийского моря.

Петр склонился к этому союзу тем легче, что попытки его составить союз христианских держав против Турции остались безрезультатными. Летом 1700 г. русский посол Украинцев заключил в Константинополе перемирие с Турцией на 30 лет. Турция согласилась уступить России Азов с прилегающей областью; Московское государство освобождалось от платежа ежегодной «дачи» крымскому хану; в Константинополь был допущен постоянный резидент царского величества, с правами и привилегиями резидентов «иных друзей блистательной Порты».

8 августа Петр получил от Украинцев донесение о заключении мира, а 9-го он двинул свои войска к шведской границе (после того как Дания и Август уже начали войну со шведами). Первоначальным соглашением было установлено, что Петр должен был завоевать для себя Ингрию и Карелию, а Ливония должна была достаться Августу. У Петра была довольно многочисленная армия. В 1699 г. из новобранцев и из навербованных охотников было сфор-

⁴ Важную и мрачную роль в управлении играл князь Ромодановский, начальник страшного Преображенского приказа (департамента «розысков», пыток и казней). Петр дал ему титул «князя-кесаря» и писал ему письма в форме донесений от подчиненного государю.

мировано 27 пехотных и 2 драгунских полка (от 800 до 1300 человек в каждом), но армия эта была еще неопытная и недостаточно обученная, а офицеров-иностраницев солдаты не любили и не понимали. Командовал армией бывший генерал австрийской службы. Осенью 1700 г. армия эта, в составе 35—40 тысяч, осадила Нарву. Однако в молодом шведском короле Карле XIII союзники неожиданно встретили опасного противника. Явившись внезапно перед Копенгагеном с прекрасно обученной и дисциплинированной шведской армией, Карл в августе 1700 г. заставил датского короля Фридриха заключить мир (в Травендале), а затем обратился против русских, осаждавших Нарву. В ноябре 1700 г. Карл внезапно атаковал русских под Нарвой и обратил их в бегство, несмотря на их значительное численное превосходство; только Преображенский и Семеновский полки сохранили боевой порядок и отбивались от неприятеля. Думая, что с русскими все покончено и что Петр перестал быть серьезным противником, Карл обратился против Августа и надолго «увяз в Польше» (по выражению Петра), а Петр тем временем со всей присущей ему энергией и настойчивостью взялся за воссоздание русской военной силы. Рекрутские наборы доставили пополнение для вновь формируемых полков, в которых постепенно образовался и русский офицерский состав (частью из преображенских и семеновских унтер-офицеров). «Надзиратель артиллерии» Виниус меньше чем за год изготовил свыше 300 орудий, частью из колоколов, снятых с церковных колоколен. В конце 1701 г. и в 1702 г. Шерemetев перешел в наступление в Лифляндии, одержал две победы над шведскими отрядами и опустошил страну. На севере осенью 1702 г. был взят Нотебург (древний Орешек), — при истоке Невы из Ладожского озера, и назван Шлиссельбургом. Весною 1703 г. русскими была взята небольшая шведская крепость Ниеншанц, при устье Невы. «16 мая 1703 года на одном из островков невского устья стучал топор: рубили деревянный городок. Этот городок был Питербурх, столица Российской Империи (Соловьев). На р. Свири была устроена корабельная верфь (Лодейное Поле), на которой спешно строились суда для будущего балтийского флота. Осенью 1703 г. Петр начал уже работы на о. Котлине для постройки морской крепости Кроншлота (ныне Кронштадт). В 1704 г. были взяты сильные шведские крепости Нарва и Дерпт (Юрьев).

Петр всей душой привязался к новому городу Санкт-Петербургу, который, по мановению его сильной руки,

возникал на болотистых берегах Невы и который он называл своим «парадизом». Но дорого стоил этот «парадиз» русскому народу, который ежегодно должен был поставлять на постройку Санкт-Петербурга тысячи и тысячи рабочих, из которых значительная часть стала жертвами болезней и тяжелой работы в нездоровом и непривычном климате.

Потери и тягости войны, постоянные наборы рекрутов и рабочих, тяжесть податей, повинностей и косвенных налогов обременяли народ и вызывали «превеликий всенародный вопль, а паче в поселянах» (по выражению одного из сотрудников Петра). Недовольство народа прорвалось бунтами на юге государства. В 1705 году вспыхнуло восстание в Астрахани, которое было подавлено в 1706 г. Тогда же начались волнения башкир, которые в 1707—1708 гг. перешли в открытый бунт. Не успело правительство справиться с башкирским бунтом, как начались волнения на Дону. Множество народа бежало на вольный Дон от тягостей службы, работ и платежей. Бежали крестьяне, бежали солдаты, бежали работники с казенных работ.— Кроме старых «низовых» казачьих городков на Дону и его притоках, главным образом на Дону, возникло множество новых городов, населенных недавними беглецами. Петр, конечно, не мог допустить такой «утечки» своих военных и рабочих сил, и в 1705 г. он приказал «свесть» новые («верховые») городки, возвратить на старые места всех пришлых после 1695 года и впредь не принимать беглых на Дон. Требования его остались неисполненными, и в 1707 г. он послал на Дон отряд солдат для отыскания и возвращения беглых. Эта мера вызвала восстание «голутвенных» казаков: под начальством Кондратия Булавина они напали на солдат и перебили их. Атаман Лукьян Максимов со старыми донскими казаками выступил против Булавина и разбил его, но Булавин бежал в Запорожье и с помощью запорожцев овладел Доном, убил атамана и нескольких старшин, после чего сам был провозглашен атаманом. Однако в 1708 г. восстание было подавлено (Булавин сам застрелился), участники мятежа были жестоко наказаны, а «верховые» городки были разорены.

Тем временем Петр с полным напряжением сил продолжал войну со шведами. Карл XII, решив покончить сначала с Августом, вошел в Польшу, взял Варшаву и привлек на свою сторону часть польской шляхты, которая провозгласила королем Станислава Лещинского (1704 г.). Затем Карл перенес войну в Саксонию и в октябре 1705 г.

заставил Августа заключить мир (в Альтранштадте, близ Лейпцига) и отказаться от польской короны и от союза с Петром.

Отдохнув в Саксонии, шведская армия в конце 1707 г. выступила против России. Шведы прошли Белоруссию — от Гродно до Могилева, Петр, ожидая их вторжения в Россию, приказал укреплять Москву и другие русские города. Русская армия отступала в порядке, сохраняя полную боеспособность⁵. В середине сентября Карл внезапно повернул на юг и пошел на Украину, рассчитывая на помошь гетмана Мазепы (который находился с ним в тайных сношениях) и на восстание казаков против Петра. Петр воспользовался этим и 28 сентября 1708 г. атаковал при деревне Лесной (на р. Соже) и разбил большой отряд шведского войска, шедший из Лифляндии на соединение с Карлом, причем шведы потеряли всю артиллерию и обозы. Мазепа в конце октября присоединился к шведам, но с ним пришло лишь около 2 тысяч казаков, а масса казацких войск не пошла за ним. Манифести шведского короля и универсалы Мазепы с призывами к восстанию против Петра не производили ожидаемого ими действия, и Петр с удовлетворением писал Апраксину: «Малороссийский народ так твердо, с помощью Божией, стоит, как «больше нельзя от них требовать; король посыает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит). Мазепа был предан церковному проклятию, его столица Батурин был взят и сожжен Меньшиковым; на раде в Глухове (в начале ноября 1708 г.) гетманом был избран стародубский полковник Иван Скоропадский. Весною 1709 г. запорожцы перешли на сторону Мазепы и Карла, после чего Сечь была взята и разорена русскими войсками.

Шведская армия, оказавшаяся в чужой и враждебной стране, утомленная и ослабленная длительной войной, маршами и сражениями, пострадавшая от морозов в суровую зиму 1708—1709 гг., имевшая незначительную артиллерию (при недостатке снарядов), оказалась летом 1709 г. в очень трудном положении, тогда как армия Петра непрерывно усиливалась подходом подкреплений и подвозом снаряжения и боевых припасов. В мае шведы осадили Полтаву, но не могли ее взять, а в июне на выручку

⁵ После битвы у местечка Доброго в авг. 1708 г., Петр писал: «я, как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал».

Полтавы явился Петр с главными силами. 27 июня произошла «генеральная баталия»⁶, в которой шведская армия потерпела полное поражение и обратилась в бегство; настигнутые русской конницей у Переяловичи (на берегу Днепра) остатки шведской армии сдались (в числе около 16 тыс.), и таким образом первоклассная и дотоле непобедимая шведская армия перестала существовать. Карл (раненый еще до Полтавской битвы) с Мазепой и несколькими сотнями шведов и казаков успел перебраться через Днепр и бежал в турецкие владения.

Полтавская «виктория» имела огромное значение в политической истории Европы. Военное могущество Швеции одним ударом было сокрушено, ее главенство на Балтийском море и вообще в Северной Европе было потеряно и перешло к России. Через несколько месяцев после Полтавской битвы Петр возобновил союзные договоры с Августом (который снова стал польским королем) и с Данией против Швеции.

В 1710 г. русские войска успешно действовали на севере и северо-западе. Было закончено, покорение Карелии, и в Финляндии был взят Выборг, который теперь перестал быть угрозой С.-Петербургу. В том же году были взяты Рига, Ревель, Аренсбург (главный город острова Эзель) и ряд других городов Прибалтийского края.

6. Прутский поход (1711 г.). Петра беспокоило присутствие Карла XII в Турции, и он требовал его удаления (другой враг Петра, Мазепа, умер осенью 1709 г.) Карл, со своей стороны, всячески старался поссорить Турцию с Россией, и в конце 1710 г. Турция объявила России войну. Петр решил идти со своим войском «в земли турские», «уповая, что Всевышний нам на сего вероломного и наследного, не токмо нашего, но и всего христианства неприятеля победу подаст, и оружися нашим христианским иные многие под игом его варварским стенящие христианские народы свободить соизволит, в чем мы, яко христианский и благочестивый монарх, трудитися, не щадя и здравия своего, к славе имени Господня, готовы есмы».

⁶ Перед битвой Петр издал следующий приказ: «Ведало бы российское воинство», что пришел час решительной битвы не за Петра, «но за государство, Петру врученнное» за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял... А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние». В Полтавской «баталии» Петр «сражался с полком своим лично, быв в великом огне», и одна из свинцевых вокруг него пули пробила его шляпу.

Выдвигая таким образом смелую и широкую программу освобождения балканских христиан от турецкого ига, Петр посыпал грамоты к сербам и черногорцам с призывами к немедленному восстанию против турок⁷. Весною 1711 г. царь вошел в секретные переговоры с господарями Молдавским (Кантемиром) и Валашским (Бранкованом), которые обещали помочь русским войскам против турок. С Кантемиром был заключен формальный договор о принятии его с его княжеством в российское подданство.

В надежде на помошь балканских христиан Петр быстро двинулся против турок с небольшой (около 40 тыс.) армией. Молдавский господарь Кантемир действительно перешел на его сторону, но общего восстания христиан в Молдавии и Валахии не произошло, и русское войско скоро оказалось в весьма затруднительном положении: летом 1711 г. оно было окружено 200-тысячной турецко-татарской армией и три дня (8—10 июля) мужественно отбивало атаки неприятеля, но положение его становилось все более безнадежным («никогда, как и почал служить, в такой десперации не были», писал потом Петр). Русские вступили в мирные переговоры, и 12 июля русским уполномоченным удалось заключить с великим визирем Магмет Пашою мирный договор, по которому Россия обязалась возвратить туркам Приазовье (разрушивши крепости Азов и Таганрог), не вмешиваться в польские дела и не держать в Царьграде постоянного резидента.

7. Окончание Великой Северной войны; Ништадтский мир (1721) и провозглашение Империи Всероссийской. Персидский поход (1722—1723). Потерпев тяжелую неудачу на южном фронте, Петр с удвоенной энергией принялся за продолжение войны против Карла XII.

В 1712 г. Петр послал Меншикова с войском в Померанию, чтобы вытеснить оттуда шведов. В 1713 году Штеттин сдался Меншикову и был отдан королю прусскому Фридриху-Вильгельму I, союзнику Петра.

В 1714 г. русские войска заняли почти всю Финляндию. В том же году русский флот одержал победу над

⁷ Царь писал в своих грамотах: «В нынешнее... постакное время пристойно есть вам древнюю славу свою обновить, осоюзившись с нашими силами и единодушно на неприятеля вооружившись, воевать за веру и отечество, за честь и славу нашу, и за свободу и вольность наследников наших... мы иной себе славы не желаем, как только да возможем тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить...».

шведским флотом при мысе Гангуте и занял Аландские острова. В 1717 г. Петр посетил Париж, пытаясь привлечь и Францию к союзу против Швеции. В 1718—1719 г. на Аландских островах происходили мирные переговоры между Россией и Швецией, но они не привели к соглашению. В декабре 1718 г. Карл XII был убит в Норвегии, и новое шведское правительство решило продолжать войну. Чтобы принудить Швецию к миру, русские десанты производили опустошительные вторжения в Швецию, и казаки подходили к самым предместьям Стокгольма. Наконец, в 1721 г. (30 августа) на мирном конгрессе в Ништадте (в Финляндии) был подписан договор «вечного мира» между Россией и Швецией. Швеция уступала России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и часть Карелии (с Выборгом), а также острова Эзель и Даго. Россия обязывалась возвратить Швеции Финляндию и уплатить 2 млн. «ефимков»⁸. Уступленные России провинции должны были сохранить свои права и привилегии и свою «евангелическую веру, кирхи и школы». Оба государства производят размен пленных без всякого выкупа⁹.

Петр был чрезвычайно доволен заключением мира и шумно его отпраздновал. Сенат поднес Петру чин адмирала и титулы «отца отечества», «Великого» и «Императора Всероссийского».

Но Петр недолго отдыхал от своих военных трудов. В мае 1722 г. он уже выступил с войском в персидский поход. Воспользовавшись смутами в Персии (и обещая персидскому шаху помочь против «бунтовщиков»), Петр занял своими войсками города Дербент и Баку с прилежащими областями, а также провинции Гилянь, Мазандеран и Астрабад на южном побережье Каспийского моря¹⁰.

8. Военная реформа: создание регулярной армии и военного флота. Великим делом Петра было создание

⁸ Серебряная монета, ценностью около 0,75 рубля.

⁹ Однако принудительная репатриация пленных не допускалась: «а те, которые у одной или другой стороны службу приняли, или иначе в землях одной или другой стороны остаться намерены будут: в том без изъятия всякую свободу и совершенную мочь иметь (будут)».

¹⁰ По договору 1723 года эти провинции были уступлены царю в венное владение, но договор этот не был ратифицирован персидским шахом, а в 1732 г. правительство Анны Ивановны возвратило Персии эти провинции ввиду того, что удержание их было связано с большими затратами для правительства и с потерями, которые несли русские войска в непривычном и нездоровом климате, среди враждебного населения.

регулярной российской армии. Старая московская милиция помещиков и вотчинников и их вооруженных слуг уже в XVII в. обнаружила свою полную несостоятельность и была, конечно, совершенно непригодна для войны с прекрасно обученной и вооруженной шведской армией. Московские стрелецкие полки Петр расформировал, и таким образом в конце XVII века он остался почти без армии. Полки, наспех сформированные в 1699—1700 гг. и отданые под команду иноземных офицеров, показали под Нарвой свою несостоятельность. С величайшей энергией и настойчивостью принялся Петр (с помощью своих преображенцев и семеновцев) за комплектование и обучение новой армии. Его усилия увенчались полным успехом, и в кампании 1708—1709 гг. новая русская армия показала себя на уровне любой европейской армии. Для комплектования армии солдатским составом прежний случайный и беспорядочный «прибор» «охотников» и «даточных людей» был заменен периодическими рекрутскими наборами; первый был произведен в 1705 году, и затем до 1710 г. наборы повторялись ежегодно по норме — по одному рекруту с 20 тяглых дворов, что должно было давать около 30 тысяч рекрутов в каждый набор.

Для подготовки офицерского состава из русских людей было учреждено несколько специальных школ (навигацкая, артиллерийская, инженерная), но главной военно-практической школой и рассадником офицерства для армейских полков служили гвардейские полки — Преображенский и Семеновский, к которым в 1719 г. был добавлен драгунский «лейб-регIMENT». Царский указ 26 февраля 1714 г. решительно запрещал производить в офицеры дворян («и иных со стороны»), которые не служили солдатами в гвардейских полках и «с фундаменту солдатского дела не знают». В 1716 г. был издан подробный Воинский устав, который также постановлял, что «шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии» (этими постановлениями Петра объясняется преимущественно дворянский состав гвардейских полков в XVIII в.).

В конце царствования Петра Великого численность регулярного сухопутного войска в России доходила до 200 тыс., в том числе в гвардии около 3 тыс., в армейских полках конных около 42 тыс. и пехотных 75 тыс.; в гарнизонах 74 тыс.; в артиллерии и инженерных ротах около 6 тыс., иррегулярные войска, главным образом казаки, составляли около 100 тысяч.

Военный флот состоял из 48 линейных кораблей и около 800 галер и иных судов, с общей численностью экипажа около 28 тыс. (в 1720 г. был издан подробный Морской устав).

В конце царствования Петра, по прекращении войны со Швецией, армейские солдатские полки были расквартированы в сельских местностях (что послужило, конечно, немалому отягощению местных жителей). При этом Петр поручил полковникам с офицерами производить сбор новоустановленной подушной подати с местного населения.

9. Преобразование центрального и местного управления. Не только военные реформы Петра, но и предпринятые им преобразования гражданского управления в большинстве находились в связи с тяжелой, непрерывной войной и военными нуждами. Поэтому большинство этих преобразований, особенно в первый период Петровского царствования, производились наспех, от случая к случаю, без определенного плана и программы, и только в последние 7—8 лет его царствования новые административные учреждения приводятся в систему и получают надлежащие инструкции и уставы («регламенты»). С другой стороны, Петр усиленно стремится создать контрольные органы для обеспечения правильного хода административной машины для борьбы со злоупотреблениями должностных лиц.

Сенат. Высшим учреждением петровской администрации был «правительствующий Сенат», сменивший прежнюю боярскую думу. Перед выступлением в Прутский поход Петр 22 февраля 1711 г. издал указ: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления»; в состав Сената было назначено 9 членов и обер-секретарь. 2 марта царь издал указ о власти и ответственности Сената, «которому всяк и их указам да будет послушен так, как нам самому» и оставил Сенату «указ, что по отбытии нашем делать»¹¹. Для надзора за деятельностью администрации при Сенате была учреждена должность обер-фискала, которому должны были быть подчинены провинциал-фискалы. Будучи учрежден как временная комиссия для управления государством в отсутствие царя, Сенат, однако, по возвращении царя из

¹¹ В указе 2-го марта предписывалось Сенату «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения»; «дворян собрать молодых» для военной службы и позаботиться об исправном сборе государственных доходов («понеже деньги суть артериою войны») и о развитии заграничной торговли.

Прутского похода сохранился как высшее государственное учреждение, административное, судебное и контрольное¹². В 1715 г. при Сенате была учреждена должность генерального ревизора, или надзирателя указов, а в 1722 г. была учреждена должность генерал-прокурора, который был «должен накрепко смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал», иметь надзор над прокурорами и фискалами и вообще быть «оком» царя во всех делах государственного управления.

В том же 1722 г. была учреждена особая должность *рекетмейстера*, который должен был принимать и рассматривать жалобы на волокиту или несправедливые решения коллегий, доносить о том Сенату и требовать решения, а в некоторых случаях докладывать дело самому государю.

Коллегии. Многочисленная, сложная, запутанная и бессистемная «толпа» московских приказов не могла удовлетворить потребностям нового «регулярного» правления, которое стремился установить Петр, и потому он произвел коренную перестройку органов центрального управления. В 1717—1718 г. были учреждены девять коллегий: воинская, адмиралтейская, иностранных дел, юстиц-коллегия, камер-коллегия (ведомство государственных доходов), ревизион-коллегия, штатс-контора (ведомство государственных расходов), коммерц-коллегия, берг- и мануфактур-коллегия. Впоследствии ревизион-коллегия слилась с Сенатом; вновь была учреждена вотчинная коллегия для земельных дел; для управления городами был в 1721 г. учрежден главный магистрат. В 1722 г. в Глухове была учреждена малороссийская коллегия для регулярного управления «малороссийским народом».

Коллегиальное управление в России было учреждено по шведскому образцу, и в 1718 г. Петр указал сочинить регламенты для всех коллегий на основании «шведского устава», изменив надлежащим образом «которые пункты в шведском регламенте неудобны, или с ситуациою сего государства не сходны».

Присутствие коллегии составлялось из 11 членов: президента, вице-президента, 4 советников и 4 ассессоров, к которым добавлялся один советник или ассессор из иностранцев; из двух секретарей коллежской канцелярии также один назначался из иностранцев. Президентами кол-

¹² Сенат получал донесения от губернаторов и коллегий и посыпал на места своих ревизоров.

легий были назначены русские; вице-президентами в большинстве коллегий были иностранцы. Введением коллегиальной системы Петр надеялся достигнуть в управлении большего порядка правильности и законности, устранить произвол, личное усмотрение и злоупотребления, присущие единоличным правителям.

Губернии и губернские учреждения. В конце 1708 г. Петр издал указ о разделении России на 8 обширных административных округов, названных губерниями; это были губернии: Московская, Ингерманландская (или Санкт-Петербургская), Киевская, Смоленская, Архангельская, Казанская, Азовская и Сибирская (впоследствии число губерний увеличилось до 11). Губернии разделялись на провинции (числом около 50), во главе которых стояли воеводы; провинции разделялись на дистрикты.

В 1713 г. в областное управление введено было коллегиальное начало; при губернаторах велено было учредить коллегии «ландратов» (от 8 до 12 человек на губернию), избираемых местным дворянством.

Петр пытался также ввести в России особую судебную организацию. В 1719 г. в 10 более значительных городах были учреждены областные суды «гофгерихты», а на местах еще раньше были определены «ландрихтеры» и «оберландрихтеры» с ассессорами¹³.

Городское управление. Желая видеть в России столь же успешное и широкое развитие торговли и промышленности, какое он видел на Западе, Петр хотел предоставить городскому сословию полное самоуправление. Уже в 1699 г. Петр приказал в Москве учредить «бурмистерскую палату» и в Москве и по городам учредить бурмистров «к расправным и купецким делам и сборам», «и выбирать им в бурмистры меж, себя погодно, ...добрых и правдивых людей, кого они меж себя и по скольку человек похотят»..., а «приказным людям» городского населения «не ведать».

Однако в отличие от европейских Стран в России не было богатого, влиятельного и самостоятельного класса буржуазии, а потому и городское самоуправление здесь не могло прочно укорениться и успешно развиваться; В 1720 г. Петр сделал новую попытку организации городского самоуправления. В Санкт-Петербурге был учрежден «глав-

¹³ В сложную и постоянно менявшуюся систему провинциальных учреждений и должностей при Петре входили, кроме того, земские комиссары, камерины, рентмейстеры и т. д.

ный магистрат» которому было поручено ведать все городское сословие в России. В 1721 г. был издан регламент, или устав, главного магистрата, а в 1724 г. дана инструкция городовым магистратам. Две «гильдии» «регулярных» граждан (составлявшие высший и средний слои городского населения) должны были выбирать членов магистрата, состоявшего из одного президента, двух бургомистров и четырех ратманов; магистрат ведал городское управление и хозяйство, а также казенные сборы и повинности. Низший слой городского населения «обретающиеся в наймах, в черных работах и тем подобные», выбирал своих старост и десятских, которые имели «доносить» магистрату о своих нуждах и просить об их удовлетворении.

10. *Положение сословий. Табель о рангах. Дворянство.* Дворянство при Петре далеко не было тем привилегированным сословием, в которое оно обратилось при его преемниках. Высший «чин» московской служилой знати, боярство, вовсе исчезло при Петре: боярская дума прекратила свое существование, а высших должностных лиц центрального и областного управления Петр назначал, совершенно не считаясь с их происхождением. Служебная повинность всего дворянского сословия при Петре не только не облегчилась, но, наоборот, стала гораздо более тяжелой, чем она была в Московском государстве. Там дворяне, отбыв военный поход или «береговую» (сторожевую) службу, разъезжались по домам, при Петре же они обязаны были с 15 лет поступать в регулярные солдатские полки, и только пройдя продолжительный искус солдатской муштры и страды или показав особые боевые отличия, могли быть произведены в офицеры. И затем они должны были служить в армии до старости или до потери трудоспособности. С другой стороны, всякий солдат, дослужившийся, до офицерского чина, получал потомственное дворянство¹⁴. Таким образом доступ в дворянское сословие, через военную службы был открыт всем классам населения. Учрежденный при Сенате «герольдмейстер», ведавший дворянство и его службу, должен был вести дворянам строгий учет и следить, чтобы никто из них по достижении 15 лет не уклонялся от службы; ему было предписано также следить, чтобы

¹⁴ Царский указ Сенату в 1721 г. гласил: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство».

в гражданской службе было не более трети мужчин от каждой дворянской фамилии.

Прежние московские служебные «чины», зависевшие в значительной степени от «породы», т. е. происхождения служилых людей, были отменены Петром. Изданная им в 1722 г. «табель о рангах» разделяла всю массу государственных служащих, военных и гражданских, на 14 чинов, или «рангов», по которым должен был продвигаться каждый офицер и гражданский чиновник. На место прежней аристократической иерархии «породы» и «отечества» Петр поставил военно-бюрократическую иерархию заслуги и выслуги. Кроме служебной повинности Петр возложил на дворянство совершенно новую, учебную повинность. Он посыпал сотни молодых дворян за границу учиться, главным образом военному и морскому делу. Всех дворянских детей мужского пола велено было (1714 г.) учить грамоте, цыфри (арифметике) и геометрии «и положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сему не выучится».

В то же время Петр ограничил права дворян в распоряжении их имениями. Указом о единонаследии, изданным в 1714 г., Петр запретил землевладельцам делить имения между всеми сыновьями и приказал завещать недвижимое имение лишь одному сыну (по выбору владельца), ибо «разделением имений недвижимых великий есть вред в государстве нашем как интересам государственным, так и самим фамилиям падение».

Крестьянство. Законодательство Петра не вмешивалось прямо и непосредственно в отношения между крестьянами и помещиками и не регулировало этих отношений. Но предпринятая Петром крупная финансовая реформа — введение «подушной» подати — способствовала ухудшению юридического положения крепостного крестьянства вследствие смешения его с холопами в один класс помещичьих «подданных». Когда Петр приказал произвести перепись населения для обложения его подушной податью, то переписчики сначала вносили в списки только крестьян, ибо холопы по прежнему положению не подлежали государственному обложению. Но Петр хотел всех привлечь к государственному «тяглу», и в 1720 г. он указал Сенату: «Понеже я слышу, что в нынешних переписях пишут только одних крестьян, а людей дворовых и прочих не пишут... Того ради ныне подтвердите указом, чтоб всех писали помещики своих подданных, какого они звания ни есть». Подушная подать была положена одинаково на кре-

стяи и холопов. «Холопство, как особое юридическое сопоставление, свободное от государственных повинностей, исчезло, слившись с крепостным крестьянством в один класс крепостных людей, который господам было предоставлено устроить и эксплуатировать экономически по своему усмотрению» (Ключевский)¹⁵.

Городской класс. Сознавая важное значение «коммерции» и промышленности в жизни государства, Петр всячески старался поднять активность и социальный уровень русского торгово-промышленного класса. Учредив выборные городские магистраты для управления городами, Петр хотел также, чтобы русские ремесленники по образцу западноевропейских организовались в цехи. Согласно регламенту главного магистрата, «каждое художество и ремесло свои особливые цунфты (т. е. цехи)... и над оными альдерманов (или старшин) имеет». Впрочем, цеховая организация не должна была носить принудительный характер. Согласно указу о цехах 1722 г., в цехи надлежало «писать ремесленников, которые похотят, а неволею не принуждать».

Однако попытка Петра насадить в России городское самоуправление и цеховой строй не увенчались успехом. И одной из причин, замедливших развитие и подъем городского класса, было именно государственное «тягло» — тягость податей, а также обязательных бесплатных служб и повинностей, лежавших на городском населении¹⁶.

¹⁵ Петр сам не сочувствовал крайнему развитию крепостного права, дошедшему до продажи отдельных людей «как скотов», но не принял действительных мер для его ограничения. В 1721 г. он издал указ, который констатировал, что «крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь, кто похочет купить, как скотов, чего во всем свете не водится, от чего немалый ворль бывает»; — «И его царское величество приказал оную продажу людям пресечь»; но затем уже следовала оговорка: «а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то б хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь».

¹⁶ Петр понимал это, и указом 1722 г. он попытался освободить посадских людей от казенной службы: «...впредь к пошлиным, к бацким и соляным и другим сборам, и к счету и отдаче денежной казны из посадских людей не выбирать, и которые ныне у таких дел, по окончании года уволить. А быть у таких сборов у больших главными командирами из отставных офицеров, а у меньших унтер-офицеров и рядовым солдатам...; а к ним команду выбирать из магистрата из раскольников и бородачей в целовальники...». Однако очень скоро обнаружилось, что набрать достаточное для таких служб количество отставных офицеров и солдат, раскольников и «бородачей» оказалось невозможно, и посадские люди снова были привлечены к службам, от которых их освободило только Городовское положение 1785-го года.

11. Государственные финансы и экономическая политика: ее результаты. Постоянная и настоятельная нужда в деньгах на военные расходы побуждала Петра изыскивать все новые и новые источники государственных доходов. К его услугам явились так называемые «прибыльщики», которые подавали царю предложения относительно возможности новых налогов, и вот, начиная с 1704 г., является один за другим бесконечный ряд новых налогов: мельничный, банный, погребной, пчелиный, с бороды, с раскольников, с извозчиков, с постоянных дворов, с найма домов, померной, весчий, хомутейный, подужный, шапочный, сапожный, ледокольный, водопойный, трубный с печей, с продажи съестного и другие «мелочные всякие сборы»¹⁷.

К новым налогам присоединялись казенные монополии; к прежним монополиям (смоле, поташу, ревеню, kleю) прибавились новые: соль, табак, мел, деготь, рыбий жир, сало и — дубовые гробы. Рыбные ловли отдавались из казны на откуп; вино продавалось в казенных кабаках¹⁸.

В конце царствования Петра многие из мелочных сборов были отменены, а для увеличения государственных доходов была предпринята новая серьезная финансовая мера — введение *подушной подати*. Помещичьи крестьяне должны были платить «по 8 гривен с персоны» (т. е. по 80 коп.) в год; государственные крестьяне и посадские люди должны были платить (взамен помещичьих доходов) дополнительно по 40 коп. с души; действительный размер подати с души был значительно выше, ибо она взымалась со всех мужчин, от грудных младенцев до столетних старцев. По смете 1724 г. было предположено около 8,5 млн. руб. государственных доходов, из них 53 % должна была давать подушная подать; военные расходы составляли в конце царствования Петра от 2/3 до 3/4 всего расходного бюджета.

¹⁷ Современник Петра Посошков справедливо замечает, что от этих мелочных сборов — «такмо людям трубация (т. е. турбация) великая»; критикуя финансовую политику правительства вообще, Посошков пишет: «А и в сборе царского интереса (т. е. доходов) не весьма праводается: ибо покушаются с одного вола по две и по три кожи сдирать, а по истинной правде не могут и единые кожи целые содрати, и елико ни нудятся, такмо лоскутье сдирают».

¹⁸ Особенно тяжела была для населения соляная монополия, ибо соль продавалась населению вдвое дороже подрядной цены. Посошков писал о соляной казенной операции: «И в тех соляных сборах в бурмистрах, и в целовальниках, и в управителях, и в работниках, и в надзирателях тысяч пять-шесть или больше есть, а все они будто черви точат тое-ж соль, и пищут себе приобретают от тоя-ж соли».

В царствование Петра была создана русская монетная система; мелкая разменная монета (копейка, денежки и полушки) чеканилась из меди; из серебра чеканились гринники, полтинники, полуполтинники и рубли (оставшиеся основной монетной единицей до конца Империи); из золота чеканились червонцы.

Петр ясно сознавал, что для увеличений казенных доходов, в которых так сильно нуждалось государство, необходимо повысить экономический уровень всего населения, а для этого необходимо увеличить количество и поднять качество народного труда, усилить его производительность, а также ввести в народнохозяйственный оборот новые промыслы, обратив народный труд на разработку нетронутых еще богатств страны.

Наиболее инертной и наименее доступной правительству вмешательству была область сельского хозяйства, но и в эту область Петр стремился ввести, частью с успехом, целый ряд улучшений¹⁹.

Но особенно заботился Петр о развитии в России горнозаводского дела и о насаждении крупной фабрично-заводской промышленности, и в этой области он достиг наибольших успехов. Из-за границы вызывались во множестве «рудознатцы» и «рудоплавные мастера» для приискания и разработки горных богатств и для обучения русских горному делу; для руководства горным делом была учреждена особая «берг-коллегия»²⁰.

¹⁹ Прежде всего он принял меры против традиционного в России расхищения лесных богатств; для охраны лесов — особенно годных для судостроения — Петр учредил особое ведомство «вальдмейстеров». Он с успехом заботился о разведении виноградников на Дону, и ему обязано своим возникновением донское виноделие. Он заботился о заведении конских заводов (для нужд кавалерии) и об улучшении пород овец (для чего выписывались из Силезии специалисты по овцеводству) и крупного рогатого скота (прекрасные холмогорские коровы произошли от «предков», выписанных Петром из Голландии). В 1721 г. он приказал обучать мужиков снимать хлеб с поля косами и граблями (вместо серпов), при этом царский указ с грустью замечает: «хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают».

²⁰ Для развития горного дела Петр властно вмешивался в права землевладельцев, дозволяя «всем и каждому» отыскивать, добывать и обрабатывать металлы и минералы «во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях»; если землевладелец сам «не похочет или не возможет» заняться горнозаводским делом или принять в нем участия; «то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут, дабы Божие благословение под землею втуне не оставалось»; предприниматели лишь должны будут платить землевладельцу «гридцать вторую долю от прибыли».

Настойчивые и энергичные усилия Петра по развитию горного дела и металлургической промышленности увенчались полным успехом. Тульский оружейный завод, с обширным арсеналом и окружавшими его слободами оружейных мастеров и кузнецов, снабжал оружием многочисленную Петровскую армию.²¹ В Олонецком краю, на берегу Онежского озера, в 1703 г. был построен чугунолитейный и железоделательный завод, ставший основанием г. Петрозаводска. Но особенно широко и успешно развернулось горное дело на Урале²¹. В XVIII в. не только правительство могло вооружить армию и флот оружием из русского материала и русской выделки, но железо и медь вывозились даже за границу.

Кроме металлургических заводов, при Петре возникло много разных фабрик, особенно полотняных, парусных и суконных, для нужд армии («дабы не покупать мундиру заморского») и флота (паруса!). Однако было уже немало фабрик и заводов, производивших разные товары для потребления гражданского населения. «Петр оставил после себя 233 фабрики и завода по самым разнообразным отраслям промышленности» (Ключевский).

Средства и способы, которыми Петр хотел обеспечить создание в России крупной фабрично-заводской промышленности, были изложены в регламенте мануфактур-коллегии, которая должна была «иметь верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками». Это были: призыв иностранных фабрикантов, инженеров и мастеров для обучения русских и посыпка русских за границу для обучения мастерствам; освобождение фабрикантов, мастеров, работников и учеников от иных служб и повинностей; для обеспечения нужного количества рабочих рук фабрикантам и заводчикам позволялось покупать к заводам деревни, но «токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»; постройка фабрик средствами казны и сдача их частным промышленным компаниям на льготных условиях; казенные ссуды и субсидии нуждающимся в них; беспошлинная продажа изделий «на несколько

²¹ В 1699 г. Петр построил железоделательные заводы на р. Неве, в Верхотурском уезде, а в 1702 г. сдал их бывшему тульскому кузнецу Никите Демидову. К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе было 9 казенных и 12 частных заводов; начальником образовавшегося здесь горнозаводского округа был знаток горного и артиллерийского дела ген. Геннинг, построивший г. Екатеринбург на р. Исети, где было сосредоточено управление уральскими заводами.

лет»; привоз из-за границы потребных материалов и инструментов, защита от иностранной конкуренции таможенными пошлинами, которые повышались по мере роста собственного производства²², наконец, систематический надзор правительства над торгово-промышленной деятельностью, контроль и регламентация производства с целью обеспечить надлежащее количество производимых товаров.

Петр заботился также о развитии внешней торговли с Европой²³ и со странами Востока, а также об улучшении путей сообщения; при нем был построен Вышневолоцкий канал и начато сооружение Ладожского канала (оконченного скоро после его смерти).

12. *Церковное управление.* Консервативное московское духовенство во главе с патриархом Иоакимом (умер в 1690 г.) и Адрианом (умер в 1700 г.) не сочувствовало нововведениям молодого Петра, нарушавшим или вовсе разрушавшим московскую старину, высказывалось против его дружбы с иноземцами, против немецкого платья, против брадобрития. Петр надеялся найти более покладистых и более сочувственно относящихся к его реформам иерархов среди западнорусского духовенства, и, вызывая «киевлян» в Москву, он предоставлял им епископские кафедры в разных городах; главными его церковными сотрудниками были Стефан Яворский, митрополит рязанский, Феофан Прокопович, епископ псковский (политик и публицист), Дмитрий, митрополит Ростовский (известный церковный писатель). По смерти патриарха Адриана (1700 г.) Петр не допустил избрания нового патриарха и назначил Степана Яворского местоблюстителем, или экзархом, «святейшего патриаршего престола» — для временного управления церковью. Это временное состояние продолжалось до конца 1718 г., когда последовал указ об учреждении Духовной коллегии, или Святейшего правительствующего Синода, который должен был заменить собою патриаршество. В регламенте, или уставе, Духовной коллегии (составленном Феофаном Прокоповичем и редактированной самим Петром в 1720—1721 г.) были подробно изложены пре-

²² Принципы таможенного протекционизма были систематически проведены в таможенном тарифе 1724 г.

²³ Причем он усиленно старался перевести морскую торговлю из Архангельска в Петербург.

имущества «соборного правительства перед единоличным²⁴.

Президентом Духовной коллегии был назначен митрополит Стефан Яворский, членами — два епископа (в том числе Феофан Прокопович) и несколько архимандритов и протопопов. Параллельно светскому «обер-фискалу» при Синоде был назначен «главный фискал по делам духовным» и, параллельно генерал-прокурору при Сенате, при Синоде был назначен в качестве «ока» государева обер-прокурор: в 1722 г. последовал указ: «В Синод выбирать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применяясь» к инструкции генерал-прокурора²⁵.

Со своим утилитарно-практическим подходом ко всем жизненным вопросам и со своим стремлением тащить всех своих подданных на работу и на службу государству Петр несочувственно и даже неприязненно относился к монашеству, тем более что в столь нелюбимых им «бородачах» он видел или чувствовал явную или скрытую оппозицию своим реформам. С 1700 г. и до конца своего правления Петр систематически предпринимал ряд мер для того, чтобы ограничить и обезвредить монашество.

В 1701 г. управление монастырскими и епископскими вотчинами было изъято из рук духовных властей и передано в руки светских чиновников Монастырского приказа. На содержание же монахов и монахинь была положена ежегодная «дача» деньгами и хлебом. Велено было переписать монастыри и в них всех монахов и монахинь, и впредь в монахи никого вновь не постригать без царского указа; мужчин моложе 30 лет было вовсе запрещено постригать в монахи, а «на убыльные места» велено было

²⁴ Перечисляя эти преимущества, Духовный регламент гласит: «Велико и сие, что от соборного правления не опасатся отечеству мятежей и смущения, каковые происходят от единого собственного правителя духовного», т. е. патриарха, ибо простой народ, «великою Высочайшего Пастыря честию и славою удивляемый» считает, «что таковый правитель есть то второй государь Самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство». Чтобы установить полное и неоспоримое единовластие «самодержца», Петр отменил патриаршество и поставил Духовную коллегию наряду с десятком светских коллегий, ведавших различные отрасли государственного управления.

²⁵ В качестве такого доброго и имеющего смелость офицера обер-прокурором Синода был назначен полковник Болтин, которому по инструкции было предписано «накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал».

постригать в монахи преимущественно отставных солдат, старых и нетрудоспособных. Доходы с монастырских имений должны были употребляться на нужды благотворительности.

13. Начало светского просвещения. Петр является основоположником светского просвещения в России. Он всеми силами стремился не только ввести в русском обществе европейские нравы, но и поднять русскую технику и просвещение на уровень европейских. Для этого он прежде всего вызывал в Россию множество европейских учителей всех специальностей и посыпал русских молодых людей учиться за границу. Он сделал светское элементарное образование (т. е. обучение грамоте, «цифри» и геометрии) обязательным для сыновей дворян и приказных людей. Он создал русскую светскую школу в двух видах: в виде начальных «цифирных» школ (которых было около 50 к концу его царствования) и в виде ряда специальных учебных заведений; такими были навигацкая школа в Москве и морская академия в Санкт-Петербурге; инженерное училище в Москве и артиллерийское в Санкт-Петербурге, несколько «математических школ», медицинская школа при московском военном госпитале; в 1703 г. пастор Глюк основал в Москве общеобразовательную школу языков и разных наук; наконец, в конце царствования Петра был составлен проект учреждения Академии наук в Санкт-Петербурге (она была открыта уже после его смерти).

При Петре началось печатание в широком масштабе книг светского содержания, начиная от азбук, учебников и календарей и кончая историческими сочинениями и политическими трактатами. Петр сам принимал деятельное участие в подготовке книг к печати, исправлял переводы, правил корректуру, давал технические указания.

С 1708 года по указанию Петра книги светского содержания стали печатать упрощенным, так называемым гражданским шрифтом²⁶.

Петр положил начало и периодической печати. С 1703 года начали издаваться в Москве «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах».

Для того чтобы приучить русское общество к европейским обычаям и развлечениям, Петр приказал ус-

²⁶ Первою была напечатана «Геометрия, славенски землемерие».

траивать в столицах вечерние публичные собрания, «ас-самблеи», куда гости должны были приходить со своими женами и взрослыми дочерьми и где все развлекались по желанию разговорами, играми, танцами, выпивкой и закуской. Этим путем Петр освободил русскую женщину высших слоев общества от постоянного заключения в тереме и ввел ее в сферу общественной жизни и общих интересов.

14. Семейные дела Петра Великого. Царевич Алексей. Вопрос о престолонаследии. По возвращении из-за границы в 1698 г. Петр отоспал свою нелюбимую жену Евдокию (Лопухину) в монастырь. В 1703 или 1704 г. он сошелся с молодой пленницей из Лифляндии, которой суждено было стать императрицей Екатериной Алексеевной; Петр обвенчался с ней в 1712 г., а в 1724 г. торжественно короновал ее в Москве императорской короной. От первой жены у Петра родился (1690 г.) сын Алексей. Вторая жена родила ему дочерей Анну и Елизавету и сыновей Петра и Павла, но оба мальчика умерли в раннем детстве. Царевич Алексей по своему характеру, по своим взглядам, вкусам и интересам был полной противоположностью отцу. Он любил московскую старину, чтение церковных книг, тихую, спокойную жизнь. Он вовсе не любил военного дела и лишь нехотя, по принуждению, помогал отцу в его трудах и заботах. В 1711 г. отец женил его на принцессе Софии-Шарлотте Вольфенбюттельской, но жenитьба не изменила его вкусов и настроения, и отчуждение между отцом и сыном все больше возрастало: а между тем все противники петровых реформ смотрели на Алексея как на свою надежду, как на будущего избавителя от несносного ига, наложенного на весь народ войнами и другими предприятиями Петра. В 1715 г. жена Алексея умерла вскоре после рождения сына (названного Петром). Петр прислал сурое «объявление сыну моему» с угрозой лишить его наследства, если он не переменит «свой нрав»; Алексей ответил отказом от престола. На второе письмо, в котором отец требовал от сына «отменить свой нрав» или стать монахом, Алексей ответил: «Желаю монашеского чина». Петр отложил решение вопроса, а Алексей в конце 1716 г. бежал за границу и, приехав в Вену, просил защиты и покровительства у императора Карла VI. Он скрывался некоторое время сначала в Тироле, потом в Неаполе, но посланники Петра нашли его и убедили вернуться домой, обещая прощение. В феврале 1718 г. Петр

издал манифест об отрешении («для пользы государственной») «непотребного» сына от наследия престола²⁷. Следствие по делу о бегстве царевича и его пребывании за границей открыло его злые умыслы против отца, и Петр предал сына суду, который приговорил его к смертной казни; подвергнутый жестокой пытке, Алексей умер в Петропавловской крепости, не дождавшись казни (в июне 1718 г.).

В 1722 г. Петр издал «Устав о наследии престола», предоставлявший царствующему императору право произвольного назначения наследника²⁸.

Решение вопроса о престолонаследии представлялось, однако, в конце жизни Петра исключительно трудным. У него были жена и две взрослые дочери, из них одна, Анна, была обручена с герцогом Голштинским, малолетний внук (сын несчастного царевича Алексея) и две племянницы (дочери царя Ивана) Анна и Екатерина, выданные замуж за немецких герцогов, Курляндского и Мекленбургского. Кто же из них был способен стать достойным наследником Петра Великого?

Осенью 1724 г. Петр жестоко простудился, помогая спасать солдат с потерпевшего крушение бота на взморье близ Санкт-Петербурга, и в январе 1725 г. положение его стало безнадежным. 27 января он потребовал бумаги и начал, по-видимому, писать завещание, но из написанного могли разобрать только слова: «отдайте все...», и перо выпало из его рук: скоро он впал в агонию и 28 января умер, оставив нерешенным вопрос о судьбе своего престола...

15. Оценка личности и деятельности Петра Великого. Личность и деятельность Петра встречала и у современников, и у потомков не только различные, но прямо диаметрально противоположные оценки. Одни из его современников, кто близко знал его и работал с ним, до

²⁷ «...понеже,— гласил Манифест,— мы лучше чужого достойного учиним наследником, нежели своего непотребного; ибо не могу такого наследника оставить, который бы растерял то, что через помощь Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа Российского для которого я здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего»; наследником был объявлен малолетний сын Петра царевич Петр.

²⁸ «...за благо рассудили мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит».

небес восхваляли Петра, называли его «земным богом»; другие, кто не знал Петра лично, но чувствовал тяготы, взваленные им на народ, считали его «мироедом» или самозванцем (которым немцы подменили подлинного царя во время его заграничного путешествия); наконец, раскольники считали его прямо антихристом...

Столь же различные оценки и столь же непримиримые противоречия во взглядах на Петра мы находим и в последующее время. В XIX в. «западники» пели Петру восторженную хвалу, «славянофилы» порицали его за искажение русских самобытных начал и порчу национального характера святой Руси.

Кто же прав в своих оценках и как должна беспристрастная история оценивать Петра и его дело? Прежде всего необходимо отметить как великую заслугу Петра его непрерывное и самоотверженное служение государству и народу российскому, которому он действительно посвящал все свои силы в течение всей своей жизни: он служил как солдат, как офицер, как генерал, как организатор вооруженных сил и как начальник генерального штаба, вырабатывавший планы кампаний и руководивший ими; он заботился о снабжении армии всем необходимым, начиная от пушек и боевых припасов и кончая провиантом, фуражом и конскими подковами; во флоте он служил корабельным плотником, матросом, капитаном и адмиралом, он и создал русский военный флот; он служил как законодатель составляя или редактируя множество указов, регламентов, инструкций для всех правительственные учреждений; он служил высшим администратором, контролером, судьею и прокурором, надзирал за правильностью и законностью действий подчиненных органов, преследовал злоупотребления и наказывал виновных; он руководил развитием промышленности, входя во все организационные и технические подробности производства; в области культуры он работал как издатель, как редактор, как переводчик, как корректор, наконец, как создатель упрощенных «литер» гражданского шрифта!

Служа сам, Петр требовал от всех сословий русского общества добросовестного и усердного служения государству. В государственном управлении он стремился ввести и укрепить принцип законности. В самом начале своего правления (1700 г.) государь указал своим боярам «сидеть у Уложения», т. е. составить новый свод законов. Они долго сидели, но ничего не высидели, и Петр должен был позаботиться о составлении отдельных регламентов или

уставов для разных правительственные учреждений. Он ввел форму присяги «на верность государю и всему государству» и все время внушал своим чиновникам необходимость «хранения прав гражданских», соблюдения законов и заботы об интересах государства. Он жестоко наказывал за взятки, казнокрадство и служебные злоупотребления, вплоть до смертной казни таких высоких чиновников, как сибирский губернатор князь Гагарин и обер-фискал Нестеров.

Много неудач и разочарований испытал Петр, велики были жертвы, которые он требовал от своего народа, но велики были и его достижения. Он открыл России морские пути для сношений с другими народами и ввел Россию и среду европейских народов; созданием первоклассной армии и военного флота он сделал Россию великой державой; он создал далекий от совершенства, но все же более пригодный аппарат государственного управления, чем была устарелая, сложная и запутанная система московских приказов; созданием крупной промышленности и особенно успешным развитием горного дела он сделал Россию экономически самодовлеющей и независимой от иных стран; наконец, он заложил основы светской русской культуры, которая дала такие обильные плоды в XIX столетии.

Но есть и немало пятен на солнце Петра Великого. Проводимая им европеизация носила насильственный, спешный, малопродуманный и потому во многом поверхностный характер, прикрывая лишь «немецкими» кафтанами и париками старые московские слабости и пороки. С другой стороны, резкая и внезапная европеизация общественной верхушки оторвала эту последнюю от народной массы, разрушила то религиозно-моральное и общественно-бытовое единство народа, которое существовало в Московской Руси, сделала дворянство и чиновничество иностранцами в собственной стране.

Будучи поклонником законности, справедливости и правового порядка, Петр, однако, не проявлял достаточной выдержки и самодисциплины, мало уважал личное достоинство окружающих, а иногда, отдаваясь припадкам раздражения и гнева, проявлял дикую и совершенно излишнюю жестокость, как в черные дни массовых казней московских стрельцов.

Отношение Петра к церкви и религии было двойственным и небезупречным. Будучи лично религиозным человеком, он, однако, позволял себе в глупом и неприличном шутовстве «всешутейшего и всепьянейшего собора»

подвергать публичному осмеянию церковные обряды и священные предметы. Упразднением патриаршества и учреждением Духовной коллегии (под надзором обер-прокурора) Петр лишил церковь ее самостоятельности, превратил ее в «духовное ведомство» и способствовал той бюрократизации русской церкви, которая происходила в XVIII и XIX вв. и которая, внеся в церковную организацию внешний порядок и «благочиние», способствовала замиранию общественно-приходской жизни и падению духовного авторитета церкви среди народа.

Глава XII

ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ (1725—1741) ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (1741—1761)

1. *Перемены на русском престоле после Петра Великого. Политическая роль гвардии.* Петр Великий умер 28 января 1725 г., не назначив себе преемника. Вопрос о его преемнике должны были решать «сенат, синод и генералитет», т. е. высшее чиновничество и офицерство, круг ближайших сотрудников Петра. Круг этот был очень пестрым по своему составу и происхождению: были в нем люди из старой московской знати, как князья Голицыны и Долгорукие; были люди из средних слоев дворянства, как Апраксины, Головкин, Толстой; были люди «без рода и племени», как любимец Петра «светлейший князь» Меншиков, генерал-прокурор Ягужинский, вице-канцлер Шафиров; были иностранцы, преуспевшие на русской службе, как Остерман, Миних, Брюс. При решении вопроса о наследнике Великого Петра мнения и голоса разделились: старая знать хотела воцарения маленького Петра, сына несчастного царевича Алексея; вельможи «худородные» и средней знатности, во главе с Меншиковым и Толстым, не хотели отдавать власть в руки высшей аристократии и желали провозгласить императрицей вдову Петра, Екатерину; они знали, что гвардия, преданная Петру, любила его «походную жену-солдатку» (по выражению Ключевского) и решили этим воспользоваться. Во время споров о наследнике престола под окнами дворца вдруг раздались звуки барабанного боя и громкие крики солдат в честь императрицы Екатерины: это были два гвардейских полка, которые по вызову Меншикова явились ко дворцу, чтобы принять участие в голосовании вопроса о престолонаследии, и их голос оказался решающим. Сенат провозгласил Екатерину императрицей, а легальным основанием для этого была выставлена ее коронация в 1724 г., которой-де было выражено намерение Петра

назначить Екатерину его преемницей. Фактически правителем государства стал Меншиков, первый в длинном ряду «временщиков», или фаворитов, стоявших в XVIII в. возле русского престола. Формально высшим правительственным учреждением при Екатерине был сделан Верховный Тайный Совет из 6 членов (из которых только князь Голицын принадлежал к старой знати).

В мае 1727 г. Екатерина умерла и ее «сукцессором» сделался 12-летний мальчик, Петр II Алексеевич. Сначала Меншиков пытался играть при нем прежнюю роль (для закрепления своего положения он обручил Петра со своей дочерью), но скоро ему на смену явились новые любимцы, князья Долгорукие, а Меншиков со своей семьей был сослан в Березов (где он умер в 1729 г.).

Состав Верховного Тайного Совета при Петре II получил вполне аристократический характер: в нем было восемь членов, в том числе четверо князей Долгоруких и двое Голицыных. Всем в государстве распоряжались Долгорукие: император был теперь обручен с одной из княжон Долгоруких; он мало интересовался учением, еще меньше — государственными делами; он весь был поглощен шумными забавами и удовольствиями (особенно он любил псовую охоту). В январе 1730 г. Петр тяжело заболел и умер в Москве на 15-м году жизни.

Члены Верховного Тайного Совета («верховники») решили пригласить на русский престол вдовствующую герцогиню курляндскую, Анну Ивановну (дочь царя Ивана Алексеевича), проживавшую в Митаве. При обсуждении вопроса о кандидатуре Анны князь Д. М. Голицын заявил, что «надобно нам себе полегчить», «чтоб воли себе прибавить», и члены Совета, согласившись с ним, решили представить Анне «пункты», или «кондиции», весьма существенно ограничивавшие власть государя. Все управление государством — назначение высших должностных лиц, командование армией, решение вопросов о войне и мире, распоряжение государственными финансами и казенными имуществами — должно было находиться в руках Верховного Тайного Совета²⁹. «Кондиции были посланы

²⁹ Вот эти знаменитые «кондиции»: государыня «наикрепчайше обещалась» охранять православную веру, «такожде по принятии короны Российской в супружество не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять; еще обещаемся... ныне учрежденный Верховный Тайный Совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия 1) ни с кем войны не вестинать, 2) миру не заключать, 3) верных наших подданных никакими податьми не отягощать, 4) в знатные чины, как в стацкие так и военные сухопутные и морские выше полковничья

в Митаву, и Анна согласилась принять и подписать их («по сему обещаю все без всякого изъятия содержать»), ибо, несмотря на все ограничения власти, ей все же представлялось заманчивым превращение из захолустной курляндской герцогини в Императрицу Всероссийскую. Между тем в Москве (куда при Петре II переехал Двор) среди шляхетства и офицерства происходило сильное волнение, особенно после того, как «верховники» объявили о согласии Анны принять «кондиции», предложенные ей Верховным Тайным Советом; огромное большинство шляхетства было недовольно «затейкой» «верховников» установить в России аристократически-олигархическое правление кучки представителей высшей знати. Однако в политических планах и пожеланиях самого шляхетства не было единства: одни хотели полного восстановления традиционного самодержавия, другие составляли проекты ограничения верховной власти, но не в пользу кучки боярских олигархов, а в пользу более широких кругов шляхетства; в частности, предлагалось, чтобы члены Верховного Тайного Совета или имеющие его заменить нового высшего правительственного учреждения, а также сенаторы, губернаторы и президенты коллегий избирались «генералитом» и представителями шляхетства.

15 февраля 1370 г. Анна торжественно въехала в Москву, и ей была принесена присяга. Однако противники «верховников» вошли с нею в сношения, сначала секретные, а на большом приеме шляхетства и офицерства 25 февраля они прямо обратились к ней с просьбой «принять самодержавство таково, каково ваши славные и до-стохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного Совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить». Анна не заставила себя долго просить: она приказала принести «пункты», «и те пункты ее величество при сем народе изволила, приняв, разорвать», и манифестом 28-го февраля объявила о «восприятии» ею «самодержавства, как издревле прародители наши имели». Так, по выражению Ключевского, «кончилась десятидневная

ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного Тайного Совета, 5) у шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать, 6) вотчин и деревень не жаловать, 7) в придворные чины как русских, так и иноземцев не производить, 8) государственные доходы в расход не употреблять, и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать; а буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны Российской».

конституционно-аристократическая русская монархия XVII в.».

Новая императрица, грубая, необразованная, лишенная высших интересов и чувства долга и мало интересующаяся государственными делами, отдала управление государством в руки окружавшей ее кучки немцев, среди которых первое место занимал обер-камергер Яган Эрнест фон Бирон, ее фаворит, сын придворного конюха герцогов курляндских, превратившийся по милости Анны в «сиятельный графа», а потом в «светлейшего князя Курляндского...»; за него держались братья Левенвольды, а в компании с ними правили Россией двое из сотрудников Петра, Остерман и Миних. Немцы, преимущественно остзейские, заняли множество должностей в дипломатии, в армии и в гражданском управлении, а русские вельможи, особенно из старой знати, не только были отодвинуты на задний план, но подверглись прямым жестоким гонениям; казни, ссылки или заключение в крепости постигли князей Долгоруких и Голицыных, казнен был, среди других, и «кабинет-министр» А. П. Волынский, осмелившийся критиковать действия всемогущих немцев. Канцелярия тайных розыскных дел (заменившая мрачной памяти Преображенский приказ, упраздненный при Петре II) «работала» вовсю, по подозрениям и по доносам хватала, пытала, ссылала и казнила людей, которые осмеливались выражать недовольство правлением Бирона и его приспешников. В это время сама императрица развлекалась роскошными празднествами и забавами (вроде знаменитого «ледяного дома», построенного в 1740 г. для празднования свадьбы придворного шута). На устройство этих празднеств и на подарки любимцам Анна щедрою рукою тратила казенные деньги, которые собирались с крестьян при помощи военных экзекуций...

Сестра Анны, Екатерина Ивановна, была замужем за герцогом Мекленбургским; их дочь, Анна Леопольдовна, вышла замуж за принца Антона Брауншвейгского и в 1740 г. родила сына Иоанна; в октябре 1740 г. императрица Анна умерла, назначив перед смертью двухмесячного внука наследником престола, а Бирона — регентом Российской государства.

Таким образом судьбы России были отданы — лет на двадцать! — в руки Бирона. Это уже было слишком не только для русских, но и для немцев. Скоро после смерти Анны фельдмаршал Миних с помощью караула преображенцев арестовал Бирона, который был отправлен в ссыл-

ку в Сибирь, а правительницей государства была провозглашена мать младенца-императора, Анна Леопольдовна. Но фактическое управление государством осталось по-прежнему в руках немцев — Миниха и Остермана, а муж правительницы, принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебергский, был сделан, неведомо за какие заслуги, генералиссимусом русской армии.

Продолжающееся господство немцев вызывало все большее недовольство в русском обществе и особенно в офицерах и в солдатах гвардейских полков. Взоры всех обращались на дочь Петра Великого, цесаревну Елизавету, которая при Анне жила в удалении от Двора, находясь под подозрением и под надзором власть имущих. Осенью 1741 г. в пользу Елизаветы составился заговор (в котором принимал участие французский посол Шетарди, заинтересованный в перемене ориентации петербургского правительства в сторону дружбы с Францией). В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета явилась в казармы Преображенского полка, была восторженно принята офицерами и солдатами и двинулась во главе преображенцев ко дворцу. Войдя во дворец с ротою солдат (которую она впоследствии объявила «лейб-компанией», а себя — ее капитаном), Елизавета арестовала «Брауншвейскую фамилию» и была провозглашена императрицей³⁰. Малолетний император со своими родителями был сослан на север России (и впоследствии, когда вырос из детского возраста, заключен в Шлиссельбургскую крепость). «Государственные преступники» Миних, Остерман, Левенвольд и Головкин, приговоренные первоначально к смертной казни, были посланы в ссылку, в Сибирь.

Падение немецкого правительства и воцарение Елизаветы было встречено русским обществом с восторгом; оно принесло конец мрачному периоду временщиков, террора и борьбы за власть.

Из представленного обзора перемен на русском престоле от смерти Петра Великого до воцарения Елизаветы мы видим, что в это время гвардейские полки, в которых офицерский состав и большинство солдат принадлежали к дворянскому сословию, были решающей силой при замещении престола. Понятно, что государи и государыни, посаженные на престол «гвардейством», т. е. дворянством,

³⁰ Как гласил манифест о воцарении, «Елизавета вступила на родительский престол «по единогласному прошению наших верных подданных», «а наипаче и особливо лейб-гвардии нашей полков».

должны были искать расположения этого сословия и заботиться о расширении его прав и привилегий. Отказавшись от формального ограничения верховной власти в 1730 году, дворянство было, однако, вознаграждено ростом своего социального значения и своих привилегий, которые, возрастаю непрерывно после смерти Петра Великого, привели к полному расцвету дворяновладения при Екатерине II.

2. Внутренние дела в 1725—1761 гг. Административное устройство. Социальные отношения. Культурная жизнь. В строем высших государственных учреждений за рассматриваемый период произошел ряд изменений. В 1726 г. при Екатерине I был учрежден Верховный Тайный Совет «в шести персонах», которые были «по должности своей яко первые министры». «Президентом» Совета считалась сама императрица; Совету было поручено решение всех важнейших государственных дел и надзор над всеми коллегиями.

При Петре II Верховный Тайный Совет был пополнен до 8 членов. Неудавшаяся попытка «верховников» формально ограничить императорскую власть повела в 1730 г. к уничтожению Верховного Тайного Совета. В следующем, 1731 году при дворе ее императорского величества был учрежден кабинет, состоявший из трех министров,— «для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел», подлежащих решению императрицы. По возвращении Елизаветы (1741 г.) кабинет был упразднен. В конце царствования Елизаветы образовался особый совет, «конференция при высочайшем Дворе», преимущественно для решения вопросов, касающихся внешней политики, но «конференция» не приобрела характера правильно и постоянно действующего учреждения.

Относительно местного управления правительство преемников Петра стремилось удешевить и упростить созданную Петром сложную систему местных учреждений, находя последнюю обременительной и для казны и для населения. Указом 15 марта 1727 г. было велено «как надворные суды, так и всех лишних управителей и канцелярии и их конторы, камериров и земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить, а положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод, а от губернаторов апелляция в Юстиц-Коллегию, чтоб поданным тем показано быть могло облегчение, и вместо бы разных многих канцелярий и судей знали токмо одну канцелярию».

В конце царствования Петра Великого Малороссией управляла Малороссийская коллегия. При Петре II (1727 г.) в Малороссии было восстановлено гетманство: на раде в Глухове гетманом был выбран Данила Апостол. Затем был учрежден генеральный суд (из 3-х великороссиян и 3-х малороссиян), которого гетман должен быть президентом. В то же время гетман был подчинен командующему армией на Украине, фельдмаршалу князю Голицыну.

По смерти Апостола (1734 г.) гетманство в Малороссии снова было признано ненужным, но при Елизавете (1747 г.) вновь было велено в Малороссии быть гетману «по прежним правам и обыкновениям» и в 1750 г. последовал указ об утверждении графа Кирилла Разумовского в должности гетмана, согласно «учиненному в Малой России от всего тамошнего народа вольными голосами избранию»...

Изменения в положении сословий в рассматриваемый период сводились главным образом к улучшению правового и социального положения дворянства. В 1731 г. в Петербурге был учрежден кадетский корпус для обучения шляхетских детей в возрасте от 13 до 18 лет; состав учащихся сначала был установлен в 200 человек, но через год повышен до 360; учиившиеся в корпусе сыновья дворян получали и военное и общее образование и по окончании его поступали в армию офицерами, минуя тягостный период солдатской «лямки» и муштры.

В 1736 г. был издан чрезвычайно важный закон, который существенно ограничил служебную повинность дворянства, наложенную на него Петром Великим: «Всемилостивейше указали мы, для лучшей государственной пользы и содержания шляхетских домов и деревень, следующий порядок учинить»: кто имеет двух или более сыновей, тот может одного из них оставить дома «для содержания экономии»; «всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста их быть в науках»; а с 20 лет (не с 15, как раньше) всякий должен служить в воинской службе 25 лет, «а по прошествии 25 лет всех, хотя кто еще и в службу годен, от воинской и статской службы отставлять с повышением одного ранга и отпускать в domы, а кто из них добровольно больше служить пожелает, таким давать на их волю». Таким образом в шляхетстве кроме военных и гражданских служащих возникла особая группа неслужащих дворян-хозяев, да и служащие получали отставку в 45 лет.

Еще раньше этого, в 1731 году, правительство Анны Ивановны возвратило дворянству право распоряжения вотчинами, ограниченное законом Петра о единонаследии; дворянам снова разрешалось делить их имения между всеми детьми, при этом предписывалось «впредь с сего указа, как поместья так и вотчины именовать равно одно недвижимое имение — вотчина». Этим указом юридически упразднялись поместья как особая категория условных земельных владений (собственником которых считалось государство) все имения признавались полной собственностью своих владельцев, и слово «помещики» стало отныне означать земельных собственников.

Вместе с тем целым рядом указов (1730, 1740, 1758 гг.) владение населенными землями и крепостными людьми было признано монопольным правом дворянского сословия. Таким образом, дворянство постепенно обособлялось от остального населения в привилегированное сословие, и для его оформления и учета в 1761 г. велено было составить «родословную книгу о дворянах».

Для улучшения экономического состояния помещиков в 1754 г. был открыт государственный заемный банк, которому было предоставлено выдавать ссуды под залог имений из 6% годовых (процент очень льготный для того времени). В то же время все более возрастала судебно-полицейская власть и хозяйственная опека помещиков над их крестьянами. В 1731 г. помещикам или их приказчикам было поручено собирать казенную подушную подать с их крестьян. Указ 1734 г. обязывал помещиков в неурожайные годы кормить своих крестьян и снабжать их семенами, дабы земля праздна не лежала. Указ 1736 г. предоставил помещику определять по своему усмотрению меру наказания крепостному за побег. Указ 1758 г. обязывал помещика наблюдать за поведением своих крепостных. Указ 1760 г. предоставил помещикам право ссылать своих крепостных «за прородзости» в Сибирь на поселение.

К царствованию Елизаветы относится одно важное мероприятие экономического характера, именно отмена внутренних таможен (по указу 20 декабря 1753 г.). Русское государство, политически объединившееся уже в XV—XVI вв., в экономическом отношении продолжало быть раздробленным на бесчисленное множество отдельных мелких областей, в каждой из которых взимались пошлины с продаваемых и провозимых для продажи товаров; кроме «мытов», «перевозов», «мостовщин» и т.д., существовало еще множество всяких «мелочных сборов», стеснявших

торговлю. В 1753-1754 гг. по инициативе графа П. И. Шувалова внутренние таможни и все таможенные «меченные сборы» (числом семнадцать) были отменены и заменены единообразной таможенной пошлиной на границах государства; пошлина эта должна была отныне взиматься со всех ввозимых и вывозимых товаров в портовых и пограничных таможнях в сумме 13 копеек с рубля стоимости; мера эта была удачной и выгодной для России, ибо вывозились из России главным образом сырье продукты, за которые платил пошлину иностранный потребитель, а ввозились главным образом предметы роскоши, приобретаемые и оплачиваемые богатыми людьми.

Светская образованность, насажденная Петром Великим, начала приносить свои первые плоды. В декабре 1725 г. была открыта в Петербурге Академия наук согласно проекту, составленному при Петре, первыми профессорами в ней были приглашенные из-за границы немцы; но уже в середине XVIII в. выдвинулся русский академик М. В. Ломоносов (1711—1765); сын поморского крестьянина стал знаменитым ученым и писателем, основоположником русского литературного языка. В 1755 г. благодаря трудам Ломоносова и покровительству графа И. И. Шувалова был учрежден Московский университет в составе трех факультетов (юридического, медицинского и философского); при нем были учреждены две гимназии (одна для дворян, другая для «разночинцев»). В 1756 г. последовал указ императрицы об открытии русского театра в Санкт-Петербурге; директором его был назначен Сумароков, автор многочисленных трагедий на исторические темы; во главе труппы актеров стоял «купеческий сын» Волков (незадолго перед тем устроивший русский театр в Ярославле). В 1757 г. последовал указ об учреждении в Санкт-Петербурге Академии художеств.

Что касается общего характера жизни тогдашнего образованного общества, то время Елизаветы характеризуется сменой немецкого влияния, господствовавшего в предшествующую эпоху, французским культурным влиянием: французские моды, французский язык, французская литература начинают в эту пору завоевывать русское образованное общество для того, чтобы окончательно восторжествовать в нем в эпоху Екатерины.

3. Внешние отношения 1730—1761 гг. Участие России в Семилетней войне. В 1733—1734 гг. русское правительство вмешалось в польские дела, когда по смерти Августа II Польша должна была избрать нового короля;

большинством шляхты был избран Станислав Лещинский, которого поддерживали Франция; другая партия стояла за Августа, курфюрста Саксонского, которого поддерживали Россия и Австрия; русские войска вступили в Польшу, осадили и взяли Данциг, где укрывался Станислав; Станислав бежал, а Август III стал польским королем.

В 1736—1739 гг. Россия вела войну с Турцией и Крымом. Генерал Миних взял Перекоп, вторгся в Крым, захватил ханскую столицу Бахчисарай, но потом отошел к Днепру. На турецком фронте Миних взял Очаков, разбил турок у Ставучан (близ Хотина) и занял Яссы, столицу Молдавии. Но мир, заключенный в 1739 г. в Белграде, не соответствовал успехам русского оружия³¹. По условиям Белградского мира Россия получила полосу южной степи (от устьев Дона до Южного Буга), однако без доступа к Черному морю, без права укреплять Азов и без права держать флот на Черном и Азовском морях.

В 1741 г. (до вступления на престол Елизаветы) Швеция объявила России войну, но война оказалась неудачной для шведов, и в 1743 г. по договору «вечного мира», заключенному в Або, Швеция уступила России юго-восточный угол Финляндии, к востоку от реки Кюмсни.

Главным событием внешней политики при Елизавете было участие России в Семилетней войне (начавшейся в 1756 г.), в которой Россия принимала участие на стороне Австрии (и Франции) против Фридриха II Пруссского. В 1746 г. Елизавета заключила трактат оборонительного союза с императрицей Марией Терезией, а в 1757 г. русским войскам было приказано вступить в Пруссию, на помощь теснимой Фридрихом Австрии. В 1758—1760 гг. русские войска занимали Восточную Пруссию (с ее главным городом Кенигсбергом). Из Восточной Пруссии они вторглись в Бранденбург; в 1758 г. в кровопролитной битве под Цорндорфом пруссаки отразили натиск русских войск и заставили их отступить, но в следующем, 1759 году русская армия (под командой Салтыкова) вместе с австрийскими войсками наголову разбила и почти уничтожила прусскую армию под командой Фридриха³².

³¹ Одной из причин невыгодного для России мира было заключение Австрией, союзницей России, сепаратного мира с Турцией, «мира стыдного и весьма предосудительного», по выражению Миниха.

³² После битвы Фридрих писал одному из прусских министров: «Наши потери очень значительны, от армии в 48.000 человек у меня в эту минуту не остается и 3.000. Все бежит, и у меня нет больше власти над войском... Жестокое несчастье! Я его не переживу!..»

Осенью 1760 г. русские войска на несколько дней захватили Берлин; они взяли с города полтора миллиона талеров контрибуции, выбрали из королевских магазинов пушки, оружие и военное обмундирование, разорили пороховые мельницы, ружейные заводы, литейные и пушечные дворы; королевский дворец и прочие здания, частные и публичные, остались нетронутыми³³. В 1760—1761 гг. положение Фридриха Пруссского стало отчаянным, но его спасла смерть императрицы Елизаветы (в конце 1761 г.). Новый император, Петр III, поклонник Фридриха, немедленно прекратил войну с ним и возвратил ему все области, завоеванные русскими, а вскоре заключил не только мир, но и союз с ним...

---

³³ Один из русских командиров, ген. Тотлебен, хотел было выпороть публично берлинских «газетчиков» «за дерзкие выходки» против российской императрицы в их «зловредных изданиях», но так как «весь город просил о монаршем милосердии к ним», то генерал отменил назначенную экзекуцию.

Глава XIII

ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ II

1. *Петр Федорович и Екатерина Алексеевна.* У императрицы Елизаветы не было детей, поэтому она в 1742 г. назначила наследником российского престола своего племянника (сына ее сестры Анны Петровны), герцога Шлезвиг-Голштинского Карла Петра Ульриха, после чего последний «изволил принять благочестивую веру греческого исповедания» и превратился в великого князя Петра Федоровича. Однако ни новое «любезное отечество», ни новая благочестивая вера не сделали Петра русским: всю жизнь он оставался сторонником и поклонником короля Фридриха Пруссского, любил прусскую солдатскую муштру (не имея, однако, ни малейших военных талантов), не любил, чуждался и боялся русских. Будучи умственно и морально дефективным, он часто приводил свою тетю в отчаяние своим поведением, но заменить его ей было некем.

В 1744 г. тетя решила его женить и выписала ему невесту из Германии. Это была 15-летняя девочка, София-Августа-Фредерика, дочь мелкого принца Ангальт-Цербстского, генерала прусской службы; живая, умная, наблюдательная, приветливая, с привлекательной наружностью и приятными манерами, она хотела и умела нравиться окружающим. Она усердно изучала русский язык и православное вероучение и через несколько месяцев по приезде приняла православие с именем Екатерины³⁴. В 1745 г. 16-летнюю Екатерину обвенчали с будущим Петром III, но брак этот не мог быть счастливым, ибо Петр

³⁴ Современное описание этого события (в «Петербургских Ведомостях») заканчивалось следующими словами: «Впрочем, невозможно описать, величое с благочинием соединенное усердие сия достойнейшая принцесса при помянутом торжественном действии оказывала, так что ее императорское величество сама и большая часть бывших при том знатных особ от радости не могли слез удержать».

не любил жену, игнорировал и оскорблял ее, она презирала его. Он проводил время в праздности, в грубых кутежах с офицерами нескольких выписанных для него голштинских батальонов, в игре в солдатики; она проводила время в чтении и изучении французской литературы эпохи Проповедования.

2. Царствование Петра III и переворот 28 июня 1762 г. Елизавета умерла в конце 1761 г., и ее племянник вступил на престол под именем императора Петра III. При нем был издан знаменитый манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству, т. е. об освобождении дворянства от обязательной службы. Манифест 18-го февраля имеет очень важное принципиальное и практическое значение. Он заканчивал почти трехсотлетний период обязательной военной службы землевладельцев и превращал их из служилого в привилегированное сословие. С освобождением землевладельцев от обязательной службы их власть над крестьянским населением их имений не только не была отменена или ограничена, но, наоборот, именно во второй половине XVIII века власть эта достигла своего крайнего развития, между тем как главным основанием закрепощения крестьян за помещиками в XVII в. были именно интересы государственной службы³⁵.

Манифест 18-го февраля был встречен дворянством, конечно, с восторгом, однако, очень скоро политика Петра III и его личное поведение вызвали против него всеобщее недовольство. Он не понимал и не уважал верований и обычаев православной церкви и проявлял к ним полное пренебрежение. Он возбудил неудовольствие гвардии тем, что старался ввести в ней строгую дисциплину и муштру по прусским образцам, нарядил ее в узкие и неудобные прусские мундиры, отдавал предпочтение своим голштинским офицерам перед русскими. Он вызвал общее возмущение своим преклонением перед недавним врагом России, Фридрихом Прусским (с которым он заключил не только мир, но и союз). Затем он предполагал начать войну с Данией и готовился послать русскую гвардию сражаться за интересы его голштинской родины... Ко всему

³⁵ «По требованию исторической логики и общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права; она и последовала на другой день, только спустя 99 лет» (Ключевский).

этому присоединялась непристойность его личного поведения, пьянство, дурачества, грубое и пренебрежительное обращение с женой, которую он намеревался послать в монастырь, чтобы жениться на одной из фрейлин. Поведение Екатерины было полной противоположностью поведению ее недостойного супруга. Она всегда старалась казаться русской и православной; была скромна, приветлива и ласкова со всеми, посещала богослужения, соблюдала все праздники и посты. Французский посол в Санкт-Петербурге Бретейль доносил о ней своему правительству: «Императрица не пренебрегает ничем для приобретения всеобщей любви и расположения отдельных лиц... Она любима и уважаема всеми в той же степени, как Петр ненавидим и презираем».

Гвардии грозила опасность нелепой войны за голштинские интересы; Екатерине грозило заключение в монастырь. Понятно, что они оказались в союзе против общего врага. Группа гвардейских офицеров составила заговор против Петра в пользу Екатерины, и в ночь на 28 июня Екатерина, в сопровождении нескольких офицеров, явилась в казармы Измайловского полка; забили барабаны, сбежались солдаты и с восторгом приветствовали императрицу; затем все двинулись к казармам Семеновского полка — там такая же восторженная встреча. Затем — шествие в Казанский собор, где Екатерина провозглашается самодержавной императрицей; из Казанского собора — в Зимний дворец. Здесь наскоро составляется манифест о вступлении Екатерины на престол для спасения церкви и государства от грозивших им опасностей, Петр, находившийся в это время вне Санкт-Петербурга, пытался организовать оборону, но за него никто не хотел сражаться, и 29 июня он подписал акт об отречении от престола. Его отвезли в Ропшу, где через несколько дней он был убит офицерами, назначенными его охранять...

3. Императрица Екатерина и ее сотрудники. Екатерина вместе со своими современниками — королем Фридрихом II Прусским и императором австрийским Иосифом II — является выдающейся представительницей так называемого «просвещенного абсолютизма». В молодые годы она с жадностью читала произведения французских «просветителей» — Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро, Даламбера — и считала себя их ученицей. Вскоре по своем вступлению на престол Екатерина начала с 1763 г. непосредственную переписку с Воль-

тером, которая продолжалась до 1777 г., т. е. почти до самой его смерти. В своих письмах Екатерина подробно рассказывает своему «учителю» о своей деятельности на пользу своих подданных и о военных делах, а Вольтер осыпает свою «ученицу» каскадом лести, похвал и комплиментов. Екатерина вела переписку и с другими европейскими «философами».

В сношениях с европейскими государственными деятелями Екатерина проявляла дипломатическую ловкость и искусство; она сама руководила внешней политикой и была хорошим дипломатом (и талантливой актрисой). Во внутренних делах она обладала талантом, самым важным для самодержавного государя, именно умением находить и выбирать сотрудников³⁶. Дела внешней политики вели (под руководством самой Екатерины) способные дипломаты граф Н. И. Панин, потом граф А. А. Безбородко; талантливым администратором и устроителем новоприобретенной Новороссии проявил себя один из екатерининских фаворитов — Г. А. Потемкин³⁷; другими советниками и сотрудниками Екатерины были генерал-прокурор Сената князь Вяземский, новгородский губернатор Сиверс, И. И. Бецкий (по делам просвещения), поэт Г. Р. Державин. Среди русских полководцев этого «времени» наиболее выдающиеся были граф П. А. Румянцев и самый знаменитый военачальник русской военной истории Александр Васильевич Суворов-Рымникский (впоследствии «светлейший князь Итальянский»).

³⁶ В исторической и беллетристической литературе написано много былей и небылиц о фаворитах Екатерины; но только те из них играли роль в государственном управлении, которые были пригодны для этого; остальных она держала лишь во внутренних покоях своего дворца вместе со своими комнатными собачками.

³⁷ Потемкин был не только создателем пресловутых «потемкинских деревень» — декораций, устроенных им для Екатерины при посещении ею Новороссии в 1787 г., но, что гораздо важнее, он очень умело руководил быстрым и успешным заселением Новороссии и Крыма, где возникло много важных городов и портов (Херсон, Николаев, Екатеринослав, Симферополь, Севастополь, позднее Одесса) и множество селений, куда Потемкин призывал как русских колонистов, так и греков, южных славян, немцев, армян, евреев и т. д.; он в кратчайший срок создал севастопольскую морскую базу и черноморский флот; в Крыму управление Потемкина было столь искусным и благожелательным, что татары, бывшие перед тем ожесточенными врагами России в течение трехсот лет, быстро освоились и примирились с русской властью и стали лояльными поданными русской государыни: в 1787 г., когда Екатерина посетила Крым (через 4 года после аннексии!), ее и ее спутников сопровождал эскорт конных татар...

4. Начало царствования. «Наказ» Екатерины и законодательная комиссия 1767—1768 гг. В первые годы своего царствования Екатерина не чувствовала себя прочной на императорском престоле, но сравнительно скоро она вполне овладела положением³⁸.

В самом начале царствования Екатерины был предпринят ряд важных мер по внутреннему управлению. В 1763—1764 гг. была произведена секуляризация церковных и монастырских имений (с населением около 1 миллиона душ мужского пола); имения эти были переданы в управление «коллегии экономии», и жившие в них крестьяне получили название экономических крестьян³⁹.

Для оживления и развития экономических сил страны в 1762 и 1763 гг. Екатерина издала манифести с призывом для поселения в России иностранцев, которым обещалось покровительство законов, религиозная свобода и податные льготы; особенно много колонистов было привлечено из Германии; они получили для поселения прекрасную черноземную степь в Поволжье (в Саратовской области). Важной новостью в земледельческом производстве было разведение картофеля (выписанного в 1765 г. из Ирландии). Для организации медицинской помощи населению в 1763 г. была учреждена медицинская коллегия.

В управлении Малороссией в 1764 г. последовало окончательное упразднение «гетманского правления»; «для надлежащего Малой России управления» была учреждена Малороссийская коллегия под председательством генерала графа Румянцева, а с ним велено быть в коллегии «четырем великокорсийским членам, да из малороссийских старшин четырем же членам».

Екатерина, как в свое время Петр Великий и Елизавета, была озабочена распространением «язвы лихоимства» в правительственные учреждениях и пыталась бороться с

³⁸ Некоторые из русских сановников считали, что престол по праву принадлежит Павлу Петровичу и что Екатерина могла бы быть только регентом государства до совершеннолетия своего сына. Другим претендентом на престол мог быть несчастный Иван Антонович, младенцем свергнутый с престола Елизаветой и с 1756 г. томившийся в заключении в Шлиссельбургской крепости. Летом 1764 г. молодой офицер Мирович с небольшой командой солдат сделал попытку освободить заключенного, чтобы провозгласить его императором, но в начале тревоги арестант был убит военным караулом крепости (согласно имевшейся у него инструкции), а Мирович был арестован, судим и казнен.

³⁹ С резким протестом против отобрания церковных имений выступил митрополит ростовский Арсений Мацеевич, который поплатился за это лишением сана и ссылкой.

этим злом. Манифест 1763 г. повелевал «все судебные места наполнить достойными и честными людьми» и назначить им «довольное жалованье» «к безбедному пропитанию», чтобы избавить просителей «от насилия и лихомства» чиновников. В то же время был издан манифест об установлении штатов разных присутственных мест, в том числе правительствуемого Сената, который был разделен на 6 департаментов с определенной компетенцией.

Однако Екатерина видела, что все частные меры и все отдельные указы и манифесты являются недостаточными для того, чтобы «каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядке», а это была цель, которую она поставила себе в манифесте о своем воцарении. Чтобы ввести строгую законность в жизни государства и полный порядок в государственном управлении, Екатерина задумала дать России новый законодательный кодекс, основанный не на старых обычаях и «предрассудках», а на принципах новой философии и науки, открытых современной эпохой Просвещения. С этой целью Екатерина принялась за составление своей знаменитой инструкции, или «Наказа», который должен был служить руководством для законодательной комиссии⁴⁰. Когда Екатерина, окончив проект «Наказа», дала его на прочтение своим приближенным, они пришли в ужас от его радикализма, и в результате их замечаний и возражений Екатерина вычеркнула более половины из первоначально написанного текста; в таком урезанном виде «Наказ» был напечатан в 1767 г.⁴¹.

«Наказ» был проникнут гуманным и либеральным духом. «Наказ» признает необходимость для России самодержавной власти монарха ввиду обширного пространства Империи и разнообразия ее частей, но целью самодержавного правления является не то «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра». Власть всех правительственных учреждений должна быть осно-

⁴⁰ Главными литературными источниками «Наказа» были знаменитый труд Монтескье «О духе законов» и только что вышедший трактат итальянского философа-криминалиста Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

⁴¹ «Наказ» Екатерины, напечатанный по-русски и в переводе на главные европейские языки, произвел большое впечатление в России и за границей: «король-философ» Фридрих Прусский сделал Екатерину членом Берлинской академии, Вольтер восхвалял ее как Минерву, богиню мудрости и «благодетельницу человеческого рода», а французская цензура запретила распространение «Наказа» по Франции.

вана на законах и должно сделать так, «чтобы люди боялись законов и никого бы кроме их не боялись». Законы же не должны запрещать ничего, «кроме того, что может быть вредно или каждому особенному или всему обществу». Говоря о принципах уголовного законодательства, «Наказ» высказывается против пытки, против членовредительных наказаний, против частого применения смертной казни. «Наказ» утверждает: «Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать» и далее: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми». «Наказ» высказывается в пользу веротерпимости и против религиозных преследований, ибо «гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыи сердца»... «Наказ» принципиально высказывается против рабства — «закон естественный повелевает нам о благополучии всех людей пешися». Но здесь мы натыкаемся на «ахиллесову пяту» екатерининской эпохи и екатерининского законодательства. «Наказ» говорит о вольности и равенстве всех граждан согласно «закону естественному», а между тем в царстве Екатерины половина жителей состояла из крепостных «рабов» (они так и назывались в то время «рабами»), лишенных почти всех гражданских и человеческих прав. Возведенная на престол дворянством (т. е. рабовладельческим сословием) Екатерина не могла и не решилась потребовать освобождения «рабов». В своем «Наказе» она лишь решилась высказать несколько робких пожеланий об улучшении их современного состояния: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества», ибо «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». «Наказ» рекомендует далее, чтобы право помещиков облагать своих крепостных податями и работами было в какой-то мере регулировано законом.

В декабре 1766 г. был издан Манифест о созыве Комиссии для составления проекта нового Уложения и при нем положение о выборах в Комиссию. Лишь 28 членов Комиссии были представителями высших государственных учреждений — Сената, Синода и коллегий, главную же массу депутатов составляли выборные представители от разных сословий и групп населения: дворяне выбирали по одному депутату от каждого уезда; городские жители — по одному от каждого города; государственные крестьяне — по одному от каждой провинции; посылали своих представителей также однодворцы, разные мелкие служи-

лые люди, казаки и некочующие инородцы. Всего в составе Комиссии было 565 депутатов, в том числе дворян 30%, от городов 39%, от государственных крестьян 14%, от высших государственных учреждений 5%, от остальных групп населения — 12%. Депутаты должны были привезти с собой наказы от своих избирателей с изложением их нужд и пожеланий. От обширной массы крепостного крестьянства не было представителей, и голос ее не был слышен в комиссии.

Законодательная Комиссия была торжественно открыта императрицей в Москве, в Грановитой палате, 30 июня 1767 года. Большая Комиссия выбрала «дирекционную» и подготовительную комиссии и несколько специальных кодификационных комиссий для разработки отдельных частей будущего кодекса. В общем собрании Комиссии был заслушан «Большой наказ» (т. е. наказ императрицы), а потом читались и обсуждались частные наказы. В конце 1767 г. Комиссия была переведена в Санкт-Петербург и там продолжала свои занятия; в конце 1768 г. занятия Большой комиссии были прекращены по случаю начавшейся войны с Турцией, но некоторые частные комиссии работали до 1774 г. Екатерининской комиссии не удалось составить нового кодекса законов: трудно было привести в систему разнохарактерную разновременную, запутанную и частью взаимно противоречащую массу действовавших законов, еще труднее было привести это старое законодательство в согласие, с одной стороны, с либеральным «Наказом» Екатерины (построенным на книжных теориях, без учета реальных фактов и факторов русской жизни), а с другой — с противоречивыми нуждами и пожеланиями множества отдельных наказов от разных групп населения.

Все же работа Комиссии не пропала даром. Содержание местных наказов и суждения депутатов Комиссии дали правительству богатый материал для ознакомления с нуждами и пожеланиями разных групп населения, и эти материалы правительство могло использовать в будущем для своей реформаторской деятельности. Комиссия, по словам Екатерины, «подаля мне свет и сведения о всей империи, с кем дело иметь и о ком пещись должно».

5. Смуты внутри страны. Пугачевщина. После освобождения дворян от обязательной службы, уже при Петре III, начались волнения крепостных крестьян, которые совершенно резонно и справедливо рассуждали, что после

освобождения дворян от службы государству крестьяне должны быть освобождены от службы помещикам. Крестьянские волнения были подавлены воинскими командами, но с тех пор при каждой перемене на престоле волнения крепостных крестьян начинались снова и снова, ибо крепостные «рабы» от каждого нового государя ожидали издания манифеста об освобождении от рабства. В начале царствования Екатерины волнения охватили около 150 тыс. крепостных крестьян.

Общие тяготы «податного» населения, только что отдохнувшего от 7-летней войны, снова возросли благодаря начавшейся в 1768 г. войне с Турцией. В 1770—1771 гг. ко всем тяготам присоединилась чума в Москве и окрестностях; меры, принимавшиеся властями против распространения заразы, вызвали среди московского населения сначала недовольство, а потом открытый бунт (во время которого был убит толпой архиепископ московский Амвросий).

Вскоре затем в восточных областях государства и в Поволжье вспыхнуло обширное восстание под предводительством донского казака Емельяна Пугачева, который назывался императором Петром III; он призывал под свои знамена всех казаков, крестьян и поволжских инородцев, чтобы истребить дворян и свергнуть с престола дворянскую царицу Екатерину, которая-де незаконно захватила престол, принадлежавший ей, мужицкому и казацкому царю. Восстание началось на р. Яике (переименованной в Урал после подавления бунта), где казаки были недовольны стеснением их старинных казачьих вольностей; кроме того, на Урале было много раскольников, которые всегда были враждебны правительству. В 1773—1774 гг. восстание охватило обширную область; к нему примкнули калмыки, башкиры, татары, а также рабочие уральских горных заводов, снабжавшие восставших оружием и военными припасами. Наконец, восстание захватило массу крепостных крестьян среднего Поволжья, поднявшегося по призыву «батюшки-царя» Петра Федоровича и истребившего по его приказанию дворян и чиновников. Восставшие взяли несколько городов, в том числе Саратов и Пензу, главные военные силы правительства были заняты в это время на турецком фронте, но в 1774 г. правительственные войска уже были в состоянии подавить восстание. Пугачев был выдан своими сообщниками в руки властей, привезен в Москву и казнен (1775 г.).

6. Губернская реформа 1775 г. Жалованные грамоты дворянству и городам (1785 г.) Коренную реформу произвела Екатерина в областном управлении Империи. Преемники Петра упразднили большинство учрежденных им органов местного управления, передав их функции губернаторам и воеводам, в руках которых сосредоточивалась и административная, и судебная, и финансовая власть. При росте государства и при усложнении задач управления эти органы становились явно недостаточными. Само областное деление на губернии, провинции и уезды создавалось постепенно и носило случайный характер. Губернии и провинции чрезвычайно сильно разнились одна от другой по количеству населения и по числу входивших в них уездов. «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи», изданные 7 ноября 1775 г., имели целью создать упорядоченную систему областного управления и устраниТЬ недостатки прежнего устройства. Новый закон вводил новое областное деление: вместо прежних 20 губерний в Европейской России было учреждено (к концу царствования Екатерины) 50 губерний; основанием для определения размеров отдельных губерний было взято количество живущего в них населения, именно 300—400 тыс. жителей в каждой губернии⁴². Каждая губерния делилась на уезды, с числом жителей от 20 до 30 тыс. жителей в каждом. Так как в некоторых губерниях не хватало городов для вновь образуемых уездов, то иногда большие села, слободы или подмонастырские посады были обращены в уездные города.

В организации губернского и уездного управления было проведено разделение властей и организованы три параллельных ряда учреждений (как это видно из таблицы).

Для наблюдения за законностью действий новых учреждений при губернских судебных учреждениях состояли прокуроры и стряпчие, в каждом уезде — уездный стряпчий. Для медицинской помощи в каждом уезде состояли доктор и лекарь.

Должностные лица общей и финансовой администрации, а также личный состав палат уголовного и гражданского суда назначались правительством; только состав нижнего земского суда (земский исправник и заседатели)

⁴² Поэтому губернии были весьма различны по своим размерам: центральные, густонаселенные, губернии были невелики, тогда как редконаселенные, северные и северо-восточные — Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская — занимали обширные территории.

выбирался местным дворянством. В губернских сословных судах председатели назначались правительством, а заседатели выбирались на три года соответствующими сословиями и утверждались губернатором («буде за ними нет явного порока»). В уездных и городских судах как заседатели, так и председатели избирались соответствующими сословиями, за исключением председателя нижней расправы («расправного судьи»), которого назначало губернское правление «из чиновных людей».

Таким образом, по «учреждениям» 1775 г. все сословия (кроме крепостных крестьян) получили право участия в делах местного управления и суда. Конечно, роль дворянства в этих учреждениях была преобладающей, как потому, что высшие должностные лица губернского управления назначались правительством из кругов дворянства, так и потому, что состав уездной администрации — капитан-исправник и заседатели нижнего земского суда — прямо избирался местными дворянскими обществами⁴³.

Через 10 лет после губернской реформы, в 1785 г., была издана жалованная грамота дворянству, которая предоставляла дворянству целый ряд личных и корпоративных прав, «вольностей» и преимуществ. Дворяне освобождались от обязательной службы и личных податей. Они владели своими имениями (включая живших там крестьян) на правах полной собственности и могли также заводить в своих деревнях фабрики и заводы. Дворянин не мог подвергаться телесным наказаниям и без суда не мог быть лишен дворянского достоинства, чести, жизни и имени, а судиться он мог только «своими равными». Дворяне составляли губернские и уездные корпорации; дворянские собрания избирали губернских и уездных предводителей дворянства, а также всех указанных выше должностных лиц местной администрации и своего сословного суда. Дворянские собрания имели также право делать правительству представления о своих пользах и нуждах. Жалованная грамота 1785 г. оформила и закрепила то начало «дворяновластия» в России, которое развивалось в XVIII веке после смерти Петра Великого.

⁴³ Впрочем, «учреждения» 1775 г. строго проводили принцип отделения суда от администрации и содержали предписание: «Земский исправник сам собою ни на кого не налагает пени, или наказания, но сие учинить имеет суд по законам».

ОБЩАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ	ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ	СУДЕБНЫЕ УЧЕРЕЖДЕНИЯ			
В ГУБЕРНИЯХ					
Губернатор. Губернаторское правление (губернатор и два советника).	Казенная палата (вице-губернатор, директор экономии, один советник, два асессора, губернский казначей).	<i>Палата уголовного суда</i> (председатель, два советника и два асессора).			
Губернский прокурор и два стряпчих.	Губернский землемер.	<i>Палата гражданского суда</i> (председатель, два советника и два асессора).			
		Для дворян	Для городских обывателей	Для казенных крестьян	
		Верхний земский суд (два председателя и десять заседателей).	Губернский магистрат (два председателя и 6 заседателей).	Верхняя расправа (два председателя и 10 заседателей).	
В УЕЗДАХ И ГОРОДАХ					
Нижний земский суд (земский исправник или капитан и два или три заседателя).	Уездный казначей.	Уездный суд (Уездный судья и 2 заседателя).	Городской голова.	Нижняя расправа (расправный судья и 8 заседателей).	
В городах, где нет коменданта, городничий (начальник полиции).	Уездный землемер.		Городовой магистрат (2 бургомистра и 4 ратмана).		

Одновременно с жалованной грамотой дворянству была издана «грамота на права и выгоды городам Российской Империи», содержащая в себе новое «городское положение». Все население городов разделялось на 6 разрядов, или классов: 1. «настоящие городские обыватели» (владельцы недвижимых имуществ), 2. купцы, разделившиеся на три гильдии (соответственно сумме «объявленного» капитала), 3. ремесленники, входившие в цехи. 4. иногородние и иностранные гости, 5. «именинные граждане» (люди с высшим образованием и крупные капиталисты), 6. «посадские», жившие промыслами или работой и не входившие в другие группы. «Общество градское» составляло «общую городскую думу» (из «гласных» от различных городских обывателей) и выбирало городского голову, а также бургомистров и ратманов для городового магистрата (городского суда); общая дума выбирала так называемую «шестигласную городскую думу» (по одному от каждой категории обывателей) для заведования делами городской администрации и хозяйства. Цехи, или «ремесленные управы», выбирали в каждом цехе «управных старшин», а все «ремесленные управы» города выбирали «ремесленного главу», который должен был представлять в городском управлении интересы цехового ремесла.

В течение XVIII века городское население в России довольно значительно возросло и к концу века превышало миллион, но в общей массе населения это составляло лишь около 4%. Несмотря на заботы Екатерины о развитии и росте «среднего рода людей», городской класс в России никогда не достиг ни того благосостояния, ни того социального влияния, которых достигла буржуазия западноевропейских стран.

7. *Положение крестьянства. Апогей крепостного права. Крестьянское землепользование (поземельно-предельная община).* Мы видели (гл. 12. § 2), как возрастала власть землевладельцев над крестьянами в течение XVIII в. При Екатерине завершается процесс превращения крепостных крестьян в «рабов» как их и называла Екатерина и ее современники. Самой темной стороной крепостного права был неограниченный произвол помещиков в распоряжении личностью и трудом крепостных, и целый ряд государственных деятелей и писателей XVIII в. высказывался за необходимость регулировать отношения крестьян к помещикам и опреде-

лить законом размеры крестьянских работ и платежей в пользу помещиков⁴⁴.

Но «вступив на престол по желанию дворянской гвардии и правя государством с помощью и посредством дворянской администрации, Екатерина не могла порвать свой союз с главенствующим в стране дворянским сословием и поневоле вела дворянскую политику в вопросе о крепостном праве» (Платонов). При Екатерине, с одной стороны, возрастала власть помещиков над крестьянами, с другой, расширялась область крепостного права. Екатерина щедрою рукой раздавала казенные населенные имения в частную собственность своим генералам, сановникам и фаворитам; всего она раздала в частные руки до 400 тыс. «ревизских» душ, т. е. до 800 тыс. казенных крестьян обоего пола⁴⁵. Затем указом 1783 г. был запрещен свободный переход крестьян от одного владельца к другому в Малороссии, и таким образом и здесь водворилось крепостное право (а бывшая казацкая старшина превратилась в «малороссийское дворянство»). Рост помещичьей власти при Екатерине достиг своего предела. В 1765 г. помещикам было дано право ссылать своих провинившихся крестьян в каторжные работы. Далее, сенатским указом 1767 г. крестьянам были запрещены жалобы на своих помещиков, и таким образом государственная власть отказалась защищать крестьян от произвола и злоупотреблений со стороны их господ, что, конечно, повело к крайнему развитию этого произвола и злоупотреблений. Правда, в России законом никогда не было предоставлено дворянам право жизни и смерти над их крестьянами (как это было в некоторых других странах) и, если дело об убийстве крепостных доходило до суда, то виновные подвергались тяжелым наказаниям, но далеко не все подобные дела доходили до суда. А телесные наказания и тюремное заключение крепостных помещики применяли по своему усмотрению, беспрепятственно, а также беспрепятственно развивалась торговля крепостными людьми.

⁴⁴ При Анне предлагал осуществить законодательную нормировку крепостного права обер-прокурор Сената Маслов (в 1734 г.), при Екатерине — гр. П. И. Панин и новгородский губернатор Сиверс. Сама Екатерина в своем «Наказе» высказывалась (принципиально) против рабства и рекомендовала «предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы», но все эти проекты и предложения остались благими пожеланиями...

⁴⁵ В конце XVIII в. в составе сельского населения России было около 55% помещичьих и около 45% казенных крестьян.

Безгранична власть помещика над крестьянами и заинтересованность его в извлечении наибольшего дохода из своей вотчины, вместе с тем ответственность его перед правительством за исправный взнос подушной подати с его крестьян повели в XVIII в. к систематическому вмешательству органов вотчинной администрации в ход собственного хозяйства крестьянина, к развитию постоянного контроля и всесторонней опеки органов помещичьей власти над хозяйственной деятельностью господских крестьян. Разнообразие крестьянских земельных участков по их величине и вообще разница в хозяйственном положении крестьянских дворов делала для помещиков сложной и затруднительной разверстку между крестьянами как помещичьих повинностей и платежей, так и государственной подушной подати; последняя падала в одинаковом размере на каждую «ревизскую» (т. е. мужскую) «душу», начиная от грудных младенцев и кончая столетними стариками, включая и здоровых работников и калек. Чтобы выйти из этих затруднений и создать рациональную и справедливую систему распределения платежей и рабочих повинностей, помещик в XVIII в. организует новую хозяйственно-податную и рабочую единицу в виде крестьянского «тягla»⁴⁶: все взрослое и трудоспособное крестьянское население помещичьих вотчин, особенно состоящих на барщине⁴⁷, разделялось обычно на известное число «тягол»: в каждое тягло входит или одна рабочая крестьянская пара — муж с женой, — или по два мужчины и по две женщины (иногда встречались и более многолюдные тягла); на каждое тягло теперь налагается одинаковая сумма конечных платежей и барских повинностей. Вместе с тем в силу равенства платежей и повинностей отдельные крестьянские тягла должны быть в равной мере обеспечены землей как основным хозяйственным и платежным средством. А необходимость поддерживать это земельное «уравнение» вызывает необходимость земельных переделов⁴⁸. Однако

⁴⁶ Новое значение слова «тягло» существенно отличается от прежнего, означавшего сумму повинностей и платежей, лежавших на крестьянском хозяйстве.

⁴⁷ В черноземных губерниях в XVIII в. большинство крестьян состояло на барщине, т. е. должно было обрабатывать господское поле; в нечерноземных — на оброке, т. е. обязано было денежным платежом помещику.

⁴⁸ Приказания помещиков о разверстке крестьянских земель по тяглам находим в многочисленных наказах и инструкциях помещиков XVIII в.: «на каждое целое тягло уравнять земли крестьянам их собственные во всех деревнях» (инстр. А. Болынского, 1725 г.); «...и

«уравнение» крестьянских земельных участков и в XVIII в. еще не сделалось исключительно господствующим, и во многих вотчинах (особенно оброчных) мы встречаем, с одной стороны, богатых, а с другой — «маломочных» крестьян.

На землях крестьян казенных резкие экономические различия в среде сельского населения сохраняются в течение всего XVIII в., и крестьяне распоряжаются пахотными участками, как своей собственностью. Однако во второй половине XVIII в. правительство начинает стеснять это право распоряжения и запрещает крестьянам продавать их земельные участки (в целях сохранения их платежеспособности). К концу века правительство ставит своей задачей «уравнение землями всех селений казенного ведомства», и в царствование Павла (1796—1801) правительство настойчиво проводит политику наделения казенных крестьян достаточным количеством земли и *уравнительной разверстки* земли между крестьянами. Констатируя, что «у одних казенных крестьян земли недостаточно, а у других находится излишек», Сенат предписывает казенным палатам, «дабы они учинили разверстку земель между казенными поселянами совершенно уравнительную»; надлежит «стараться казенной палате субности по крайней возможности такое правило, чтобы всякий из поселян казенных, будучи одинаковою повинностью обязан, одинокие ж со стороны земляного пространства почвы имел выгоды». Затеянное правительством земельное «уравнение» вызвало, конечно, протесты и сопротивление зажиточного крестьянства, но было поддержано малоземельными и безземельными элементами деревни, и в конце концов уже в начале XIX в. с большими трудностями и проволочками правительству удалось «достигнуть спасительной цели уравнять поселян землею» (по выражению одного из сенатских указов).

8. Просвещение. Литературное движение. Появление интеллигенции. В царствовании Екатерины русское пра-

лежащую землю по тяглам располагать» («Учреждение домовое» гр. П. А. Румянцева, 1761—1762 гг.); «...земли б переделили по тяглам» (приказ В. И. Суворова, 1766 г.); «надобно наблюдать, чтоб крестьяне в землях своих были уравнены и снабжены оною довольно» (наказ А. Болотова 1770 г.); «старинное у нас обыкновение, могущих работать крестьян разверстывать по тяглам, считая в тягле мужа и жену, разделяя по них землю, где оной не весьма достаточно»; при этом порядке «иногда прибавку, а иногда убавку делать в том надобно, наблюдая между всеми удобовозможное уравнение» (наказ П. Рычкова, 1770 г.).

вительство впервые ставит своей целью насаждение в стране общего образования (а не только технического и специального); Петру Великому школы нужны были для того, чтобы готовить артиллеристов и навигаторов, Екатерина провозгласила намерение воспитывать «новую породу людей» (деятельным сотрудником Екатерины в деле образования был генерал И. И. Бецкий). В самом начале своего царствования Екатерина положила начало женскому школьному образованию: в 1764 г. в Санкт-Петербурге, при Воскресенском монастыре, было учреждено учебное заведение для «воспитания благородных девиц» (Смольный институт). В 1782 г. австрийский император Иосиф по просьбе Екатерины послал в Россию просвещенного и опытного педагога Ф. Янковича де Мириево (серба по происхождению) для выработки плана школьного образования. В 1786 г. был опубликован «Устав народным училищам в Российской Империи»; согласно этому уставу в городах Российской Империи должны были быть учреждены «главные» (в губернских городах) и «малые» (в уездных) народные училища. Главные училища имели 4 класса и широкую образовательную программу (включавшую, между прочим, «Книгу о должностях (т. е. об обязанностях) человека и гражданина») и должны были готовить учителей для «малых» училищ⁴⁹.

Учрежденная в 1763 году Медицинская коллегия должна была озабочиться подготовкой лекарей, в которых ощущался тогда большой недостаток. При Екатерине было учреждено также несколько специальных школ (в частности, кадетских корпусов).

Время Екатерины было временем пробуждения научных, литературных и философских интересов в русском обществе, временем зарождения русской интеллигенции. В Петербурге была открыта первая в России публичная библиотека. В 1765 г. по инициативе Екатерины было учреждено Вольное экономическое общество, которое ставило своей главной мыслью исследование положения сельского хозяйства в России и выпустило длинную серию своих «Трудов» (частью очень ценных). При Екатерине началась научная работа в области русской истории; с одной стороны, производилось собирание и издание исто-

⁴⁹ По присоединении к России Крыма и Новороссии екатеринос-лавскому и таврическому генерал-губернатору Потемкину был дан указ (в 1784 г.) о заведении на юге народных школ с русским, греческим и татарским языками преподавания.

рических источников, с другой, обсуждался и оценивался общий ход исторического развития России (труды Миллера и Шлецера, князя М. М. Щербатова и Болтина). Академия наук в это время стала издавать русские летописи. Н. И. Новиков издал сборник древнерусских документов в 20 томах под названием «Древняя Российская Вивлио-фика». Курский купец Голиков издал многотомные «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России». Вместе с тем в екатерининское время издавались многочисленные переводы наиболее известных произведений европейской, главным образом французской литературы, начиная от легких романов и кончая политическими и философскими трактатами. За весь XVIII в. в России было издано около 9500 книг, из них около 85% приходится на 34-летнее царствование Екатерины, в том числе 1700 книг было издано за 5 лет — в 1786—1790 гг.

Из русских писателей екатерининского времени наиболее выдающимися были поэт Державин и сатирик Фонвизин. Сама Екатерина была писательницей (хоть и не первоклассной); она же предприняла издание журнала «Всякая всячина» для воздействия на современное общественное мнение. Одновременно с ее журналом возникло несколько независимых журналов, которые иногда вступали с ним в оживленную полемику.

Главным идейным влиянием, под которым находились в екатерининскую эпоху образованное дворянство и зарождавшаяся «разночинная» интеллигенция, было влияние французской «просветительной» литературы с ее проповедью «естественных прав человека», свободы и равенства⁵⁰.

Другим идейным течением, пользовавшимся некоторым влиянием в русском обществе того времени, было масонство, с его проповедью нравственного совершенствования. По примеру Запада в России возникли масонские братства, или «ложи». Русские масоны Новиков и Шварц развили значительную издательскую и просветительскую деятельность в основанных ими «дружеском обществе» и «типографической компании».

Мы знаем, что сама Екатерина не только терпимо, но сочувственно и покровительственно относилась к либе-

⁵⁰ Правда, для большинства русских поклонников Вольтера французские либеральные идеи оставались теоретическим «украшением ума» и не воплощались в жизнь. Русский вольтерьянец конца XVIII в. по своим вкусам, манерам и языку зачастую оказывался чужим у себя на родине; «в Европе на него смотрели как на переодетого татарина, а дома видели в нем родившегося в России француза» (Ключевский).

ральным идеям и просветительской деятельности. Лишь в конце царствования, встревоженная и напуганная событиями французской революции, Екатерина пытаясь остановить дальнейшее распространение и усиление «вольнодумства». Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», изданная в 1790 г. и содержавшая яркий протест против крепостного права, была конфискована, а автор сослан в Сибирь. В 1791 г. «типографическая компания» Новикова была закрыта, а сам он заключен в Шлиссельбургскую крепость.

9. Внешняя политика. Две турецкие войны и их результаты. Присоединение Крыма. Разделы польско-литовской Речи Посполитой. Вступив на престол во время продолжавшейся еще Семилетней войны (закончившейся Губертсбургским миром в 1763 г.), Екатерина объявила о своем нейтралитете в войне между Австрией и Пруссией, подтвердив мирный договор, заключенный Петром III с Фридрихом Прусским. Первые годы царствования Екатерины были заняты переговорами об осуществлении «Северного аккорда» — утопического проекта Панина о союзе России с протестантскими странами — Пруссией, Англией, Швецией, Данией, Саксонией и Польшей, против южных католических держав: Австрии, Франции и Испании. Однако вскоре Екатерине пришлось заняться более важными и актуальными вопросами, связанными с реальными интересами России на ее западных и южных границах, именно вопросами польским и турецким.

Польско-литовское государство находилось в то время в состоянии политического упадка, близкого к анархии. Избирательная королевская власть не имела ни силы, ни авторитета в государственном управлении. Хозяевами страны была крупная знать — магнаты, в руках которых были сосредоточены громадные земельные и денежные богатства и вокруг которых группировалась мелкопоместная шляхта. Формально власть в государстве находилась в руках сейма, состоящего из представителей аристократии и из шляхетских «послов», но деятельность сейма тормозилась, а иногда прямо парализовалась применением анархического права *liberum veto*; решения сейма должны были быть единогласными, если же хоть один член сейма заявлял свой протест (вето), то решение большинства считалось несостоявшимся. Мало того, если какое-либо решение или действие правительства, по мнению части шляхты, нарушало ее права и вольности, шляхта состав-

ляла вооруженные союзы (конфедерации) для защиты своих прав и интересов (или притязаний). Это, так сказать, «право гражданской войны» в соединении с правом *veto* окончательно расшатывало политический порядок в государстве. В то же время польская католическая шляхта, столь чуткая к своим «правам», не желала ни в какой мере признавать каких-либо прав за некатоликами, православными и протестантами, и это бесправие «диссидентов» в Польше, давало соседним государствам — России и Пруссии — основание вмешиваться в дела Польши с требованием прекратить притеснения «диссидентов»⁵¹.

В 1763 г. умер польский король Август III, и Екатерина путем дипломатического давления и раздачи щедрых подарков избирателям провела на польский престол своего отставного фаворита, графа Станислава Понятовского. Понятно, что при таком короле и при таких обстоятельствах русский посол в Варшаве князь Репнин пользовался большим влиянием, чем сам король.

В 1764 г. Екатерина заключила союз с королем прусским главным образом для совместных действий в польском вопросе. Фридрих ловко использовал положение и толкал Россию в направлении к разделам польских земель. Союзники гарантировали неприкосновенность политического устройства Польши, другими словами, сохранение ее слабости и бессилия. После того как неоднократные дипломатические представления о предоставлении «диссидентам» равноправия с католиками остались безуспешными, Екатерина послала в Польшу русские войска. В 1767—1768 гг. под давлением России сейм принял закон об уравнении диссидентской шляхты в правах с католиками, но в том же (1768 г.) году католическая шляхта образовала конфедерацию с центром в г. Баре (Подолия) для борьбы «за веру и свободу», т. е. против вмешательства России во внутренние дела Польши. Началась борьба конфедератов с русскими войсками. Борьба эта скоро осложнилась восстанием «гайдамаков»; их предводители, Железняк и Гонта, пользуясь подложными указами русской императрицы, поднимали крестьян и казаков против поляков и евреев (и учинили страшную резню в г. Умани).

⁵¹ Уже во время коронации Екатерины, осенью 1762 г., к ней в Москву явился в качестве представителя угнетенного западнорусского населения православный белорусский епископ Георгий Конисский, который обратился к ней с жалобами на притеснения православных в Речи Посполитой и с мольбой о помощи и защите.

Русские войска подавили восстание гайдамаков и разбивали нестройные отряды конфедератов. Весенние действия происходили и в Подолии, на турецкой границе, и, придавшись к нарушению границы, Турция потребовала вывода русских войск из Польши и невмешательства в польские дела, а затем объявила России войну.

Первая турецкая война (1768—1774) ознаменовалась блестящими успехами русского оружия. Русское правительство повело войну чрезвычайно энергично на всех фронтах⁵². Главнокомандующим на Балканском фронте был назначен генерал П. А. Румянцев. В 1769 г. он разбил турок под Хотином и занял всю Молдавию и Валахию («Дунайские княжества»). В Приазовье были взяты Азов и Таганрог и готовился поход в Крым. В 1770 г. Румянцев одержал блестящие победы над турками при реках Ларге и Кагуле; при Кагуле, имея около 20 тыс. войска, он наголову разбил 150-тысячную турецкую армию. В этом же году русская балтийская эскадра (под начальством графа А. Г. Орлова), обойдя всю Европу, появилась в Эгейском море. Одной из ее задач было поднять восстание греков в Морее; восстание действительно началось, но русские не могли оказать ему достаточной помощи десантными войсками, и оно было подавлено турками. Зато русская эскадра одержала блестящую победу над турками при Чесме (в Хиосском проливе), где она атаковала и сожгла весь турецкий флот, после чего русские стали господами всего Архипелага. В 1771 г. русские войска заняли Крым. На Балканах военные действия затянулись, но в 1774 г., когда Румянцев перешел Дунай и угрожал вторжением во внутренние области Турецкой империи, турки вынуждены были согласиться на мир, который и был заключен в деревне Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 года.

Вот содержание этого чрезвычайно важного мирного договора: все татарские народы, живущие на северных берегах Черного моря и по берегам Азовского моря, «имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми» (таким образом Крым признавался независимым от Турции); Россия получает устья Дона, Днепра и Буга и угол степи между Бугом и Днепром; она получает крепости Керчь и Еникале на Крымском и на Таманском полуостровах, т. е. господство над Керченским проливом; Порта обязуется дать полную амнистию жителям княжеств Мол-

⁵² Для поощрения военных подвигов офицеров и солдат в 1769 г. был учрежден орден св. Георгия.

давии и Валахии, не препятствовать здесь исповеданию христианского закона и строению церквей; «признавать и почитать» православное духовенство; не требовать с населения никаких платежей за прошлое время, а на будущее «обещает наблюдать всякое человеколюбие и великолюдие в положении на них подати»; князья Молдавский и Валахский будут иметь при Порте своих поверенных из христиан; Порта «соглашается также, что по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского Двора, при блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать» их представлениям с надлежащим уважением. Ст. 7-я договора содержит общее обязательство Турции: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного».

В Кучук-Кайнарджийском мирном договоре важны не только территориальные уступки со стороны Турции, но и формальное обязательство — не притеснять балканских христиан, вместе с признанием права российской дипломатии вступаться за христианских подданных турецкого султана.

В первые годы турецкой войны Екатерина намеревалась присоединить занятые русскими войсками Дунайские княжества к России (и в письмах называла себя «молдаванскую княгинею»), но Австрия, а также «союзник» Екатерины Фридрих II высказались против этого и предложили Екатерине взять компенсацию — из польских земель. Екатерина уступила, и в 1772 г. три державы заключили между собой договор об аннексии части польских земель: Пруссия получила часть Великой Польши (земли, которые отделяли Восточную Пруссию от Бранденбурга), Австрия взяла Галицию, а Россия — восточную Белоруссию (с городами Полоцком, Витебском и Могилевом).

Став твердой ногой на северном побережье Черного моря и в устье Днепра и стремясь проводить планомерную колонизацию черноморских степей, Екатерина не могла оставить на нижнем течении Днепра вольное «полугосударство» в виде Запорожской Сечи, с его импульсивной и изменчивой политикой, заключавшей в себе постоянную опасность как международных осложнений и столкновений, так и внутренних волнений. Потому русские войска в 1775 г. взяли Запорожскую Сечь и положили конец ее существованию. Часть запорожцев ушла за Дунай, в Турцию; другие были переселены на Кубань, где они

образовали Черноморское (потом — Кубанское) казачье войско⁵³.

Разочаровавшись в прусской дружбе и предвидя новую войну с Турцией, Екатерина в 1779 г. заключила союз с Австрией. В 1783 г., русское правительство, ссылаясь на беспорядки, волнения и мятежи в Крыму и на происки Турции, решило формально присоединить Крым к России; манифест 8 апреля 1783 г. возвестил «о принятии под Российскую Державу» полуострова Крымского, Тамани и «всей Кубанской стороны». Генерал-губернатором Тавриды был назначен князь Потемкин, который быстро и успешно осуществил заселение и умиротворение бывших татарских земель.

Готовясь к новой войне с Турцией, Екатерина и ее сотрудники составили величественный, но фантастический «греческий проект». Предполагалось, в случае удачной войны, изгнать турок из Европы и разделить часть их владений между Россией, Австрией и Венецианской республикой, а из части образовать новую Греческую империю со столицей в Константинополе; кандидатом на престол был второй внук Екатерины — Константин (Павлович), родившийся в 1779 г. и в колыбели предназначененный для того, чтобы занять престол Константина XI Палеолога, убитого при взятии Константинополя турками в 1453 году...

Вторая турецкая война (которую Россия вела в союзе с Австрией) вспыхнула в 1787 г. и продолжалась до 1791 г. Главнокомандующим в этой войне считался Потемкин, а фактически русскими войсками командовал знаменитый полководец А. В. Суворов. В 1789 г. Суворов одержал над турками две блестящие победы, первую при р. Фокшанах, а вторую на р. Рымнике (правой притоке р. Серета), где

⁵³ В это время началась Американская война за независимость, и английский король Георг III обратился к Екатерине с просьбой предоставить в распоряжение Англии — за хорошую плату — вспомогательный русский корпус, но Екатерина ответила, что она не считает для себя допустимым торговать кровью своих подданных, после чего английский король купил нужное ему для войны с американцами количество солдат у мелких немецких князей. Когда в Американскую войну вмешались Франция и Испания и английский флот в погоне за контрабандой чрезвычайно стеснил нейтральную морскую торговлю, Россия (к которой присоединились Швеция, Дания, Австрия и Португалия) ответила декларацией о «вооруженном нейтралитете» (1780 г.) для «обеспечения общей свободы торговли и навигации»; декларация признавала военной контрабандой только оружие и военное снаряжение и выражала готовность вооруженными силами защищать нейтральные торговые корабли и их грузы от нападений воюющих сторон.

он наголову разбил далеко превосходившие русских числом силы турок. В следующем, 1790 году Суворов со своими «чудо-богатырями» взял приступом сильнейшую турецкую крепость Измаил (на Дунае). В 1791 г. Турция вынуждена была заключить мир (в Яссах). Мирный договор подтверждал условия Кучук-Кайнарджийского мира, признавал присоединение к России Крыма и Тамани и устанавливал границу между обеими империями по р. Днестру (следовательно, уступал России степное пространство между Южным Бугом и Днестром)⁵⁴.

Турецкие войны Екатерины не принесли византийского трона ее малолетнему внуку, но они принесли огромные выгоды русскому народу и государству; они раздвинули территорию последнего до естественных границ Великой Русской равнины, т. е. до северных берегов Черного моря, и предоставили в распоряжение российских народов огромные черноземные пространства девственных земель, которые скоро покрылись городами и селами, засеялись пшеничными полями и сделались «житницей Европы»...

Скоро после окончания второй турецкой войны пришел конец государственному существованию польско-литовской Речи Посполитой. Потери, которые польско-литовское государство понесло в 1772—1773 г., и угроза государственному существованию Польши вызвали в Польше патриотический подъем и попытки произвести коренную реформу государственного устройства. Политическое возбуждение и воодушевление усиливалось под влиянием событий Великой французской революции, начавшейся в 1789 г. 3 мая 1791 г. партии реформ удалось провести на сейме новую конституцию Речи Посполитой, которая имела целью укрепить центральную власть и упорядочить политическую жизнь в государстве (причем *liberum veto* отменялось).

Консервативные круги польской знати и шляхты образовали (в м. Тарговицах) конфедерацию для защиты нарушенных новой конституцией прав и обратились за помощью к русской императрице (которая в 1768 г. гарантировала неприкосновенность польского государственного устройства). Екатерина и прусский король Фридрих-

⁵⁴ Воспользовавшись турецкой войной, Швеция в 1788 г. объявила войну России и пыталась угрожать Петербургу; однако нападения шведов (на море и на суше) были отражены, и война закончилась (в 1790 г.) Верельским миром на условиях *status quo ante bellum*.

Вильгельм II решили совместно действовать против «революционного» движения в соседстве своих стран; русские войска вошли в Польшу и заняли Варшаву, прусские войска вошли в западные провинции Польши. «Революционный» сейм был распущен, конституция 3-го мая отменена, а новый сейм,озванный в Гродно, был принужден согласиться (молча...) на второй раздел Речи Посполитой между Россией и Пруссиею; раздел этот состоялся в 1793 г.; Россия приобрела западную Белоруссию и области Волынскую, Подольскую и южную часть Киевской. Пруссия забрала Данциг и коренные польские земли Великой Польши.

В следующем, 1794 году польские патриоты сделали последнюю отчаянную попытку спасти гибнувшее государство и подняли восстание (под начальством генерала Костюшко). Восстание было подавлено, Суворов взял Варшаву, и в 1795 г. состоялся третий раздел Речи Посполитой (между Россией, Пруссиею и Австрией), который положил конец ее политическому существованию. Россия по третьему разделу приобрела Курляндию и Литву, Пруссия и Австрия поделили польские земли, причем Варшава отошла к Пруссии, Краков и Люблин — к Австрии⁵⁵.

Результаты и успехи внешней политики Екатерины в количественном отношении были громадны. Приобретение новых обширных областей на юге и на западе увеличило силу и политический вес государства и экономические ресурсы населения. Количество населения в России, составлявшее в начале царствования Екатерины (1762 г.) около 20 миллионов, к концу ее царствования (1796 г.) благодаря территориальным приобретениям и естественному приросту населения дошло до 36 миллионов.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ (1796—1801)

Павел родился в 1754 г. Екатерина не любила сына; он рос в отдалении и в отчуждении от нее. Когда он вырос и женился, Екатерина предоставила ему жить в Гатчине,

⁵⁵ Политика Екатерины в польском вопросе, конечно, не свободна от упреков. «Надобно было спасти Западную Русь от ополченья, но не следовало отдавать Польшу на онемечение», — говорит Ключевский. Вопрос, однако, в том, отказались ли бы Австрия и Пруссия от занятия польских областей, если бы Екатерина не согласилась на это, или — используя слабость Польши, они забрали бы польские земли и без согласия Екатерины.

где под его командой находился небольшой отряд войска, который он муштровал по прусскому образцу — и это было его главным занятием. Устранивший от дел и удаленный от Двора, он проникался чувствами обиды, раздражения и прямой враждебности к матери и ее приближенным. Павел вступил на престол «изломанным и больным, раздраженным и озлобленным человеком» (Платонов).

Став царем (в конце 1796 г.), Павел принял наводить свои порядки с целью укрепить самодержавную власть и усилить дисциплину в армии и государстве. Он уволил от службы большинство главных сотрудников Екатерины, заменив их своими «гатчинцами» (в числе которых был и знаменитый впоследствии Аракчеев). Он насаждал в армии прусскую муштровку и строго наказывал за малейшую ошибку в строевых упражнениях и маршировках или неисправность в одежде (причем форма одежды была введена самая стеснительная и неудобная, с обязательным ношением буклей и кос). Объявив себя защитником тронов и алтарей, которым угрожали разрушительные идеи французской философии и агрессивные действия Французской республики, Павел решил вывести в России все проявления либерализма и вольнодумства. С этой целью введена была строгая цензура; ввоз книг из-за границы был запрещен; русским было запрещено учиться за границей; иностранцам был запрещен свободный въезд в Россию.

С целью укрепить монархическую власть в России и упорядочить престолонаследие Павел издал (1797 г.) «Учреждение об императорской фамилии», содержавшее подробные узаконения о положении и отношениях членов императорского дома и о порядке наследования престола (престол должен был переходить от отца к старшему сыну, а за отсутствие сыновей — к старшему из братьев). Для содержания императорской фамилии было образовано особое ведомство «уделов», управлявшее удельными имуществами и живущими на удельных землях крестьянами.

Будучи защитником неограниченной царской власти, Павел не хотел допускать никаких сословных прав и привилегий; он отменил или ограничил действие екатерининских жалованных грамот 1785 г., ограничил права и деятельность дворянского самоуправления, отменил свободу дворян от телесного наказания.

Зато он, по-видимому, искренно хотел улучшить положение крестьян, хотя его мероприятия в крестьянском вопросе были лишены последовательности. 5 апреля 1797 г.

Павел издал в пользу крестьян манифест, обычно (но неправильно) называемый манифестом о трехдневной барщине. В действительности манифест содержит лишь запрещение приуждать крестьян к работе в воскресные дни, мотивируя это тем, что «остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые», «при добром распоряжении достаточны будут» для удовлетворения хозяйственных нужд помещиков. В то же время Павел продолжал увеличивать число крепостных, раздавая (еще более щедро, чем Екатерина) казенные земли с населявшими их крестьянами в частную собственность, и за 4 года своего царствования раздал свыше 500 тыс. душ казенных крестьян обоего пола. Далее, пространственная сфера действия крепостного права была значительно расширена указом 12 декабря 1796 г., которым был прекращен свободный переход крестьян, живших на частных землях Донской области, северного Кавказа и новороссийских губерний (Екатеринославской, Таврической и Вознесенской).

В то же время Павел стремился урегулировать и улучшить положение казенных крестьян. Рядом сенатских указов было предписано «удовлетворить» их достаточными земельными наделами по норме 15 десятин на душу мужского пола в многоземельных губерниях и 8 десятин в остальных. Закон 1797 г. регулировал сельское и волостное самоуправление казенных крестьян (с выборными сельскими старостами и «волостными головами»).

В качестве защитника тронов и алтарей не только в России, но и в иных странах Павел принял под свое покровительство духовно-рыцарский Мальтийский орден и учредил в Петербурге особое его приорство. В 1798 г. Наполеон захватил Мальту; оскорбленный Павел принял на себя звание гроссмейстера Мальтийского ордена и объявил Франции войну в союзе с Австрией и Англией, к которым примкнули вскоре Сардиния и Турция. Русский черноморский флот прошел через Босфор и Дарданеллы и вместе с турецким флотом отнял у французов занятые ими Ионические острова. Сухопутные русские войска под командой знаменитого Суворова в союзе с австрийцами прошли в занятую французами Северную Италию и нанесли французам ряд тяжелых поражений (1799 г.). Из Северной Италии Суворову было приказано идти в Швейцарию, где его малочисленная утомленная армия была окружена неприятелем и попала в исключительно тяжелое положение, но престарелый герой, в невероятно трудных

условиях горной войны, успешно пробился и спас свою армию.

Недовольный союзниками Павел разорвал свой союз с Австрией и Англией и отозвал русские войска восвояси (в 1800 г.). В это время Наполеон объявил себя «первым консулом», явно стремясь к восстановлению монархии; он обратился к Павлу с лестным письмом и возвратил всех русских пленных. С другой стороны, англичане отняли Мальту у французов, но не возвратили ее Мальтийскому ордену. В результате последовал мир Павла с Францией и разрыв с Англией. Желая нанести Англии чувствительный удар, Павел послал 40 полков донских казаков на завоевание Индии; войско выступило в поход без достаточного снабжения, без планов, без карт, без знания местности, и было бы обречено на гибель в пустынях Средней Азии, если бы смерть Павла 12 марта 1801 г. не остановила это безумное предприятие (в самую ночь переворота Александр послал казакам приказание возвращаться домой).

Душевное равновесие Павла расстраивалось все больше, его раздражительность и жестокость все возрастали, и никто из его приближенных, включая сыновей, не мог быть уверенными в своей безопасности. Тогда в Петербурге образовался заговор во главе с петербургским военным губернатором графом Паленом, и в ночь на 12 марта 1801 года заговорщики проникли во дворец (Михайловский замок) с требованием, чтобы Павел подписал отречение от престола. Встретив сопротивление, заговорщики убили императора.

Глава XIV

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I (1801—1825)

1. *Первый период (1801—1805).* Александр, старший сын Павла, родился в декабре 1777 г. Екатерина скоро отобрала внука от его родителей и сама занялась его воспитанием. Из приглашенных ею воспитателей наиболее влиятельным и наиболее близким к Александру был швейцарский француз Лагарп, республиканец и демократ по своим убеждениям, который внушил своему воспитаннику любовь к возвышенным идеалам свободы, равенства и братства. Образование Александра закончилось рано: бабушка женила его, когда ему не было и 16 лет, на баденской принцессе (которая была еще моложе его). Екатерина предполагала сделать Александра наследником престола, устранив Павла. Положение Александра между бабушкой и отцом было трудным и двусмысленным и приучало его к скрытности и лицемерию. В царствование Павла, который назначил сына военным генерал-губернатором Петербурга, Александр должен был поддерживать палочную дисциплину в войсках и приводить в исполнение взбалмошные и жестокие приказы Павла, живя, таким образом под непрерывным тяжелым моральным гнетом. Заговорщики, поставившие своей целью устранение Павла, посвятили Александра в свои планы, но дали ему клятву сохранить жизнь его отца. Убийство Павла произвело на Александра потрясающее и угнетающее впечатление и осталось навсегда тяжелым грузом на его совести.

Внезапная смерть Павла и вступление на престол Александра вызвали ликование в столице. В 1801 г., один за другим, последовал ряд указов, отменявших стеснительные, реакционные и карательные меры Павла. Было восстановлено действие жалованных грамот дворянству и городам. Были возвращены на службу все исключенные без суда чиновники и офицеры (число которых превышало

10 тыс.). Были освобождены из тюрем и возвращены из ссылок все арестованные и сосланные «тайной экспедицией», и сама тайная экспедиция была упразднена, ибо, как гласил царский указ, «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». Было запрещено — «под страхом неминуемого и строгого наказания» — применение пытки («чтобы наконец самое название пытки, стыд и укоризну человечеству приносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»). Разрешено было открыть частные типографии; было отменено запрещение ввоза иностранных книг из-за границы и разрешен свободный выезд русских подданных за границу.

Желая установить строгую законность в государственном управлении и «поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства», Александр учредил «комиссию о составлении законов», которой надлежало внести систему и порядок в хаотическое законодательство России. Для рассмотрения важнейших законопроектов и обсуждения важнейших дел по управлению был учрежден (указом 30 марта 1801 г.) при государе «непременный (т. е. постоянный) совет» из 12 сановников.

Однако главными советниками и ближайшими сотрудниками Александра на первое время становятся не престарелые екатерининские вельможи, а кружок молодых либеральных друзей Александра, составлявших «негласный комитет»; это были граф П. А. Строганов (который, попав в Париж в 1790 г., вступил в члены Якобинского клуба), граф В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев и польский патриот князь Адам Чарторыйский.

Александр и его друзья обсуждали вопросы, касающиеся необходимых реформ в государственном управлении. Наиболее настоятельная нужда ощущалась в реформе центрального управления. В сентябре 1802 года был издан манифест об учреждении министерств, которые должны были заменить устаревшую (и частично развалившуюся) систему петровских коллегий. Всех министерств было учреждено 8: 1) военных сухопутных и 2) морских сил, 3) иностранных дел, 4) юстиции, 5) внутренних дел, 6) финансов, 7) коммерции, 8) народного просвещения. Министерства были построены на началах единоличной власти и ответственности. Для объединения их деятельности и для обсуждения вопросов, касающихся нескольких министерств или всего государства, собирался «комитет министров». Одновременно было издано новое «учрежде-

ние» Сената, который был «хранителем законов», высшей судебной инстанцией и органом надзора за администрацией; министры должны были представлять Сенату годовые отчеты.

«Негласный комитет» (заседания которого продолжались около двух лет) обсуждал также вопрос о крестьянской реформе, но здесь, несмотря на желание облегчить положение крепостных крестьян, члены комитета не решились произвести каких-либо серьезных перемен в существующем положении.¹ Был лишь издан указ (в феврале 1803 г.) о «свободных хлебопашцах», предоставляющий помещикам отпускать своих крестьян на волю с земельными наделами «по заключении условий на обоюдном согласии основанных»; однако лишь очень немногие крестьяне (менее 50 тыс. душ) оказались в состоянии выкупить себе свободу и выйти в «вольные хлебопашцы». Позитивным фактом было то, что Александр положил конец расширению крепостного состояния, ибо он начисто прекратил раздачу казенных населенных имений в частную собственность.

Серьезные меры для улучшения положения крепостных крестьян были предприняты в эти годы лишь в Прибалтийском крае. «Положениями», изданными для крестьян Лифляндской и Эстляндской губерний в 1804 и 1805 гг., запрещалась продажа крестьян без земли, крестьянам предоставлялись гражданские права, вводились крестьянское самоуправление и крестьянские суды; крестьяне становились наследственными владельцами своих участков, размеры их повинностей и платежей в пользу господ должны были определяться особыми комиссиями.

Больших успехов достигло в эти годы правительство на поприще народного просвещения. Новоучрежденное министерство народного просвещения с состоящим при нем «главным правлением училищ» не только выработало, но, в значительной мере осуществило план довольно широкого развития среднего и высшего образования. План этот, изложенный в указе 26-го января 1803 г. устанавливает четыре рода училищ: 1) сельские приходские, 2) уездные, 3) губернские училища или гимназии (с очень широкой программой преподавания), 4) университеты. Учреждение приходских училищ, отнесенное на местные средства и предоставленное местной инициативе, не получило широкого развития; остальных школ к 1805 г. было: 6 университетов, 42 гимназии (не считая польских и литовских губерний и Прибалтийского края) и 405 уездных училищ.

В 1804 г. были открыты Харьковский и Казанский университеты и педагогический институт в Петербурге, позже преобразованный в университет; в Вильне был учрежден университет с польским языком преподавания, в Юрьеве (Дерпте) был немецкий университет. Вся Россия была разделена на 6 учебных округов, с «попечителями» во главе. Фактическое руководство делом народного просвещения (как и цензура выходящих книг) было в каждом округе предоставлено местному университету. Университетский устав 1804 г. предоставил широкую автономию советам профессоров, которые выбирали ректора, деканов четырех факультетов и профессоров на вакантные кафедры.

Начало XIX века характеризуется быстрым культурным и политическим ростом русского общества. Издается масса новых книг, преимущественно переводных экономических, политических, юридических и философских трактатов. Развивается русская литература (Карамзин, Жуковский, Крылов и др.), появляется ряд журналов разных направлений («Вестник Европы», «Журнал Российской Словесности», «Северный Вестник»).

2. *Внешняя политика до 1812 г.* В самом начале царствования Александра был заключен мир, а затем «конвенция о дружбе» с Великобританией (в июне 1801 г.).

В 1801 г. Грузия, спасаясь от натиска Персии, просила русского императора принять ее в подданство и под защиту России; Александр исполнил эту просьбу, и в 1804 г. Персия объявила России войну, которая продолжалась до 1813 г.⁵⁶.

Скоро европейские события привлекли и поглотили все внимание Александра. Наполеон в 1802 г. объявил себя пожизненным консулом, а в 1804 г. императором французов; в то же время он непрерывно продолжал захваты новых территорий в Италии и Германии, явно стремясь к гегемонии в целой Европе. Когда в 1805 г. Австрия решила выступить против французского завоевателя, Александр присоединился к ней и начал войну с Францией. Война пошла неудачно для союзников, и при Аустерлице (в Моравии) русские и австрийские войска были наголову разбиты Наполеоном. Австрия вынуждена была заключить

⁵⁶ Война закончилась Гюлистанским трактатом, по которому Персия уступила России Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, а также Дагестан и Азербайджан с городами Дербент и Баку.

мир, но Александр решил продолжать борьбу. В 1806 г. против Наполеона выступила Пруссия, но в битвах при Иене и Ауэрштете прусские войска потерпели полное поражение, и Наполеон взял Берлин. Война была перенесена в Восточную Пруссию; в кровопролитной битве при Прейсиш-Эйлау русские войска (под командой Бенигсена) отразили натиск Наполеона, но летом 1807 г. Наполеону удалось разбить русских при Фридланде, и русская армия, оставив Пруссию, отступила на правый берег Немана. Александр был вынужден склониться к миру; летом 1807 г. состоялось знаменитое свидание Наполеона с Александром на Немане, два великих актера политической сцены очень искусно разыграли свои роли, выражая чувства взаимного уважения и симпатии, и заключили не только мир, но и союз между собою. Наполеон, по просьбе своего нового друга, возвратил прусскому королю половину его владений. Из большей части тех польских областей, которые достались Пруссии при разделе Речи Посполитой, было образовано «герцогство Варшавское», под протекторатом Наполеона и под номинальной властью саксонского короля; Белостокская область была уступлена России. Александр согласился принять «континентальную систему», т. е. прекратить торговлю с Англией и прервать всякие сношения с ней.

В вознаграждение за дружбу (и за убытки, с нею связанные) Наполеон предоставил своему союзнику усиливаться за счет Турции и Швеции (последняя была в союзе с Англией). Война с Турцией началась еще в 1806 г. и долго шла без решительных результатов, хотя туркам приходилось бороться на два фронта: отражать натиск русских войск и одновременно подавлять восстание сербов, которые поднялись против турок под начальством национального сербского героя Кара-Георгия. Но в декабре 1811 г. вновь назначенный главнокомандующий генерал Кутузов одержал над турками решительную победу при Рущуке, и весною 1812 г. Турция должна была согласиться на мир. По мирному договору, заключенному в мае 1812 г. в Бухаресте, Турция уступила России Бессарабию (границей между обоими государствами становилась р. Прут и левый берег Дуная); «блистательная Порта дарует сербам прощение и обычную амнистию»; в нескольких сербских городах остаются турецкие гарнизоны, но Порта предоставляет сербам самим «управление внутренних дел их»; таким образом Бухарестским трактатом было создано автономное Сербское княжество.

Война с Швецией (1808—1809 гг.) была успешна для России. Русские войска завоевали всю Финляндию, зимию, перейдя по льду Ботнического залива, взяли Аландские острова и оттуда перешли на шведский берег. По мирному договору, заключенному в Фридрихсгаме, Швеция уступала России всю Финляндию (до р. Торнео и до границ Норвегии) и Аландские острова. Овладев Финляндией, Александр созвал в г. Борго сейм из депутатов от финляндских сословий, на котором заявил о своем намерении соблюдать местные законы и все права и привилегии финляндского населения. Финские провинции образовали великое княжество Финляндское с широкой политической автономией. Во всех внутренних делах власть принадлежала сенату и сейму, личный состав администрации пополнялся из местных жителей; император Всероссийский принял титул великого князя Финляндского и назначил в Финляндию генерал-губернатора в качестве представителя имперской власти; вообще Финляндия представляла собою скорее особое государство, соединенное с Россией личной унией, чем русскую провинцию.

В войне Наполеона с Австрией в 1809 г. Россия в качестве союзника Наполеона должна была выступить на его стороне. Правда, это была с ее стороны скорее военная демонстрация, чем действительное участие в войне, но все же Наполеон после победы над Австрией решил вознаградить союзника: Россия получила в 1810 г. восточную часть Галиции (Тарнопольский округ).

Однако, несмотря на все внешнеполитические успехи после Тильзита, в русском обществе проявлялись недовольство и ропот. Тильзитский договор и союз с Наполеоном считался унизительным для России; континентальная система подрывала внешнюю торговлю и причинила значительные убытки помещикам, отпускавшим продукты сельского хозяйства за границу; с другой стороны, цены заграничных («колониальных») товаров (например, сахара) чрезвычайно поднялись. Большие расходы на военные нужды вызывали постоянные дефициты в государственном бюджете, усиленные выпуски бумажных денег вызывали быстрое падение их стоимости и в результате общий рост дорожевизны.

3. *М. М. Сперанский*. Сперанский (род. в 1772 г.) был сыном сельского священника и получил духовное образование, но затем перешел на гражданскую службу;

он отличался большим и ясным умом, сильной и гибкой волей, необыкновенной трудоспособностью, большими познаниями, теоретическими и практическими, даром слова, умением четко и ясно излагать свои мысли в письменной форме. В 1806 г. он стал известен Александру, и после Тильзитского мира стал докладчиком и советником государя по всем делам управления и законодательства. Александр поручил ему руководство Комиссией составления законов, а также дал ему поручение выработать общий план государственного преобразования. План Сперанского (законченный осенью 1809 г.) предусматривал три параллельных ряда учреждений — законодательных, судебных и исполнительных, или административных. Законодательный ряд образовали «думы» — волостные, уездные, губернские и государственная; волостная дума составлялась из земельных собственников волости и из депутатов от казенных крестьян⁵⁷ (по одному от 500 душ); она выбирала волостное правление и депутатов в уездную думу; уездная дума выбирала уездное правление и депутатов в губернскую думу; губернская дума выбирала губернское правление и депутатов в Государственную думу. Государственная Дума собирается ежегодно, рассматривает и одобряет вносимые правительством законопроекты и государственный бюджет, делает представления о нуждах народа, об ответственности министров и о распоряжениях властей, нарушающих основные («коренные») государственные законы. Исполнительной властью являются правления — волостные, уездные и губернские, — избираемые местными думами, а высшая исполнительная власть — министры — назначается государством. Судебную власть образуют волостные суды (с третейским или мировым характером), затем — уездные и губернские суды, состоящие из выборных судей и действующие с участием присяжных; высшую судебную инстанцию составляет Сенат, члены которого избираются (пожизненно) Государственной Думой и утверждаются императором. Для объединения и согласования действий высших государственных учреждений учреждается Государственный Совет, состоящий из высших государственных сановников, по назначению монарха; он является совещательным

⁵⁷ Сперанский имел в виду постепенное освобождение помещичьих крестьян, но в то время пользоваться политическими правами они не могли.

учреждением, которое рассматривает новые законодательные предположения и финансовые мероприятия до их внесения в Государственную Думу, а также наблюдает за исполнением законов во всех областях государственного управления.

Александр одобрил в общем план Сперанского и предполагал начать его осуществление с 1810 года. Ввиду сложности и трудности дела преобразование было начато сверху. 1 января 1810 г. было издано Образование Государственного Совета. Государственный Совет разделялся на четыре департамента: 1) законов, 2) военных дел, 3) дел гражданских и духовных и 4) государственной экономии. Общее собрание составлялось из членов всех департаментов и из министров. Председательствовал сам государь или особое лицо, им назначенное. Совет должен был рассматривать все законы, уставы и важные мероприятия, и его решения представлялись на утверждение государя; «высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» становилось законом.

В 1810—1811 гг. последовало преобразование министерств, учрежденных в 1802 г.; было учреждено новое министерство полиции, а министерство коммерции было упразднено; министерство внутренних дел должно было иметь «попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности». Кроме министерств были учреждены «главные управлении» — путей сообщения, ревизии государственных счетов (т. е. государственный контроль) и главное управление духовных дел иных (кроме православного) исповеданий. Министерства делились на департаменты (с директором во главе), департаменты — на отделения. Из высших чиновников министерства составлялся совет министра, а из всех министров — комитет министров для обсуждения дел, касающихся различных министерств.

При составлении проекта законодательного кодекса Сперанский имел в виду заимствовать некоторые нормы французских гражданских законов (так называемый Кодекс Наполеона), усматривая в них последнее слово юридической науки. Однако преобразовательная деятельность Сперанского не получила дальнейшего развития и скоро была прервана внешними и внутренними обстоятельствами. Во-первых, самое приближение к царю Сперанского, в котором высшие сановники государства видели «выскочку» и «поповского сына», вызывало против него зависть и вражду в «высшем свете» Петербурга.

Во-вторых, его французские симпатии вызывали недовольство во всем русском обществе, которое проникалось все более враждебным отношением к Наполеону и к Франции,— и сам император Александр чувствовал всю непрочность французского союза и предвидел неизбежность борьбы с Наполеоном в недалеком будущем⁵⁸. Всеобщее недовольство увеличивалось продолжающимся расстройством государственных финансов, которого финансовый план Сперанского не мог остановить. В марте 1812 г. Сперанский был уволен со службы и выслан в Нижний Новгород, а потом в Пермь (хотя, как он спрашивливо писал в своем оправдательном письме, все, что он делал, он делал с согласия Александра или даже по поручению его).

4. *Отечественная война 1812 г. Борьба за освобождение Европы. «Священный союз».* Наполеон, продолжая распоряжаться в Европе как полновластный хозяин, между прочим выгнал родственника императора Александра, герцога Ольденбургского, из его владений за недостаточно строгое соблюдение континентальной системы. Александр воспринял это как личное оскорбление и протестовал против действий Наполеона. Между тем сама Россия с 1810 г. фактически уже не соблюдала континентальной системы, ибо судам «под нейтральным флагом» было разрешено приходить в русские порты, а под нейтральным флагом могли быть и английские товары. Александр требовал от Наполеона прямого обязательства, что он не будет стремиться к восстановлению польского королевства, но Наполеон отказался дать формальное обязательство такого рода. Весною 1812 г. Александр потребовал вывода французских войск из Пруссии и герцогства Варшавского; Наполеон признал это требование для себя оскорбительным и решил начать войну, ибо он видел, что пока Россия сильна и независима, он не может распоряжаться судьбами Европы.

В июне 1812 г. заранее подготовленная Наполеоном 600-тысячная «великая армия», составленная из многих подвластных Наполеону или союзных народов, перейдя Неман, вступила в пределы России. Две русские армии,

⁵⁸ Знаменитый историк Н. М. Карамзин в своей записке «о древней и новой России» резко критиковал преобразования и планы Сперанского, усматривая в них попытку нарушения нормального хода русского национально-государственного развития.

Барклай де Толли и Багратиона, составляли около 200 тысяч человек и, конечно, должны были отступать перед колоссальными силами неприятеля; под Смоленском после кровопролитного сражения, задержавшего натиск французов, обе армии соединились, но затем продолжали отступление в глубь страны, и французы двигались по направлению на Москву... Нашествие неприятеля на Россию вызвало подъем патриотических чувств во всех слоях русского народа, а отступление наших войск вызвало всеобщее недовольство и ропот против «немца»-главнокомандующего (Барклай де Толли). Уступая общественному мнению, Александр назначил главнокомандующим популярного старого генерала Кутузова, который только что с успехом закончил турецкую войну. При продвижении внутрь России французская армия все более слабела, неся большие потери от военных действий и от болезней, удаляясь от своих баз и испытывая большие затруднения в снабжении провиантом и фуражом, так как русское население на пути продвижения французов уходило вместе с армией в глубь страны и предавало оставленные места огню и опустошению. Кутузов видел, что дальнейшее отступление было бы самой разумной тактикой, ибо французская армия непрерывно таяла и двигалась в глубь чужой необъятной страны навстречу своей погибели. Но общественное мнение требовало — остановить натиск неприятеля и не отдавать ему Москвы, поэтому Кутузов увидел себя вынужденным остановиться (в 130 верстах от Москвы и в 10 верстах от Можайска), чтобы дать неприятелю генеральное сражение. Сражение это произошло 26 августа 1812 г. при с. Бородине и отличалось необыкновенным упорством и кровопролитием,— обе стороны понесли огромные потери; русская армия удержала свои позиции и готовилась возобновить бой на другой день, но осторожный главнокомандующий дал приказ об отступлении,— и 2 сентября французы заняли Москву, оставленную русскими войсками и почти всеми жителями. Наполеон возомнил себя победителем и обратился к Александру с предложением мира, но не получил никакого ответа. Между тем в Москве начались пожары, охватившие весь город и способствовавшие начавшейся деморализации и дезорганизации французской армии; после того как все найденные в Москве припасы были разграблены, снабжение французской армии испытывало величайшие затруднения, ибо русские войска перехватывали и уничтожали французские отряды, посылаемые за провиантом и фура-

жом. 7 октября Наполеон дал приказ об отступлении и выехал из Москвы⁵⁹. Французы сделали попытку пройти от Москвы к Калуге, чтобы не отступать по старому, разоренному и опустошенному пути, но в сражении при Малоярославце были отражены и вынуждены повернуть на старую, смоленскую дорогу. Под ударами русской армии, окруженнной казаками и партизанами французская армия таяла в поспешном отступлении, которое к началу ноября превратилось уже в беспорядочное бегство. Уже 3 ноября был издан царский манифест об изъявлении российскому народу благодарности за избавление отечества от нашествия неприятельского; манифест сообщает, что неприятель «бежит от Москвы с таким уничижением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней. Бежит, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои... — неприятельские силы... главною частию или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали»...⁶⁰.

К концу года почти вся «великая армия» погибла; лишь жалкие остатки ее перешли границу, а Наполеон умчался во Францию готовить новую армию. Царский манифест от 25 декабря 1812 г. объявил о полной ликвидации неприятельского нашествия, при отражении которого «войско, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имущества своих, ни жизни, составили единую душу»...

После уничтожения «великой армии» Александр взял на себя задачу освобождения Европы от ига Наполеона и двинул свои войска в Германию. Пруссия, а потом и Австрия примкнули к нему и начали общими силами (в

⁵⁹ Общепринятая легенда о том, что Наполеона в России «победил мороз», совершенно не соответствует фактам; морозы только добили французскую армию, отступавшую в состоянии морального упадка и полного разложения; давая приказ об отступлении, Наполеон уже признавал свое поражение, между тем в средней России в конце сентября и в начале октября никто никогда не замерзал.

⁶⁰ Манифест описывает проявления «верности и любви к отечеству» всех сословий русского народа, в частности крестьян, которые не только «охотно и добровольно вступали в ополчения» и мужественно сражались в составе ополчения, но «сверх того... во многих губерниях, а особенно в Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали из себя предводителей» и вели борьбу с неприятелем. «Многие селения... с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так что многие тысячи истреблены и взяты в плен крестьянами, и даже руками женщин»; эти пленные были «жизни своею обязаны человеколюбию тех, которых они приходили жечь и грабить».

союзе с Англией, борьбу против Наполеона⁶¹. В октябре 1813 г. в трехдневной «битве народов» под Лейпцигом союзники одержали решительную победу над Наполеоном, и 1 января 1814 г. русские войска перешли французскую границу⁶². В марте 1814 г. союзные войска вступили в Париж; Наполеон постановлением французского сената был лишен престола, и королевский престол Франции занял Людовик XVIII (братья казненного революцией Людовика XVI). В мае 1814 г. союзники заключили с Францией мир, по которому Франция отказалась от своих завоеваний в Европе и возвратилась к границам 1792 года. Наполеон получил во владение остров Эльбу, с сохранением титула императора. Европейские государи и дипломаты съехались на конгресс в Вену для обсуждения и устройства европейских дел после ликвидации наполеоновских завоеваний. В 1815 г., когда заседания конгресса еще продолжались, Наполеон вдруг снова появился во Франции, и армия перешла на его сторону. Союзники снова открыли военные действия, Наполеон был разбит англичанами и пруссаками при Ватерлоо¹ (в Бельгии) и был отвезен англичанами на остров св. Елены (в Атлантическом океане), где он умер в 1821 г.

Постановлением Венского конгресса основанное Наполеоном герцогство Варшавское было присоединено к России, под именем царства Польского; Познань была отдана Пруссии, а Галиция (включая Тарнопольский округ) — Австрии. Собравшиеся в Вене монархи заключили между собой «священный союз» (акт 14-го сентября 1815 г), который, по замыслу Александра, должен был вносить в международные отношения начала мира и правды, взаимной помощи, братства и христианской любви. В действительности этот союз скоро превратился в оплот европейской реакции, стремившейся к сохранению абсолютизма

⁶¹ Кутузов умер в апреле 1813 г. в прусском городке Бунцлау, и Александр сам вел свою армию; формально главнокомандующим союзными войсками считался австрийский генерал Шварценберг.

⁶² В изданном перед вступлением во Францию возванием к русским воинам Александр говорил: «...Неприятели, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь... Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простирущую для примирения руку... И действительно, по своему поведению русские «варвары», пришедшие о столицу цивилизованной Европы, Париж, оказались гораздо более цивилизованными, чем цивилизованные французы и иные европейцы, пришедшие в столицу «варваров», Москву...

и подавлявшей все свободолюбивые движения народов. В течение 1818—1822 гг. собирался ряд конгрессов участников «священного союза» (в Аахене, Троппау, Лайбахе (Любляне) и Вероне), которые принимали решения о поддержке вооруженной рукой легитимных правительств против народных восстаний⁶³.

В 1821 г. вспыхнуло восстание в Греции против турецкого владычества, и все русское общество ожидало, что Александр окажет поддержку единоверным грекам, но он стал последовательно на точку зрения легитимизма, признал греческое восстание революцией против законного монарха (турецкого султана!) и отказал грекам в помощи.

5. Внутренняя политика в 1815—1825 гг. Рост правительственной реакции; Аракчеев. После наполеоновских войн Александр I еще не сразу стал поклонником абсолютизма. В значительной мере под его влиянием новый французский король Людовик XVIII дал своему народу конституционную хартию (хотя и с очень ограниченным кругом избирателей). Сам Александр, сделавшись после Венского конгресса «царем польским», дал Польше (в декабре 1815 г.) конституцию, предоставлявшую законодательную власть в стране польскому сейму. Наместником в царстве Польском был назначен старый польский генерал Зайончек (бывший начальником одной из дивизий в армии Наполеона). Польша имела свое правительство (из 5 министров) и свою особую армию (около 40 тыс.); командующим польской армией был назначен брат царя, великий князь Константин (женатый на польской аристократке). В речи при открытии польского сейма в 1818 г. Александр сказал, что «свободные учреждения... совершенно согласуются с общественным порядком и утверждают истинное благосостояние народов», и заявил о своем намерении — «благодетельное влияние» «свободных учреждений» «распространить на все страны, попечению моему вверенные». В это время Александр поручил другу своей молодости Новосильцеву составить план конституции для России, и последний составил «уставную грамоту», однако Александр отложил осуществление проекта Новосильцева.

⁶³ В начале 20-х годов в некоторых странах Южной и Западной Европы произошел ряд восстаний против королевского абсолютизма. Однако члены «священного союза» выступили на защиту принципов легитимизма: австрийские войска подавили революционное движение в Неаполе, Сицилии и Пьемонте, французы — в Испании.

В 1820 г. произошли события, означавшие конец периода конституционных колебаний Александра и решительно толкнувшие его в лагерь абсолютизма и реакции: в Европе это были военные революции в Италии и Испании, а в России — солдатские волнения в лейб-гвардии Семеновском полку, хотя солдатское возмущение было вызвано лишь грубостью и жестокостью полкового командира и направлено лишь против него, Александр усмотрел в «семеновской истории» последствия революционной агитации, очень встревожился и приказал раскассировать весь наличный офицерский и солдатский состав полка по другим армейским частям. После 1820 г. Александр окончательно расстался с конституционными мечтами своей юности, и Россия вступила в полосу правительской реакции и обскурантизма.

Главным сотрудником Александра в течение всей второй половины его царствования стал суровый и мрачный временщик, генерал А. А. Аракчеев, в руках которого сосредоточивалось все гражданское и военное управление, тогда как сам Александр все более отходил от текущих дел внутреннего управления, занимаясь преимущественно делами международной политики.

Одно дело внутри государства живо интересовало Александра — это была организация военных поселений, начальником которых был назначен все тот же Аракчеев. Главной целью военных поселений было уменьшение расходов казны на содержание армии. Система военных поселений состояла в том, что некоторые территории, населенные казенными крестьянами, передавались из гражданского ведомства в военное; они освобождались от обычных податей и повинностей и за то должны были из состава населения комплектовать и содержать определенные воинские части; семейные солдаты должны были составлять коренное население волости; у них по квартирам распределялись холостые солдаты, которые работали у хозяев как батраки и взамен заработной платы получали от них полное содержание. Правительство заботилось об улучшении материального положения военных «поселян», давало им скот, инвентарь, юсды и пособия, но вся жизнь их была скована строгими правилами военной дисциплины и находилась под непрестанным надзором начальства, и потому население (как и общество) относилось с ненавистью к этой системе и считало ее худшим видом крепостного права. Военные поселения при Александре I получили широкое развитие: к 1820 г. корпус военных поселений

состоял из 90 батальонов пехоты в Новгородской губернии и 36 батальонов пехоты и около 250 эскадронов кавалерии в украинских поселениях.

В 1816—1819 гг. было произведено освобождение крепостных крестьян в Прибалтийском крае, но условия реформы не соответствовали интересам крестьян, ибо вся земля оставалась в собственности помещиков. «Учреждение» для эстляндских крестьян, изданное в 1816 году, гласило, что «эстляндское рыцарство, отрекаясь от всех доселе принадлежащих ему крепостных наследственных прав на крестьян, предоставляет себе токмо право собственности на земли». Однако в этом «токмо» заключалось весьма многое! Крестьяне, сделавшись лично свободными, но не получив никаких земельных наделов, попали в полную экономическую зависимость от помещиков и должны были превратиться или в арендаторов помещичьей земли, или в батраков в помещичьих хозяйствах. На таких же условиях были «освобождены» в 1817 г. крестьяне Курляндской губернии, а в 1819 г.— крестьяне в Лифляндской губернии и на о. Эзеле.

В области культуры и просвещения последние годы Александрова царствования характеризовались попытками привлечения религии на службу реакции и обскурантизма. В 1817 г. было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения (с князем А. Н. Голицыным во главе), которому было поручено заботиться о том, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Сам князь Голицын был человек религиозный, культурный и гуманный, но его помощники (как пресловутые Магницкий и Рунич, попечители Казанского и Петербургского учебных округов) — ханжи, лицемеры и карьеристы — взялись насаждать «христианское благочестие» путем злобных преследований всяких проявлений «безбожия» и «вольнодумства»; эта политика повела к разгрому свободной науки в университетах.

Так при всеобщем недовольстве и при полном идейном отчуждении интеллигентного общества от царя и его правительства заканчивалось царствование Александра I, возбудившее вначале такие светлые надежды у всех («дней Александровых прекрасное начало»...).

6. *Тайные общества. Декабристы.* Отечественная война и следовавшая за ней война за освобождение Европы создали в русском обществе и в русской армии высокий патриотический подъем, а долговременное пребывание за

границей ознакомило интеллигентные круги русского офицерства с идеяными течениями, социальными отношениями и политическими учреждениями разных европейских стран. В тогдашней Европе существовало два типа организаций, ставивших себе освободительные цели: немецкое национально-патриотическое общество «Tugendbund», подготовлявшее восстание против наполеонова ига в Германии, и политические конспиративные организации (типа итальянских «карбонариев»), подготовлявшие политические перевороты с целью введения либеральных конституций. Оба эти типа организаций нашли потом свое отражение в кругах будущих русских декабристов.

В передовых кругах офицерства, вернувшегося после войны за освобождение Европы в страну «аракчеевщины» и крепостного права, в 1816—1817 гг. образовалось общество под названием Союз спасения, или верных и истинных сынов отечества. Среди членов Союза возникли споры по вопросам о характере организации, и в 1818 г. Союз спасения был переименован в Союз благоденствия, который ставил своей целью «распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она своим Творцом предназначена». Союз охватывал довольно широкий круг петербургского офицерства (число его членов доходило до 200 человек); члены Союза стремились, с одной стороны, к политическим и социальным реформам, с другой, занимались просветительной и благотворительной деятельностью и отличались гуманным обращением с подчиненными солдатами. Союз существовал почти открыто, но после событий 1820 года (см. выше) он был объявлен закрытым (1821 г.). Вместо Союза благоденствия в 1821—1822 гг. образовались два тайных союза или общества, носившие уже прямо революционный характер.

Во главе Северного общества в Петербурге стояли братья Муравьевы, князь С. П. Трубецкой, Н. И. Тургенев, князь Е. П. Оболенский, поэт Рылеев. Южное общество образовалось в Тульчине, где была главная квартира второй армии, расположенной в Киевской и Подольской губерниях; отделения его были в Каменке и в Василькове. Во главе Южного общества стоял наиболее выдающийся среди членов организации, талантливый, образованный, энергичный и честолюбивый полковник Пестель, защищавший крайнюю революционную тактику, вплоть до цареубийства и даже истребления всей императорской фамилии.

милии; наиболее активными членами Южного общества были генерал князь С. Г. Волконский, Юшневский, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин.

Кроме Южного и Северного обществ, в это время возникло еще Общество соединенных славян, ставившее своей целью установить федеративную республику всех славянских народов. Политической программой Северного общества была конституционная монархия, с федеративным устройством наподобие Северо-Американских Соединенных Штатов⁶⁴.

Политическая программа Пестеля носила название «Русская Правда», или «Наказ Временному Верховному Правлению». Пестель был республиканцем и, по его словам, «ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении». Однако в своей программе он начисто отвергает федеративный принцип: его республика носит якобинский характер — его план предполагает сильную центральную власть и совершенно однородное устройство всех частей государства, которые должны быть нивелированы не только в административно-политическом, но даже в культурном отношении. Крепостное рабство как состояние, «противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской», должно быть немедленно уничтожено «Временным Верховным Правлением». Земли в каждой волости должны быть разделены на две половины, из коих одну надлежит «отдать под названием общественной земли в собственность волостному обществу», а другая половина остается в собственности казны или частных лиц.

В конце 1825 г. членам тайных обществ, неожиданно для них самих, представился случай для попытки совер-

⁶⁴ Конституция Никиты Муравьева предполагала разделение России на 15 областей или держав; в каждой из них законодательная власть принадлежит законодательному собранию, состоящему из Палаты выборных и Державной думы. Общероссийская законодательная власть принадлежит Народному вечу, состоящему из двух палат: палаты представителей и «верховной думы», которая избирается областными палатами, по три члена от каждой области. Для участия в выборах предполагается довольно значительный имущественный ценз. Народное вече избирает верховных судей и областных правителей (из числа кандидатов, избираемых областными палатами). Император стоит во главе управления и ведет дела внешней политики, однако трактаты с другими государствами заключает с согласия Верховной думы. Крепостное право отменяется, и крестьяне получают в собственность усадьбы и по 2 десятины земли на каждый двор; остальную землю обрабатывают «по договорам обоюдным» с помещиками.

шения государственного переворота, когда после смерти Александра I в России наступило короткое междуцарствие. Александр умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге⁶⁵. Наследником престола был его брат Константин, но последний еще в 1822 г. отказался от наследования престола, уступив его следующему брату, Николаю. В 1823 г. Александр изготавлил манифест об отречении Константина и назначил Николая наследником, но не обнародовал его. Известие о смерти Александра было получено в Петербурге 27 ноября. Николай не нашел возможным воспользоваться неопубликованным манифестом; он присягнул сам и привел войска к присяге императору Константину, о чем и послал последнему донесение в Варшаву; Константин дважды подтвердил свое отречение, и в этих переговорах прошло около двух недель.

Офицеры-заговорщики решили использовать создавшееся положение для агитации среди солдат против воцарения, Николая. Присяга Николаю была назначена на (4 декабря; большинство петербургского гарнизона присягнуло безропотно, но некоторые части отказались от присяги и вышли с оружием на Сенатскую площадь⁶⁶. Заговорщики имели в виду принудить Сенат опубликовать манифест к народу об «уничтожении бывшего правления» и о введении ряда важнейших реформ, как-то: отмена крепостного права, «уравнение прав всех сословий», свобода печати («свободное тиснение и потому уничтожение цензуры»), «свободное отправление богослужения всем верам», гласный суд с участием присяжных, учреждение выборных «волостных, уездных, губернских и областных правлений», уничтожение военных поселений, сокращение срока военной службы, и, наконец, созыв Великого собора (т. е. учредительного собрания) для решения вопроса о форме правления. «Диктатором» революционных сил был избран князь Трубецкой, но он потерял веру в успех восстания и 14 декабря не явился на Сенатскую площадь, чем сразу внес растерянность и замешательство в ряды восставших. Николай, со своей стороны, долго не решался приступить к военным действиям против мятежников; собрав присягнувшие ему войска, он посыпал к восставшим с увещаниями покориться одного за другим — петербур-

⁶⁵ Существует легенда, что он не умер тогда, но тайком перебрался в Сибирь, где доживал свою жизнь под именем «старца Федора Кузьмича».

⁶⁶ Это были полки лейб-гвардии Московский, лейб-grenадерский и гвардейский флотский экипаж..

гского военного генерал-губернатора Милорадовича (одного из героев 1812 года), митрополита Серафима, великого князя Михаила Павловича; все увещания остались безуспешными, а генерал Милорадович был убит выстрелом одного из заговорщиков; тогда Николай послал в атаку конную гвардию, но атака была отбита; наконец, Николай приказал выдвинуть пушки и открыть огонь картечью, и восставшие быстро рассеялись, понеся большие потери. Члены Южного общества (в Киевской губернии) подняли на восстание Черниговский пехотный полк, но оно было скоро подавлено (в начале января 1826 г.).

В течение 6 месяцев производилось следствие о «декабристах», в котором Николай сам принимал ближайшее участие.

Суду было предано 120 человек — большинство гвардейских офицеров; из них было приговорено к смертной казни 36 человек, но царь утвердил смертный приговор только в отношении пяти главных заговорщиков; остальные офицеры, участники мятежа, были сосланы в Сибирь, в каторжные работы или на поселение, солдаты отправлены в действующую Кавказскую армию⁶⁷.

---

⁶⁷ Имена казненных; Пестель, Рылеев, Каховский (убивший генерала Милорадовича), С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин.

Глава XV

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (1825—1855)

1. Внутренние мероприятия. Крестьянский вопрос. Николай вступил на престол не подготовленный к правлению, напуганный бунтом декабристов, проникнутый ненавистью ко всяkim революционным и либеральным течениям. Знакомство с делом декабристов показало ему, что общественный строй и правительственный аппарат России нуждались в серьезных реформах, но, не доверяя общественным кругам, он вознамерился произвести все необходимые улучшения исключительно силами бюрократии, под своей непосредственной командой. Поэтому «собственная Его Величества канцелярия», не игравшая прежде важной роли в государственном управлении, теперь превратилась в важное правительственные учреждение и была разделена на несколько отделений: 1-е отделение составляло личную канцелярию государя; 2-е отделение, заменившее прежнюю «комиссию составления законов», должно было произвести кодификацию российского законодательства; 3-е отделение, опираясь на новоучрежденный особый Корпус жандармов, должно было ведать политической полицией; 4-е отделение управляло благотворительными и образовательными учреждениями, получившими впоследствии название «ведомство учреждений императрицы Марии» (матери императора Николая); в 1836 г. возникло еще 5-е отделение для управления государственными имуществами и казенными крестьянами, но скоро затем для этого было учреждено особое министерство. В 1826 г. было еще учреждено особое министерство императорского двора и уделов.

Составление законодательного кодекса было поручено Николаем Сперанскому, который теперь оставил все либеральные идеи и стремления своей молодости и обеими ногами стоял на почве существующих фактов. Под энер-

гичным и умелым руководством Сперанского 2-е отделение произвело, наконец, ту колossalную кодификационную работу, которую тщетно пытались произвести множество комиссий, начиная с 1700 года. В 1830 г. было закончено Полное Собрание Законов Российской Империи, составившее 45 огромных томов, заключающих в себе в хронологическом порядке старые законы и указы, от Уложения 1649 г. до воцарения императора Николая. К 1833 г. был составлен и напечатан Свод Законов Российской Империи в 15 томах; в своде были изложены в систематическом порядке законы, действовавшие в данное время.

Для производства необходимых реформ в государственном управлении Николай 6 декабря 1826 г. образовал особый комитет под председательством графа Кочубея, но составленные им проекты преобразований не были приведены в действие. После июльской революции (1830 г.) во Франции и последовавшего за нею польского восстания Николай окончательно оставил помышления о коренных реформах государственного строя. Некоторые частные изменения были внесены в систему местного управления. После упразднения губернских сословных судов при Павле все судебные дела в губерниях были сосредоточены в палатах гражданского и уголовного суда. При Николае дворянству было предоставлено выбирать заседателей в эти палаты, а также представлять кандидатов в председатели, назначаемые царем. Для усиления местной полиции, помимо избираемых дворянством исправников, были введены назначаемые правительством становые приставы. Таким образом, дворянство в местном управлении тесно переплеталось с чиновничеством и само стало служить орудием коронного управления. При Николае «завершено былоздание русской бюрократии» (Ключевский), которая образовала в центре сложный и разветвленный механизм канцелярий, заливавших всю страну бумажными потоками приказов, циркуляров, «отношений», запросов и т. д. Часто в этом бумажном море «входящих» и «исходящих» тонули живые нужды и интересы живых людей,— и недаром говорилось при Николае, что государством правит не император, а столонаачальник.

Постоянное внимание и интерес императора Николая привлекал «вопрос об улучшении быта крестьян. Интерес этот оживлялся и поддерживался частыми волнениями крепостных крестьян — в царствование Николая насчитывается свыше 500 случаев таких волнений. Несколько раз Николай учреждал секретные (или «негласные») ко-

митеты по крестьянскому делу, они собирали сведения и материалы, писали докладные записки, составляли проекты и «предположения», но все это бумажное производство оставалось лежать «под сукном», ибо Николай не мог решиться на серьезную ломку существующего социального порядка. При обсуждении в Государственном Совете законопроекта об «обязанных крестьянах» (в 1842 г.), император заявил в своей речи: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь — было бы злом, конечно, еще более гибельным». Закон об «обязанных крестьянах» предоставлял помещикам *добровольно* заключать с крестьянами соглашения о прекращении личной крепостной зависимости и о предоставлении им земельных наделов, за которые крестьяне обязаны нести определенные договором повинности или уплачивать определенный оброк. Закон этот остался мертвой буквой, ибо почти никто из помещиков не пожелал им воспользоваться. Серьезная мера в пользу крестьян была проведена в юго-западном крае (где большинство помещиков были поляки): в 1847 г. в Киевской, Волынской и Подольской губерниях были введены так называемые инвентарные правила, по которым было определено то количество земли, которое помещики должны были предоставить крестьянам, и установлены размеры крестьянских повинностей. Аналогичное устройство было введено в 1846 г. в губерниях царства Польского (где крестьяне получили личную свободу, но без всяких земельных прав, по декрету Наполеона в 1807 г.).

В 1837—1838 г. для управления «государственными имуществами» (включая казенных крестьян) было учреждено особое Министерство государственных имуществ⁶⁸; министром был назначен просвещенный и гуманный генерал граф П. Д. Киселев, который усматривал в крестьянах не только «казенное имущество», но и живых людей и искренно и настойчиво стремился к всестороннему улучшению их положения. Органами нового министерства в губерниях были палаты государственных имуществ; губернии подразделялись на округа, с окружными начальниками во главе.

Волостное и сельское управление были построены на начале крестьянского самоуправления. Первой его инстан-

⁶⁸ До тех пор казенные крестьяне находились в ведении министерства финансов, которое интересовалось ими только как одним из источников казенных доходов.

цией был сельский сход, состоявший из выборных (по два от каждого из 10 дворов). Сход выбирал уполномоченных на волостной сход, сельского старшину (который подлежал утверждению палатой государственных имуществ) и членов «сельской расправы» — первой инстанции сельского суда, — состоявшей, под председательством сельского старшины, из двух «сельских добросовестных»⁶⁹. Волостной сход состоял из выборных от сельских обществ (по одному от каждого из 20 дворов); он выбирал волостного голову, двух заседателей волостного правления и двух «добросовестных» «волостной расправы» (второй инстанции сельского суда). Конечно, органы крестьянского самоуправления были подчинены надзору государственных чиновников, но Киселев старался не допускать со стороны последних никаких злоупотреблений. Министерство Киселева заботилось об удовлетворении хозяйственных и бытовых нужд крестьян: производило размежевание земель, отводило дополнительные наделы для малоземельных, устраивало продовольственные запасные магазины, ссудо-сберегательные кассы, школы и больницы. В значительной мере благодаря благородной деятельности Киселева (который оставался министром государственных имуществ около 20 лет) к моменту падения крепостного права экономическое положение государственных крестьян, оказалось, в общем, значительно лучше, чем положение крестьян помещичьих, а устроенное (точнее, урегулированное) Киселевым самоуправление казенных крестьян послужило образцом для устройства помещичьих крестьян по освобождении их от крепостной зависимости.

В области народного просвещения министр граф С. С. Уваров (с 1833 до 1849 г.) стремился насаждать «истинное просвещение» на основе «православия, самодержавия и народности», провозглашенных им за истинные и исконные начала русской жизни. Новый университетский устав 1835 г. передавал руководство делом просвещения в руки попечителей учебных округов (назначавшихся частью из генералов) и ограничивал (но не уничтожал) университетскую автономию. Сам Уваров был

⁶⁹ Кроме выборов должностных лиц предметами ведомства сельского схода были: увольнение из общества и прием в общество новых членов; «раздел между государственными крестьянами земель сельского общества»; регулирование пользования общими лесами и сенокосами; ходатайства о нуждах общества; назначение денежных сборов на мирские расходы; раскладка казенных податей и повинностей между крестьянами; дела по отбыванию рекрутской повинности.

просвещенным человеком, и университетская наука могла жить и развиваться под его «отеческим» попечением. Положение изменилось после европейской революции 1848—1849 гг., когда напуганный революцией Николай переходит к системе безудержной реакции и обскурантизма. Министром народного просвещения назначается мрачный реакционер князь Ширинский-Шихматов, вводится строгий надзор над университетским преподаванием, кафедры философии и некоторых других «вредных» наук закрываются, вводится ограниченный комплект студентов — до 300 человек на каждом факультете (кроме медицинского). Для наблюдения за печатью учреждается в 1848 г. особый комитет под председательством графа Бутурлина, и этот «бутурлинский комитет» доводит дело цензуры книг и периодической печати до абсурдных крайностей.

В поисках революции политическая полиция наталкивается на кружок М. В. Петрашевского, члены которого находились под влиянием идей современного французского социализма и обсуждали на своих собраниях социальные вопросы; хотя деятельность кружка состояла не в заговорах, а только в разговорах, члены его (в числе их Ф. М. Достоевский) были осуждены сначала к смертной казни, а потом сосланы в Сибирь на каторжные работы.

«Охранительная» политика Николая продолжалась до конца его жизни. Крымская война показала, что он охранял обветшалый и непригодный для жизни строй⁷⁰.

2. Общественные течения. Славянофилы и западники. Эпоха политической реакции при Николае I не была, однако, эпохой духовной спячки и застоя для русского общества. Напротив, умственная жизнь в это время, особенно в Москве и в Московском университете, била ключом. В столицах издавался ряд журналов разных направлений, сначала «Московский Вестник», «Московский Телеграф», «Телескоп», потом — «Москвитянин», «Отечественные Записки», «Современник». Из кружков, воз-

⁷⁰ Из внутренних мероприятий николаевского царствования следует упомянуть еще финансовую реформу гр. Канкрина; Канкрин, экономный и добросовестный министр финансов, унаследовал от своих предшественников крайне расстроенную денежную систему с весьма низким и постоянно колеблющимся курсом бумажных денег, ассигнаций; в 1839—1843 гг. Канкрин произвел формальную девальвацию ассигнаций, устанавливив, что 350 рублей ассигнациями равняется 100 рублям серебром, а затем выпустил новые бумажные деньги — «кредитные билеты», ценность которых обеспечивалась собранным им металлическим разменным фондом.

никавших среди университетской молодежи, наиболее важными были кружок Станкевича, интересовавшийся преимущественно вопросами этики и философии и объединявший будущих западников и будущих славянофилов, кружок Герцена, обсуждавший главным образом политические и социальные проблемы современности. Наиболее выдающимися духовными вождями интеллигенции 30-х и 40-х гг. были московский профессор историк-идеалист Грановский и литературный критик В. Г. Белинский — «неистовый Виссарион», находившийся сначала под влиянием немецкой идеалистической философии, а потом — французского социализма.

Время Николая I было золотым веком русской художественной литературы: при Николае писали Пушкин, Лермонтов и Гоголь, начинали писать Тургенев, Достоевский и Толстой.

Среди идейных течений николаевского времени наиболее яркими и интересными были две системы историософских взглядов, столкнувшиеся между собой в не-примиримом конфликте,— это были учения «западников» (Белинский, Грановский, Кавелин) и «славянофилов» (А. С. Хомяков, братья Иван и Петр Киреевские, братья Константин и Иван Аксаковы, Ю. Ф. Самарин). Западники верили в единство человеческой цивилизации и утверждали, что Западная Европа идет во главе этой цивилизации, наиболее полно и успешно осуществляет принципы гуманности, свободы и прогресса и оказывает правильный путь всему остальному человечеству. Поэтому задача России, отсталой, невежественной, полуварварской страны, которая лишь со времени Петра Великого вступила на путь общечеловеческого культурного развития, как можно скорее изжить свою косность и азиатчину и, примкнув к европейскому Западу, слиться с ним в одну общечеловеческую культурную семью. Славянофилы утверждали, прежде всего, что единой общечеловеческой цивилизации и, следовательно, единого пути развития для всей народов не существует. Каждый народ, или группа близких народов, живет своей самостоятельной, «самобытной» жизнью, в основе которой лежит глубокое идейное начало, «народный дух», проникающий во все стороны народной жизни. Для России этими исконными идейными началами являются православная вера и связанные с нею принципы внутренней правды и духовной свободы; воплощением этих начал в жизни является община, крестьянский мир, как добровольный союз для взаимной помощи и поддержки.

В отличие от морально-религиозной основы русской жизни западный или германо-романский мир строит свою жизнь на принципах формально-юридической справедливости и внешней организации. По мнению славянофилов, ни западные принципы, ни западные организационные формы не нужны и неприемлемы для России. Их политическим идеалом была патриархальная демократическая монархия, опирающаяся на добровольную поддержку народа; «сила мнения» этого народа должна выражаться в совещательном земском соборе, который царь должен был бы созывать по примеру царей московских. Вообще Московское царство, по мнению славянофилов, гораздо более соответствовало духу и характеру русского народа, чем петербургская бюрократическая монархия, построенная Петром Великим по европейским образцам.

При всех идейных разногласиях славянофилы и западники близко сходились в практических вопросах русской жизни: оба течения отрицательно относились к крепостному праву и к современному им бюрократически-полицейскому строю государственного управления, оба требовали свободы слова и печати, и значит, в глазах правительства оба являлись одинаково «неблагонадежными»...

3. Внешние дела. Восточная война 1853—1855 г. В греческом вопросе Николай отказался продолжать нейтрально-пассивную политику Александра. Героическая борьба греков за независимость привлекала внимание и сочувствие всей Европы, и общественное мнение всех стран требовало от своих правительств помочь восставшим грекам. В 1827 г. в Лондоне был заключен договор, по которому Россия, Англия и Франция согласились добиваться политической автономии для Греции; три державы потребовали от султана прекращения военных действий против греков, а когда он отказался, соединенные эскадры Англии, России и Франции атаковали турецко-египетский флот (у Наварина) и уничтожили его (1827 г.). Так как султан по-прежнему отказывался предоставить Греции автономию, Россия в 1828 г. объявила Турции войну. Русские войска заняли Молдавию и Валахию и перешли через Дунай. В 1829 г. генерал Дибич нанес туркам полное поражение у селения Кулевчи, перешел Балканские горы и взял Адрианополь. В Азиатской Турции генерал Паскевич взял турецкие крепости Карс и Эрзерум. Султан вынужден был просить мира, который и был заключен в

Адрианополе в сентябре 1829 г. По этому миру султан признал широкую автономию дунайских княжеств — Молдавии и Валахии (причем «Россия приняла на себя ручество в их благоденствии», т. е. получила право вмешиваться в балканские дела для защиты христиан), а также Сербии и Греции (в 1830 г. Греция была признана независимым королевством). В Европе граница между Россией и Турцией проходила по линии Прут — Нижний Дунай (включая часть дельты Дуная), на Кавказе Россия получила восточное побережье Черного моря, с портами Анапа и Поти. Проливы Босфор и Дарданеллы были открыты для торговых судов всех стран.

Почти одновременно с турецкой войной Россия вела успешную войну с Персией (в 1826—1828 гг.), которая закончилась миром, заключенным в 1828 г. в селении Туркманчай (между Тавризом и Тегераном): Персия уступила России земли по левому берегу р. Аракса (ханство Эриванское и ханство Нахичеванское) и обязалась уплатить военную контрибуцию.

После побед над Турцией и Персией при Александре и Николае и территориальных приобретений на Кавказе бывших результатом этих побед, перед русским правительством стояла задача покорения и умиротворения всего Кавказа; вольнолюбивые и воинственные кавказские племена оказывали упорное сопротивление продвижению русских войск, мешали сообщениям русских с Закавказским краем, нападали на пограничные поселения казаков на Тереке и на Кубани. Кавказские войны, начавшись скоро после принятия в русское подданство Грузии (1801 г.), продолжались около 50 лет и закончились лишь при Александре II. Русские войска (долгое время главнокомандующим кавказской армией был заслуженный и популярный генерал Ермолов) с величайшим трудом и с большими потерями медленно продвигались в глубь Кавказских гор, устраивая линии небольших крепостей и опорных пунктов и принуждая к покорности соседние аулы, а затем — подавляя все новые и новые восстания горцев.

Едва только закончились войны персидская и турецкая, как правительству Николая I пришлось вступить в вооруженный конфликт с Польшей. Польские патриоты не удовлетворялись конституцией 1815 года и не могли примириться с разделами Речи Посполитой; они стремились к восстановлению полной государственной независимости Польши, и притом — в границах 1772 года. Французская революция 1830 года дала толчок польскому

движению, и в конце 1830 года в Варшаве вспыхнуло восстание; вся польская армия присоединилась к восстанию, великий князь Константин с небольшим русским гарнизоном еле успел выбраться из Варшавы. Польский сейм, собравшийся в Варшаве, объявил династии Романовых лишенную польского престола и установил временное революционное правительство. Однако среди вождей революции скоро начались несогласия и раздоры, а польская армия была недостаточно сильна для борьбы с русской. В 1831 г. восстание было подавлено (Варшава взята штурмом).

По подавлении восстания конституционная хартия 1815 года была отменена, отдельное польское войско уничтожено, польские университеты в Варшаве и Вильне закрыты. Царство Польское было разделено на губернии и подчинено императорскому наместнику, который управлял страной с помощью совета из главных чиновников края (новый порядок управления в Польше был определен «органическим статутом» 1832 г.). В западнорусских областях много земель, принадлежавших участникам восстания, было конфисковано и передано в русские руки. Униатское духовенство (во главе с митрополитом Литовским Иосифом Семашко) склонилось к воссоединению с православной церковью, и в 1839 г. униатские епископы на соборе в г. Полоцке приняли соответственное постановление, после чего Синод торжественно совершил акт воссоединения униатов с православными. После этого уния сохранилась лишь в Холмской области и в Галиции.

Вскоре после польского восстания на сцену международной политики снова выступил восточный вопрос. Турецкая империя очутилась в большой опасности вследствие восстания египетского паша Магмуда-Али, султан обратился к Николаю с просьбой о помощи, и царь послал свои сухопутные и морские силы против мятежников; последние вынуждены были покориться, а в 1833 г. султан заключил с Россией союзный договор в Ункиар-Скелесси (на берегу Босфора), по которому он обязался закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных судов всех иностранных держав, кроме России, и Турция становилась как бы под протекторатом России.

Однако такое преобладание России на Балканском полуострове вызвало недовольство и тревогу других европейских держав, особенно Англии. Когда в 1838—1839 г. у султана снова возник конфликт с его египетским вассалом, в дело вмешались все великие державы и принудили

Египет к покорности, а в Лондоне (1840 г.) была заключена конвенция, по которой Турция становилась под общую защиту всех пяти европейских держав: России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии.

Революция 1848—1849 гг. на время отвлекла внимание европейской дипломатии от восточного вопроса. Когда венгерское восстание грозило разрушением Австро-Венгерской монархии, молодой австрийский император Франц-Иосиф просил русского царя о помощи. Николай I, ненавидевший революцию, считал себя обязанным поддерживать принципы легитимизма и старого порядка не только у себя дома, но и в других государствах; он послал в Венгрию генерала Паскевича с войском, которое подавило восстание венгров и восстановило в Венгрии австрийскую власть. Вмешательство Николая в европейские дела на защиту старого порядка, конечно, вызвало всеобщее возмущение не только в революционных, но и в либеральных кругах, и Россия по милости Николая заслужила себе кличку международного (или европейского) жандарма. Обострению отношений способствовало то, что Николай недружелюбно относился к новому французскому императору, Наполеону, превратившемуся в монарха из президента Французской республики, образовавшейся в результате революции 1848 года.

Таким образом, и правительства и народы Европы боялись и не любили России и ее реакционного и высокомерного царя и рады были воспользоваться первым случаем, чтобы уничтожить силу и влияние России в европейских делах. Случай этот скоро представился в связи с тем же «восточным вопросом». Николай считал себя покровителем православных в Палестине, а Франция выступила теперь в качестве покровительницы католиков. В 1851 г. по просьбе Франции султан приказал отобрать ключи от Вифлеемского храма у православного духовенства и отдать католикам. Николай энергично протестовал и требовал от султана общих гарантий охраны интересов православного населения Турции, но Турция, опираясь на поддержку западных держав, отклонила все дипломатические протесты и требования. Николай в 1853 г. приказал своим войскам оккупировать автономные дунайские княжества, пока Турция «не удовлетворит справедливых требований России». Осенью 1853 г. Турция, побуждаемая западными державами, объявила России войну. В ноябре 1853 г. русская черноморская эскадра (под командой адмирала Нахимова) уничтожила турецкий флот в бухте

г. Синопа, и скоро западные державы — Англия, Франция и Сардиния открыто выступили против России. Австрия, со своей стороны, ультимативно потребовала от России очищения Молдавии и Валахии; Николай был вынужден подчиниться этому требованию, но ввиду угрожающего положения, занятого Австрией, он должен был оставить на австрийских границах большую армию, которая таким образом, не могла принимать участие в военных действиях против западных союзников.

В сентябре 1854 г. союзники высадили значительное количество (около 70 тыс.) французских, английских и турецких войск в Крыму и скоро приступили к осаде Севастополя. Русский флот, по своей относительной слабости, не мог оказать сопротивления и был затоплен русскими моряками при входе в севастопольскую бухту (чтобы затруднить вторжение в нее с моря). На суше офицеры, солдаты и матросы севастопольского гарнизона (которым помогало и гражданское население) с исключительным мужеством выдерживали одиннадцатимесячную осаду крепости, отражая штурмы неприятеля и исправляя повреждения, причиняемые непрерывными бомбардировками (при защите крепости погибли доблестные адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин). Лишь в конце августа 1855 г. союзникам удалось овладеть южной стороной Севастополя и принудить русские войска отступить на север. Однако геройские подвиги русских войск не могли скрыть то полное банкротство правительственной системы, которое обнаружила Крымская война. Николай, располагая миллионной армией, оказался не в силах победить 70-тысячный неприятельский десант. Причинами военной неудачи, ставшими теперь очевидными для всех, были хаотическое состояние военного хозяйства, отсталость вооружения и недостатки снабжения, отсутствие удобных путей сообщения, отсутствие подготовленных и способных к самостоятельным действиям военных вождей, неудовлетворительная постановка санитарно-медицинской части, наконец, страшное воровство интендантов и злоупотребления во всех звеньях военной и гражданской администрации.

Николай умер в феврале 1855 г. в самый разгар севастопольской кампании. На престол вступил его сын, Александр II, — который ясно видел необходимость коренных реформ в России. Война была закончена мирным договором в Париже (в марте 1856 г.), по которому Россия уступала (в пользу Молдавии) устье Дуная и часть Бес-

сарабии и потеряла право иметь военный флот на Черном море⁷¹; Черное море было объявлено нейтральным, проливы были открыты для торговли, но закрыты для военных судов всех государств; Россия потеряла свое право покровительства над христианским населением Турции, которое было поставлено под протекторат всех великих европейских держав.

---

⁷¹ Русское правительство отказалось от этого ограничения в 1870 г., во время франко-пруссской войны.

Глава XVI

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II (1855—1881)

1. *Освобождение крестьян.* Император Александр II был проникнут ясным сознанием необходимости коренных реформ и твердым намерением осуществить их. На первом месте среди необходимых реформ стояло, конечно, уничтожение крепостного права, и Александр энергично взялся за это дело тотчас же по заключении Парижского мира. Его сторонниками и сотрудниками в деле освобождения крестьян были великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Елена Павловна, министр внутренних дел граф Ланской и его помощники Н. А. Милютин (последний был душою этого дела при прохождении его через разные инстанции), Я. С. Соловьев, генерал граф Я. И. Ростовцев и представители общественных кругов, как славянофилы, так и западники (Юрий Самарин, князь Черкасский, В. Д. Кавелин); напротив, реакционные круги бюрократии и дворянства («крепостники») старались всячески затормозить и искажить дело крестьянского освобождения (соглашаясь, в крайнем случае, на освобождение крестьян без земли).

Вскоре после заключения мира (1856) император Александр в беседе с представителями дворянства в Москве сообщил о своем намерении освободить крестьян и сказал свою знаменитую фразу: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу...» В начале 1857 г. был учрежден Секретный комитет для подготовки реформы, а в ноябре 1857 г. в рескрипте на имя виленского генерал-губернатора Назимова государь объявил о том, что крестьянская реформа должна быть осуществлена в ближайшем будущем. Дворянам было предложено образовать по губерниям губернские комитеты для обсуждения условий освобождения крестьян и для выработки «поло-

жений» об устройстве крестьянского быта. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу и стал главным органом в деле подготовки реформы. Сообщение о начале крестьянской реформы вызвало взрыв энтузиазма в русском обществе, и даже эмигрант-революционер Герцен, издававший в Лондоне журнал «Колокол» для нелегального распространения в России, приветствовал царя-освободителя восторженной статьей. В 1859 г. были образованы «редакционные комиссии», которые должны были на основании проектов, составленных губернскими комитетами, составить общие проекты «положений» о новом устройстве крестьянского сословия (причем комиссии вносили в дворянские проекты существенные поправки в пользу крестьян). В конце 1860 г. редакционные комиссии закончили составление «положений», которые были затем рассмотрены Главным комитетом по крестьянскому делу и внесены в Государственный Совет. Государь заявил, что он «желает, требует и повелевает», чтобы дело крестьянской реформы было окончено в кратчайший срок, и сам открыл заседание Государственного Совета пространной речью, в которой требовал от членов Совета, «чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали не как помещики, а как государственные сановники, облеченные моим доверием». Государственный Совет быстро рассмотрел и одобрил проекты «положений», и 19 февраля 1861 г. они были опубликованы вместе со знаменитым манифестом об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» постановляло: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда» и им предоставляются «права свободных сельских обывателей». Однако земли помещиков были признаны их собственностью, и потому крестьяне за отводимые им земельные наделы сначала должны были отбывать рабочую повинность или платить деньгами («временно обязанные крестьяне»); затем, по заключении соответствующих договоров («уставных грамот»), их отношения к помещику окончательно ликвидировались, а казна уплачивала помещикам (процентными бумагами) стоимость их земель, отошедших под крестьянские наделы; после этого крестьяне должны были в течение 49 лет погасить свой долг государству ежегодными взносами «выкупных платежей» (в размере 6 % с выкупной ссуды). Размеры крестьянских наделов были

чрезвычайно разнообразны по величине в различных «полосах» государства (нечерноземной, черноземной и степной) и в различных местностях каждой «полосы» — составляя от 1 до 12 десятин на «душу» мужского пола. Средний размер «душевого» надела помещичьих крестьян составлял 3,3 десятины. В общем, во владение крестьян поступили те земли, которые они обрабатывали при крепостном праве, и лишь в некоторых (многоземельных) губерниях крестьянские наделы были несколько уменьшены (так называемые «отрезки»).

Крестьянские надельные земли не были собственностью отдельных крестьян или крестьянских «дворов» (семейств), но были переданы во владение крестьянским обществам, которые «уравнительно» распределяли полевые земли между своими членами и сообща пользовались общими угодьями (пастбищами, сенокосами и др.). Выкупные платежи и все подати (государственные, земские и мирские) крестьяне платили сообща, миром, который был связан «круговою порукою», т. е. коллективной ответственностью, и потому должен был платить подати за своих неисправных или несостоятельных членов. Поэтому каждый крестьянин был «приписан» к своему обществу и без согласия «мира» не мог из него выйти.

Органом крестьянского мира был сельский сход, в котором участвовали все крестьяне-домохозяева и который в своих внутренних делах имел широкую компетенцию (см. гл. XV, § 1). Сельский сход выбирал сельского старосту, а также уполномоченных (по одному от каждого 10 дворов), которые образовывали волостной сход, выбираяший волостного старшину, и состав волостного суда — от 4 до 12 судей, из коих не менее трех должны были присутствовать в судебных заседаниях.

В 1863 г. основные положения крестьянской реформы были распространены на «удельных» крестьян, а в 1866 г. — на крестьян государственных (составлявших около 10 млн. душ мужского пола, т. е. около половины всего крестьянского населения России); последние должны были вносить выкупные платежи за свои земельные наделы в казну. Земельное обеспечение крестьян удельных и государственных было значительно лучше, чем у бывших помещичьих крестьян: средний размер надела на душу мужского пола составлял у крестьян удельных 4,8 десятины, у государственных — около 6 десятин.

Для проведения крестьянской реформы на местах была учреждена должность мировых посредников (которые дей-

ствовали до 1874 г.); они назначались правительством из местных дворян; они должны были разбирать недоразумения и споры между помещиками и крестьянами и помогать при составлении «уставных грамот». Они же наблюдали за правильным кодом крестьянского самоуправления в сельских обществах и волостях. Для решения более важных или сомнительных дел они образовали уездный мировой съезд (под председательством уездного предводителя дворянства и при участии «члена от правительства»). Общее руководство делом крестьянской реформы по губерниям принадлежало губернскому присутствию (под председательством губернатора).

2. *Земское и городское самоуправление.* До эпохи Александра II все органы самоуправления в императорской России носили сословный характер. По освобождении крестьян явилась потребность создать всесословные органы для заведования местными делами, и эти органы были созданы «положением о губернских и уездных земских учреждениях», изданным 1 января 1864 г. Согласно положению 1864 г. органами земского самоуправления в уездах были «уездные земские собрания», состоявшие из «земских гласных», избираемых на 3 года тремя куриями избирателей: 1) местными землевладельцами, 2) крестьянскими обществами и 3) городскими избирателями (владельцами «недвижимостей» и торговых промышленных предприятий). Уездное земское собрание (заседавшее под председательством уездного предводителя дворянства) избирало из своей среды, в качестве своего исполнительного органа, уездную земскую управу (в составе председателя, который затем утверждался губернатором, и от 2 до 6 членов), а также «губернских земских гласных», составлявших губернское земское собрание (заседавшее под председательством губернского предводителя дворянства); последнее избирало губернскую земскую управу в составе председателя и 6 членов (председатель подлежал утверждению министра внутренних дел).

Надзор администрации над деятельностью «земств» по положению 1864 г. ограничивался только наблюдением за тем, чтобы их действия не противоречили существующим законам; в случае споров между «земствами» и администрацией решение принадлежало сенату.

Предметами компетенции земских учреждений были: назначение денежных сборов на местные нужды, заведование земскими имуществами и капиталами; устройство

и поддержание местных путей сообщения; «меры обеспечения народного продовольствия»; «попечение о развитии местной торговли и промышленности»; дела благотворительности; взаимное земское страхование имущества от огня; «попечение» о построении церквей и школ, «участие, преимущественно в хозяйственном отношении, в попечении о народном образовании»; попечение о народном здравии; меры по охране скота от эпизоотий и растений от вредителей; содействие воинским и гражданским властям в их местных мероприятиях; представления правительству сведений и ходатайств о местных пользах и нуждах.

Земские учреждения по положению 1864 г. были введены в 33 губерниях Европейской России (их не было на окраинах государства). Впоследствии на первое место в работе земских учреждений выдвинулись заботы о народном образовании и организация медицинской помощи населению; земский врач стал типичным носителем неутомимого и самоотверженного служения народу; народное образование и земская медицина на рубеже XIX и XX вв. составляли главные расходные статьи земских бюджетов. В XX в. стала быстро развиваться агрономическая помощь населению, и земский агроном стал рядом с народным учителем и земским врачом.

В 1870 г. было издано «городовое положение», вводившее всесословное местное самоуправление в городах. Все жители, платившие городские налоги, разделялись (по «прусской системе») на три класса соответственно сумме платимых ими налогов, и каждая группа избирала в городскую думу одинаковое число гласных (таким образом голос небольшой группы богатых плательщиков, избравших $1/3$ городских гласных, равнялся голосу нескольких сот средних плательщиков и нескольких тысяч мелких). Гласные городской думы избирали из своей среды городского голову и членов городской управы. Компетенция органов самоуправления в городах соответствовала компетенции земских учреждений в сельских местностях.

3. Судебная реформа. Старый дореформенный суд в России справедливо почитался не правосудием, а «кривосудием»⁷². В закрытых заседаниях, без участия сторон или их представителей, на основании бумажных полицейских

⁷² Поэт-славянофил К. С. Хомяков писал, что николаевская Русь «в судах чернью неправдой черной», а И. С. Аксаков в 80-х гг. писал, что при одном воспоминании о старом суде «волосы встают дыбом, мороз дерет по коже».

«дознаний», без всякого общественного контроля, выносили николаевские суды свои приговоры, которые зачастую обуславливались не требованиями закона, а пристрастием, произволом или взятками.

Новые судебные уставы, опубликованные 20 ноября 1864 года, совершили преобразили это «темное царство»⁷³. Они провозгласили своей целью гарантировать «суд скорый, правый и милостивый, равный для всех» и действительно всемерно стремились осуществить эту цель. Одновременно с «учреждением судебных установлений» были опубликованы новые уставы уголовного и гражданского судопроизводства, а также «устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Новый суд был прежде всего открытый и гласный, с активным участием сторон, как по гражданским, так и по уголовным делам был введен так называемый состязательный процесс: по гражданским делам перед судьями выступали стороны или их представители, по уголовным выступал, с одной стороны, государственный обвинитель — прокурор или «товарищ прокурора», с другой — защитник подсудимого, адвокат — из состава вновь образованного автономного «состава присяжных поверенных» (в которое входили лишь лица с юридическим образованием); если подсудимый был не в состоянии оплатить адвоката, суд ему назначал бесплатного защитника. Вопрос о виновности подсудимого решался коллегией из 12 присяжных заседателей, избирающихся по жребию «из местных обывателей всех сословий», записанных в соответственные списки.

Судебная власть по новым уставам принадлежала следующим учреждениям: менее важные дела разбирались «мировыми судьями», которые избирались уездными земскими собраниями; их первой обязанностью было склонять спорящие стороны к примирению и пытаться закончить дело полюбовным соглашением; следующей инстанцией для мирового суда были съезды мировых судей (в каждом уезде), избирающие из своей среды председателя. Для более важных дел учреждены окружные суды, разделявшиеся на гражданские и уголовные отделения. Они состояли из коронных судей. Для производства предварительных следствий по уголовным делам была учреждена должность судебных следователей. Апелляционной инстанцией для

⁷³ Подготовкой судебной реформы руководили министр юстиции Замяткин и статс-секретарь С. И. Зарудный.

окружных судов были судебные палаты, учрежденные в нескольких больших городах и стоявшие во главе соответственных судебных округов. Высшей судебной инстанцией для всей империи был Правительствующий Сенат, однако он действовал лишь в качестве «верховного кассационного суда», т. е. он мог отменять приговоры низших судебных инстанций лишь в тех случаях, если эти приговоры были постановлены с нарушением установленных законом правил судопроизводства.

Сенаторы назначались «по непосредственному усмотрению Императорского Величества», а члены окружных судов и судебных палат назначались из кандидатов, представленных этими учреждениями. Все назначаемые правительством члены судебных мест пользовались независимостью и несменяемостью, они «не могут быть увольняемы без прошения», как гласил закон.

Руководителям судебной реформы удалось подобрать хороший персонал для замещения судейских должностей, а участие в суде красноречивых и популярных адвокатов зачастую привлекало в судебные заседания массу посторонней публики. Новые суды скоро приобрели большую популярность в либеральных общественных кругах и, наоборот, вызвали большое недовольство консерваторов и реакционеров, которые усматривали в многочисленных оправдательных приговорах, выносимых присяжными заседателями, «потрясение основ» общежития и даже политическую опасность. Правительство также было смущено либерализмом новых судов, и уже при Александре II дела о «государственных преступлениях» были изъяты из ведения суда присяжных и передавались для суждения в «особые присутствия» Сената или судебных палат, а в исключительных случаях — в военные суды.

4. Военная реформа: всеобщая воинская повинность. По освобождении дворянства от обязанностей службы (1762 г.) воинская повинность легла всею тяжестью на низшие классы (богатые люди из городского класса имели легальную возможность от нее откупиться). Солдатская служба продолжалась 25 лет и была связана, помимо военных опасностей, с тягостями и невзгодами (включая непрерывную муштровку, плохое медицинское обслуживание, жестокие телесные наказания), что население, отдавая свою молодежь в «рекруты», прощалось с ней в большинстве случаев навсегда.

При Александре II под руководством гуманного и просвещенного министра графа Д. А. Милютина и в этой

области была произведена коренная реформа. 1 января 1874 г. был издан манифест о введении всеобщей воинской повинности, который провозгласил, что дело защиты отечества должно быть общим делом всего народа без различия званий и состояний. Одновременно был издан новый «Устав о воинской повинности», который призывал к исполнению «священной обязанности защиты престола и отечества» все мужское население империи. Все молодые люди, которым исполнилось 20 лет к 1 января того года, когда производится набор (обычно осенью), должны являться на призыв; затем из тех, которые будут признаны годными к военной службе, по жребию отбирается такое число «новобранцев», которое требуется в текущем году для пополнения кадров армии и флота, остальные зачисляются в «ополчение» (которое призывается на службу лишь в случае войны). Срок действительной службы в армии был установлен 6-летний; отбывшие срок зачислялись на 9 лет в запас армии⁷⁴ (во флоте соответственные сроки были 7 лет и 3 года). При отбывании воинской повинности целый ряд льгот был предоставлен по семейному положению и по образованию. Освобождались от призыва на действительную службу молодые люди, которые были единственными кормильцами своих семей, а для получивших образование срок действительной службы значительно сокращался (в разной степени в зависимости от уровня образования).

В это время изменился весь строй и характер жизни русской армии. Из нее была изгнана сугубая муштровка и палочная дисциплина с жестокими телесными наказаниями; их место заняло разумное и гуманное воспитание и обучение солдат, обучение не только военному делу, но и грамоте, так что Милотинская армия в некоторой степени возмешала недостаток школьного образования в русской деревне. Реформируя военные школы, готовившие офицерские кадры армии, Милотин усилил в их программе общеобразовательный элемент.

5. Просвещение и печать. Рост народного хозяйства.
В царствование Александра II сначала правительенной практикой, а потом «временными правилами» о печати, изданными в 1865 году, была значительно смягчена и

⁷⁴ При Александре срок действительной службы был сокращен, а срок состояния в запасе увеличен, так что общая продолжительность военной службы возросла с 15 до 18 лет.

ограничена цензура книг и периодической печати; последняя получила теперь такую широкую возможность обсуждения политических и социальных вопросов, которой она никогда не имела прежде и которую она использовала в полной мере. Духовными вождями чрезвычайно возросшей количественно разночинной русской интеллигенции в 60-х годах становятся два журнала — «Современник» Чернышевского и Добролюбова и «Русское Слово» Писарева; первый сосредоточивал свое внимание на вопросах политических и особенно социальных и проповедовал переустройство общества на социалистических началах; в «Русском Слове» «нигилисты» (или, как они называли себя, «мыслящие реалисты») во главе с Писаревым проповедовали полное освобождение личности от всяких авторитетов, традиций и «предрассудков», причем в понятие «предрассудков», «обветшалой рухляди» или «хлама» включались не только религиозные верования и моральные принципы, но и семейные «пути» и даже — поэзия Пушкина! Проповедь «Современника» и «Русского Слова» находила горячий отклик в той массе разночинного студенчества, которое заполнило русские университеты после снятия ограничений доступа в высшую школу, установленных в последние годы царствования Николая.

В 1863 г. правительством был издан новый университетский устав, по которому профессорские корпорации получили широкое самоуправление; совет профессоров каждого университета избирал всех должностных лиц университетской администрации и профессоров на вакантные кафедры; попечителю учебного округа принадлежало только наблюдение за законностью действий совета. Но учащиеся в университетах студенты рассматривались как «отдельные посетители», не имеющие права на корпоративное устройство, а доступ посторонних лиц к слушанию университетских лекций, в широких размерах практиковавшийся перед тем, был вовсе воспрещен. Такое положение студенчества вызвало в нем большое недовольство; в связи с университетскими делами или с общеполитическим положением в царствование Александра II часто происходили «студенческие беспорядки», сопровождавшиеся уличными демонстрациями, столкновениями с полицией, арестами и исключениями студентов и даже временным закрытием высших школ.

Напуганное общественным брожением и студенческими беспорядками правительство задумало произвести реформу средней школы, чтобы обеспечить для университетов более спокойный и более «благонадежный» контингент слушателей.

лей. Реформа эта была задумана и проведена министром народного просвещения графом Д. А. Толстым. Он решил изгнать из средних школ естествознание (которое, по его мнению, вело к материализму) и заменить его латинским и греческими языками, которые стали главными предметами гимназического курса. Новый устав гимназий был утвержден в 1871 г. (несмотря на то, что в Государственном Совете большинство высказалось против него). Параллельно с гимназиями существовали реальные училища, которые готовили учащихся в технические учебные заведения, но не давали права поступления в университеты.

70-е годы XIX в. ознаменовались в России началом высшего женского образования (в этом отношении Россия шла впереди других европейских стран). Средние женские школы дали уже достаточный контингент лиц, стремящихся к высшему образованию, и в 70-х гг. возникают высшие женские курсы с программами университетского преподавания: курсы проф. Герье в Москве, проф. Бестужева-Рюмина в Петербурге, высшие женские медицинские курсы в Петербурге (превратившиеся впоследствии в женский медицинский институт).

Уничтожение крепостного права и последовавшие затем реформы способствовали не только культурному развитию, но и быстрому экономическому росту страны. Правительство (в частности, министр финансов М. Х. Рейтерн) стремилось к упорядочению государственного хозяйства и к поднятию общей производительности страны; особое внимание правительства привлекала постройка железных дорог и развитие внешней торговли. В области государственных финансов было установлено единство государственного бюджета, причем министерство ежегодно публиковало общую государственную роспись приходов и расходов. За правильностью составления и исполнения смет должен был следить заново преобразованный государственный контроль.

Торговая и промышленная жизнь страны начала быстро развиваться. Характерным показателем этого развития был быстрый рост акционерных обществ: за пятилетие 1851—55 гг. по всем отраслям народного хозяйства было учреждено 18 акционерных обществ с капиталом около 16 млн. рублей; за пятилетие 1866—70 гг.— 104 общества с капиталом около 700 млн. рублей; правда, после кризиса начала 70-х гг. рост акционерных предприятий несколько замедлился, но все же положение акционерного дела теперь было совершенно несравненно несравненно с дореформенной эпо-

хой. Не имея возможности строить железные дороги на казенные средства, правительство старалось привлекать к железнодорожному строительству частные компании, русские и иностранные, гарантируя строителям известный процент прибыли. В начале царствования Александра II линия железных дорог в России составляла немного более одной тысячи км, к концу 1880 г.— немного менее 23 тыс. км. Оборот внешней торговли, составляющий в 1860 г. около 340 млн. руб. (вывоз около 180 млн. руб., ввоз около 160 млн. руб.), в 1880 г. составлял около 1120 млн. руб. (вывоз около 500 млн. руб., ввоз около 620 млн. руб.).

6. Внешняя политика. Рост государственной территории (Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ). Русско-турецкая война 1877—1878 гг. В царствование Александра II Россия приобрела значительные пространства земли на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Воспользовавшись затруднительным положением Китая, которому Франция и Англия в 1857 г. объявили войну, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский занял Амурсскую область (по левому берегу р. Амура), и по Айгунскому договору (1858 г.) она была уступлена Китаю России: в 1860 г., по договору, заключенному графом Игнатьевым в Пекине, к России был присоединен также Уссурийский край (Приморская область); в ново-приобретенном крае скоро возник ряд русских городов — Благовещенск, Хабаровск, Николаевск, Владивосток и открылось широкое поле для будущей земледельческой колонизации русских «переселенцев». В обмен на Курильские острова от Японии была приобретена южная часть о. Сахалина. Зато пустынная северо-западная часть Американского материка, полуостров Аляска, была продана в 1867 г. Северо-Американским Соединенным Штатам (за 7 миллионов долларов, причем многие американцы полагали, что она того не стоит).

В 60-х и 70-х гг. русские владения были широко раз-двинуты в Средней Азии. До русского завоевания здесь было три мусульманских ханства — Кокандское (на правом берегу р. Сыр-Дарье), Бухарское (между реками Сыр-Дарье и Аму-Дарье) и Хивинское (на левом берегу р. Аму-Дарье). Русские владения в Южной Сибири и Степной области (между Каспийским и Аральским морями) нередко испытывали набеги и грабежи туркменов, которые иногда также захватывали русские торговые караваны.

Пограничные недоразумения и столкновения повели к тому, что в 1860 г. Кокандское ханство объявило «священную войну» против России; командовавшие русскими войсками генералы Веревкин и Черняев взяли важнейшие города Кокандского ханства Туркестан и Ташкент, и в 1866 г. завоеванные области были присоединены к России, образовав Туркестанское генерал-губернаторство; в 1867 г. туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал Кауфман, энергичный военный администратор, который с успехом проводил дело дальнейшего покорения и замирения края. В результате войн 1868 — 1876 гг. все Кокандское ханство было присоединено к России, а Хива и Бухара потеряли часть своих владений и признали над собой русский протекторат. С целью обеспечить безопасность новых русских владений от нападений туземных племен, кочевавших в области к югу от р. Аму-Дарьи, отряды русских войск продвигались далее к югу, к границам Персии и Афганистана; в 1881 г. генерал Скобелев взял текинскую крепость Геок-тепе, а в 1884 г. русские войска заняли Мерв. Приближение русских владений вплотную к границам Афганистана, за которым находилась Британская Индия, вызвало в Англии большую тревогу. Британская дипломатия и английское общественное мнение требовали остановки русского продвижения в Средней Азии и горячо нападали на это проявление «русского империализма»⁷⁵.

На Кавказе при Александре II закончилась полувековая борьба с горцами. После продолжительного героического сопротивления русским завоевателям в горах Дагестана вождь кавказских горцев-мусульман Шамиль вынужден был сдаться русскому главнокомандующему князю Барятинскому (в 1859 г., в ауле Гуниб). Этим было закончено покорение Кавказа. В 1864 г. было закончено также покорение Западного Кавказа. Весь Кавказ был разделен на административные округа русского типа и подчинен управлению русской администрации.

Территориальными приобретениями на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке было закончено политическое объединение необъятной Евразийской равнины. Многонациональное государство, получившее название Империи Всероссийской, охватывало пространство

⁷⁵ Обличения русского империализма странно звучали в устах политиков и публицистов Англии, которая раскинула свои владения во всех пяти частях света, хотя никогда не подвергалась нападениям индусов или африканских негров.

от Вислы и Балтийского моря до берегов Тихого океана и от берегов Северного Ледовитого океана до границ Персии и Афганистана. Народы, населявшие это пространство, были связаны между собою не только политическими, но и экономическими и культурными связями. Если в отношениях правительства к «инородцам» временами появлялись «уклоны» национализма и шовинизма, то русский народ в целом и его лучшие представители в литературе никогда не страдали болезнью национального самомнения и не рассматривали своих соседей как «низшие расы». Еще в XVII в. православное церковное начальство в Сибири жаловалось начальству светскому, что русские поселенцы в Сибири слишком быстро, легко и тесно сближаются с туземцами, и эта способность и стремление к установлению добрососедских отношений с другими народами, живущими под тою же крышею, оставалась характерной чертой и русского народа, и русской интеллигенции, многонациональной по своему этническому происхождению, но единой по своему духу — духу широкой терпимости и отсутствия шовинизма.

Русско-турецкая война — 1877—1878 гг. В 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание, которое турки не могли подавить, несмотря на самые жестокие карательные меры. Жестокость усмирителей и сочувствие восставшим побудили соседние славянские страны, Сербию и Черногорию, объявить Турции войну (1876 г.). В русском обществе ярко проявились симпатии к борющимся славянам, «славянские комитеты» собирали пожертвования в их пользу, на помощь сербам отправлялось на Балканы много добровольцев, между ними покоритель Ташкента генерал Черняев; последний был назначен командующим сербской армией, которая несколько месяцев вела неравную борьбу с турками, но затем вынуждена была начать отступление, и Сербии угрожало вторжение турок. По требованию императора Александра султан прекратил военные действия; начались дипломатические переговоры о реформах в Турции для улучшения положения христианского населения, но они не дали никаких результатов, так как Англия, игравшая в «европейском концерте» первую скрипку, постоянно поддерживала Турцию. Тем временем восстание против турок началось и в Болгарии, а за ним следовала «обычная» резня восставших усмирительными и карательными экспедициями. Император Александр не хотел войны, но под давлением русского общественного мнения он в апреле 1877 г. объявил Турции

войну. Королевство Румыния (образованное в 1859 г. соединением Молдавии и Валахии) стало на сторону России, русские войска перешли Дунай и вступили в Болгарию, а передовые отряды быстро дошли до Балканских гор. Однако успехи русских были надолго задержаны неудачами под Плевной, где турецкая армия Османа-паши долго оказывала русским войскам отчаянное сопротивление и причиняла нападающим большие потери. Лишь в конце ноября армия Османа-паши была вынуждена к капитуляции, и русское наступление возобновилось; отряды Скобелева, Гурко и Радецкого перешли Балканы, взяли Филиппополь и Адрианополь и приблизились к Константинополю. Султан вынужден был просить мира, который был заключен в феврале 1878 г. в местечке Сан-Стефано, вблизи Константинополя. По этому договору Турция признала независимость Сербии, Черногории и Румынии, уступала Сербии и Черногории некоторые пограничные области, признавала образование автономного княжества Болгарии, простиравшегося от нижнего Дуная до Эгейского моря (т. е. с включением в него Македонии), обязывалась ввести необходимые реформы в Боснии и Герцеговине, уступала России в Закавказье взятые русскими войсками Карс и Батум с окружающей территорией.

Условия Сан-Стефанского мира вызвали энергичные протесты Англии и Австрии, которые заняли в отношении России угрожающую позицию. Император Александр согласился принять посредничество германского канцлера Бисмарка и пересмотреть условия Сан-Стефанского мира на конгрессе в Берлине (1878 г.), который существенно изменил условия Сан-Стефанского договора: территориальные приобретения Сербии и Черногории были сокращены; территория предполагавшегося Болгарского княжества была разделена на три части: вассальное княжество Болгария было ограничено областью между Дунаем и Балканами; область к югу от Балканского хребта образовала автономную провинцию Восточную Румелию (она соединилась с Болгарией «явочным порядком» в 1885 г.); Македония была возвращена Турции; Австро-Венгрии было предоставлено «временно» оккупировать Боснию и Герцеговину для устройства в них нормального управления; Англия получила остров Кипр.

Уступки, сделанные русской дипломатией на Берлинском конгрессе, вызвали большое недовольство и разочарование и в русском обществе, и среди балканских народов и ослабили авторитет русского правительства дома и за границей.

7. Революционное движение с начала 60-х годов. Польское восстание 1863 г. «Народная воля» и убийство Царя-Освободителя. Традиционное представление о том, что революционное движение в России началось лишь как ответ на правительственную реакцию или даже «террор», совершенно не соответствует фактам и просто игнорирует хронологию: оно началось в самый разгар либеральных реформ, с самого начала 60-х годов. Широкими кругами русской разночинной интеллигенции, особенно университетской молодежи, овладел, с одной стороны, дух революционно-социалистического народничества Чернышевского, с другой, дух анархического нигилизма Писарева. Эти круги не были удовлетворены либеральными реформами Александра II, но они столь же отрицательно относились и к западному «буржуазному» парламентаризму и требовали полного разрушения существующего строя во имя некоего гипотетического и весьма неясного «светлого будущего». Разумеется, никакое правительство не могло бы исполнить таких требований. С другой стороны, правительство, напуганное «крамолой», начинало преследовать не только разрушительно-революционные, но и либерально-прогрессивные стремления, увеличивая и усиливая таким путем лагерь оппозиции. Этой длительной борьбой двух слепых и воспользовался осенью 1917 года третий, который имел очень острое зрение на то, что «плохо лежит»...

Опубликование «положений» 19-го февраля 1861 г. о новом устройстве крестьян вызвало полное разочарование в радикальных кругах. «Колокол» Герцена в статьях Огарева провозгласил, что крепостное право в действительности вовсе не отменено и что «народ царем обманут». С другой стороны, сами крестьяне ожидали полной воли и были недовольны переходным состоянием «временно обязанных»; в некоторых местах произошли волнения, ибо крестьяне думали, что господа спрятали настоящую, царскую волю и предлагают им какую-то подложную; в с. Бездна Казанской губернии дошло до того, что войска стреляли в толпу крестьян, причем было свыше 100 человек убитых и раненых. Весть о бездненском усмирении произвела удручающее впечатление в обществе и вызвала ряд антиправительственных демонстраций. Осенью 1861 г. происходили серьезные студенческие волнения в Петербурге, в Москве, в Казани и в Киеве, и в этом же году появились первые нелегально изданные революционные прокламации «Великорусс», «К молодому поколению» и

др. В 1862 г. явилась прокламация «Молодая Россия», призывающая уже прямо к кровавой революции, политической и социальной, и к полному истреблению «императорской партии», к которой причислялись все, кто не сочувствует революции. В том же году в Петербурге и в ряде других городов вспыхнул ряд пожаров, по-видимому, от поджогов, в которых слухи обвиняли то поляков, то нигилистов. В этом же году были арестованы идеиные вожди радикального движения, Чернышевский и Писарев; последний «за составление одной резкой статьи для подпольного издания» (Корнилов) был присужден к заключению в крепости на два с половиной года; Чернышевский был обвинен в составлении прокламации «К барским крестьянам» и сослан на 7 лет в каторжные работы.

В 1863 г. главное внимание правительства и общества было поглощено польским восстанием. Суровый николаевский режим в Польше был значительно смягчен Александром II. В 1861 г. государь решил предоставить Польше некоторую автономию; был учрежден государственный совет для царства Польского, состоящий из поляков; для местного управления были устроены по губерниям советы из выборных от населения; во главе всей польской администрации был поставлен польский патриот маркиз Велепольский, а наместником царства Польского был назначен брат царя великий князь Константин Николаевич, сторонник либеральных преобразований в Польше. Однако польские патриоты не пошли за Велепольским в его политике сотрудничества с русским правительством. Они требовали восстановления государственной независимости Польши в прежних границах. Требования эти выставлялись сначала в политических демонстрациях, а в 1863 г. в Польше и в Литве вспыхнуло открытое восстание (причем в Варшаве при ночном нападении на казармы было перебито много спящих русских солдат).

В самый разгар восстания правительства Англии, Франции и Австрии обратились к русскому правительству с предложением созыва международной конференции для урегулирования польского вопроса. Это предложение, в котором русское правительство и общество усмотрели недопустимое вмешательство во внутренние дела России, вызвало взрыв патриотизма и национализма в русском обществе; правительство было засыпано адресами, выражавшими готовность защищать интересы и достоинство России, и ответило твердым отказом на предложение западных держав. Наиболее ярким выразителем националь-

но-патриотических чувств в это время явился московский публицист М. Н. Катков (писавший в «Русском Вестнике» и «Московских Ведомостях»). С другой стороны, Герцен стал на сторону польского восстания и в своем «Колоколе» призывал русских офицеров соединиться с поляками и вместе с ними бороться под лозунгом «за нашу и вашу свободу». Позиция, занятая «Колоколом» Герцена в польском вопросе, значительно подорвала его престиж и влияние в России.

В 1864 г. генералы Берг и Муравьев суровыми мерами подавили восстание в Польше и Литве. Название «царства Польского» было уничтожено и заменено названием «При-вислинского края», край был разделен на 10 губерний, в которых была введена общерусская администрация, с делопроизводством на русском языке. В то же время в польских губерниях была произведена крестьянская реформа на основаниях «положения» 19-го февраля. Крестьяне были освобождены от власти помещиков и получили на выгодных условиях земельные наделы; при этом им было предоставлено самоуправление в их сельских «гминах» (волостях).

В середине 60-х гг. среди русского студенчества возникает несколько кружков, из которых одни ставят своей целью самообразование, другие — пропаганду революционных идей. Кружком второго типа был московский кружок Ишутина. Один из членов кружка, Каракозов, решил от слов перейти к делу и 4 апреля 1866 г. совершил покушение на жизнь императора Александра. Покушение Каракозова напугало правительство и усилило влияние реакционной партии в правительственные кругах, находившей реформы Александра «преждевременными» или чрезесчур радикальными. Оба радикальных журнала «Современник» и «Русское Слово» были закрыты, и цензура прессы снова усилена.

С другой стороны, подпольное революционное течение принимало все более крайнее направление; революционный романтик Герцен был признан устаревшим и потерял влияние, а духовными вождями русской революционной интеллигенции становятся в конце 60-х гг. Лавров и Бакунин. П. Л. Лавров (отставной полковник артиллерии и профессор военной академии) напечатал (под псевдонимом Миртова) в журнале «Неделя» в 1868—1869 гг. серию статей под заглавием: «Исторические письма»; в них он говорил о долге интеллигенции перед народом и давал «формулу прогресса»: «развитие личности в физическом,

умственном и нравственном отношении» и «воплощение в общественных формах истины и справедливости. Его письма имели большой успех среди молодежи и послужили основанием для развития будущей идеологии революционного народничества. Но сами по себе «письма» Лаврова не носили политически-революционного характера. Выразителем и главным «пророком» бунтарски-революционного течения был знаменитый «апостол анархии» М. А. Бакунин (проживающий в эмиграции). Его программой было «разрушение всех религиозных, политических, юридических, экономических и социальных учреждений, составляющих настоящий буржуазный порядок вещей», его «отечеством» была «всемирная революция».

Русская радикальная интеллигенция 70-х гг. разделялась по своим направлениям на «лавристов» (или «пропагандистов») и «бакунистов» (или «бунтарей»). Наиболее ярким и полным выразителем бакунинского течения был в эти годы С. Г. Нечаев, который проповедовал свои взгляды относительно необходимости кровавой, всеразрушающей революции сначала устно, среди студенчества, а потом в своем заграничном издании «Народная расправа»⁷⁶.

В 70-х гг. среди русской радикальной интеллигенции возникает массовое движение «в народ»: многие сотни юношей и девушек оставляют свои семьи и свои занятия и идут в деревни в качестве учителей, волостных писарей, учительниц, фельдшериц, акушерок, торговцев, разносчиков, чернорабочих и т. д., чтобы жить среди народа и пропагандировать свои идеалы; они шли поднимать народ

⁷⁶ Принято считать Нечаева каким-то выродком, стоявшим совершенно одиночкой и не имевшим никакого влияния в революционном движении. В действительности он имел большое влияние в радикальных студенческих кругах Петербурга и Москвы; в 1871 г. по делу «нечаевцев» было привлечено к дознанию около 150 чел. и предано суду 87 чел. (суд над «нечаевцами» доставил Ф. М. Достоевскому материал для его романа «Бесы»). За границей Нечаев при первой встрече очаровал и Бакунина и Огарева (посвятившего ему трогательное стихотворение). Когда «народовольцы» готовили покушение на жизнь имп. Александра, они обсуждали вопрос, какому из двух предприятий они должны посвятить свои силы: убийству императора или освобождению Нечаева из Петропавловской крепости (Нечаев был выдан швейцарским правительством как организатор убийства студента Иванова, подозревавшего им в «измене». Нечаев полно и ярко изложил свое политическое кредо в известном «Катехизисе революционера» (который был одобрен Бакуниным, а может быть, и составлен был при его участии). Несколько цитат: «У революционеров нет ни своих интересов, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстию — революцией. Революционер презирает всякое доктринерство... он презирает обществен-

на бунт, другие, большинство (в том числе члены кружка Чайковского, «чайковцы»), были (или казались себе) мирными пропагандистами социалистических идеалов. Конечно, появление с деревнях странных пришельцев обратило на себя внимание местных властей, и скоро начались массовые аресты пропагандистов; к «дознанию» было привлечено около 800 человек и свыше 200 было арестовано; затем начались массовые процессы по обвинению в революционной пропаганде; самый большой из них был «процесс 193-х» в 1877 г. (в результате судебного разбирательства большинство подсудимых, в том числе будущие цареубийцы Андрей Желябов и Софья Перовская, были оправданы). Широкое движение в народ скоро прекратилось, как в результате репрессий, так и потому, что народ оказался невосприимчивым к пропаганде «народников».

Тогда наиболее активные круги народников создают уже чисто революционную организацию под названием «Земля и Воля» и решают прибегнуть к террору: в 1878 г. в Петербурге был убит шеф жандармов генерал Мезенцев, с 1879 г. был убит харьковский губернатор князь Кропоткин; вскоре затем террористы поставили своей целью убийство самого императора Александра. В 1879 г., после съездов в Липецке и Воронеже, произошел раскол организации «Земля и Воля»; группа, относившаяся отрицательно к политическому террору (так называемые «деревенщики»,

---

ную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему» (см. формулировку Ленина: «наша мораль всецело подчинена интересам классовой борьбы пролетариата»). «Все... чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единогою холодною страстью революционного дела», которая «ежеминутно должна соединяться с холодным расчетом». — «У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к ноголовному восстанию. — Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу. Спасительною для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы России». Когда читашь «Катехизис» Нечаева, перед глазами встает как живая фигура Ленина! В самом деле, у Ленина было два духовных отца: в теории его учитель Карл Маркс; в его психологическом типе и в его революционной тактике он — модернизированная копия Нечаева. — Продолжателем дела и традиций Нечаева был член нечаевского кружка П. Ткачев, издававший за границей журнал «Набат».

во главе с Плехановым, образовали организацию под названием «Черный Передел», а сторонники террора образовали партию «Народной Воли»; партия требовала созыва всенародного учредительного собрания для осуществления радикально-демократических реформ; в частности, для передачи земли народу; а для того, чтобы «принудить правительство к исполнению этого требования», партия решила прибегнуть к террору. Ставший во главе организации исполнительный комитет поставил своей прямой задачей цареубийство; затем последовал целый ряд покушений на жизнь императора Александра. В ноябре 1879 г. была устроена попытка взорвать императорский поезд под Москвой, а в феврале 1880 г. последовал взрыв в Зимнем дворце, устроенный одним из членов организации, (который нанялся на работу во дворце).

Встревоженное правительство учредило для борьбы с крамолой верховную распорядительную комиссию с чрезвычайными полномочиями. Во главе комиссии был поставлен граф Лорис-Меликов, который принимал суровые меры для борьбы с революционно-террористическим движением и в то же время стремился к сближению правительства с «благонамеренными» кругами общества, особенно с органами земского самоуправления; в частности, он ослабил цензуру повременной печати и добился увольнения реакционного и весьма непопулярного министра народного просвещения графа Толстого. Лорис-Меликов стал приобретать некоторую популярность в либеральных кругах, и его диктатура получила шутливое название «диктатуры сердца». Думая, что опасность революционного террора миновала, правительство в конце 1880 г. закрыло верховную распорядительную комиссию, и Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел. Тем временем Исполнительный комитет «Народной Воли» (с А. Желябовым и С. Перовской во главе) неуклонно и неустанно готовил планы цареубийства. В начале 1881 г. Лорис-Меликов подготавливал план привлечения представителей земского самоуправления к участию в обсуждении проектов необходимых в государстве реформ. Утром 1 марта 1881 г. император Александр одобрил и подписал проект Лорис-Меликова (который неточно называется «конституцией» Лорис-Меликова) а через несколько часов он был убит бомбой, брошенной одним из «народовольцев».

Глава XVII

КОНЕЦ XIX И НАЧАЛО XX ВЕКА (1881—1904—1905 гг.)

1. *Внутренняя политика (сохранение абсолютизма, поддержка дворянского сословия, национализм).* Вступив на престол после трагической смерти своего отца, новый император Александр III (1881—1894) некоторое время колебался между продолжением либеральной политики графа Лорис-Меликова и поворотом в сторону реакции, но под напористым влиянием обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева он склонился ко второму курсу⁷⁷. 29 апреля 1881 г. явился царский манифест, в котором новый император возвещал, что он берется за дело правления «с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». Тотчас по опубликовании манифеста 29 апреля три либеральных министра подали прошения об отставке — министр внутренних дел граф Лорис-Меликов, министр финансов А. А. Абаза и военный министр Д. А. Милютин. Однако реакционный курс водворился не сразу. В манифесте 29-го апреля наряду с фразой о сохранении неограниченного самодержавия было сказано, что великие реформы минувшего царствования будут не только поддерживаемы, но и развиваются дальше. Новый министр внутренних дел, славянофил граф П. Игнатьев, сохранил практику призыва «сведущих людей» из земских кругов для совместного обсуждения подготовляемых правительством мероприятий, а новый министр финансов Н. Х. Бунге провел ряд мер для улучшения положения крестьян и положил начало законодательству для охраны рабочих.

⁷⁷ Победоносцев, профессор-юрист, резко отрицательно относился к западно-европейскому парламентаризму и пророчил, что поворот на путь народного представительства означал бы «*finis Russiae*».

Реакционный курс во внутренней политике окончательно восторжествовал лишь в мае 1883 г., когда на место Игнатьева министром внутренних дел был назначен граф Д. А. Толстой (насадитель «классицизма» в средней школе), а министром народного просвещения стал И. Д. Делянов, «рабски покорный Толстому и Победоносцеву» (Корнилов). Теперь начался последовательный ряд «реформ наизнанку», ограничивавших и искажавших либеральные реформы 60-х годов.

В 1884 г. был издан новый университетский устав, уничтожавший университетскую автономию: ректоры университетов назначались правительством, которое могло также назначать и увольнять профессоров, не считаясь с мнением и рекомендацией советов; программы университетского преподавания должны были утверждаться министерством; особая инспекция была введена для контроля занятий студентов и для надзора за их поведением. В области народного образования было признано желательным увеличение числа церковноприходских школ и усилен правительственный контроль над земскими школами.

В манифесте, изданном в 1885 г. по случаю столетнего юбилея жалованной грамоты дворянству, было высказано пожелание о сохранении дворянством «первенствующего места» в общественной жизни. Тогда же был открыт правительством особый дворянский банк, задачей которого было поддержание дворянского землевладения ссудами на льготных условиях.

12 июля 1889 г. было издано «Положение о земских участковых начальниках»; его целью было создать «крепкую и близкую к народу власть». Земские начальники назначались из местных дворян губернатором, по соглашению с губернским и уездным предводителями дворянства, и утверждались министром внутренних дел. В руках земских начальников соединялась и судебная и административная власть над крестьянами.

Изданное в 1890 г. новое положение о земских учреждениях, с одной стороны, усилило роль дворянского элемента в земских учреждениях, а с другой, усилило контроль администрации над ними. При новом распределении земских гласных между тремя куриями дворянству было предоставлено решительное преобладание в земских собраниях. Губернаторам теперь был предоставлен надзор не только за закономерностью, но и за «правильностью»

или целесообразностью постановлений и действий органов местного самоуправления⁷⁸.

Помимо усиления правительственної власти внутри государства правительство Александра III принимало ряд мер для русификации окраин. В Прибалтийском крае правительство решило бороться с германизацией: в 1883 г. всем присутственным местам и должностным лицам велено было вести делопроизводство и переписку на русском языке; в 1887 г. было велено вести на русском языке преподавание в средних учебных заведениях; в 1893 г. Дерптский университет был переименован в Юрьевский, и началась постепенная замена немецкого преподавательского состава русским; вместо судей, избираемых местным дворянством, были введены мировые судьи, назначаемые правительством. В управлении Кавказским краем правительство также стремилось к «объединению с прочими частями империи». Ряд мер был принят против евреев: черта еврейской оседлости была сокращена, и в пределах черты евреям было запрещено селиться вне городов и местечек; в 1887 г. была введена для еврейских детей процентная норма в учебных заведениях.

Император Александр III умер 20 октября 1894 г., и на престол вступил его сын, император Николай II. Русское общество ожидало от молодого царя поворота на путь либеральной политики, но в январе 1895 г. на приеме депутатов от земства Николай II произнес свои знаменитые слова с осуждением «бессмысленных мечтаний» об участии представителей земства в делах государственного управления и заявил: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель». Речь нового царя вызвала полное разочарование в либеральных кругах, ибо обнаружила, что влияние реакционного мизантропа Победоносцева остается в полной силе; а революционные круги с успехом использовали ее для своей агитации.

Продолжая политику русификации, правительство Николая II попыталось распространить ее и на Финлян-

⁷⁸ В 1892 г. было издано новое городовое положение, которое соответственно усиливало надзор губернатора над органами городского самоуправления; прежняя система выборов в городах (с разделением пательщиков налогов в городах на три курии) была отменена, и право избрания гласных было предоставлено лишь домовладельцам и «лицам, содержащим торгово-промышленные предприятия».

дию, которая доселе стояла в стороне от русских административных экспериментов. Проводником этой политики явился генерал Бобриков, назначенный генерал-губернатором Финляндии в 1898 г. В 1899 г. были изданы манифест и основные положения о порядке законодательства в Финляндии; по новому закону в компетенции финляндского сейма оставались лишь законы чисто местного характера, а при издании законов, касающихся общегосударственных интересов, требовалось не согласие, а лишь «заключение» сейма, имевшее только совещательный характер. В 1900 г. был издан закон о постепенном введении русского языка в делопроизводство великого княжества Финляндского. В 1901 г. был издан в порядке общегосударственного законодательства закон о воинской повинности (не принятый сеймом) и начато постепенное расформирование финляндских войсковых частей (предполагался призыв финляндских граждан в русскую армию). Мероприятия правительства вызвали в Финляндии всеобщую оппозицию, отчуждение от России и сепаратистские стремления; Бобриков в 1904 г. был убит. (Автономия Финляндии была восстановлена в 1905 г.)

2. Крестьянский вопрос. «Оскудение центра». В первые десятилетия по отмене крепостного права экономическое положение освобожденного крестьянства не улучшалось, а ухудшалось; главной причиной понижения уровня крестьянского благосостояния была чрезвычайно низкая урожайность крестьянских полей, каких-нибудь 30—35 пудов с десятины, иногда и того меньше (тогда как в культурных хозяйствах десятина давала урожай в 100—120 пудов). Поземельно-передельная община, с ее дроблением наделов на мелкие полосы и с ее принудительным трехпольным севооборотом, тормозила технический прогресс сельского хозяйства, и потому низкая урожайность крестьянских полей оставалась почти стабильной; а так как крестьянское население во второй половине XIX в. быстро возрастало, то размеры земельных наделов «на душу» непрерывно уменьшались, и следовательно, экономическое положение крестьян непрерывно ухудшалось⁷⁹. Русское «общественное сознание» с удивительной слепотой игнорировало главную причину крестьянской бедности — низкую производительность крестьянского хозяйства — и

⁷⁹ С начала 80-х гг. положение сельского хозяйства вообще отягчалось еще одной причиной — падением хлебных цен на мировом рынке.

настойчиво подчеркивало две другие причины: во-первых, крестьянское «малоземелье» (хотя русский крестьянин был гораздо богаче землей, чем его собрат в Средней и Западной Европе) и, во-вторых, тяжесть лежавших на крестьянской земле податей и платежей, особенно выкупных платежей; между тем крестьянские выкупные платежи, дававшие казне годовую сумму около 100 млн. рублей, составляли в общем около 1 рубля на десятину надельной земли, а у бывших помещичьих крестьян — около 2 рублей (при цене ржи около 50 коп. за пуд); при мизерно низкой урожайности (около 30 пудов с десятины — 8 пудов на семена) этот платеж был действительно высоким, но при высокой урожайности он был мизерно низким.

Правительство Александра III (особенно министр финансов Бунге) принимало ряд мер для улучшения экономического положения крестьян. В 1881 г. были понижены выкупные платежи с крестьянских надельных земель. В 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк, который должен был помогать крестьянам и крестьянским обществам и товариществам покупать частновладельческие земли. В 1883 — 1885 гг. была сначала понижена, а потом вовсе отменена подушная подать с крестьян. В 1889 г. были изданы правила о порядке переселения малоземельных крестьян за Урал.

Все эти частные меры правительства, полезные сами по себе, не могли поднять общего уровня крестьянского благосостояния. Бедственное положение крестьянства привлекло к себе всеобщее внимание в 1891—1892 гг., когда в Поволжье от засухи случился неурожай и в результате — голод, на борьбу с которым правительство и общественные круги должны были потратить много усилий и средств⁸⁰.

Правительство Александра III было убеждено в необходимости сохранения и поддержки крестьянской поземельной общины. По положению 1861 г. крестьяне, внесшие свою долю выкупной суммы, становились «крестьянами-собственниками» и могли распоряжаться своими наделами, т. е. продавать и закладывать их. Однако правительство Александра III «сочло благовременным» «принять меры к ограждению неприкосновенности крестьянского земельного достояния» и законом 1893 г. запретило

⁸⁰ Стоит отметить, что западные области государства, где преобладало индивидуальное крестьянское хозяйство, не знали повальных голодовок.

продажу и залог крестьянских надельных земель⁸¹. Правительство имело сведения, что во многих общинах переделы земли производились часто и беспорядочно, и понимало, что это является серьезным тормозом на пути к улучшению крестьянского хозяйства, ибо «при подобных условиях у рачительных и зажиточных крестьян исчезало всякое побуждение улучшать отведенные им полосы», поэтому в 1893 г. был издан закон, регулировавший порядок земельных переделов и устанавливавший для общих переделов наименьший срок — 12 лет.

К концу XIX в. «оскудение центра» (т. е. кризис сельского хозяйства, не только крестьянского, но и помещичьего) все более привлекало к себе тревожное внимание и общественных кругов и правительства. Правительство неоднократно учреждало разные комитеты, комиссии и «особые совещания» для обсуждения вопроса о причинах кризиса и о средствах борьбы с ним, но они не давали никаких практических результатов. В 1902 г. было учреждено «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», под председательством министра финансов С. Ю. Витте; на местах были учреждены губернские и уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности (всего около 600 комитетов); комитеты работали до 1905 года и собрали много интересных материалов о положении сельского хозяйства в России, но практической помощи крестьянству не принесли.

Манифест, изданный в феврале 1903 г., содержал одно существенное нововведение, именно отмену круговой поруки крестьянских обществ за своих членов; в то же время манифест предписывал в основу трудов по пересмотру законодательства о крестьянах «положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения»...

⁸¹ Крестьянской поземельной общине в России чрезвычайно «везло»: революционеры-народники были сторонниками общины как «ячейки» будущего социалистического строя или «переходной стадии» к нему. Правительство и правые круги охраняли и поддерживали общину как один из «исковых устоев» русской жизни и как гарантию против образования безземельного пролетариата, носителя революционных тенденций. Граф С. Ю. Витте пишет об этом в своих «Воспоминаниях: «Заштитниками общины явились почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стари: полицейские пастухи, потому что считали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами; разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, ...теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма».

3. Развитие промышленности и рабочий вопрос. В 1887 г. вместо Н. Х. Бунге министром финансов был назначен И. А. Вышеградский, а в 1892 г. пост министра финансов занял С. Ю. Витте, талантливый деятель, с большой инициативой. Во время министерства Вышеградского и Витте был принят ряд энергичных мер для развития «отечественной промышленности». Для этой цели служил покровительственный таможенный тариф 1891 года; проводилось усиленное железнодорожное строительство; привлекались иностранные капиталы (особенно для развития южнорусской металлургической промышленности); «отечественным» капиталистам-предпринимателям предоставлялись от казны льготы и пособия.

В качестве министра финансов Витте вполне успешно провел (1897 г.) денежную реформу; накопив достаточный золотой запас для сбережения размена государственных кредитных билетов, он ввел в России золотую валюту; золотые монеты ходили наравне с кредитными билетами (и нередко, получая деньги в банке, публика просила кассира выдать надлежащую сумму не золотом, а бумажками,— «сказочные» времена!). Для увеличения государственных доходов была введена казенная винная монополия, которая в начале XX в. ежегодно давала казне около 500 млн. рублей. В 1891 г. начато было сооружение великого сибирского пути (от Челябинска до Владивостока), который должен был иметь огромное народнохозяйственное и общегосударственное значение. Общая длина железных дорог в России составляла в 1881 г.— около 23 тыс. км., в 1904 г.— около 60 тыс. км. Общее число рабочих фабрично-заводской промышленности составляло в 1887 г. 1.318 тыс., в 1900 г.— свыше 2 млн. С чрезвычайной быстротой развивалась в конце XIX в. металлургическая промышленность на юге России: выплавка чугуна в России в 1887 г. составляла 35,6 млн. пудов, в том числе на юге — 3,3 млн. пудов; в 1904 г. всего в России — 152,6 млн. пудов, в том числе на юге 72,8 млн. пудов (увеличение в 22 раза!). Добыча каменного угля в Донецком бассейне в 1887 г. составляла 125,6 млн. пудов, в 1904 г.— 798,6 млн. пуд. Оборот внешней торговли составлял в 1881 г. 1.024 млн. руб. (вывоз 506 млн., ввоз 518 млн.), в 1903 г.— 1.683 млн. руб. (вывоз 1.001 млн. руб., ввоз 682 млн. руб.).

Развитие крупной фабрично-заводской промышленности в начальных стадиях сопровождалась в России (как и в других европейских странах) усиленной эксплуатацией

рабочих — тяжелыми условиями работы и недостаточной оплатой ее, что, естественно, вызывало недовольство и протесты рабочей массы. В 1884—1885 гг. происходили серьезные волнения среди фабричных рабочих Московской и Владимирской губерний; в 1896 г. была большая забастовка на текстильных фабриках в Петербурге. Для защиты интересов рабочих правительством Александра III был издан в 1882—1886 гг. ряд фабричных законов, для упорядочения отношений между фабрикантами и рабочими были введены обязательные расчетные книжки, причем фабриканты обязаны были производить уплату причитающихся рабочим заработка наличными деньгами (а не продуктами); запрещена была фабричная работа малолетних, а также ночная работа несовершеннолетних (до 17 лет) и женщин; подростки от 12 до 15 лет не могли работать больше 8 часов; для надзора за исполнением фабричного законодательства была учреждена фабричная инспекция. В 1897 г. был издан общий закон об ограничении рабочего времени: максимальная продолжительность рабочего дня для взрослых мужчин была установлена в одиннадцать с половиной часов в субботу и в предпраздничные дни, а также для работ, хотя бы отчасти производившихся в ночное время, предельное рабочее время составляло 10 часов (заметим мимоходом, что в большинстве передовых стран Запада в это время вообще еще не существовало законодательных ограничений труда взрослых мужчин). В 1903 году был издан закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на производстве.

4. Революционные и либеральные течения. Социал-демократы и социал-революционеры. После казни пяти участников цареубийства и массовых арестов «народовольцев» революционно-террористическая деятельность на время прекратилась. Реакция в обществе, возникшая в результате цареубийства, на время отвлекла широкие круги интеллигенции, и в частности студенчества, не только от террористической «деятельности», но и от политики вообще. Однако небольшие группы активного меньшинства продолжали искать пути революционной борьбы с самодержавным строем; группы эти работали или в подполье, или в эмиграции — главным образом в Швейцарии, в Париже, а также в Лондоне, где в 90-х гг. работало революционное издательство («фонд вольной русской прессы»). В 80-х гг. начинается распространение в русской

революционной среде марксистских идей, главное, идеи об освободительной роли классовой борьбы пролетариата.

Основоположником и теоретиком русского марксизма является бывший «землеволец» и «чернoperеделец» Г. В. Плеханов. В 1883 г. он с несколькими единомышленниками основал за границей небольшую группу «Освобождение труда» и начал литературную пропаганду марксистских идей. Другими вождями русского марксизма были Ульянов-Ленин, Мартов, Аксельрод, Троцкий. В 1895 г. был основан социал-демократический Союз борьбы за освобождение рабочего класса, а в 1898 г. на нелегальном съезде в Минске было положено начало «Российской социал-демократической рабочей партии» (РСДРП)⁸². Органом РСДРП была издававшаяся за границей и нелегально доставлявшаяся в Россию «Искра». Скоро как в редакции «Искры», так и в рядах РСДРП, собравшейся в 1903 г. на второй съезд (в Брюсселе, потом в Лондоне), произошел раскол по вопросу о характере партийной организации: большинство, во главе с Лениным, хотело создавать партию как сильную нелегальную организацию профессио-

82 В своей программе новая партия заявила, что она считает себя «одним из отрядов всемирной армии пролетариата» и ставит своей конечной целью социальную революцию, которая должна осуществить «замену капиталистических производственных отношений социалистическими». «Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров». В России, где «капитализм уже стал господствующим способом производства», существуют «остатки старого докапиталистического порядка», из которых «самым значительным является царское самодержавие», поэтому партия «ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой», которая была бы установлена Учредительным съездом и которая обеспечивала бы «самодержавие народов» (т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках демократически избранного законодательного собрания), «неограниченную (sic!) свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов», «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», «замену постоянного войска всеобщим вооружением народа», «отделение церкви от государства и школы от церкви», всестороннюю законодательную охрану труда (и прежде всего 8-часовой рабочий день); для деревни, «в целях устранения остатков крепостного порядка» и «в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», партия требует отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей» и возвращения крестьянам уплаченных ими за землю выкупных платежей, а также тех земель, которые были отрезаны от них при уничтожении крепостного права (принудительного отчуждения частновладельческих земель и делянки их между крестьянами партия с.-д. не требовала, ибо подобная операция противоречила бы в корне марксову учению о ходе аграрного развития).

нальных революционеров, связанных железной дисциплиной и беспрекословно исполняющих «директивы Ц. К.» (т. е. центрального комитета партии); меньшинство, во главе с Мартовым, отстаивало широкую и более свободную организацию рабочих, по типу германской социал-демократической партии. От этого разделения на втором съезде и произошло название «большевиков» и «меньшевиков» (Плеханов по большинству спорных вопросов примыкал к меньшевикам). Марксистское течение в России не ограничивалось подпольной социал-демократической организацией; марксизм нашел сторонников среди ряда ученых и публицистов, образовавших группу «легальных марксистов» (Тугай-Барановский, Струве, Булгаков, Бердяев и др.), которые излагали и защищали учение марксизма в легальной печати.

Одновременно с оформлением марксистского течения происходило подобное оформление «народнического» течения в России, «легальным» представителем которого был главным образом известный публицист Н. К. Михайловский. «Народники», возражая марксистам, отказывались признать полное развитие капитализма (предполагающее уничтожение не только городской «мелкой буржуазии», но и крестьянства), необходимой предпосылкой для осуществления социализма; по их мнению, крестьянина вовсе не нужно «вываривать в фабричном котле» для того, чтобы он мог вступить в светлое царство социализма; жизнью в общине и общинным землевладением он уже подготовлен к социалистическому строю; вместе с крестьянством и пролетариатом третьим элементом армии социализма является «трудовая интеллигенция», стремящаяся осуществить в общественной жизни «правду-истину» и «правду-справедливость». В 90-х годах в России и в эмиграции возникает ряд народнических кружков, которые в 1901 г. объединяются в политическую организацию «Партия социалистов-революционеров». Вождем и теоретиком партии был В. М. Чернов⁸³.

⁸³ Программа партии утверждала, что «только при осуществлении свободного и социалистического общежития человечество будет беспрепятственно развиваться в физическом, умственном и нравственном отношении, все полнее воплощая истину, справедливость и солидарность в формы своей общественной жизни. И в этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества». Царское самодержавие в России должно быть свергнуто и заменено демократической республикой «с широкой автономией областей и общин» и с «возможностью более широким применением федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями», за которыми признается «безусловное

Органом, выражавшим взгляды радикальной, но не социалистической интеллигенции, был журнал «Освобождение», который издавал в Штутгарте П. Б. Струве.

В 90-х гг. XIX века в России выходило много периодических изданий различных направлений. Из них наиболее видными были следующие «толстые журналы»: «Вестник Европы» и «Русская Мысль» — либерального направления; «Русский Вестник» — консервативного; «Мир Божий» (впоследствии «Современный Мир») был журналом марксистского направления, идеология «народников» находила свое выражение в «Отечественных Записках», а после их закрытия (в 1884 г.) — в «Русском Богатстве».

Ко времени вступления на престол императора Николая II русское общество стало выходить из состояния той политической апатии, в которую большинство его погрузилось после 1 марта, и снова стало проявляться желание политических реформ. Речь нового царя в январе 1895 года, отвергшая «бессмысленные мечтания» о конституции, лишила его общественных симпатий и усилила оппозиционные течения. Жутким предзнаменованием явилась случившаяся во время коронации, в мае 1896 года, катастрофа на Ходынском поле под Москвой, где из-за нераспорядительности администрации в толпе, собравшейся на коронацию, было задавлено более тысячи человек.

право на самоопределение»; программа с.-р. относительно гражданских и политических свобод и рабочего законодательства была сходной с программой с.-д., но она значительно отличалась от последней в аграрном вопросе: «В вопросах аграрной политики и поземельных отношений, партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые взгляды, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, т. е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение... на началах уравнительного землепользования». В области тактики между с.-д. и с.-р. были существенные различия; тогда как с.-д. признавали целесообразность и действительность лишь массовой политической борьбы и отвергали индивидуальный террор, с.-р. широко применяли последний ко всем защитникам «старого режима», начиная от министров и кончая мелкими политическими сошками; для проведения террора в составе партии с.-р. были созданы особые «боевые организации» (в начале 1909 г. обнаружилось, что стоявший долгое время во главе «боевой организации» партии с.-р. некто Азеф был в то же время платным агентом царской политической полиции).

Первые широкие проявления оппозиционного движения начались в студенческой среде⁸⁴. Студенческое движение началось под лозунгом требования «академической свободы», но затем, под воздействием левых групп, оно принимало все более политически оппозиционный характер. После разгона полицейскими нагайками толпы студентов в Петербурге 8 февраля 1899 года забастовки протеста и «забастовки сочувствия» прокатились по всем русским университетам. Исключенные из университетов за участие в беспорядках студенты призывались к исполнению воинской повинности, и этот факт («студентов отдают в солдаты») вызвал возмущение в обществе (хотя «солдатчина» для студентов теперь продолжалась не 25 лет, как при Николае I, а только один год). Студенческие забастовки и демонстрации продолжались; в феврале 1901 г. один из исключенных студентов убил министра народного просвещения профессора Боголепова. На его место был назначен ген. П. С. Ванновский (бывший военный министр), которому было поручено приступить к «коренному пересмотру и исправлению» нашего учебного строя. Старый генерал освободил русских гимназистов от «классической» зубрежки: греческий язык в гимназиях был сделан необязательным, число уроков латинского сокращено, освободившиеся часы заняты предметами более близкими к жизни. В университетах была разрешена организация студенческих научных и литературных обществ и введены курсовые старости. Конечно, школьная реформа не могла остановить общего хода движения. Весною 1902 г. «боевой организацией» с.-р. был убит министр внутренних дел Сипягин, а в Полтавской и Харьковской губерниях произошли аграрные беспорядки, при которых крестьяне разграбили несколько десятков помещичьих усадеб. Новый министр внутренних дел В. К. Плеве решил продолжать «твердый курс» в подавлении революционного и оппозиционного движения. Весною 1903 г. в Кишиневе был произведен «черносотенной» толпой, при попустительстве

⁸⁴ Следует заметить, что состав студенчества в России был неизмеримо более демократическим, чем в Англии или в Германии, где в университетах учились почти исключительно дети аристократии и буржуазии; плата на учение в русских университетах была сравнительно очень низкой, кроме того, в них было множество «стипендиатов» из крестьянских и иных бедных семей; согласно данным обследования материального положения студентов Московского университета в 1899—1900 г., из 4.017 студентов 1.957 были освобождены от платы и 874, кроме того, получали стипендию.

полиции, еврейский погром, который вызвал всеобщее возмущение против правительства. На Урале произошли серьезные волнения рабочих (в Златоусте), сопровождавшиеся «усмирением» и стрельбой, при которой было убито и ранено несколько десятков рабочих. Скоро затем уфимский губернатор Богданович, руководивший «усмирением», был убит террористами. Летом 1903 года волна рабочих забастовок и демонстраций прокатилась по многим южным городам — Одессе, Киеву, Николаеву и др. В таком состоянии внутреннего брожения и всеобщего недовольства правительством Россия в январе 1904 г. вступила в японскую войну.

5. Внешняя политика в 1881—1903 гг. Внешняя политика императора Александра III первоначально удерживалась на линии традиционной дружбы с Германией. Между тем Германия искала себе других союзников: а в 1879 г. она заключила союз с Австро-Венгрией, в 1882 году был заключен «тройственный союз» этих двух держав с Италией. Однако в то же время в 1881 г. был заключен (и в 1884 г. возобновлен на три года) «союз трех императоров» — русского, германского и австрийского. В 1887 г. союз трех императоров не был возобновлен, но между Россией и Германией был заключен (на три года) секретный «договор о перестраховке», по которому обе стороны обещали друг другу нейтралитет в случае нападения на одну из них третьей страны; но этот договор не был возобновлен в 1890 г. В Германии в 1888 г. вступил на престол воинственный император Вильгельм II, старый канцлер Бисмарк, проводивший политику дружбы с Россией, вышел в отставку, и между новым германским правительством и Александром III произошло явное охлаждение. Дипломатическое положение России на Балканах также было в это время незавидным. Румыния, недовольная уступкой в 1878 г. Бессарабии в пользу России, находилась в союзе с Австро-Венгрией и Германией; Сербия и Болгария также находились под влиянием Австрии; с Болгарией (точнее, с князем болгарским Фердинандом Кобургским) Александр III порвал дипломатические отношения. При таких условиях понятно, что в 1889 г. Александр III провозгласил свой известный тост за «единственного верного друга России, князя Николая Черногорского»... Конечно, черногорская дружба была для России недостаточной гарантией европейского равновесия против преобладания двух немецких держав, и потому политика Александра III

сандра III естественно склонилась о сторону сближения с Францией, с которой в 1892 г. был заключен тайный оборонительный союз, дополненный военной конвенцией; в 1895 г. сообщение о заключении франко-русского союза было опубликовано.

Император Николай II сохранял союз с Францией, как главную основу своей европейской политики. В 1895—1896 г. состоялось примирение русского царя с Болгарией. Политическое положение в Европе, при наличии двух противостоящих один другому союзов, становилось напряженным, и обе стороны «на всякий случай» усиленно вооружались. В 1898 г. правительство Николая II решило сделать попытку «положить предел непрерывным вооружениям» и с этой целью предложило созвать международную конференцию для обсуждения вопроса о разоружении: Конференция состоялась в Гааге в 1899 г.; она не остановила вооружений, но приняла ряд постановлений в целях сделать войну менее жестокой и разрушительной; в частности, были принятые декларации о запрещении бомбардировок населенных мест с воздушных шаров (управляемых аэропланов тогда еще не было) и о запрещении употребления удущивых газов и разрывных пуль. Решено было учредить в Гааге международный суд для мирного разрешения международных споров и конфликтов (в 1907 году была созвана вторая Гаагская конференция).

В 90-х гг. XIX в. внимание всех европейских правительств было привлечено к событиям на Дальнем Востоке. В 1894—1895 гг. между Китаем и Японией происходила война, закончившаяся успешно для Японии; Китай обязался уступить Японии о. Формозу и Ляодунский (Квантунский) полуостров (с Порт-Артуром), однако по требованию России, Германии и Франции Япония вернула Ляодунский полуостров Китаю.

В 1896 г. с Китаем был заключен договор о дружбе, причем Россия получила разрешение провести Сибирскую железную дорогу к Владивостоку через Северную Маньчжурию (что значительно сокращало ее протяжение и уменьшало стоимость постройки). Официально концессия на проведение дороги была дана якобы частному обществу «Китайской Восточной железной дороги», в действительности все дело вело русское министерство финансов с С. Ю. Витте во главе.

В 1897 г. в китайской провинции Шандунь, близ Кяо-Чао, были убиты китайцами два немецких миссионера, после чего Германия заняла Кяо-Чао. Немецкий захват

послужил сигналом для других: в декабре 1897 г. Россия заняла Порт-Артур и Талиенван на Квантунском полуострове (что конечно, вызвало возмущение в Японии, у которой Порт-Артур был отобран под предлогом сохранения «территориальной неприкосновенности Китая»); Англия заняла Вей-Хай-Вей, Франция — Кванджу. Весною 1898 г. Россия заключила с Китаем договор, по которому порты Артур и Талиенван были уступлены на 25 лет в «аренду» России, и ей было предоставлено право провести железнодорожную линию через Южную Маньчжурию для соединения этих портов с Великой Сибирской магистралью.

Весною 1900 года в Китае, озлобленном захватами европейских держав, произошло восстание «боксеров», или «больших» кулаков, против европейцев. Европейские державы вместе с Японией снарядили для подавления восстания международный экспедиционный корпус, который под командой генерала Линевича занял Пекин. Русские войска вступили в Маньчжурию. Япония соглашалась признать русское преобладание в Маньчжурии с тем, чтобы ей была предоставлена свобода действий в Корее. Русское правительство не приняло этого предложения, и в 1902 г. Япония заключила союз с Англией и начала готовиться к войне.

В то же время группа русских дельцов, в которую входили некоторые лица из придворных кругов, получила концессию на разработку лесных богатств на р. Ялу, в Северной Корее. Летом 1903 г. было учреждено наместничество на Дальнем Востоке, и наместником был назначен адмирал Алексеев, сторонник агрессивной политики. С. Ю. Витте, противник этой политики, покинул пост министра финансов. Япония протестовала против русских предприятий в Корее и требовала эвакуации из Маньчжурии к концу 1903 года. Не добившись уступок, японское правительство в январе 1904 г. разорвало дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января (старого стиля) без формального объявления войны начало военные действия под Порт-Артуром.

Глава XVIII

ДУМСКАЯ МОНАРХИЯ (1905—1917 гг.)

1. *Русско-японская война и революция 1904—1905 гг.*
Атака порт-артурской эскадры японскими миноносцами в ночь на 27 января 1904 г. причинила тяжелые повреждения двум русским броненосцам и одному крейсеру и тем сразу обеспечила Японии превосходство на море и возможность беспрепятственной доставки войск и боевых припасов на материк. Русские же военные силы могли двигаться на Дальний Восток лишь весьма медленно, ибо новопостроенная Сибирская железная дорога обладала малой пропускной способностью, и был еще не достроен один важный участок ее, Кругобайкальская дорога. Главнокомандующим маньчжурской армии был назначен военный министр генерал Куропаткин. Командовать Тихоокеанским флотом был послан способный и энергичный адмирал С. О. Макаров, но скоро по прибытии в Порт-Артур он погиб вместе со своим флагманским броненосцем «Петропавловск», взорванным японской миною. Японцы беспрепятственно высадились в Корее, в апреле 1904 г. они форсировали р. Ялу и вступили в Маньчжурию, а в мае высадились на Квантунском полуострове и приступили к осаде Порт-Артура. В августе 1904 года произошло многодневное генеральное сражение под Ляояном, которое окончилось отступлением русской армии.

Неудачный ход японской войны вызвал всеобщее недовольство против правительства и ожидал оппозиционное и революционное движение в стране. В июле 1904 г. с.-р. Сазонов убил министра внутренних дел Плеве. В конце августа министром внутренних дел был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, который заявил о желании правительства установить отношения «доверия» с обществом. Это заявление было началом политической «весны». Печать стала свободно критиковать бюрократи-

ческий строй и обсуждать вопрос о необходимости коренных реформ. В ноябре в Петербурге состоялось совещание земских деятелей, на котором большинством было решено выставить конституционные требования. 12 декабря правительством был опубликован указ «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», содержащий широкую программу реформ, но ничего не говоривший о народном представительстве. В ноябре и декабре в столицах было организовано много профессиональных союзов лиц интеллигентных профессий; на публичных собраниях и банкетах выносились резолюции с требованиями введения народного представительства.

Между тем на войне продолжались неудачи. В октябре вышла из Балтийского моря Вторая тихоокеанская эскадра (под командой адмирала Рождественского), направляясь на Дальний Восток. В конце сентября и начале октября генерал Куропаткин сделал попытку перейти в наступление, но в кровавой битве на р. Шахэ русская армия была остановлена японцами, понеся большие потери. Осажденный Порт-Артур геройски защищался до декабря 1904 г., отражая ожесточенные штурмы японцев; 2 декабря был убит генерал Кондратенко, бывший душою обороны, а 19 декабря командовавший русскими войсками генерал Стессель сдал крепость японцам, вследствие чего японская осадная армия могла быть переброшена на Маньчжурский фронт.

Падение Порт-Артура вызвало в России новую волну антиправительственных демонстраций. В начале января в Петербурге забастовали многие заводы, требуя введения 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Движением овладел некий священник-демагог Георгий Гапон (который за год перед тем основал в Петербурге «общество фабрично-заводских рабочих»). Он предложил устроить в воскресенье, 9 (22) января шествие рабочих масс Петербурга к Зимнему дворцу для подачи царю петиции об улучшении быта рабочих и о созыве всенародного учредительного собрания для проведения демократических реформ. С утра 9 января огромные толпы рабочих двинулись с разных сторон к Зимнему дворцу, неся впереди иконы и царские портреты. Правительство было осведомлено о предстоящем шествии, и пути к Зимнему дворцу были преграждены отрядами войск и полиции, которые предлагали демонстрантам остановиться и разойтись, а после их отказа открыли по толпе огонь, при этом, по официальным данным, в разных местах в толпе было убито

130 человек и ранено несколько сот, по частным, число жертв было значительно больше.

«Расстрел рабочих в Петербурге произвел потрясающее впечатление во всей России, и «кровавое воскресенье» 9 января стало днем рождения русской революции. По всей России прокатилась волна рабочих забастовок протеста, забастовали студенты высших учебных заведений. 4 февраля бомбой террориста был убит московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович.

18 февраля 1905 г. был опубликован реескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина (сменившего в январе 1905 г. князя Святополк-Мирского), который содержал значительную фразу о том, что государь «вознамерился привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений (здесь впервые было обещано введение народного представительства, но лишь с совещательной функцией). Одновременно правительство призывало общество содействовать ему в восстановлении порядка и спокойствия в стране.

Между тем на войне Россию по-прежнему преследовали неудачи: в феврале в многодневном бою под Мукденом русская армия потерпела поражение и вынуждена была отступить на север. В мае 1905 г. эскадра адмирала Рождественского пришла в воды Желтого моря, направляясь во Владивосток, и в Цусимском проливе была уничтожена японским флотом. Однако Япония, которая понесла большие потери людьми и была в значительной степени истощена войной, стремилась к миру. Президент Соединенных Штатов Т. Рузвельт предложил воюющим сторонам свое посредничество, и в конце июля в Портсмуте (в США) собралась мирная конференция (главой русской делегации был С. Ю. Витте); 16 августа был заключен мирный договор на следующих условиях: Россия признает преобладание Японии в Корее, возвращает Китаю Маньчжурию, уступает Японии Квантунский полуостров с Порт-Артуром и южную часть о. Сахалина и уплачивает Японии стоимость содержания русских пленных.

Между тем революционное движение в России все более расширялось и усиливалось. Весною 1905 года в ряде центральных губерний происходили аграрные беспорядки, сопровождавшиеся разгромом и поджогами помещичьих усадеб. Рабочие забастовки в городах переходили в уличные демонстрации и вооруженные столкновения с войсками и полицией. В июне на Черном море

произошел известный бунт на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». 6 августа 1905 г. правительство опубликовало «Положение» об учреждении Государственной Думы, но «Булыгинская Дума» (совещательного характера) никого не удовлетворила и не остановила движения, направленного к гораздо более радикальным реформам. Указом 27 августа университетам была предоставлена широкая автономия. После этого революционные партии стали устраивать в залах высших учебных заведений свои митинги, на которые собирались толпы посторонних. В октябре 1905 г. революционные партии и профессиональные организации почувствовали себя настолько сильными, что провозгласили и провели всеобщую забастовку, к которой примкнули железные дороги. В качестве органа, руководившего забастовкой, в Петербурге образовался Совет рабочих депутатов, издававший свои «Известия».

Правительство увидело себя вынужденным пойти на крайние возможные уступки, и 17 октября был издан манифест, который формально означал конец существования в России неограниченной монархии⁸⁵. «Объединенное правительство» образовало Совет министерства, председателем которого (т. е. первым русским премьер-министром) был назначен граф С. О. Витте.

Появление Манифеста 17-го октября вызвало растерянность власти на местах и не внесло скорого успокоения. Если умеренно-либеральные круги готовы были принять созданное манифестом положение как исполнение их желаний конституционного преобразования России, то левые круги, социал-демократы и социал-революционеры, не были ни в малейшей степени удовлетворены и решили продолжать борьбу для достижения своих программных целей;

⁸⁵ Вот содержание этого знаменитого документа: выражая свою скорбь по поводу «смут и волнений», охвативших государство, государь признает необходимым «объединить деятельность высшего правительства», на обязанность которого он возлагает «выполнение непреклонной нашей воли: 1) даровать населению незыблевые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы, совести, слова, собраний и союзов, 2) не останавливая предначертанных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

с другой стороны, правые круги отвергали содерявшиеся в Манифесте 17-го октября уступки революции и требовали сохранения неограниченного царского самодержавия. Скоро после появления манифеста железнодорожная забастовка прекратилась, но «смуты и волнения» не только не прекратились, но распространились по всей стране: в городах происходили то революционные, то контрреволюционные демонстрации, причем во многих городах контрреволюционные толпы «черносотенцев» громили интеллигентов и евреев; в деревнях разливалась волна аграрных погромов — толпы крестьян громили и жгли помещичьи усадьбы. 3 ноября был издан манифест, обращавшийся к крестьянам с призывом прекратить беспорядки, обещавший принятие возможных мер к улучшению положения крестьян и отменявший выкупные платежи за крестьянские надельные земли.

В конце октября в Финляндии была восстановлена старая конституция. На других окраинах — в Польше, в Прибалтийском крае и на Кавказе революционное брожение росло и ширилось. В конце октября произошел матросский бунт в Кронштадте, подавленный вооруженной рукой. В Польше было объявлено военное положение. В начале ноября Совет рабочих депутатов безуспешно пытался еще раз провести всеобщую забастовку. В середине ноября вспыхнул матросский бунт в Севастополе и бунт на крейсере «Очаков» и происходила почтово-телефрафная забастовка. 2 декабря Совет рабочих депутатов, с целью вызвать государственное банкротство, опубликовал «манифест» с призывом к населению отказываться от платежа налогов, брать вклады из сберегательных касс, требовать, чтобы все уплаты производились золотом. 3 декабря правительство арестовало состав петербургского Совета, а 6 декабря крайние партии снова призывали рабочих к всеобщей забастовке. И эта забастовка оказалась не общей, а лишь частичной, но в Москве началось прямое вооруженное восстание, которое было подавлено после прибытия в Москву из Петербурга Семеновского гвардейского полка (полки местного гарнизона казались правительству не вполне надежными). В декабре и январе посланные правительством военные экспедиции подавили открытые проявления революционного движения на окраинах и в Сибири и восстановили внешний порядок в государстве (хотя отдельные террористические акты продолжались еще в значительном количестве).

Манифест 17-го октября создал возможность образования в России открытых политических партий. Партии социал-демократов и социал-революционеров продолжали существовать на нелегальном положении (хотя имели свою легальную печать); партии, не ставившие своей целью революционный переворот, могли организовываться открыто. Из множества возникавших в то время партий и союзов надлежит упомянуть несколько. Наиболее левой из открытых партий была партия «народно-социалистическая», принимавшая народническую аграрную программу (обращение земли в общеноародное достояние и отдача ее в пользование тем, кто будет ее обрабатывать личным трудом), а в области политической отстаивавшая полное народовластие. Образовавшаяся в Государственной Думе фракция «трудовиков» была по своей идеологии и по своей аграрной программе ближе всех к партии народных социалистов.

Крупной и влиятельной партией, объединившей широкие круги либеральной и радикальной интеллигенции (в частности, профессуры) и прогрессивных земских деятелей, была так называемая «Партия народной свободы», или «Конституционно-демократическая партия» («к.-д.», или «кадеты»). Ее лидером был профессор-историк П. Н. Милюков. На учредительном съезде партии, в октябре 1905 года, при обсуждении вопроса о желательной форме правления в России обнаружились два течения: республиканское и конституционно-монархическое. На съезде, состоявшемся в январе 1906 г., партия выразилась за парламентарную монархию⁸⁶. К партии к.-д. близко примыкали по своим программам три небольшие партии, объединявшие некоторые круги либеральной интеллигенции и прогрессивных «земцев» и промышленников, это были «прогрессисты», «Партия мирного обновления» и «Партия демократических реформ».

⁸⁶ Согласно программе партии, «министры ответственны перед съездом народных представителей». «Народные представители избираются всеобщею, равною, прямою и тайною подачей голосов». Партия требовала широкого развития местного самоуправления и автономии окраинных областей (особенно царства Польского). В своей аграрной программе партия требовала «увеличения площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, ... государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (нерыночной) оценке». Партия требовала широкого развития рабочего законодательства, в частности введения 8-часового рабочего дня.

Между левыми и радикальными течениями, с одной стороны, и правыми, консервативными и реакционными, с другой, находился умеренно-либеральный «Союз 17-го октября» («октябристы»), объединявший главным образом умеренные круги торгово-промышленного и вообще городского населения и некоторую часть землевладельцев (лидером Союза был крупный московский промышленник А. И. Гучков). Союз стоял на почве конституционной монархии, созданной Манифестом 17-го октября⁸⁷. Между октябристами и крайними правыми в Госдуме находились фракции «националистов» и «умеренно-правых».

На правом фланге политического фронта находились партии, носившие названия «Русского собрания», «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела»; главными вождями правых были Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич. Программными лозунгами этих партий было сохранение царского самодержавия (при котором народное представительство может иметь лишь совещательный или осведомительный характер) и «Россия для русских» (господствующее положение русской национальности и православной церкви). Партии эти, объединявшие реакционную часть землевладельцев, чиновников и духовенства и небольшую часть городского простонародья, были немногочисленны, но разбивали весьма шумную и криклившую деятельность: в устных заявлениях своих депутатов, которых они часто посыпали к царю, и во множестве телеграмм со всех концов России они уверяли царя, что они говорят от имени всей массы русского народа, тогда как их противники являются только кучками «крамольников» и «инородцев»; их постоянные уверения в беспредельной преданности всего народа «обожаемому монарху» скрывали от царя истинное положение дел и готовили ему горькое разочарование...

Кроме политических партий в России после 1905 г. существовало множество профессиональных союзов и объединений, также носивших отчасти политический характер: на левом фланге здесь были профессиональные рабочие со-

⁸⁷ Программные положения «Союза 17 октября»: «Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве»; осуществление гражданских свобод. В крестьянском вопросе — широкое развитие переселения и операций банка, а также «признание государственных и удельных земель фондом для удовлетворения земельной нужды», «и на конец, при недостаточности этих мер допустимое в случаях государственной важности отчуждение части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения».

юзы, находившиеся под влиянием социал-демократов и т. называемый Всероссийский Крестьянский союз, находившийся под влиянием социал-революционеров, на правом — Совет объединенного дворянства. Интересы торгово-промышленного класса представляли биржевые комитеты; крупной и влиятельной организацией был Совет съездов горно-промышленников юга России (с центром в Харькове).

2. Государственная Дума первого, второго и третьего созыва. Народное представительство в России было учреждено манифестом и законом об учреждении Государственной Думы, изданными 6 августа 1905 г. По этому первоначальному «учреждению» Госдума имела лишь законосовещательный характер; однако она должна была рассматривать не только предлагаемые правительством законопроекты, но и государственный бюджет, который таким образом становился уже до известной степени под общественный контроль; законодательная инициатива Думы была ограничена правилом, что для внесения в Думу законопроект должен быть подписан не менее чем 30 членами Думы; в целях контроля над закономерностью управления Государственная Дума может предъявлять запросы министрам, однако последние ответственны только перед императором, и если Дума (большинством двух третей) признает объяснения ministra по предъявленному к нему запросу неудовлетворительными, она представляет свое заключение по этому поводу государю. Положение о выборах в Государственную Думу устанавливает выборы на основе классового и цензового представительства⁸⁸. Общее число выборщиков по всей России составляло: от крестьян — 42%, от землевладельцев — 31%, от горожан — 27%.

Манифестом 17 октября Государственной Думе были предоставлены законодательные права и обещано расширение избирательного права. Указом 11-го декабря круг избирателей в Государственную Думу расширен весьма

⁸⁸ Члены Думы от каждой губернии избираются губернским собранием выборщиков. Выборщики избираются на уездных избирательных собраниях по трем куриям: 1) землевладельцев, 2) крестьян-уполномоченных от волостей и 3) городских жителей, обладающих достаточным цензом. Крупные города выделяются в особые избирательные округа. У крестьян первую степень образует волостной сход, вторую — съезд уполномоченных от волостей, третью — губернское избирательное собрание. Из числа членов Думы от каждой губернии один непременно должен быть от крестьянской курии.

значительно, почти до пределов всеобщего избирательного права (в городах избирательное право получили все квартиронаниматели); однако это избирательное право было весьма неравным по «удельному весу» голосов избирателей различных категорий⁸⁹. 20 февраля 1906 г. было издано новое «Учреждение» Государственной Думы для приведения его в соответствие с принципами, установленными Манифестом 17-го октября. В тот же день было издано новое положение о Государственном Совете, который был реформирован и ко всеобщему разочарованию, поставлен рядом с Государственной Думой в качестве верхней палаты, обладающей теми же правами, что и Дума; все законопроекты, принятые Думой, должны были затем поступать в Государственный Совет и лишь в случае принятия их Советом представлялись на утверждение императора. Преобразованный Государственный Совет состоял из половины членов по выбору и половины по назначению императора (председатель назначался государством)⁹⁰.

26 апреля 1906 г. (накануне созыва 1-й Государственной Думы) были опубликованы новые основные государственные законы, изменение которых могло последовать лишь по почину верховной власти. Согласно основным законам верховное управление принадлежит императорской власти, тогда как законодательная власть осуществляется ею в единении с Государственною Думою и Государственным Советом. В случае, если во время перерыва сессий законодательных палат явится необходимость в принятии какой-нибудь экстренной меры, имеющей законодательный характер, то она проводится императорским указом (в порядке «верховного управления») с тем, однако, что по открытии законодательной сессии (в течение двух месяцев со дня созыва Думы (эта мера должна быть внесена на одобрение Государственной Думы, иначе она автоматически прекращает свое действие (пресловутая ст. 87-я Основных законов). 23 апреля С. Ю. Витте был уволен

⁸⁹ К трем прежними куриям была добавлена четвертая, именно съезд уполномоченных от фабрично-заводских рабочих (число избираемых ими выборщиков было относительно незначительным).

⁹⁰ Члены Совета по выборам состояли из следующих групп: от православного духовенства — 6; от академии наук и от университетов — 6; от земских собраний — 34, от дворянских обществ — 18; от торговли и промышленности — 12, от съездов землевладельцев неземских губерний — 22 (из них 6 — от царства Польского), всего 98 человек; такое же количество членов ежегодно назначалось государством «к присутствию» в Государственном Совете.

от должности председателя Совета министров и заменен старым консервативным бюрократом И. Л. Горемыкиным.

Выборы в Государственную Думу, происходившие в марте 1906 г., дали полную победу оппозиционным партиям. В составе Думы было около 170 к.-д., около 100 трудовиков, 15 с.-д., 70 «автономистов» (представителей окраин), 30 умеренных и правых, около 100 беспартийных⁹¹. 27 апреля Дума была торжественно открыта государем, приветствовавшим народных избранников в Зимнем дворце, и затем приступила к заседаниям (избрав председателем к.-д. проф. С. А. Муромцева). В ответном адресе государю Дума представляла требования ответственного перед Думой министерства, упразднения Государственного Совета, принудительного отчуждения частновладельческих земель в пользу малоземельного крестьянства и полной амнистии осужденным за политические преступления. Ответная декларация правительства, оглашенная премьером Горемыкиным в заседании Думы 13 мая, содержала отказ в этих требованиях, после чего Дума большинством всех голосов против 11 вынесла «формулу недоверия» правительству и потребовала выхода его в отставку. После этого почти каждое появление кого-либо из членов правительства на трибуне Государственной Думы для объяснения по поводу вносимых в Думу законопроектов или для дачи ответа на предъявленный Думою запрос сопровождалось дружными, громкими и продолжительными криками: «В отставку!».

Отношения между правительством и Думою становились все более натянутыми, речи оппозиционных депутатов становились все более резкими (речи эти печатались и распространялись по стране), а между тем революционное движение снова оживало, особенно усиливаясь массовый аграрный террор в деревнях. 20 июня правительство обратилось к населению с сообщением по аграрному вопросу, в котором признавало недопустимым принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Дума, со своей стороны, в заседании 6 июля постановила обратиться к населению с «разъяснением», в котором она сообщала, что не отступит от принципа принудительного

⁹¹ Нужно заметить, что данные о партийном составе всех четырех дум имеют лишь приблизительное значение, ибо нередки были случаи политических перегруппировок в их составе (к.-д.— конституционно-демократическая партия, другое название «партия народной свободы»; трудовики — мелкобуржуазная демократическая фракция; с.-д.— социал-демократы).

отчуждения (хотя по закону Думе не было предоставлено право непосредственного обращения к народу). 8-го июля явился царский манифест о роспуске Государственной Думы и о назначении новых выборов. Около 180 членов распущенной Государственной Думы собрались в Выборге (в Финляндии) и составили воззвание к населению с призывом не платить правительству податей и не давать солдат в армию.

Одновременно с роспуском Думы премьер И. Л. Го-ремыкин был уволен от должности и заменен нестарым, энергичным и мужественным министром внутренних дел П. А. Столыпиным, который заявил о намерении правительства поддерживать «обновленный строй» и проводить необходимые реформы и в то же время решительно бороться с революционным террором⁹².

Вскоре после роспуска Думы произошли военные бунты в Свеаборге, Кронштадте и на крейсере «Память Азова», а также попытки всеобщей забастовки в Москве. Индивидуальный революционный террор принял очень широкие размеры: 12 августа на даче Столыпина, на Аптекарском острове, произошел сильнейший взрыв, которым свыше 30 человек было убито и столько же ранено, но сам министр не пострадал,

25 августа был опубликован (в порядке 87-й статьи Основных законов) закон об учреждении военно-полевых судов для борьбы с революционным террором⁹³, и вместе с тем была опубликована широкая программа реформ, которую правительство намерено было проводить. Ведя суровую борьбу с революционным террором, Столыпин одновременно издавал, в порядке той же 87-й статьи, целый ряд указов для улучшения правового и материального положения крестьян (см. ниже)⁹⁴.

Выборы во вторую Думу происходили в январе 1907 г. Они дали, с одной стороны, значительное усиление левых партий, с другой, усиление правого крыла. Состав новой

⁹² Формула: «сначала успокоение, а потом реформы» совершенно неправильно приписывается Столыпину.

⁹³ Закон этот не был внесен во вторую Государственную Думу, и весною 1907 г. его действие прекратилось; всего было казнено по приговорам военно-полевых судов 683 человека; жертвами революционного террора за 1906 г. были 768 убитых и 820 раненых представителей власти — от главного прокурора и нескольких губернаторов до постовых городовых.

⁹⁴ Кроме того, были изданы указ 14-го окт. 1906 г. о свободе старообрядческих общин и указ 15-го ноября 1906 г. об ограничении рабочего дня и о воскресном отдыхе торговых служащих.

Думы был таков: с.-д. 65, с.-р. 34 (выборы в первую Думу партия с.-р. бойкотировала), трудовиков 101, народных социалистов 14 (таким образом, крайние левые партии образовали почти половину состава Думы), к.-д. 92, мусульман 31, поляков 47, казаков 17, октябристов и умеренных 32, правых 22, беспартийных 50. Дума была открыта 20 февраля 1907 года. 6 марта премьер Столыпин выступил в Думе с декларацией правительства; в ответ на резкие нападки и угрозы представителей левых он заявил: «Не запугаете!». В другой раз, говоря о требованиях левых партий, он произнес свою знаменитую фразу: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Скоро для правительства выяснилась невозможность наладить сотрудничество с Думой, и оно подготовило роспуск Думы и изменение избирательного закона. Получив известие о том, что думская фракция с.-д. работает над созданием «военной организации» с.-д. в войсках, правительство 1 июня потребовало от Думы лишения членов фракции с.-д. депутатской неприкосновенности для привлечения их к суду за организацию военного заговора. Дума передала требование в комиссию для выяснения его обоснованности. 3 июня появился манифест о роспуске Государственной Думы и об изменении избирательного закона. (Те депутаты с.-д., которые не успели скрыться, были арестованы.)

Изменение избирательного закона в Думу было про- ведено, несомненно, с нарушением манифеста 17-го октября, и потому акт 3-го июня был воспринят как «государственный переворот». Новым избирательным законом было сильно урезано представительство в Думе от окраин государства: Польша должна была вместо 36 посыпать 14 депутатов (в том числе 2 от русского населения), Кавказ вместо 29 — десять, Средняя Азия была вовсе лишена думского представительства. В европейской России при избрании выборщиков в губернские избирательные собра- ния курии землевладельцев было предоставлено преобла- дание над другими куриями: в 34 губерниях из 52-х съезды землевладельцев выбирали в губернские избирательные собра-ния абсолютное большинство выборщиков; в общей сложности курия землевладельцев избрала 50,5% выбор- щиков (вместо 31%), крестьянская курия — 22,5% (вме-сто 42%); городская курия избирала по-прежнему 27% выборщиков, но теперь городские избиратели были раз- делены на две курии, причем первой («цензовой») было предоставлено большинство выборщиков.

Рабочая курия сохранилась лишь в 6 наиболее промышленных губерниях. От каждой курии губернские избирательные собрания непременно должны были избрать в Думу по одному представителю, остальные депутаты могли быть избраны из любой курии⁹⁵.

Выборы в 3-ю Думу происходили осенью 1907 года и дали следующий состав: правых 50, «умеренно-правых» 71, националистов 26 (всего правых 147), октябристов (центр.) 154; налево от октябристов: прогрессистов 28, к.-д. 54, трудовиков 13, с.-д. 20, поляков и литовцев 18, мусульман 8 (всего 141). Главную роль в третьей Думе играла фракция октябристов; из их среды были и председатели Думы, сначала Н. А. Хомяков, потом А. И. Гучков. «Столыпинское» большинство в Думе составляли октябристы, националисты и умеренно-правые.— Бюджетные права Думы давали ей большое влияние на государственный аппарат, ибо на всякое новое ассигнование государственных средств министры должны были получать согласие Думы, и потому правительство стремилось действовать в согласии с Думой. 3-я Дума приняла аграрные законы Столыпина, поддерживала реорганизацию армии и флота, значительно увеличила ассигнования средств на народное образование. В то же время она поддерживала националистический курс, усвоенный с 1909 г. министерством Столыпина. Она приняла законы об ограничении законодательных прав финляндского сейма, о введении в западных губерниях земства, с преобладанием русского элемента⁹⁶, о выделении Холмской области в особую губернию (иронически названное «четвертым разделом Польши»).

В сентябре 1911 г. Столыпин был убит в Киеве анархистом (который в то же время был агентом охранного отделения). Премьером был назначен министр финансов В. Н. Коковцов.

⁹⁵ Конечно, думский избирательный закон был далек от принципов демократизма, но не следовало бы забывать, что всюду участие в парламентских выборах долгое время было обусловлено имущественным цензом; в Англии, классической стране парламентаризма, всеобщее избирательное право было введено только в XX веке, лет через 600 после учреждения парламента, а русский парламент существовал всего только 11 лет.

⁹⁶ Закон этот не удовлетворял правых и был в 1911 г. отвергнут в Государственном Совете; тогда правительство ввело его в действие, пользуясь 87-й статьей, что создало весною 1911 г. серьезный конституционный кризис.

3. Аграрная реформа Столыпина. В 1905 г. землевладение в 50 губерниях Европейской России представляло следующую картину: из 395 миллионов 155 млн. десятин принадлежало казне и «учреждениям» — уделам, церкви и монастырям (в том числе «учреждениям» принадлежало около 15 млн. дес.) 139 млн. десятин было надельных земель, крестьянских (124,5 млн.) и казачьих (14,5 млн.); частновладельческие земли занимали площадь 101 млн. дес. Необходимо иметь в виду, что из казенных земель лишь самая незначительная часть была пригодна в данное время для земледельческой обработки (ибо все удобные казенные земли были отданы «в надел» государственным крестьянам). Огромное пространство казенных земель — это были леса, тундры и болота северной части России, совершенно непригодные для земледелия⁹⁷. При освобождении крестьян почти все частновладельческие земли принадлежали лицам дворянского сословия, но с тех пор дворянское землевладение непрерывно уменьшалось, и к 1905 г. в руках дворян оставалось лишь 53 млн. десятин; почти половина дворянских земель перешла в руки других сословий, больше всего — 26 млн. дес. — в руки крестьян и крестьянских товариществ (покупавших дворянские земли с помощью Крестьянского банка), затем — в руки купцов и торгово-промышленных компаний — 16 млн. дес. Присчитывая покупные крестьянские земли к надельным, получим площадь крестьянского землевладения в 1905 г. 165 млн. дес. против 53 млн. дес. земель дворянских, из которых еще некоторая часть находилась под лесом, а некоторая сдавалась в аренду крестьянам. Цифры эти с полной несомненностью показывают, что по составу землевладения Россия уже в 1905 г. была совершенно крестьянской страной (в большей степени, чем какая-либо из крупных европейских стран) и что дележка помещичьих земель между крестьянами могла бы лишь в незначительной степени увеличить площадь крестьянского землепользования⁹⁸. С другой стороны, многие из сохранившихся

⁹⁷ Поэтому, когда в писаниях некоторых публицистов и даже «ученных» мы встречаем «статистику», объединяющую в одну категорию земли «казны и помещиков», которые-де значительно превышали площадь крестьянских земель, то это является лишь результатом сплошного невежества или умышленной фальсификации.

⁹⁸ Что и обнаружилось в 1918 г. после раздела между крестьянами оставшихся к тому времени 40 млн. десятин дворянских земель; тогда советские аграрные деятели с полной откровенностью признали, что лозунг дележа помещичьих земель был лишь «средством революционирования деревни» и не имел «серьезного экономического значения».

дворянских имений вели культурное сельское хозяйство и являлись поставщиками хлеба на внешний и внутренний рынок, поэтому их раздробление с точки зрения общих интересов народного хозяйства было, несомненно, ущербом⁹⁹. Однако крестьяне, не имевшие, конечно, никакого понятия об аграрной статистике, ожидали от раздела господских земель огромных «прирезок» к своим наделам, а все левые партии, чтобы привлечь на свою сторону симпатии крестьянской массы, усиленно требовали принудительного отчуждения частновладельческих земель для передачи их «в руки трудящихся»¹⁰⁰.

Правительство Столыпина, отвергая принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель, в то же время сознавало необходимость серьезных мер для подъема уровня крестьянского благосостояния. Оно предприняло ряд мер для расширения площади крестьянского землевладения, но главное внимание оно посвятило делу крестьянского «землеустройства», ибо оно видело главную причину крестьянской бедноты в чрезвычайно примитивном и нерациональном строе крестьянского хозяйства, с его чересполосицей, принудительным трехпольем и низкой урожайностью крестьянских полей. Главный тормоз для прогрессивного развития сельского хозяйства Столыпин усматривал в общинном землевладении, и потому он решил предоставить кре-

⁹⁹ В своей речи по аграрному вопросу, произнесенной им 10 мая 1907 г. во 2-й Государственной Думе, Столыпин говорил: «Путем переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль»... Помочь крестьянству необходимо, но здесь «предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130.000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина каftана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?»

¹⁰⁰ Партия с.-д., не имевшая сначала в своей программе этого требования, увидела, что этим она теряет важный козырь политической игре в пользу своих конкурентов «эсеров», и поэтому сначала приняла резолюцию о том, что она «поддерживает движение крестьян, направленное к конфискации помещичьих земель», а потом включила требование принудительного отчуждения частновладельческих земель в свою программу; так как простой дележ крупных имений между крестьянами слишком очевидно противоречил марксовой теории аграрного развития, то партия приняла программу «муниципализации» земли, т. е. передачи отчуждаемых земель в распоряжение демократически организованных органов местного самоуправления; Ленин отстаивал «национализацию» земли.

стяням право выхода из общины и перехода к личной земельной собственности¹⁰¹.

В марте 1906 года были учреждены губернские и уездные «землеустроительные комиссии» (составленные из представителей администрации, земства и крестьян) для упорядочения крестьянского землепользования и для возможного уничтожения чересполосицы. После распуска 1-й Думы Столыпин, уже в качестве главы правительства, провел (в порядке «верховного управления», по 87-й статье) целый ряд весьма важных мер для улучшения правового и материального положения крестьян.

12 и 27 августа и 19 сентября 1906 г. были изданы указы о передаче крестьянскому банку казенных и удельных земель сельскохозяйственного пользования, а также «кабинетских» земель на Алтае, для продажи их на льготных условиях крестьянам, нуждающимся в земле. 5 октября 1906 г. был издан очень важный (но совершенно незамеченный общественным мнением) указ об уравнении крестьян в гражданских правах с лицами остальных сословий; этим указом завершилось освобождение крестьян, провозглашенное 19 февраля 1861 г.; отныне крестьяне могли, по желанию, менять место жительства и свободно избирать род занятий, поступать на государственную службу, в учебные заведения, не спрашивая разрешения «мира».

Наконец 9 ноября был издан знаменитый указ о праве выхода из общины с принадлежащим каждому крестьянину в данное время земельным наделом. Ссылаясь на произведенную манифестом 3-го ноября 1905 г. отмену выкупных платежей за надельные земли, указ 9-го ноября устанавливает, что «с этого срока означенные земли освобождаются от лежавших на них, в силу выкупного долга, ограничений» и потому крестьяне, желающие этого, имеют право требовать открепления в личную собственность принадлежащих им участков из мирского земельного надела (выделяя свой полевой надел из общего надела, крестьянин сохранял право пользования общими «угодьями»)¹⁰². В свя-

101 Этим он резко порвал с вековой политикой русского правительства, которое еще в декабре 1904 года заявляло о необходимости сохранения общинного землевладения.

102 Аграрная реформа Столыпина получила название «ставки на сильных», причем под «сильными» якобы надлежит разуметь буржуазную верхушку деревни, или так называемых «кулаков»; толкование это основано на полном искажении действительного смысла речи Столыпина, произнесенной им в 3-й Государственной Думе 5 декабря 1908 г. В Думе возник вопрос, кто должен быть собственником выделяемых из общины наделов: один крестьянин-домохозяин или вся крестьянская семья?

зи с указом 9-го ноября был издан закон 15-го ноября 1906 г., разрешавший (в отмену закона 1893 г.) продажу и залог крестьянских надельных земель.

Столыпин внес свой аграрный закон во 2-ю и затем в 3-ю Думу; после долгого обсуждения закон был принят Государственною Думою и Государственным Советом с дополнением, что деревни, в которых не было земельных переделов со времени освобождения крестьян, считаются автоматически перешедшими к единоличному владению (против закона голосовали левые и крайние правые). Закон был утвержден государем и обнародован 14 июня 1910 года. В следующем году было издано обширное «посложение» о землеустройстве.

Энергичная землеустроительная работа в связи с законом 9-го ноября началась с января 1907 г. (в 1911 году работало свыше 5 тысяч казенных землемеров). Землеустроительная работа состояла или в закреплении за отдельными крестьянами их наличных земельных участков (с сохранением чересполосицы), или в выделении укрепляемых участков к одному месту («отруба»), или в образовании мелких имений для крестьян, выселявшихся из деревни на свои земли (хутора).

Реформа Столыпина встретила широкий отклик в массе крестьян; за 5 лет (1907—1911 гг.) были получены прошения о выделе из общины от 2.653.000 домохозяев (более 25% всего числа крестьян-домохозяев); особый успех реформа имела в Новороссии (в губерниях Таврической, Екатеринославской и Херсонской) и в нижнем Поволжье (в губерниях Самарской и Саратовской). К 1914 году землеустроительными комиссиями закончена была подготовка выдела для 2.862.000 крестьян-домохозяев с 25.728.000 десятин земли; исполнено в натуре проектов для 2.040.000 домохозяев на площади около 18 миллионов десятин земли — работа поистине колоссальная!

Некоторые депутаты высказывали опасение, что, получив землю в свою полную собственность, крестьянин может ее «пропить» или «промотать», оставив семью без средств к существованию. Столыпин выступил в защиту принципа единоличной собственности, против семейной, и заявил: «Когда мы пишем законы для всей страны, необходимо иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых»; «нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных»; «для уродливых исключительных явлений надо создавать исключительные законы». Из текста и прямого смысла речи Столыпина совершенно очевидно, что под «разумными и сильными» он разумеет всю массу средних нормальных крестьян, а не кучку «богатеев»-кулаков.

Кроме основной работы, для разрешения аграрного вопроса именно крестьянского землеустройства правительство принимало ряд других мер, в частности способствовало развитию деятельности Крестьянского банка и переселению малоземельных крестьян за Урал. После 1905 года тысячи помещиков, напуганных аграрным террором и возможными перспективами принудительного отчуждения земель, предлагали свои имения на продажу Крестьянскому банку; в 1906—1913 гг. Крестьянским банком было приобретено свыше 4 миллионов десятин, которые затем продавались или сдавались в аренду нуждающимся в земле крестьянам (кроме того, банк выдавал крестьянам ссуды для покупки ими земли у помещиков). Другой серьезной мерой для уменьшения земельной тесноты в центральных областях государства было переселение малоземельных крестьян за Урал. При энергичной поддержке «переселенческого управления» в течение 1906—1913 гг. за Урал проследовало около 3,5 миллионов переселенцев (из них около 500 тысяч потом возвратились обратно).

Столыпин нашел энергичного сотрудника в лице главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, при котором ведомство земледелия всячески содействовало повышению сельскохозяйственной культуры: расширением агрономического образования, ссудами и пособиями на мелиорацию, устройством образцовых хозяйств и опытных полей (расходы по ведомству земледелия и землеустройства, составлявшие в 1907 г. 46,6 млн. рублей, в 1914 г. составляли 146,3 млн. руб.). Вместе с правительством и земство принимало все меры к развитию агрономической помощи населению.

В результате всей системы «столыпинских» мероприятий, несмотря на происходившую в это время в деревне ломку и перестройку старых аграрных отношений, русское сельское хозяйство накануне мировой войны переживало полосу большого подъема и всесторонних успехов. Урожайность полей значительно поднялась, так что вместо «традиционных» 30—35 пудов с десятины средний за пятилетие 1908—1912 гг. урожай ржи составлял 51 пуд с десятины, озимой пшеницы — около 57 пудов. Производство и экспорт пшеницы значительно возросли; в 1909—1911 гг. из России ежегодно вывозилось хлебов на сумму около 750 миллионов рублей. Средний ежегодный сбор всех хлебов вместо обычных в предыдущие десятилетия 2—2,5 миллиарда пудов превысил в пятилетие 1909—

1913 гг. 4 миллиарда пудов, поэтому потребление хлеба на душу возросло, несмотря на прирост населения и на рост экспорта. Чрезвычайно увеличился также сбор картофеля и посевная площадь технических культур.) Средний годовой сбор картофеля, составлявший в 60-х гг. XIX века около 200—250 миллионов пудов, в пятилетие 1911—1915 гг. составляет 1.433 млн. пуд. Площадь посевов сахарной свекловицы в 60-х гг. XIX в. составляла около 100 тысяч десятин, в 1911—1915 гг.— 700 тыс. дес. Очень быстро росла площадь посевов хлопка в Туркестане (производство хлопка-сырца в 1915 г. достигло 39 млн. пуд.). Экономическим и техническим успехам крестьянского хозяйства перед войной помогали быстрое развитие сельской кредитной кооперации и значительный рост потребления сельскохозяйственных машин и орудий (как привозных, так и местного производства): в 1908 г. их было продано на сумму 54 млн. рублей, в 1912 г.— на сумму 311 млн. руб. Таким образом, всесторонний и значительный подъем в столыпинскую эпоху русского сельского хозяйства в целом является очевидным и неоспоримым фактом¹⁰³.

4. *Россия накануне первой мировой войны.* Экономический подъем России накануне первой мировой войны не ограничивался областью сельского хозяйства, но захватил все отрасли народнохозяйственной деятельности. В 1913 г. выплавка чугуна в России дошла до 283 млн. пудов, добыча каменного угля составила 2.000 млн. пудов (в том числе в Донецком бассейне 1.561 млн. пуд.), длина железнодорожной сети дошла до 70 тыс. км (с персоналом 815 тыс. служащих и рабочих). Число рабочих в промышленности и на транспорте приблизилось к 5 млн.¹⁰⁴ В

¹⁰³ Конечно, разрушение общины с ее нивелирующим действием произвело в деревне экономическое расслоение: с одной стороны, из общей массы крестьянства выделилась зажиточная «буржуазия», или «столыпинские помещики», с другой стороны, «маломочных» (как говорили в старину) крестьяне теперь продавали свои наделы и переходили в разряд наемных рабочих, городских или сельских.

¹⁰⁴ Все население Российской Империи (без Финляндии) составляло к началу 1914 г. 175 млн. Состав населения по занятиям (в %) был следующий:

сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство и охота	— 74,6%
обрабатывающая промышленность, горное дело и резмесла	— 9,6%
частные служащие, прислуга и поденщики	— 4,6%
торговля	— 3,8%
«рантье» и лица, пользующиеся обществ. поддержкой	— 1,8%

1913 г. было вывезено товаров из России на сумму 1.520 млн. руб., ввезено на сумму 1.374 млн. руб.¹⁰⁵) Обыкновенные доходы казны составляли в 1913 г. около 3 миллиардов рублей, обыкновенные расходы — такую же сумму. Сбережения населения значительно увеличились: за 20 лет (с 1894 до 1913 г.) вклады в государственные сберегательные кассы возросли с 300 млн. руб. до 2.000 млн. руб. В то же время значительно возросло потребление пищевых продуктов и мануфактуры; потребление сахара за это 20-летие увеличилось с 25 миллионов пудов до 80 млн. пудов в год (потребление на душу возросло с 8 до 18 фунтов).

Чрезвычайно широко развернулась в России в предвоенные годы потребительская и кредитная кооперация (при поддержке Государственного банка и земства). В конце XIX в. число потребительских обществ и учреждений мелкого кредита исчислялось несколькими сотнями; после 1906 г. начинается буйный рост кооперации. К 1912 г. число потребительских обществ дошло до 7 тыс.) (из коих две трети составляли сельские кооперативы); Московский союз потребительских обществ к 1914 г. объединял до 800 кооперативов, с общим оборотом в 10,5 млрд. руб. Около 15 тыс. кредитных кооперативов в 1914 г. насчитывали до 9 млн. членов; кредитные и ссудо-сберегательные товарищества в деревне сослужили крестьянству великую службу, принеся ему освобождение от власти кулаков-ростовщика в¹⁰⁶. В 1912 г. был открыт Московский народный банк, акционерами которого на 85% были кредитные кооперативы. В Сибири широко развернула деятельность Союз сибирских маслодельных артелей (экспортировавший сибирское масло за границу, преимущественно в Англию). К 1915 г. в России насчитывалось более 30 000 кооперативов разного рода.

транспорт, почта и телеграф	— 1,6%
правительств. и обществ. службы и свободные профессии	— 1,4%
вооруженные силы	— 1,0%
богослужение и служба при церковных зданиях и учреждениях	— 0,6%
прочие занятия	1,0%

¹⁰⁵ В 1906 г. было учреждено особое министерство торговли и промышленности.

¹⁰⁶ «Кулаками» русский крестьянин называл именно ростовщиков (часто это были кабатчики), которые, зажав должника в кулак, выжимали из него соки непомерно высокими процентами,— а вовсе не зажиточных крестьян-земледельцев.

Предвоенные годы в России характеризуются расцветом не только экономической, но и культурной жизни, расцветом литературы, науки и искусства. В области народного образования Россия быстро приближалась к введению всеобщего обучения, а русские высшие школы стояли на уровне любых европейских (расходы министерства народного просвещения составляли в 1904 году 43 млн. руб., в 1913 г. — 143 млн. руб.). Однако были здесь и темные пятна: реакционные министры народного просвещения Шварц и Кассо своей неумной политикой умудрились пробудить студенчество от «политической спячки», в которую оно погрузилось после 1905 — 1906 гг., и вызвать новые студенческие забастовки в 1908 и 1910 гг.

После периода политического затишья около 1911 г. в обществе начинается некоторое политическое оживление, а на фабриках начинаются забастовки рабочих с экономическими требованиями. С 1912 г. в Петербурге начали выходить ярко оппозиционные газеты — социалистический «День» и орган большевиков «Правда»; последняя несколько раз закрывалась по суду за революционную агитацию среди рабочих, но немедленно выходила под новым названием¹⁰⁷.

В апреле 1912 г. произошло событие, которое сильно всколыхнуло страну и вызвало новый подъем революционных и оппозиционных настроений: это был расстрел толпы бастовавших рабочих Ленских золотых приисков, при котором было убито около 200 человек и ранено свыше 200.

Недовольство высшими сферами и весьма нелестные для них разговоры порождались присутствием при Дворе некоего продувного сибирского мужика, Григория Распутина, который как-то умел помогать малолетнему наследнику престола царевичу Алексею, при его болезни (гемофилии), и потому приобрел большое влияние на императрицу Александру Федоровну; свое влияние он использовал весьма широко, начиная от вмешательства в государственные дела и кончая скандальными похождениями. Понятно, что фигура странного «старца» и его «деятельность» вызывала возмущение (или насмешки) всех кругов, начиная от великих князей и кончая ре-

¹⁰⁷ Вместо «Правды» являлась «Рабочая Правда», потом «Правда рабочих», «Пролетарская Правда», «Трудовая Правда», «Правда труда» и т. д. до бесконечности. Только после начала войны власти закрыли «Правду» за пораженческую пропаганду.

волюционерами, и подрывала престиж и авторитет монарха.

В 1912 г. пятилетние полномочия 3-й Государственной Думы истекли, и осенью происходили выборы в четвертую Думу, которые дали следующие результаты: правых 65, националистов 88, «центр» 32, октябристов 98, прогрессистов 48, к.-д. 59, поляков 15, мусульман 6, трудовиков 9, с.-д. 15, беспартийных 7; в общем партии правые и партии оппозиции имели по 150 с лишком членов, председателем Думы был избран октябрист М. В. Родзянко, октябристский центр теперь был более склонен к оппозиции, чем во времена Столыпина, и легко склонялся к союзу с левой¹⁰⁸. В январе 1914 г. В. Н. Коковцов был уволен от должности премьера, и на его место был назначен снова И. Л. Горемыкин (по современному выражению, «старая шуба, вынутая из нафталина»). Этому старому заскорузлому бюрократу в 1906 г. было поручено вести правительственный корабль навстречу первому в России представительному собранию, а теперь ему пришлось вести его навстречу — мировой войне... Лето 1914 г. начиналось очень неспокойно; в июле в Петербурге происходили крупные забастовки рабочих и демонстрации, носившие революционный характер.

5. Внешние отношения, мировая война 1914—1917 гг. и падение монархии. Вскоре после японской войны напряженность отношений между Англией и Россией ослабла, ибо Англия больше не ожидала агрессивных действий от России; наоборот, Германия с ее сильной армией, мощным флотом и с ее быстрым экономическим развитием становится военной, политической и экономической соперницей Англии; с другой стороны, Россия была недовольна той политикой австрийской экспансии на Балканах, в которой Германия поддерживала свою союзницу, хотя император Николай стремился к сохранению с Германией добрососедских отношений. В 1907 г. Россия заключила соглашение с Англией относительно независимости Афганистана и разграничения сфер влияния в Персии (при условии ее территориальной неприкосновенности и формальной независимости). Теперь между Англией и Россией не оставалось больше «яблока раздора», и Англия стала

¹⁰⁸ Из полезных мероприятий этого времени следует упомянуть закон о реформе местного суда, который отнимал судебную власть в деревне у земских начальников и снова передавал ее мировым судьям, избираемым земскими собраниями.

все больше склоняться к сближению с Францией и Россией («тройственное согласие»)¹⁰⁹.

В 1908 г. Австро-Венгрия произвела аннексию населенных сербами Боснии и Герцеговины, которые до сих пор считались «временно» оккупированными ею. Это вызвало недовольство в России и в особенности в Сербии, ибо сербские патриоты помышляли о соединении всех югославян в одном государстве. Съезды славянских деятелей в 1908 и 1910 гг. в Праге и в Софии, руководимые доктором К. Крамаржем, обращали свои взоры в сторону России, как защитницы славянства от германского нацизма. После Балканских войн 1912—1913 гг., вызвавших полное перераспределение территории на Балканах, Австрия настояла на образовании независимого государства Албании. Образование Албании лишило Сербию доступа к Адриатическому морю, которого она домогалась; интервенция Австрии и ее явное стремление к преобладанию на Балканском полуострове создало враждебное отношение к ней сербского населения и вообще напряженную атмосферу на Балканах.

15 (28) июня 1914 г. в Сараеве, столице Боснии, был убит наследник австрийского престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Австрийское правительство обвинило в организации покушения сербскую патриотическую офицерскую организацию: и 10 (23) июля предъявило сербскому правительству ультиматум с требованиями, явно неприемлемыми для независимого государства. Сербия обратилась к России с просьбой о помощи и посредничестве и, по совету России, дала Австрии в высшей степени примирительный ответ, который, однако, Австрия нашла неудовлетворительным и 15 (28) июля объявила Сербии войну. Император Николай, возмущенный этим нападением, обратился к императору Вильгельму с просьбой повлиять на Австрию и остановить ее агрессию, но обмен несколькими телеграммами между русским и германским императорами не привел к соглашению. Россия начала мобилизацию, Германия ультимативно потребовала немедленно остановить ее и затем 19 июля (1 августа) объявила войну России, а 21 июля — Франции (которая заявила, что исполнит свои союзнические обязанности). Тот

¹⁰⁹ В 1910 г. Россия заключила соглашение с Японией, которое должно было послужить к разграничению сфер влияния на Дальнем Востоке, признанию России в Северной Маньчжурии и Внешней Монголии, Японии — в Южной Маньчжурии и Корее.

факт, что войну начала Германия, дал основание Италии оставаться нейтральной, Англия же ввиду вторжения германской армии в нейтральную Бельгию (для похода на Францию) 23 июля объявила Германии войну. (В ноябре 1914 г. к центральным державам присоединилась Турция, а в сентябре 1915-го — Болгария; Италия в мае 1915 г. присоединилась к франко-русско-английскому союзу.)

Война вызвала в России взрыв патриотизма и сознание необходимости дать отпор нападению Германии¹¹⁰. Рабочие забастовки немедленно прекратились, и мобилизация прошла в полном порядке. В заседании Государственной Думы 26 июля обнаружилось полное единение Думы с правительством, и Дума единогласно приняла военные кредиты (только с.-д. воздержались от голосования). Земские и городские самоуправления («Земгор») взяли на себя обязанности помогать при обслуживании санитарных и других нужд армии.

Главнокомандующим русскими армиями был назначен великий князь Николай Николаевич. Страшный натиск немцев на французскую армию в начале августа вынудил французское правительство умолять Россию о помощи путем немедленного русского наступления на Германию. Русское командование, не успевшее закончить сосредоточение своих сил, спешно бросило две армии (ген. Самсонова и ген. Ренненкампфа) в наступление на Восточную Пруссию; армия Самсонова была окружена немцами и разгромлена (при Сольдау), армия Ренненкампфа вынуждена отступить. Однако для отражения русского наступления германское командование перебросило два корпуса войск с западного на восточный фронт; благодаря этому французская армия получила возможность остановить натиск немцев и одержать победу на р. Марне. Великая битва в Галиции в августе 1914 г. окончилась полным поражением австрийской армии, потерявшей сотни тысяч пленных и отступившей далеко на запад. 21 августа русские войска взяли Львов и, двигаясь дальше на запад, перешли р. Сан и осадили сильную крепость Перемышль (которая сдалась, со 100 тысячным гарнизоном, в марте 1915 г.). В октябре 1914 г. германская армия повела наступление на Варшаву, но оно закончилось неудачей.

Уже первые месяцы войны обнаружили недостатки русского военного снабжения; германская армия имела

¹¹⁰ Только Ленин и часть большевиков с самого начала войны стояли на позициях пораженчества.

значительное превосходство в артиллерию (особенно тяжелой), пулеметах и в снабжении боевыми припасами. Командование слало военному министру ген. Сухомлинову тревожные телеграммы о недостатке снарядов и патронов, но он не принимал достаточно энергичных мер для ликвидации «снарядного голода»¹¹¹. К весне 1915 г. русские войска, сражавшиеся на австрийском фронте, дошли до Krakова и в ожесточенных боях овладели на значительном протяжении Карпатским хребтом, подготовляя вторжение в Венгерскую равнину. Но в конце апреля 1915 г. военная ситуация резко изменилась к худшему. Собрав огромные силы и подавляющее количество артиллерию, особенно тяжелой, австро-германские армии перешли 18 апреля в наступление на галицийском фронте; они подготовляли каждый шаг вперед своей пехоты ураганным огнем артиллерию, на который русская артиллерия могла отвечать лишь редкими, одиночными выстрелами. Началось тяжелое отступление русской армии, которая, многократно останавливаясь и переходя в контратаки, пыталась задержать австро-германскую лавину, но ввиду недостатка вооружения, снарядов и патронов была принуждена отступать все дальше на восток, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными... Почти вся Галиция и часть Волыни были потеряны.

Вскоре немцы начали наступление и на северных участках фронта и в течение летних месяцев заняли Польшу, Литву и Курляндию. Во многих местах русские власти приказывали местному населению эвакуироваться на восток, уничтожив все то имущество, которое нельзя взять с собой; согнанные с мест и хлынувшие на восток миллионы беженцев увеличили продовольственные и транспортные затруднения внутри государства.

Трагическое отступление русской армии вызвало в русском обществе патриотическую тревогу и, конечно, большое недовольство правительством. Для усиления снабжения армии была проведена мобилизация промышленности и созданы Военно-промышленные комитеты. Уступая общественному мнению, государь уволил ряд непопулярных министров (в том числе военного министра Сухомлинова), заменив их лицами, более приемлемыми для Государственной Думы, которую он решил созвать на 19 июля 1916 г. В думских речах выражалась по-прежнему

¹¹¹ В 1915—1916 г. была спешно построена Мурманская железная дорога для перевозки доставляемого союзниками военного снаряжения.

готовность продолжать войну до победного конца, но в то же время действия правительства подвергались резкой критике и выставлялось требование «министерства общественного доверия».

В августе 1915 г. имп. Николай (вопреки настойчивым просьбам министров) решил принять на себя главное командование русскими армиями (вел. князь Николай Николаевич был назначен главнокомандующим Кавказским фронтом); начальником штаба при государе был назначен ген. Алексеев. В столице осталась императрица Александра Федоровна, которая вмешивалась в государственные дела (например, в назначение министров), причем она руководствовалась советами «нашего друга» — Григория Распутина... Разумеется, такая ситуация вызвала недовольство в Думе и в обществе и все более подрывала авторитет монарха. В конце августа в Государственной Думе образовался так называемый Прогрессивный блок, в который вошли партии оппозиции, октябристы и группа центра, всего около 300 депутатов; блок постановил требовать министерства общественного доверия, широкой политической амнистии и целого ряда реформ.

В рабочих кругах под влиянием неудачного хода и агитации большевиков и «с.-д. интернационалистов» начала завоевывать симпатии идея циммервальского¹¹² «мира без аннексий и контрибуций», без победителей и побежденных... В январе 1916 г. И. Л. Горемыкин был уволен от должности председателя совета министров и заменен Б. В. Штюремером; в июле тот же Штюремер был назначен министром иностранных дел (вместо Сазонова).

В мае 1916 г. армии русского Юго-Западного фронта (под командой ген. А. А. Брусилова) перешли в наступление и нанесли австрийцам ряд тяжелых поражений; брусиловское наступление принесло существенное облегчение армиям западных союзников в Италии и во Франции (под Верденом). В результате успехов на Юго-Западном фронте Румыния выступила против центральных держав, но ее армия оказалась неспособной противостоять австро-германскому наитиску, и немцы скоро взяли Бухарест и заняли большую часть Румынии, вследствие чего русская армия была вынуждена растянуть свой фронт до Черноморского побережья.

¹¹² В конце августа 1915 г. в Циммервальде (в Швейцарии) состоялась международная социалистическая конференция, принявшая вышеуказанные лозунги.

К осени 1916 г. тяготы войны стали ощутительны для всего населения. Потери русской армии за два с лишком года военных действий были громадны: около 1,5 млн. убитых, около 4 млн. раненых, свыше 2 млн. пленных. Кадровое офицерство, геройски водившее солдат в атаки и контратаки (причем офицеры, по старым традициям русской армии, шли впереди солдат, а не за ними), почти все было выбито и заменено огромным количеством прaporщиков запаса, без достаточного опыта и без достаточного военного образования. Правительство призвало в армию до 15 млн. человек, но «новобранцы», «запасные» и «ополченцы» представляли собой материал невысокого качества, после того как первый кадровый состав солдат и унтер-офицеров почти целиком был выбит из строя. Несудачный ход войны, большие потери и недостаточное снабжение оружием и боевыми припасами возбуждали, конечно, недовольство и ропот в солдатской массе и порождали толки об «измене» среди «начальства». Огромное количество мужчин, призванных в армию, порождало недостаток рабочих рук в деревнях, а между тем по городам сотни тысяч запертых в казармы новобранцев, запасных и ополченцев проводили время почти без всякого военного обучения (за отсутствием достаточных офицерских кадров и достаточных запасов оружия), ели казенный паек, тосковали по деревне, роптали на начальство и с нетерпением ожидали, «когда этой проклятой войне конец будет» (а конца-то и не было видно...). В Петербурге казармы гвардейских полков были заполнены такими же толпами невольных тунеядцев; эти «запасные полки» носили только вывески прежних полков, в действительности же ни по духу, ни по обучению не имели с ними ничего общего; остатки их боевого духа разлагались, с одной стороны, пацифистской и дефетистской пропагандой, с другой — скандальными сплетнями про «Гришку Распутина».

Усиленные перевозки военных и продовольственных грузов вместе с изношенностью подвижного состава и не-поладками в управлении повели к расстройству железнодорожного транспорта и к перебоям в снабжении городов продовольственными запасами. Бесконечные выпуски бумажных денег производили инфляцию и дороговизну, усиливавшую недовольство особенно тех слоев населения, которые жили на определенный заработок, т. е. рабочих и служащих.

В отношении военно-дипломатическом положение России к концу 1916 г. было не так плохо: вооружение и

снабжение армии было налажено, и «снарядный голод» отошел в прошлое. Россия получила от союзников признание притязаний на Константинополь и проливы (Босфор и Дарданеллы), которые она должна была занять по окончании войны.

Однако усталость от войны и недовольство правительством оставались преобладающим настроением, а «министерство доверия» и устранение «темных сил» почитались необходимыми предварительными условиями успешного окончания войны.

В заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 г. лидер к.-д. Милюков произнес свою знаменитую речь, в которой он громогласно вопрошал: что руководит действиями правительства — глупость или измена? В середине ноября Штюрмер на посту премьера был заменен А. Ф. Треповым. Часть аристократических и правых кругов желали устранения Распутина для сохранения престижа и самого существования монархии. Для осуществления этой задачи вел. князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Ф. Юсупов и правый депутат В. М. Пуришкевич, заманив Распутина в гости к Юсупову, в ночь на 17 декабря 1916 г. убили «старца»...

В конце декабря имп. Николай снова произвел большие перемены в составе правительства: А. Ф. Трепов был заменен на посту премьера кн. Голицыным, ряд других членов кабинета также был замещен новыми людьми (Пуришкевич называл эти постоянные перемены министров во время войны «министерской чехардой»). Великие князья, с одной стороны, послы союзных держав — с другой пытались повлиять на государя в сторону уступок думскому блоку, но их попытки не имели успеха.

Во второй половине февраля 1917 г. возникли некоторые перебои с подвозом хлеба в Петербург, и перед некоторыми булочными образовались «хвосты» за хлебом. 23 февраля начались забастовки рабочих, 24 и 25-го — уличные демонстрации и столкновения с полицией; демонстрации начались под лозунгом: «Хлеба!», а затем прияли ясно революционный характер.

26 и 27 февраля волнения рабочих продолжались, но теперь они стали захватывать и солдат запасных батальонов; 27 февраля восстали запасные батальоны трех гвардейских полков, и бунт стал перерастать в революцию; в этот же день был организован Совет рабочих депутатов.

Государственная Дума получила указ об отсрочке сессии, но отказалась разойтись и образовала из своей среды

Временный комитет, которому пришлось играть роль временного правительства.

28 февраля весь город уже был в руках восставших, а думский комитет образовал новое министерство (тогда как все члены старого министерства были арестованы). 1 марта новообразованный Совет рабочих и солдатских депутатов издал свой знаменитый Приказ № 1, который фактически лишил офицерство всякой власти над солдатами. Попытка послать воинские части с фронта для усмирения петербургского восстания не удалась вследствие нежелания командующих генералов начинать междуусобную войну. 2 марта император Николай II, оставленный всеми, подписал (в Пскове) акт отречения от престола, который он передал своему брату великому князю Михаилу Александровичу, но Михаил не принял престола, предоставив решение вопроса о форме правления в России будущему Учредительному собранию.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Святые Кирилл и Мефодий, просветители славян	IX в.
Заселение славянами области Днепра — Волхова (Легендарное) призвание варяжских князей (Рюрика с братьями) новгородцами	VII—VIII вв.
	862
Захват Киева Олегом и основание великого княжества Киевского	882
Поход Олега на Царьград	907
Договоры Олега с греками	907, 911
Договор Игоря с греками	945
Убийство Игоря древлянами	945 (946)
Путешествие княгини Ольги в Царьград и принятие ею христианства	955 (957)
Походы Святослава на Восток и на Балканы	964—972
Крещение Руси Владимиром Святым	988—989
Смерть Владимира Св. и усобицы его сыновей (убийство Святополком Бориса и Глеба)	1015
Ярослав Мудрый (время политического и культурного расцвета Киевской Руси)	1019—54
Решительная победа Ярослава над печенегами	1036
Разделение Русской земли между сыновьями Ярослава Мудрого	1054
Основание Киево-Печерского монастыря святыми Антонием и Феодосием	2-я половина XI в.
Поражение Ярославичей половцами на р. Альте; изгнание киевлянами вел. князя Изяслава	1068
Начало русского летописания (в Киево-Печерском монастыре)	конец XI в.
Съезд князей («на устроение мира») в г. Любече	1097
Княжение Владимира Мономаха в Киеве	1113—25
Приобретение Новгородом Великим политической самостоятельности	1-я полов. XII в.
Первое летописное известие о Москве	1147
Взятие Киева войсками Андрея Боголюбского и его союзников	1169
Убийство князя Андрея Юрьевича Боголюбского	1175
Борьба старых и новых городов в Суздальской земле	1175—77
Князь Всеволод Большое гнездо во Владимире	1176—1212
Князь Роман Мстиславич Волынский овладел Галичем	1199
Основание Риги епископом Ливонским Альбертом	1200

Основание ордена меченосцев в Ливонии	1202
Первое нашествие монголов и татар и битва на р. Калке	1223
Нашествие Батыя и покорение Руси татарами;	
битва на р. Сити	1237—1238—1240
Победа св. князя Александра Невского над шведами	
на р. Неве	1240
Победа его же над ливонскими немцами на льду	
Чудского озера («Ледовое побоище»)	1242
Кончина св. вел. князя Александра Невского	1263
Кончина вел. князя Литовского Миндовга	1263
Кончина князя («короля») Даниила Галицкого	1264
Переселение митрополита «всехи Руси» из Киева	
во Владимир	1300
Вел. князь Гедимин в Литве (основание «великого	
княжества Литовского и Русского»)	1316—41
Перенесение церковной столицы из Владимира в Москву	
(после смерти митрополита Петра)	1326
Приобретение кн. московским Иваном Калитою великого	
княжения Владимирского	1328
Новгород Великий формально признал независимость	
своего «младшего брата» Пскова	1347
Присоединение Галиции к Польше	1349
Вел. князь литовский Ольгерд; территориальный рост вел.	
княжества Литовского	1341—77
Вел. князь Дмитрий Иванович Донской	1362—89
Кончина св. митрополита Алексия	1378
Куликовская битва	1380
Взятие и разгром Москвы Тохтамышем	1382
Вел. князь Литовский Ягайло стал королем польским	
и обязался присоединить вел. княжество	
Литовское к Польше	1385—86
Кончина св. Сергия, основателя Троице-Сергиевской Лавры	1392
Вел. князь Витовт в Литве	1392—1430
Победа Ягайлы и Витовта над Тевтонским орденом	
при Грюнвальде (Танненберге)	1410
Городельский польско-литовский сейм и договор об унии	
Польши и Литвы	1413
Флорентийская уния (русский митрополит Исидор на соборе	
во Флоренции)	1439
Поставление митрополита Ионы собором русских епископов	
(независимо от патриарха Константинопольского)	1448
Взятие Константинополя турками	1453
Вел. князь Иван III Васильевич	1462—1505
Брак Ивана III с Софьей Палеолог	1472
Присоединение Великого Новгорода к Московскому	
государству	1478
Свержение татарского ига	1480
Присоединение Твери к Москве	1485

Судебник вел. князя Ивана III	1497
Война с вел. кн. Литовским и переход под власть Москвы	
земли Черниговской и Новгород-Северской	1500—1503
Церковный собор, вопрос о монастырском землевладении	
(Нил Сорский и Иосиф Волоцкий)	1503
Вел. князь Василий III Иванович	1505—33
Присоединение Пскова к Москве	1510
Взятие Смоленска Москвою	1514
Присоединение Рязани к Москве	1517
1-й Статут великого княжества Литовского	1529
Великий князь и царь Иван IV Грозный	1533—47—84
Принятие Иваном IV царского титула	1547
Судебник Ивана IV	1550
Стоглавый собор	1551
Введение земского самоуправления (и отмена	
кормлений)	50-е гг. XVI в.
Покорение Казани	1552
Начало торговых сношений с Англией	1553
Покорение Астрахани	1556
Начало Ливонской войны	1558
Кончина царицы Анастасии и удаление от Двора	
Сильвестра и Адашева	1560
Начало книгопечатания в Москве	1563
Кончина митрополита Макария	1563
Учреждение опричнины	1565
Земский собор по вопросу о мире с Литвой	1566
2-й Статут великого княжества Литовского	1566
Св. митрополит Филипп	1566—68
Люблинская уния Польши и Литвы и образование Речи	
Посполитой	1569
Захват и сожжение Москвы крымским ханом Давлет-Гиреем	1571
Мир Грозного с Баторием и со Швецией	1582, 1583
Начало покорения Сибири (Ермак Тимофеевич)	1582
Царь Федор Иванович (правитель Борис Годунов)	1584—98
Учреждение патриаршества в Москве (патриарх Иов)	1589
Убийство царевича Дмитрия в Угличе	1591
Брестская церковная уния	1596
Прекращение Рюриковой династии, воцарение Бориса	
Годунова	1598
Вторжение Лжедмитрия I в пределы России	1604
Смерть царя Бориса и воцарение Лжедмитрия	1605
Гибель Лжедмитрия и воцарение Василия Шуйского	1606
Восстания против Шуйского (Болотников, Ляпунов и др.)	1606—07
«Тушинский вор»	1608—10
Осада Троице-Сергиевой лавры	1608—10
Свержение с престола Василия Шуйского и избрание	
на престол королевича Владислава Сигизмундовича	1610
Осада королем Сигизмундом Смоленска	1609—11

Занятие шведами Новгорода Великого	1611
Первое земское ополчение (Прокопий Ляпунов)	1611
Мученическая кончина патриарха Гермогена	февр. 1612
Второе земское ополчение (Минин и Пожарский) и освобождение Москвы от поляков	1612
Избрание в цари Михаила Федоровича Романова (деятельность земского собора)	1613
Столбовский мир со Швецией	1617
Деулинское перемирие с Речью Посполитой	1618
Соправительство царя Михаила и патриарха Филарета	1619—33
Война с Речью Посполитой и Поляновский мир	1632—34
Азовская война донских казаков с татарами и турками	1637—42
Земский собор по азовскому вопросу	1642
Царь Алексей Михайлович	1645—76
Бунты в Москве, Новгороде и Пскове	1648, 1650
Соборное Уложение (закрепощение помещичьих крестьян за владельцами; прикрепление посадских людей к месту жительства)	1649
Восстание Богдана Хмельницкого против Польши; победы казаков над поляками; Зборовский мирный договор	1648—49
Возобновление войны, поражение казаков под Берестечком; Белоцерковский мирный договор	1651
Патриаршество Никона	1652—58
Церковный собор (исправление богослужебных книг; начало церковного раскола)	1654
Земский собор по вопросу о принятии в подданство Малороссии	1653
Переяславский договор и принятие Малороссии «под высокую руку» московского царя (с сохранением широкой автономии)	1654
Война с Речью Посполитой за Малороссию; Андрусовское перемирие	1654—67
Война со Швецией (Велиесарское перемирие и Кардисский мир)	1656—59, 1661
Церковные соборы и низложение Никона	1666—67
Бунт Стеньки Разина	1670—71
Царь Федор Алексеевич	1676—82
Отмена «местничества»	1682
Возарение Петра; стрелецкий бунт; цари Иван и Петр, правительница царевна Софья Алексеевна	май 1682
Правление царевны Софьи	1682—89
Вечный мир с Речью Посполитой	1686
Походы кн. В.В.Голицына в Крым	1687, 1688
Нерчинский договор с Китаем (отказ от Амурской области)	1689
Азовские походы Петра	1695, 1696
Первое путешествие Петра за границу	1697—98
Стрелецкий «розыск»; расформирование стрелецких полков	1698—99
Начало преобразований	1698—99

Великая Северная война	1700—21
Поражение русских под Нарвою	1700
Основание С.-Петербурга	1703
Разделение России на губернии	1708
Победа под Полтавою	1709
Завоевание Латвии и Эстонии	1710
Учреждение правительствуемого Сената	1711
Прутский поход Петра Великого	1711
Морская победа над шведами при Гангуте	1714
Смерть царевича Алексея Петровича	1718
Учреждение коллегий	1718
Учреждение «Святейшего правительствуемого Синода» (Духовный регламент)	1721
Ништадтский мир; провозглашение Империи Всероссийской	1721
Введение подушной подати	1722
Закон о произвольном назначении престолонаследника	1722
Персидская война Петра Великого	1722—23
Смерть Петра Великого	28 янв. 1725
Учреждение Академии наук	1725
Эпоха дворцовых переворотов (Екатерина I, 1725—27; Петр II, 1727—30; Анна Ивановна, 1730—40; Иван Антонович, 1740—41)	1725—41
Учреждение Верховного Тайного Совета	1726
Попытка «верховников» ограничить самодержавие; упразднение Верховного Тайного Совета	1730
«Бироновщина»	1730—40
Облегчение служебной повинности дворянства	1736
Война с Турцией, Белградский мир	1736—39
Имп. Елизавета Петровна	1741—61
Война со Швецией; мирный договор в Або	1741—43
Уничтожение внутренних таможен	1753—54
Основание Московского университета (М. В. Ломоносов и гр. И. И. Шувалов)	1755
М. В. Ломоносов	1711—65
Участие России в Семилетней войне (Шорндорф, Кунерсдорф)	1757—61
Петр III	1761—62
Манифест о вольности дворянства	1762
Екатерина II	1762—96
Комиссия для составления нового уложения; «Наказ» Екатерины	1767—68
Начало выпуска «ассигнаций»	1768
Первая турецкая война (победы Румянцева и Орлова при Ларге, Кагуле и Чесме в 1770 г.); мир в Кучук-Кайнарджи	1768—74
Первый раздел Речи Посполитой	1772—73
Пугачевский бунт	1772—75
«Учреждения для управления губерний»	1775

Присоединение Крыма	1783
Жалованные грамоты дворянству и городам	1785
Вторая турецкая война (победы Суворова при Фокшанах и Рымнике (1789), взятие Измаила (1790)); мир в Яссах	1787—91
Второй и третий разделы Речи Посполитой	1793, 1795
Император Павел	1796—1801
«Учреждение об Императорской фамилии»	1797
Итальянский и швейцарский походы Суворова	1799
Имп. Александр I	1801—25
Присоединение Грузии	1801
Учреждение «Непременного» (государственного) совета	1801
Учреждение министерств	1802
Указ о свободных хлебопашцах	1803
Основание Харьковского и Казанского университетов и педагогического института в Петербурге (преобразованного в университет в 1819 г.)	1804
Первая война с Наполеоном (Аустерлиц, Фридланд); Тильзитский мир	1805—07
Война с Персией; Гюлистанский мир	1804—13
Война с Турцией; Бухарестский мир	1806—12
Война с Швецией; Фридрихсгамский мир	1808—09
Сейм в Борго; широкая автономия Финляндии	1809
План государственного преобразования, составленный М.М. Сперанским	1809
Учреждение Государственного Совета и преобразование министерств	1810—11
Нашествие Наполеона на Россию и Отечественная война (Барклай де Толли, Кутузов, Смоленск, Бородино, Москва)	1812
Война за освобождение Европы; Венский конгресс; «Священный союз»	1813—15
Присоединение к России «герцогства Варшавского» и образование «царства Польского» (с особой конституцией)	1815
Освобождение крестьян (без земли) в прибалтийских губерниях	1816—19
Международные конгрессы в Аахене, Троппау, Любляне, Вероне	1818—22
Восстание в Греции — начало борьбы за независимость	1821
Деятельность тайных обществ («Союз спасения», «Союз благоденствия», общества соединенных славян, «Северное» и «Южное»)	1816—25
Междуречье и декабрьское восстание в Петербурге	1825
Император Николай I	1825—55
Война с Персией; Туркманчайский мир	1826—28
Наваринская битва (у берегов Мореи)	1827
Война с Турцией; Адрианопольский мир	1828—29
Польское восстание	1830—31
Полное Собрание Законов Российской Империи (Сперанский)	1830

Свод Законов Российской Империи (Сперанский)	1833
Учреждение министерства государственных имуществ (гр. П.Д. Киселев)	1837—38
Присоединение униатов к православию	1839
Указ об «обязанных крестьянах»	1842
Введение «инвентарных правил» в Юго-Западном крае	1847
Венгерский поход	1849
Открытие Николаевской железной дороги (между Петербургом и Москвой)	1851
Восточная война (Синоп; осада Севастополя, адм. Нахимов, Корнилов, Истомин); Парижский мир	1853—56
Император Александр II	1855—81
Присоединение Амурского края (гр. Муравьев)	1858
Покорение Восточного Кавказа	1859
Присоединение Уссурийского края	1860
Освобождение крестьян от крепостной зависимости 19 февр.	1861
Либеральный университетский устав	1863
Восстание в Польше и Литве	1863—64
Судебная реформа	1864
Земские учреждения	1864
Покорение Западного Кавказа	1864
Взятие Ташкента	1865
Покушение Каракозова на жизнь имп. Александра II	1866
Туркестанское генерал-губернаторство (ген. Кауфман)	1867
Покорение Бухары	1868
Городовое положение	1870
Покорение Хивы	1873
Всеобщая воинская повинность	1874
Движение молодежи «в народ»	1874—76
Присоединение Кокандского ханства	1876
Русско-турецкая война (Скобелев, Гурко, Радецкий); Сан-Стефанский мирный договор; Берлинский конгресс	1877—78
«Земля и Воля» и «Народная Воля»; революционный террор	1876—79—81
«Верховная распорядительная комиссия» (гр. Лорис-Меликов)	1880
Убийство имп. Александра II	1 марта 1881
Имп. Александр III	1881—94
Взятие Геок-тепе (Скобелев)	1881
Законодательство в защиту фабричных рабочих	1882—86, 1897
Учреждение Крестьянского поземельного банка	1882
Отмена подушной подати	1883—85
Присоединение Мерва	1884
Новый университетский устав	1884
Учреждение Дворянского поземельного банка	1885
«Положение о земских участковых начальниках»	1889
Новое положение о земских учреждениях	1890
Начало сооружения Великого Сибирского пути	1891
Голод в Поволжье	1891—92

Новое городовое положение	1892
Заключение союза с Францией	1892
Император Николай II	1894—1917
Министр финансов С.Ю.Витте	1892—1903
Введение золотой валюты	1897
Занятие Квантунского полуострова (с Порт-Артуром)	1897—98
Основание «Российской с.-д. рабочей партии»	1898
Студенческое движение	с 1899
Гаагская мирная конференция	1899
Восстание «боксеров» в Китае и оккупация русскими войсками Маньчжурии	1900
Основание «Партии социалистов-революционеров»	1901
Русско-японская война (Ляоян, Порт-Артур, Мукден, Цусима); Портсмутский мир	1904—05
Революционное движение в России	1904—06
Земский съезд в Петербурге	ноябрь 1904
«Кровавое воскресенье»	9 янв. 1905
Учреждение Государственной Думы («Булыгинская дума»)	6 авг. 1905
Всеобщая забастовка	окт. 1905
Манифест о гражданских свободах и о предоставлении Государственной Думе законодательных и контрольных полномочий	17 окт. 1905
Образование Конституционно-демократической партии	окт. 1905
Манифест об отмене выкупных платежей	3 ноября 1905
Вооруженное восстание в Москве	дек. 1905
«Положения» о Государственной Думе и Государственном Совете	20 февр. 1906
Учреждение землеустроительных комиссий	март 1906
Первая Государственная Дума	27 апр.— 8 июля 1906
П.А. Столыпин — премьер-министр	1906-11
Указ о праве крестьян укреплять надельную землю в собственность	9 ноября 1906
(Соответствующий закон	14 июня 1910)
Вторая Государственная Дума	20 февр.— 3 июня 1907
Роспуск второй Думы и изменение избирательного закона	3 июня 1907
Третья Государственная Дума	1907—1912
Аннексия Австроией Боснии и Герцеговины	1908
Балканские войны	1912—13
Четвертая Государственная Дума	1912—17
Мировая война	1914—18
Волнения в Петрограде переходят в революцию	27—28 февр. 1917
Отречение имп. Николая II от престола	2 марта 1917

(Даты по старому стилю)

Список литературы и источников, использованных при составлении настоящей книги

C. M. Соловьев.
История России с древнейших времен, 29 томов (до 1775 г.).

B. O. Ключевский.
Курс русской истории. 5 томов.
Боярская Дума Древней Руси.

A. A. Корнилов.
Курс истории России XIX века. 3 тома.
Общественное движение при Александре II.

C. Ф. Платонов.
Лекции по русской истории.
Учебник русской истории.
Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.
Петр Великий. Личность и деятельность.

A. E. Пресняков.
Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь.
Т. 2, вып. 1, Западная Русь и Литовско-Русское государство.
Образование Великорусского государства.
Московское царство.

M. K. Любавский.
Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.

Под ред. **M. B. Довнар-Запольского.**
Книга для чтения по русской истории.— Русская история в очерках и статьях, 3 тома.

B. I. Сергеевич.
Древности русского права, 3 тома (2-й том: Вече и князь).

M. A. Дьяконов.
Очерки общественного и государственного строя Древней Руси.
Власть московских государей.

B. D. Греков.
Киевская Русь.
Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.

B. A. Рязановский.
Обзор истории русской культуры.

H. I. Костомаров.
Севернорусские народоправства.

I. I. Лаппо.
Западная Россия и ее соединение с Польшею.

P. Г. Любомиров.
Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—13 гг.

M. M. Богословский.
Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. 2 тома.
Петр I. Материалы для биографии, 5 томов.

В. И. Семевский.
 Крестьяне в царствование Екатерины II, 2 тома.
 «Великая реформа», т. VI.

Б. Глинский.
 Революционный период русской истории (1861—1881 гг.), 2 тома.

С. Ольденбург.
 Царствование имп. Николая II. 2 тома.

Гр. С. Ю. Витте.
 Воспоминания.

Ген. Н. Н. Головин.
 Военные усилия России в мировой войне. 2 тома.

П. Н. Милюков.
 История второй русской революции.

G. Vernadsky.
 Ancient Russia. 1943.
 Kievan Russia. 1948.
 Political and Diplomatic History of Russia. 1936.
 The Russian Revolution. 1932.

M. Karpovich.
 Imperial Russia. 1932.

B. Pares.
 A history of Russia. 1947.
 Day by with the Russian Army, 1914—15.
 The fall of the Russian Monarchy. 1939.

G. T. Robinson.
 Rural Russia under the Old Regime. 1932.

Полное Собрание Русских Летописей, изд. Археографической Комиссией:
 т. I Летопись по Лаврентьевскому списку (Лавр.)
 т. II Летопись по Ипатьевскому списку (Ип.)
 т. III—IV Летописи Новгородские (Новг.)
 т. IV—V Летописи Псковские (Пск.)
 т. V—VI Софийская летопись (Временник)
 т. VII—VIII Воскресенская летопись
 т. IX—X Никоновская летопись

Хрестоматия по истории русского права, изд. М. Ф. Владимировским-Будановым, вып. 1—2: Договоры первых киевских князей с греками; Русская Правда; церковные уставы первых христианских князей; Новгородская и Псковская судные грамоты; Судебники 1497 и 1550 гг.; уставные грамоты и т. д.

М. К. Любавский.
 Очерки истории Лит.-Русск. госуд. Приложения: Привилеи, выданные вел. княжеству Литовскому.

Литовские статуты 1529 и 1566 гг. (Временник Имп. Моск. об-ва Истории и Древн. Росс., кн. 18 и 23).

Памятники русск. истории, изд. Н. Н. Клочкива (Москва, 1909): духовные и договорные грамоты князей великих и удельных.— Памятники истории Великого Новгорода.— Акты, относящиеся к истории земских соборов.— Памятники истории Смутного времени.

Собрание государственных грамот и договоров. 4 тома.

Акты, собранные Археографическою Экспедициею имп. Акад. Наук.
4 тома.

Акты Исторические, 5 томов и Дополнения к ним.

Акты Юридические.

Акты, относящиеся до юридического быта, 3 тома.

Акты, относящиеся к истории Западной России, 5 томов.

В. Малинин.

Старец Елиазарова монастыря Филофей и его послания.

Приложения.

Переписка кн. А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным.

Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (Русск. Историч. Библиотека, т. XIII): Т. наз. «Иное сказание», Временник дьяка Ивана Тимофеева. Сказание Авраамия Палицына и др.

«Новый Летописец» (о Смутном времени), Временник Моск. Общ. Ист. и Др., кн. 17.

М. Дьяконов, изд. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве.

Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Вып. 1. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Б. И. Морозова).

Сборник грамот коллегии Экономии.

Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.

Житие протопопа Аввакума и его же Книга бесед.

Григорий Котошихин.

О России в царствование Алексея Михайловича.

Письма и бумаги императора Петра Великого

(многотомное издание, продолжаемое Академией наук СССР).

И. Т. Порошков.

Книга о скудости и богатстве.

Полное Собрание Законов Российской Империи (1-е собрание с 1649 до 1825 г.; 2-е с 1825 до 1881 г.; 3-е — с 1881 г. до конца Империи).

Екатерины II Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения.

М. В. Довнар-Запольский.

Мемуары (и проекты) декабристов.

П. И. Пестель.

Русская Правда.

Полный сборник платформ всех русских политических партий (1907).

Стенографические отчеты о заседаниях Государственной Думы.

Статистический ежегодник России за 1913—15 гг.

Изд. Центральн. Статистическ. Комитета МВД.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
1. Природа страны и ее влияние на ход русской истории	7
2. Исторические судьбы Русской равнины до образования Русского государства	10
3. Колонизация славянами Восточно-Европейской равнины	13
4. Быт, нравы и верования русских славян до образования Киевского государства и до принятия христианства	16
5. Соседи восточных славян (финны, литовцы, варяги, Византия, печенеги и половцы; немцы в Прибалтике). Варяги на Руси	18

Часть I ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Глава I. Киевская Русь

1. Образование Киевского государства и деятельность первых киевских князей. Олег, Игорь, Ольга, Святослав	23
2. Общий обзор деятельности первых киевских князей	27
3. Принятие христианства и его последствия	30
4. Христианское просвещение на Руси	36
5. Обзор событий от конца X в. до первых десятилетий XIII в.: а) Владимир Святой и Ярослав Мудрый	39
б) Время от смерти Ярослава Мудрого (1054) до татарского нашествия (княжеские усобицы и половецкие нападения)	41
6. Упадок Киевской Руси и его причины	47
7. Политическое устройство русских земель в XI—XII вв. а) Князь и княжеское управление	49

6) Организация военных сил в Киевской Руси	53
в) Вече	54
8. Социальный состав русского общества в XI—XII вв. (классы населения).	63
Глава II. Новгородская Русь	
1. Город Новгород Великий и территория Новгородского государства	66
2. Население и хозяйство	67
3. Развитие политической свободы и самостоятельности Вел. Новгорода	70
4. Государственное устройство и управление:	
а) Князь: договоры Новгорода с князьями	73
б) Вече	75
в) Администрация и суд. Совет господ	77
5. Церковь	78
6. Внешние отношения. Александр Невский:	
а) Западные соседи: шведы, немцы, Литва	80
б) Отношения с князьями сузdalьскими	80
в) Татары	81
г) Отношения с Москвой	82
7. Внутренняя борьба и конец новгородской независимости	82
8. Псков. Внутренний слой и внешние отношения	86

Глава III. Ростовско-Сузdalьская Русь.

Земля Галицкая. Татарское иго

1. Ростовско-Сузdalьская Русь. Удельный порядок	91
2. Земля Галицкая	95
3. Татарское иго	97

Часть II

МОСКОВСКОЕ

И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ

ГОСУДАРСТВА

Глава IV. Возышение Москвы (XIV—XV вв.)

1. Причины и условия возвышения Москвы	104
2. Москва и Тверь. Иван Калита и его сыновья (Симеон Гордый и Иван II)	106
3. Дмитрий Донской (1362—1389) и Куликовская битва (1380)	107
4. Преемники Дмитрия Донского: Василий I (1389—1425) и Василий II Темный (1425—1462).	
Политический и религиозный кризис середины XV века	109

5. Князья великие, удельные и служебные	111
6. Эпоха Ивана III (1462—1505). Рост территории Московского государства — объединение Великороссии. Начало борьбы с Литвой за западнорусские области. Падение татарского ига. Сношения с Западом. Василий III (1505—1533)	112
7. Возвышение власти московского государя. София Палеолог и наследие Византии. Москва — «третий Рим»	116
8. Социальный строй русского общества в XIV—XV вв. Вольные слуги и тяглое население.	118
9. Церковь в XIV—XV вв. Монастыри; монастырская колонизация и монастырское землевладение	121

Глава V. Великое княжество Литовское (Литовско-Русское государство) до Люблинской унии 1569 года

1. Литовские земли в XIII в. Миндовг. Гедимин (1316—1341) и образование великого княжества Литовского и Русского	125
2. Ольгерд (1341—1377), Ягайло и Витовт (1392—1430). Территориальный рост великого княжества Литовского. Федеративный характер государства. Отношения с Польшей (договоры об унии и попытки их осуществления)	126
3. Великое княжество Литовское в XV—XVI вв. Внешние и внутренние отношения. Национальная и религиозная рознь	130
4. Политический строй и административное устройство великого княжества Литовского в XVI в.:	
а) Господарь великий князь и центральные «уряды»	133
б) Паны-рада	134
в) Великий вальный сейм	135
г) Сеймики поветовые	137
д) Областное управление	138
е) Магдебургское право в городах	141
5. Социальный состав населения. Шляхта и крестьянство	142
6. Ливонская война. Люблинский сейм и уния 1569 г.	146

Глава VI. Эпоха Ивана Грозного (1533—1584)

1. Первый русский царь	148
2. Период внутренних реформ и внешних успехов (завоевание Казанского и Астраханского царств, начало Ливонской войны)	149
3. Опричнина; эпоха террора; митрополит Филипп; конец Ливонской войны	153
4. Царь Федор Иванович (1584—1598) и правитель Борис Годунов. Убийство царевича Дмитрия	159
5. Борьба с южными и восточными соседями в XVI—XVII вв. Оборонительные черты Московского государства на юге и юго-востоке	160

Глава VII. Смутное время Московского государства (1593—1613)

1. Предпосылки и причины Смуты	163
2. Царь Борис Годунов и Лжедмитрий I (1598—1606)	164
2. Василий Шуйский и социальная смута. «Тушинский вор»	167
4. Королевич Владислав. Поляки в Москве. Патриарх Гермоген	170
5. Первое земское ополчение	172
6. Второе земское ополчение (Минин и Пожарский). Освобождение Москвы и избрание на царство Михаила Романова	173
7. Общий ход Смуты, ее характер и последствия	176

Глава VIII. Семнадцатый век

1. Царь Михаил (1613—1645) и патриарх Филарет (1619—1633). Тяжелое положение государства. Борьба с Польшей и Швецией. Азовский вопрос	179
2. Царь Алексей Михайлович (1645—1676). Смуты в начале царствования. Соборное Уложение 1649 г. Медные деньги. Движение Разина	181
3. Западная Русь и Польша. Брестская церковная уния (1596 г.). Днепровское казачество. Богдан Хмельницкий. Борьба Москвы с Речью Посполитой за «Украину Малороссийскую»	184
4. Патриарх Никон. Исправление богослужебных книг и обрядов. Церковный раскол. Протопоп Аввакум	190
5. Донское казачество и Московское государство	193
6. Колонизация Сибири русским народом	196
7. Культурный перелом и необходимость реформ. Царь Федор Алексеевич (1676—1682)	199

Глава IX. Политический строй и административное устройство Московского государства в XVI—XVII вв.

1. Царская власть	201
2. Боярская дума	202
3. Земские соборы	204
4. Центральное управление. Приказы	209
5. Местное управление и самоуправление	210
6. Военная организация	215

Глава X. Социальный строй Московского государства в XVI—XVII вв. Служилые и тяглые люди

1. Боярство	218
2. Государевы служилые люди: дворяне и дети боярские. Поместная система	219

3. Крестьяне государевы и владельческие.	221
Происхождение крепостного права	
4. Городское население (посадские люди).	229
Государственное хозяйство	
5. Холопы и вольные гулящие люди	233

Часть III ПЕРИОД ИМПЕРИИ

Глава XI. Эпоха Петра Великого (1682—1689—1725)

1. Воспитание и характер Петра	234
2. Стрелецкий бунт 1682 г. и правление царевны Софии (1682—1689)	235
3. Молодые годы царя Петра (1689—1694).	
Азовские походы (1695—1696)	236
4. Заграничное путешествие Петра (1697—1698).	
Стрелецкий «розыск».	
Начало преобразований	237
5. Великая Северная война: Нарва (1700) и Полтава (1709). Основание С.-Петербурга (1703).	
Бунты на юге государства (1705—1708)	239
6. Прутский поход (1711 г.)	243
7. Окончание Великой Северной войны;	
Ништадтский мир (1721) и провозглашение	
Империи Всероссийской.	
Персидский поход (1722—1723)	244
8. Военная реформа: создание регулярной армии и военного	
флота	245
9. Преобразование центрального и местного управления	
(сенат; коллегии; губернии и губернские учреждения;	
городское управление)	247
10. Положение сословий. Табель о рангах.	
Дворянство, крестьянство, городской класс	250
11. Государственные финансы и экономическая политика;	
ее результаты	253
12. Церковное управление	256
13. Начало светского просвещения	258
14. Семейные дела Петра Великого.	
Царевич Алексей.	
Вопрос о престолонаследии	259
15. Оценка личности и деятельности Петра Великого	260

Глава XII. Эпоха дворцовых переворотов (1725—1741).

Царствование имп. Елизаветы Петровны (1741—1761)

1. Перемены на русском престоле после Петра Великого. Политическая роль гвардии	264
2. Внутренние дела в 1725—1761 гг. Административное устройство. Социальные отношения. Культурная жизнь	269
3. Внешние отношения в 1730—1761 гг. Участие России в семилетней войне	272

Глава XIII. Эпоха Екатерины II

1. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна	275
2. Царствование Петра III и переворот 28 июня 1762 года	276
3. Императрица Екатерина и ее сотрудники	277
4. Начало царствования. «Наказ» Екатерины и законодательная комиссия 1767—1768 гг.	279
5. Смуты внутри страны. Пугачевщина	282
6. Губернская реформа 1775 г. Жалованные грамоты дворянству и городам (1785 г.)	284
7. Положение крестьянства. Апогей крепостного права. Крестьянское землепользование (поземельно-передельная община)	287
8. Просвещение. Литературное движение. Появление интеллигенции	290
9. Внешняя политика. Две турецкие войны и их результаты. Присоединение Крыма (1783). Разделы польско-литовской Речи Посполитой. Император Павел (1796—1801)	293

Глава XIV. Царствование императора Александра I (1801—1825)

1. Первый период (1801—1805)	303
2. Внешняя политика до 1812 г.	306
3. М. М. Сперанский	308
4. Отечественная война 1812 г. Борьба за освобождение Европы. «Священный союз»	311
5. Внутренняя политика в 1815—1825 гг. Рост правительственной реакции; Аракчеев	315
6. Тайные общества. Декабристы	317

Глава XV. Царствование императора Николая I (1825—1855)

1. Внутренние мероприятия. Крестьянский вопрос	322
2. Общественные течения. Славянофилы и западники	326
3. Внешние дела. Восточная война 1853—1855 гг.	328

Глава XVI. Эпоха Великих реформ. Император Александр II (1855—1881)

1. Освобождение крестьян	334
2. Земское и городское самоуправление	337
3. Судебная реформа	338
4. Военная реформа: всеобщая воинская повинность	340
5. Просвещение и печать. Рост народного хозяйства	341
6. Внешняя политика. Рост государственной территории (Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ). Русско-турецкая война 1877—1878 гг.	344
7. Революционное движение с начала 60-х годов. Польское восстание 1863 г. «Народная воля» и убийство Царя-Освободителя	348

Глава XVII. Конец XIX и начало XX века (1881—1904—1905 гг.)

1. Внутренняя политика (сохранение абсолютизма, поддержка дворянского сословия, национализм)	354
2. Крестьянский вопрос. «Оскдение центра»	357
3. Развитие промышленности и рабочий вопрос	360
4. Революционные и либеральные течения. Социал-демократы и социал-революционеры	361
5. Внешняя политика в 1881—1903 гг.	366

Глава XVIII. Думская монархия (1905—1917 гг.)

1. Русско-японская война и революция 1904—1905 гг.	369
2. Государственная дума первого, второго и третьего созыва	376
3. Аграрная реформа Столыпина	382
4. Россия накануне первой мировой войны	387
5. Внешние отношения, мировая война 1914—1917 гг. и падение монархии	390

Хронологическая таблица 398

Список литературы и источников 406

Обзор русской истории

Сергей Григорьевич Пушкарев

Редактор Е. А. Юрлов
Художественный редактор А. Э. Михайлов
Корректор Л. И. Смирнова

Сдано в набор 17.05.93. Подписано к печати 21.06.93.

Бумага газетная. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 24,72.

Тираж 250 000 экз. (1-й завод: 1–100 000 экз.). Заказ 4120.

Издательство «Кавказский край».
355012, Россия, г. Ставрополь, пр. Октябрьской революции, 7

Компьютерный набор и верстка СМП «АВЕРС».

254214, Украина, Киев, пр. Корнейчука, 36
Типография издательства «Самарский Дом печати».
443086, Россия, г. Самара, пр. Карла Маркса, 201

